

МАРК МЭЭРОВИЧ
ЕВГЕНИЯ КОНЬШЕВА
ДМИТРИЙ ХМЕЛЬНИЦКИЙ

ИСТОРИЯ
СТАЛИНИЗМА

КЛАДБИЩЕ СОЦГОРОДОВ: ГРАДОСТРОИТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА В СССР 1928—1932 гг.

**Уполномоченный по правам человека
в Российской Федерации**

**Государственный архив
Российской Федерации**

Фонд «Президентский центр Б. Н. Ельцина»

**Издательство
«Российская политическая энциклопедия»**

**Международное историко-просветительское,
благотворительное и правозащитное
общество «Мемориал»**

**Институт научной информации
по общественным наукам РАН**

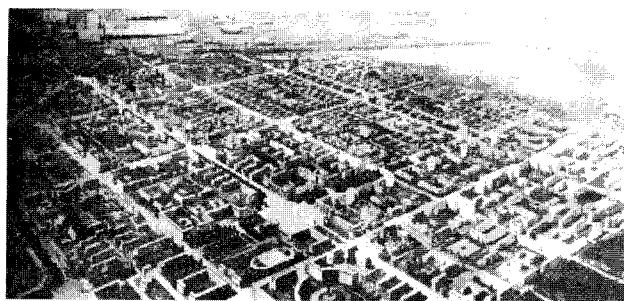

Редакционный совет серии:

Й. Баберовски (*Jörg Baberowski*),
Л. Виола (*Lynn Viola*),
А. Грациози (*Andrea Graziosi*),
А. А. Дроздов,
Э. Каррер Д'Анкокс (*Hélène Carrère D'Encausse*),
В. П. Лукин,
С. В. МIRONЕНКО,
Ю. С. Пивоваров,
А. Б. Рогинский,
Р. Сервис (*Robert Service*),
Л. Самуэльсон (*Lennart Samuelson*),
А. К. Сорокин,
Ш. Фицпатрик (*Sheila Fitzpatrick*),
О. В. Хлевнюк

МАРК МЕЕРОВИЧ,
ЕВГЕНИЯ КОНЫШЕВА,
ДМИТРИЙ ХМЕЛЬНИЦКИЙ

КЛАДБИЩЕ СОЦГОРОДОВ: ГРАДОСТРОИТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА В СССР 1928–1932 гг.

Москва
2011

УДК 94(47+57)(082.1)
ББК 63.3(2)614
М42

Меерович М. Г., Конышева Е. В., Хмельницкий Д. С.

М42 Кладбище соцгородов: градостроительная политика в СССР (1928–1932 гг.) / М. Г. Меерович, Е. В. Конышева, Д. С. Хмельницкий. — М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН) : Фонд «Президентский центр Б. Н. Ельцина», 2011. — 270 с. : ил. — (История сталинизма).

ISBN 978-5-8243-1518-9

В монографии рассматриваются ключевые моменты советской градостроительной политики начального периода индустриализации: дискуссия о соцрасселении и причины ее запрета; кампания по обобществлению быта и основания ее отмены; принципы выбора территории под строительство новых городов и недостатки, генетически заложенные в этих принципах; особенности планировочной организации соцгородов — центров территориальной организации населения, отражающие устройство структуры партийно-административного руководства советским обществом; типология массового жилища соцгородов-новостроек, соответствующая иерархии социальной структуры советского общества; принудительные миграции, как способ перемещения трудовых ресурсов в места освоения территорий; насильственная урбанизация, как результат осуществления расселенческой доктрины; формулы расчета нормативной численности населения соцгородов, воплощающие постулаты трудо-мобилизационной и военно-мобилизационной организации населения страны.

УДК 94(47+57)(082.1)
ББК 63.3(2)614

ISBN 978-5-8243-1518-9

© Конышева Е. В., Меерович М. Г.,
Хмельницкий Д. С., 2011
© Российская политическая
энциклопедия, 2011

ПРЕДИСЛОВИЕ

С детства каждый из нас, кто учился в советской школе или вузе, знал истину, которая была многократно повторена в различной литературе — исторической, научной, популярной и, конечно же, в учебной. Она общеизвестна. Мы старательно заучивали ее, готовясь к экзаменам по отечественной истории. Эта истина заключалась в том, что советская власть, осуществляя неустанную заботу о советском народе, все усилия и чаяния устремляла на то, чтобы создать в стране победившего социализма самые лучшие в мире условия жизни, отдыха и труда.

В конце 1920-х гг. партия и правительство приняли трудное, но мудрое и, как показала история, единственно правильное решение — ускоренными темпами осуществить индустриализацию. Сметая неисчислимые преграды, преодолевая все препятствия, борясь с хитрыми внутренними врагами и агентами мирового империализма, проникшими в руководство народным хозяйством и экономикой, напрягая все силы и волю, политическое руководство страной развивало промышленность. Для того чтобы изготавливать станки и машины, строить дома, хорошо одевать народ и вкусно его кормить, облегчать повседневный быт и улучшать среду городов. Собственно говоря, индустриализация и была затеяна для того, чтобы улучшить жизнь советских граждан, повысить их благосостояние, сделать их счастливее.

Прежде всего создавалась тяжелая промышленность. А как же иначе?! Сначала нужно добыть руду, выплавить металл, изготовить станки, а уже потом на этих станках производить мебель и одежду, велосипеды и швейные машинки, посуду и рукомоynyки, туфли и радиоприемники. Народ терпел невероятные лишения, прилагая все усилия к приближению светлого часа. И лишь совершенно неожиданно начавшаяся война с вероломным немецким фашизмом, не позволила достигнуть этого долгожданного счастливого будущего, сорвала планы партии и правительства по улучшению жизни людей.

Подле промпредприятий — «первенцев первых пятилеток» — должны были вырастать новые, красивые, современные города. Скорейшее разрешение жилищной нужды тех, кто возводил заводы-

гиганты, электростанции, строил железные дороги и шахты, рыл каналы и участвовал в появлении многих других промышленных и транспортных новостроек, было главной целью, на достижение которой партия и правительство неустанно направляли свои усилия. К сожалению, органы государственного управления СССР, которые планировали самым незамедлительным образом разрешить жилищную проблему, не смогли реализовать эти планы из-за непредвиденных материальных трудностей: *«...для запланированного в первой пятилетке строительства десятков индустриальных гигантов и благоустроенных соцгородов при них»* не нашлось денег, *«средств в государственном бюджете хватило только на промышленные объекты. В результате, вместо образцовых социалистических городов с полным набором объектов коммунально-бытового обслуживания пришлось в массовом порядке строить при индустриальных гигантах бараки, общежития»*¹.

В советской литературе за все годы существования СССР так и не появилось вразумительного ответа на вопрос, почему планирование осуществлялось так, что денег на жилье хронически «не хватало», почему советский народ жил хуже, чем в странах «загнивающего капитализма»? Причем, не только в тяжелые годы первых пятилеток, но и в послевоенные годы, и потом — в 1960-е, 1970-е, 1980-е... Почему жилищная нужда была одной из наиболее непреодолимых проблем? Почему в стране год за годом, пятилетка за пятилеткой, не выделялось в достаточном объеме средств не только на строительство жилья, но и на производство «товаров народного потребления», на наполнение прилавков магазинов «широким ассортиментом продуктов питания»?

В советской прессе широко освещались факты закладки новых архитектурных ансамблей или производственных объектов, прокладки транспортных магистралей или разработки новых месторождений. Но на фоне бравурных отчетов об объемах осуществленного строительства, о кубах вынутой рудоносной породы и срубленного леса, о километрах возведенных судоходных каналов и проложенных железных дорог, о введенных в строй все новых и новых мощностях заводов-гигантов, ответ на вопрос «зачем» всегда был чисто пропагандистским — «ради светлого будущего»! Никогда не спрашивалось о том, «куда все это девается», почему люди десятилетиями, а подчас и всю жизнь живут в неблагоустроенных домах, в нищете и в условиях хронического вещевого, продуктового и жилищного дефицита. Не анализировалось, почему, из каких соображений, принимаются те или иные планировочные, градостроительные, расселенческие решения. Все эти «почему» неизменно оставались как бы «за кадром», плотно затушевываясь идеологической завесой расхожих лозунгов, цитат, фразеологических штампов, политических формулировок.

Если информация посвящалась отдельному человеку, то это был, казалось бы, обычный человек, рядовой гражданин страны, такой же, как сотни и тысячи других. Хотя подобный «простой человек» на самом деле таковым не являлся, а был специально выбранным, специально проинструктированным, искусно изображенным. Если речь шла о городах и поселках, то наглядно демонстрировались и целенаправленно пропагандировались лишь те качества среды и примеры ее формирования, которые соответствовали идеологическим представлениям «о должном». Если речь шла о жилище, то это был рассказ о его доступности и комфортности, хотя, на самом деле, государство оставляло населению только один законный способ обретения жилища: на долгие годы встать в очередь по месту работы для получения его из общегосударственных фондов при обязательном условии добросовестной и долголетней выслуги на производстве, а также послушания и беспрекословного подчинения начальству.

Это была специальная «представительская», мифическая действительность, целенаправленно формируемая пропагандой, в которой повседневная жизнь поселений и ежедневное бытие людей были изображаемы с таким же искусством, с каким советское документальное кино «отображало» реалии советского общества. Т. е., на самом деле, — искаженно, парадно-лубочно, фальшиво, совсем недокументально. И никогда в рамках этой действительности не раскрывались истинные цели закладки новых городов, прокладки каналов и строительства железных дорог, возведения заводов-новостроек. Все это происходило как бы само собой. При этом любой человек, выросший в СССР или много читавший об устройстве советской власти, прекрасно понимал, что «само собой» в градостроительстве Советского Союза ничего не происходило, кроме, пожалуй, самостроя в деревнях и возведения «нахаловок» на окраинах городов. Любая мало-мальски значимая стройка, а уж тем более строительство нового города, было делом исключительно государственным, абсолютно подконтрольным и всецело управляемым. Тем более в условиях тотального государственного распределения финансовых, материальных ресурсов, строительных материалов, рабочей силы, транспортных мощностей и квот на разработку природных ископаемых.

В советской архитектурной науке, в градостроительных знаниях, слой фактического исторического материала присутствовал очень выборочно. Мы до сих пор непростительно мало знаем об условиях обычной жизни обычных людей в соцгородах в период первых пятилеток. Кто-то обитал в бараках и выкопанных в земле своими руками полуподземных жилищах, а кто-то жил в отдельных возводимых за счет государства коттеджах. Кто-то имел право получить квартиру в «доме специалистов», а кто-то лишь комнату в коммунальной

квартире. Кто-то обитал ввосьмером в комнатухе ведомственного общежития, а кто-то вынужден был вместе с семьей ютиться в арендованном сарае или в списанном товарном вагоне. Но в то же самое время точно такой же рабочий почему-то мог получить от администрации фабрики, на которой трудился, безвозмездную ссуду для выплаты паевого взноса в жилищный кооператив... Это не просто повседневность. Это реальное проявление жилищной и градостроительной политики советской власти.

С годами некоторые незыблемые устои заученной нами версии истории СССР, оказались сильно пошатнувшимися. В частности, исчезла уверенность в том, что в трудностях первых пятилеток виноваты окопавшиеся в СССР враги социализма, желавшие его крушения и сыпавшие для этого молотое стекло в бензобаки тракторов или коварно срывавшие календарные планы запуска доменных печей. Что причиной постоянных задержек с разработкой проектной документации являются инженеры, доказывавшие с расчетами в руках экономическую неэффективность возведения, например, Урало-Кузнецкого комплекса промышленных предприятий. Что именно архитекторы виноваты в том, что в городах строятся «суррогатные жилища», т. е. возводимые из досок с засыпкой строительным мусором или с обмазкой глиной. Правда, сами «враги народа» прояснить этих моментов уже не могли, так как к этому времени были либо расстреляны, либо, в большинстве своем, умерли в лагерях, либо (те, кто выжили) были запуганы настолько, что не желали ничего рассказывать даже ближайшим родственникам.

Померкло ясное понимание того, что *«иностранные фирмы, привлекаемые к проектированию и строительству предприятий тяжелой индустрии..., верные интересам империализма, использовали любую возможность, чтобы затормозить социалистическое строительство в СССР»*². Особенно сомнительным это представлялось после углубленного изучения роли иностранных специалистов в возведении гигантских плотин, мощнейших доменных печей, крупнейших промышленных комплексов, в разработке чертежей заводов-гигантов и генеральных планов поселений при них³.

Растаяла вера в слова о том, что в Советском Союзе в период 1930–1940-х гг. хронически не хватало строительных материалов для возведения жилья. Неопровержимые данные о невероятных объемах изготовленного за годы первых пятилеток вооружения, извлеченные в послеперестроечные годы из советских архивов⁴, а также сведения о количестве вывезенного за границу зерна (в самый разгар охватившего страну смертельного голода) с целью закупки на вырученные деньги военно-производственных технологий,

заставляли задуматься об истинных целях власти, о подлинном предназначении индустриализации, и о том, куда девались металл, древесина, резина, стекло, кирпич, цемент и проч.

Эта книга не об индустриализации, не о том, что основной задачей первых пятилеток было возведение военно-промышленного комплекса. Не о том, что осуществлялось это, действительно, благодаря максимальному напряжению всех сил народа. Не о мужественном преодолении людьми бытовых невзгод, не о пожизненных очередях в ожидании получения квартиры. Книга призвана рассказать широкому читателю о малоизученной странице истории советского градостроительства — о зарождении, расцвете и умирании Идеи — идеи поселений «нового типа», совершенно иных, нежели капиталистические города. Именно их обещала возвести для своего народа советская власть. Новые города, застроенные жилыми домами, совершенно другими, чем жилье капитализма, в котором совместно обитают дружные коллективы трудящихся фабрик, заводов и советских учреждений. С общественными столовыми, в которых вкусно и быстро, не теряя времени на приготовление еды, питаются рабочие и служащие. С просторными и светлыми зданиями школ, больниц, детских садов. С новыми фабриками и заводами, утопающими в зелени, потому что стремительно развивающаяся наука, разрабатывающая самые передовые в мире технологии, позволит избавиться от дыма, копоти, чада и вредных газов. Без трущоб, без контраста «центра» (где до революции среди самых лучших магазинов, ресторанов и кинотеатров обитали буржуи и прочие состоятельные люди) и «периферии» (где при царском режиме в неблагоустроенном самодельном жилье, среди непролазной грязи, ютились бедняки). С широкими улицами, по которым ходят праздничные демонстрации горожан, собираясь на огромных площадях или в Народных домах для обсуждения и совместного решения важных городских вопросов.

Советская власть, следуя заветам основоположников марксизма-ленинизма, обещала устранить присущую капитализму скученность проживания беднейших слоев населения. Обещала создать новые формы быта и отдыха, позволяющие человеку максимально эффективно ежедневно восстанавливать свои силы к новому трудовому дню — в специальных помещениях на заводах и в жилищах, снабженных книгами, играми, оборудованием для занятий наукой и спортом, на свежем воздухе — в парках культуры и отдыха. А также, эпизодически, в специальных санаториях для рабочих и служащих. Обещала создать общественный транспорт, быстро и комфортно доставляющий людей к месту работы.

Эта Идея вдохновляла все новые и новые поколения советских людей на бесконечную борьбу с бытовыми невзгодами, помогала

терпеть и ждать. Об этой Идее, о драматической судьбе светлого образа советских «городов будущего», «городов счастья» — настоящая книга.

Новые города нового общественного строя — социализма, так официально и назывались — «социалистические города», «соцгорода». Их возведение не было ни результатом последовательной эволюции теоретических воззрений, ни плодом естественной трансформации планировочных решений в постоянном процессе градостроительных поисков, ни итогом свободных дискуссий. Сформулированные советскими архитекторами-теоретиками 1920–1930-х гг. градостроительные идеи урбанизации и дезурбанизации, изложенные в концептуальных спорах на страницах профессиональной печати (какое-то время существовавшей довольно независимо), а также их предложения в отношении судьбы существующих и будущих городов в равной степени оказались не нужны власти. Она оказалась равнодушна к любым авангардным градостроительным теоретическим доктринам — урбанистические и дезурбанистические теории представлялись ей одинаково бессмысленными. Ей нужно было лишь одно — свободно манипулировать населением. А архитекторы, в ее понимании, должны были заниматься формированием среды, которая бы наиболее полно соответствовала этой задаче.

Соцгорода создавались таким образом, чтобы быть изначально приспособленными к задачам социального управления: содержали строго фиксированный социально-профессиональный состав и определенную расчетами численность населения, согласованную с нормативами и показателями планового распределения фондов материального и продуктового снабжения. Включали установленные свыше типы жилищ, основывались на конкретных планировочных структурах, включали конкретный список объектов обслуживания и т. п.

Объем потребных проектных работ для обеспечения строительных программ индустриализации был грандиозен. Власть остро нуждалась в целой армии профессионалов-архитекторов — послушных, готовых не задумываясь выполнять любые, самые противоречивые приказания, инициативных в скорейшем достижении поставленных перед ними задач, способных квалифицированно обеспечивать выполнение любых спускаемых сверху заданий. И власть практически осуществила эту непростую задачу — изменила традиционный строй профессионального мышления и характер практической деятельности архитекторов-градостроителей, создав общегосударственную систему проектного дела и превратив архитекторов и градостроителей в государственных служащих.

Несмотря на огромное количество специальной литературы, история возникновения, проектирования и воплощения идеи соцгорода

освещена очень фрагментарно, потому что со страниц монографий 1930–1980-х гг., посвященных градостроительству и архитектуре жилища, к читателю приходила лишь малая толика реальных проектирования и строительства жилища в соцгородах СССР. Количество публикуемой архитектурной и градостроительной информации отражало, скорее всего, не более 5–7 % того объема жилья, которое реально проектировалось и возводилось. Об остальном стыдливо умалчивалось. Или рассказывалось в мифологически-парадных интонациях.

«Методологическая привычка» советского времени идеологически приукрашать факты, мифологизировать реальность породила серьезную научную проблему — проблему отсутствия правдивых исторических знаний о реальных процессах формирования среды советских городов, о реальной типологии советского жилища, о содержании архитектурных замыслов и трудностях их практического воплощения, проблему, не только никак систематически не решаемую, но даже до конца не осмысленную и не поставленную.

Поразительной устойчивости официальной советской мифологии в отношении архитектурной профессии способствовала также и вопиющая неточность советской историографии в отношении жилищной и градостроительной политики. Причем в градостроительстве эта неточность была многократно усугублена нарастающей с начала 1930-х гг. «секретностью». Некоторые «крупные типологические разделы» проектирования и строительства соцгородов оказывались начисто «забытыми» как, например, массовое возведение бараков. А некоторые были искажены до неузнаваемости, как, например, технология поточно-конвейерного проектирования генеральных планов соцгородов, привнесенная в советскую систему массового проектного дела немецким архитектором Э. Маем. Некоторые получали разъяснение, не имеющее ничего общего с реальностью, например, причины запрета концепции города-сада или официального исключения из советской расселенческой доктрины частного усадебного жилища и ориентация государственных программ исключительно на многоэтажное и многоквартирное. Кроме того, официальная советская пропаганда совершенно сознательно искажала фактические данные о реальном положении дел. И часто одно выдавала за другое. Например, фотографии отдельно стоящих двухэтажных домов в обособленных поселках для партийно-советского руководства в соцгородах-новостройках она представляла как массовое жилище для простых рабочих. С ужесточением сталинского механизма цензуры на страницы архитектурных журналов могло проникать лишь то, что было официально согласовано и допущено для широкого ознакомления.

Именно на этих общедоступных, официально разрешенных к опубликованию 5–7% информации и основывались многочисленные исследования советского периода. Причем кто-то из их авторов искренне верил в те объяснения, которые давала власть, и старательно изучал в качестве массового жилья для рабочих те коттеджи и «полнометражные» квартиры, которые строились наркоматами для узкой прослойки своего руководства. Кто-то, конъюнктурно следуя за постоянно меняющимся «политическим курсом» и направленностью цензуры, вполне осознанно искажал подлинные причины появления очередных партийно-правительственных установок, отказываясь замечать проводимое властью отстранение основной массы профессионального архитектурного сообщества от участия в определении стратегии советской государственной жилищной и градостроительной политики. А кто-то, привычно абсолютизируя творческую составляющую деятельности советских архитекторов и видя в проектах и постройках лишь проявление определенных художественных взглядов, упрямо не желал обращать внимание на принудительность формирования стилистики советской архитектуры и стереотипов планировочной организации поселений.

В результате фактическое состояние советской жилищной и градостроительной политики сталинского периода оказалось так надежно сокрыто за пластами мифологизированного прошлого, что проще начинать реконструировать историю заново. Безусловно, на протяжении двух последних десятилетий наши знания об общем ходе и причинах событий истории советской архитектуры существенно обновились и расширились. Прежде всего, благодаря открытию архивов и публикации ранее неизвестных источников, а также созданию на их основе ряда фундаментальных исследований⁵.

История советской архитектуры и градостроительства, история отечественной архитектурной и градостроительной мысли, казалось бы, изучена настолько глубоко и основательно, что трудно найти тему, которой не заметило бы пытлиное око исследователя. Причем за годы советской власти она так часто и так основательно изменялась, интерпретировалась и переписывалась, что сегодня выбрать из существующих версий наиболее правдивую оказывается абсолютно невозможным. Если на сегодняшний день сталинский период развития таких сфер искусства, как литература, театр, кино, живопись оказался раскрыт более или менее подробно, то сфера архитектурного и градостроительного знания о периоде 1920–1940-х гг. до сих пор остается зоной, где властвуют старые шаблоны и штампы. Даже несмотря на то, что многие «привычные» и, казалось бы, незыблемые объяснения движущих сил и мотивов истории советской архитектуры уже перестали быть очевидными и, с крахом официальной

идеологии, отпали сами собой. Некоторые трактовки исторических событий, и раньше казавшиеся сомнительными, сегодня представляются совершенно смехотворными.

Так, например, любому архитектору, анализировавшему планировки жилых ячеек и разбиравшемуся в пространственной организации галерейных домов Секции типизации Стройкома РСФСР, всегда очень сомнительным казалось утверждение о том, что «советский конструктивизм был отброшен потому, что оказался бесплодной бумажной архитектурой», «изжил себя». Те, кто в подлиннике читал статьи, опубликованные в «Современной архитектуре», «Советской архитектуре», «Строительстве Москвы» (или в других, относительно независимых в середине 1920-х гг. архитектурно-строительных журналах), и был знаком с теоретическими и проектными предложениями представителей советского архитектурного авангарда, никак не могли согласиться с утверждением о том, что: *«... многие предложения, выдвинутые представителями АСНОВА, ОСА, АРУ и другими группировками, оказались преждевременными, оторванными от возможностей и потребностей текущего строительства. Их теоретическая содержательность была слишком абстрактной, поскольку проблема города, жилого дома, культурно-бытового здания рассматривалась чаще всего созерцательно, вне связи с конкретной экономикой, техническими возможностями страны и эстетическими идеалами трудящихся масс»*⁶.

Тем, кто самостоятельно читал выступления докладчиков первого Съезда советских архитекторов (а не знакомился с ними лишь во вторичных «научных рефлексиях»), а уж тем более тем, кого судьба забросила в архивы — изучать первоисточники, всем им было известно, чьими устами выговаривались те словесные шаблоны разъяснения событий, которые потом превращались в официальные формулировки, становились расхожими и, в конце концов, устойчиво повторяемыми «истинами».

Тем, кто сопоставлял постановления партии и правительства в области архитектуры с незамедлительно следовавшими за ними изменениями в риторике и призывах представителей высшего руководства профессией — крупных государственных чиновников от архитектуры, были очевидны причины поворотов и в направленности массового профессионального сознания, и в ориентации проектной деятельности. А также было вполне понятно, какими конкретными людьми, и в каких конкретных целях осуществлялась «переориентация архитектурного творчества». Но ни эти цели, ни эти люди (ни стоящая за ними «воля партии и мощь государства»), никогда не являлись в советской архитектурной историографии объектом исследования.

В итоге, нового знания — более исторически точного и правдивого — так и не возникало. И, как следствие, история советского зодчества (особенно сталинского периода) до сих пор продолжает оставаться «терра инкогнито», своеобразным «неприкосновенным запасом» отечественной архитектурной культуры.

Сейчас, когда живых свидетелей той эпохи почти не осталось, истину приходится выискивать в «бумажных первоисточниках»: оригиналах статей из журналов, газет и книг 1920–1930-х гг., в экспертных заключениях, в декретах органов власти, в ежегодных отчетах органов коммунального хозяйства, в протоколах заседаний госкомиссий и производственных собраний, посвященных разбору персональных дел, в материалах личных архивов представителей советского архитектурного авангарда, в служебных представлениях, докладных записках, политических доносах... Причем каждый из этих источников в отдельности не способен дать исчерпывающей картины. Потому что постановления партии и правительства прекрасно отражают идеологические установки, но не способны проявить фактического положения дел на стройках и в проектных конторах. Нормативные документы выражают «писанные» нормы, регулирующие проектную деятельность, но никак не отражают тех «неписанных» правил и «полунамеков свыше», которые, фактически, и предопределяли регулирование художественного самовыражения и вообще любые проявления творческого «я».

С начала 1930-х гг. и в последующие годы описания и изображения отдельных сооружений и генпланов поселений, заполнявшие страницы архитектурных журналов, в большей степени иллюстрируют официальные вкусы власти, чем личные профессиональные позиции авторов построек и проектов. Прочие же 90 % объема реальной проектной и строительной практики оставались, и, заметим, по-прежнему остаются практически не репрезентируемой и неизвестной областью.

Проектные материалы личных архивов и мемуары, которые мастера архитектуры (или их родственники) сочли возможным сдать на хранение в госорганы, великолепно отражают те вершины индивидуального творческого взлета архитектурной мысли, которых достигли их авторы. Но абсолютно не проясняют реального положения дел в советской архитектуре и истинных взаимоотношений между архитекторами, советскими и партийными руководителями профессией, студенчеством, проектировщиками среднего звена, различными органами в общегосударственной системе проектного дела и др. Самобичевания архитекторов — «виновников» рассмотрения персональных дел и «откровения» участников заседаний партийно-административных активов имеют малое отношение к реально

происходившим событиям, так как почти всегда люди вынуждены были говорить не то, что думали, а то, что от них требовалось.

Такое же малое отношение к реальности имеют содержания докладов на официальных мероприятиях, которые их «авторами» лишь озвучивались, а писались, как правило, специально сформированной группой, предварительно согласовывавшей свои тексты в органах партийной цензуры. И положения теоретических трактатов, якобы раскрывавшие «закономерности развития советского зодчества» и обосновывавшие постулаты о «позитивном воплощении принципов соцреализма», на самом деле, отражали не столько собственные убеждения авторов, сколько чутко схваченные настроения руководства и т. п.

Лишь совместное использование всех этих источников способно прояснить картину, в какой-то степени объективно отражающую процессы искусственного регулирования творчеством, происходившие в недрах сталинского режима. Без погружения в этот материал невозможно уяснить ни специфику сталинского периода, ни особенности предшествовавшего ему, ни характер последующего.

Официальная картина развития отечественного зодчества на протяжении всего советского времени трактовалась как последовательный и неуклонный прогресс. Она была стройной и всеобъемлющей. Теория и история советской архитектуры так умело полировали и закрашивали все шероховатости этой официальной версии развития советского зодчества, так убедительно раскрывали неуклонную заботу советской власти о советском народе и советских зодчих, что даже разглядеть противоречия, несуразности и нестыковки было сложно. А уж тем более — исследовать разрывы в строгом строе якобы незыблемых исторических закономерностей.

Хотя вопросы, буквально, лезли в глаза: зачем советская власть в первые же дни своего правления муниципализировала городское жилище? Почему при этом муниципализировала не все жилище и не во всех городах? Какими средствами принуждала архитекторов переориентироваться с проектирования особняковой застройки на многоэтажную, коммунального типа заселения? И для чего? Зачем упорно создавала коммунальное жилище и настойчиво (а порой даже принудительно) переселяла в него рабочих из собственных домов с окраин городов, реально ухудшая, а не улучшая их жилищные условия? Почему так упорно и повсеместно внедрялось покомнатно-посемейное заселение и по каким принципам специально для этого разрабатывались архитектурные проекты? Какую задачу выполняла правительственная кампания по «обобществлению быта»? Почему власть сначала активно провозглашала, но, в конце концов,

отказалась от идеи тотального обобществления быта и почему в столь жесткой форме зафиксировала свою официальную позицию в отношении проектов и реальных построек домов-коммун? Почему власть отказалась от всеобщего введения «коммуны» — формы существования трудо-бытовых коллективов? Какова была реальная типология основной массы проектируемого и возводимого жилища? Какие типы жилья были нормативно закреплены в советском законодательстве, регулирующем проектирование соцгородов, а какие проектировались, невзирая на нормативы (и почему)? Чем «жилище для всех» отличалось от «жилища для руководства»? Почему архитекторы, несколько лет подряд активно разрабатывавшие свои собственные инновационные подходы к проектированию жилых и общественных зданий и формировавшие собственный уникальный творческий метод градостроительного и объемного проектирования, вдруг одновременно «прозрели» и дружно обратившись к исторической архитектуре как к «источнику вдохновения», направили свои усилия на выработку «единого стиля советской архитектуры» (и почему кто-то отказался это делать)? Исходя из каких соображений И. В. Сталин награждал тех или иных архитекторов премиями своего имени? И в чем, собственно, заключалось «руководство архитектурным творчеством», осуществляемое Союзом советских архитекторов (вряд ли кто-то до сих пор верит в то, что он создавался для организации, прежде всего, клубной жизни и чтения публичных лекций)? Почему практическая реализация идеи городов нового «социалистического» типа оказалась далека от замысла? В чем заключалась официальная градостроительная политика, кто ее разрабатывал, как она концептуально закреплялась, как практически осуществлялась, в каких формах транслировалась от высших эшелонов власти к рядовым исполнителям? И еще многочисленные, подобного рода вопросы.

Советская жилая архитектура сталинского периода возникала в специфических условиях отсутствия того, что обычно называется «социальным заказом» и означает прямую и постоянную ориентацию производителей жизненных благ на интересы потребителей. В СССР распределение основных жизненных ресурсов осуществлялось централизованно из государственных фондов и по утверждаемым нормам. В том числе и распределение жилища. Советское население снабжалось им точно так же, как и продуктами питания, вещами, медицинским обслуживанием, пособием по старости или заслугам, льготами в получении материальных благ, т. е. по фиксированным квотам и в соответствии с местом, занимаемым конкретным человеком в служебной, должностной, партийной иерархии.

Этот процесс исключал свободу выбора и вида жилья, и места его расположения, его «количества» и «качества», т. е., фактически,

исключал свободу «потребления жилища». Жилье в советский период не было «собственностью» в подлинном смысле этого слова. Жители богатых ведомственных домов, точно так же как и обитатели бараков или землянок, не имели права выбора жилища по собственному вкусу (или сообразно своему образу жизни), и не могли влиять на характер появляющейся архитектуры, определяя ее планировку или стиль. У высокопоставленных слоев населения в сталинском государстве было, безусловно, больше привилегий, чем у низших, но никак не больше гражданских прав. Их заселение в роскошные многокомнатные квартиры с гостиными, комнатами для прислуги, кухнями-столовыми, террасами также, как и для всех остальных, всецело зависело от места в должностной иерархии или от воли начальства. Как, впрочем, и выселение из этих квартир — утративших связь с местом работы (по причине увольнения или ареста) с неизбежностью изгоняли из жилища.

Даже архитекторы — авторы проектов и сооружений «сталинского классицизма» фактически никак не могли влиять на «содержание» жилой архитектуры. Они имели право лишь варьировать элементами декора и внешней композицией фасадов зданий в рамках предписываемых на тот момент стилевых ограничений, но любые социально-типологические эксперименты в этот период оказались уже под запретом. Запрещены были не только самостоятельное определение типологии жилья и его стилистики, но и других «содержаний» архитектуры: планировочной структуры квартир и домов, состава помещений, количества квадратных метров жилья, предназначавшихся на душу населения, градостроительных принципов формирования селитьбы, состава объектов обслуживания, уровня благоустройства и технического оборудования территории и т. п. Все эти вопросы решались центральными инстанциями и транслировались в нормативных предписаниях ВСНХ, НКВД, НКТ, НКЗдрав и проч., а также в образцах, популяризируемых через архитектурную печать.

Сегодня, в условиях краха ортодоксальной версии истории советского градостроительства, неизбежно последовавшего за распадом советского общества, архитектурная наука оказалась перед задачей критического переосмысления мифов отечественной истории. Без разъяснения чиновничьих тайн и идеологических недомолвок, личных драм и групповых интриг, источников законодательных предписаний и политических запретов, абсолютно невозможно понять реальную траекторию эволюции советского жилища и «биографию» любого советского города. Необходимо, в свете новых архивных материалов, за счет обращения заново к первоисточникам — публикациям и документам прошлых лет создать картину исторических событий, скорее всего, значительно более противоречивую и сложную, чем

сглаженная и однородная официальная советская версия, но способную объяснить хоть какую-то часть из множества загадок советского прошлого. Сформировать историческое знание, пусть и не способное пока еще дать исчерпывающих ответов на все вопросы, но, хотя бы, не надуманное и не подверженное политической ангажированности, не подчиненное сиюминутным распоряжениям свыше, свободное от навязывания этических и политических оценок. Основывающееся на понимании того, что в СССР быть преуспевающим практикующим архитектором и уклоняться от выполнения установок партии и правительства, было совершенно невозможно. Что эволюция сталинской архитектуры в своих определяющих моментах была не столько естественным процессом, сколько системой действий принудительного характера.

Немецкий исследователь Л. Эррен, изучая вопиющее несовпадение содержания идеи «соцгорода» и реалий ее воплощения в уральских городах-новостройках в период первых пятилеток, назвал Урал «кладбищем социалистических городов»⁷. Рассматривая и сопоставляя сегодня идеологические призывы советской власти и ее практические действия, ее обнадеживающие обещания и реальные средства, выделявшиеся государством на строительство новых городов первых пятилеток, генеральные планы поселений и темпы их реализации, проектируемую и реальную типологию жилища, планируемые и фактически вводимые объемы жилья, несбывшиеся надежды и феномены повседневного быта; можно сказать, что вся страна, весь Советский Союз оказался «кладбищем мечты о соцгороде».

«Разрешите встать в строй, гражданин начальник?» — принудительность организации жизни и деятельности

В истории советской архитектуры бытует популярный миф о том, что продуктом фантазий советских архитекторов, увлеченных с начала 1920-х гг. социальными утопиями о переустройстве быта, стали в 1929–1930-х гг. проекты домов-коммун и обобществленного жилья: *«Принцип обобществления различных сторон быта и культурного обслуживания населения приобретал в работах архитекторов самые разнообразные формы, в частности появлялись предложения о строительстве домов-коммун, причем, в некоторых из них решение проблемы было доведено до крайности, вплоть до отделения детей от родителей и полного перехода на общественное воспитание»*⁸.

В реальности эти установки как обоснование для появления в конце 1920-х — начале 1930-х гг. проектов домов-коммун, жилкомбинатов, жилых комплексов и прочих предложений по новой организации быта возникли не столько в умах архитекторов, сколько были порождены в недрах партгосаппарата и разрабатывались, судя по словам основного автора концепции «казарменных соцгородов» Л. Сабсовича, по заказу ВСНХ: *«Печатаемая работа, — писал он в предисловии к своей книге «Города будущего и организация социалистического быта», — является лишь первой, предварительной работой, цель которой — привлечь к обсуждению поставленных в ней вопросов возможно более широкий круг рабочих и работников нашего народного хозяйства. По предложению Бюро экономических исследований ВСНХ СССР я продолжаю начатую работу в направлении более глубокой проработки затронутых в настоящей книжке вопросов организации социалистического быта с целью создания типового проекта поселения последовательно социалистического типа»*⁹.

Вовсе не потребность определиться в степени обобществления быта стала причиной развертывания последней в СССР свободной публичной дискуссии о перспективах развития советского градостроительства и архитектуры (позднее получившей название «дискуссии о соцрасселении»). Причиной было то, что в государственных кругах уже была инициирована идеологическая кампания отказа от индивидуального жилища, но при этом, единая политическая линия

пока отсутствовала, не была разработана и утверждена в Политбюро, как это было тогда принято в отношении программ общегосударственного масштаба.

И не «забегание вперед» в отношении обобществления быта стало причиной прекращения дискуссии, а то, что высшее руководство страны в мае 1930 г. приняло наконец-то окончательное решение о типологии, качестве, объемах финансирования, возведения селитбы в соцгородах-новостройках первой пятилетки, степени инженерного оборудования и т. п. Именно это решение, вылившееся в целый поток законодательных документов¹⁰, изменило направленность советской архитектуры, нормативно определило принципы планировки соцпоселений и вызвало драматические оргвыводы в отношении некоторых участников дискуссии, стоившие кому-то карьеры, а кому-то, впоследствии, и жизни. В условиях стремительного превращения архитектурной профессии в государственную службу на долю архитекторов выпадала либо миссия реализаторов, искренне уверовавших в идею, либо роль, пусть и не согласных, но смиренных исполнителей партийно-правительственных установок.

Теперь рассмотрим события в той хронологической последовательности, в которой они происходили.

7 ноября 1928 г. в «Торгово-промышленной газете» появляется статья Л. Сабсовича «Через 25–30 лет после Октября».

Леонид Сабсович — таинственная фигура, о которой очень мало известно. Он был сотрудником ВСНХ СССР, вероятно, заведовал отделом черной металлургии. Скорее всего, именно о Л. Сабсовиче вспоминает И. Л. Абрамович, пришедший в 1924 г. на практику в ВСНХ: «Затем нас распределили по отделам ВСНХ. Меня направили в отдел черной металлургии Планово-экономического управления, начальником которого был Гинзбург. Отдел черной металлургии возглавлял Сабсович ...»¹¹. В истории советской архитектуры Л. Сабсович известен как один из основных участников «дискуссии о расселении», проходившей в 1929–1930 гг. — главный представитель «урбанистов» и основной оппонент «дезурбанистов», позицию которых представляли Михаил Гинзбург и Михаил Охитович. Значение идей Л. Сабсовича далеко выходит за рамки архитектурной истории, в которой, кстати, его значение сильно переоценено. Одно верно — именно он сыграл роль официального могильщика идей дезурбанистов и беспочвенных надежд М. Гинзбурга, его единомышленников и всех тех, кто ратовал за массовое государственное строительство в СССР индивидуального жилища для рабочих. Его собственные концепции «соцгорода» и «соцжилища» подверглись со стороны высшего партийного органа власти — ЦК ВКП(б) — сокрушительному развенчанию на страницах постановления «О работе по перестрой-

ке быта»¹². После чего Л. Сабсович полностью исчез с политической арены и его следы затерялись.

Именно статья в «Торгово-промышленной газете» от 7 ноября 1928 г. ознаменовала начало стремительного, но краткого взлета Л. Сабсовича к вершинам всесоюзной известности. Она, по его собственным словам, была «первым вариантом гипотезы генерального плана»¹³. Словосочетание «генеральный план» ни в статье Л. Сабсовича, ни в общепринятой политической терминологии того времени не имело никакого отношения к градостроительству. Оно обозначало некоторую сумму общих идей и прогностических представлений о путях развития страны в целом. Собственно, данная статья и являлась изложением авторского прогноза развития государства, своеобразной авторской гипотезой перспектив построения социализма в СССР, «генеральным планом развития страны». Второй вариант этой гипотезы был издан в марте 1929 г. в виде отдельной книги под названием «Советский Союз через 15 лет». Книга вышла практически одновременно с состоявшимся 7–14 марта V съездом президиумов госпланов, созданным для рассмотрения начального, «отправного» варианта плана первой пятилетки. Л. Сабсович участвовал в съезде от имени ВСНХ (как, кстати, и В. Куйбышев) и в своем выступлении он (тоже, как и В. Куйбышев) защищал «оптимальный» план, т. е. тот, который в отличие от «отправного» был по требованию И. Сталина сильно увеличен. Этот «ускоренный» план пятилетки и был, в конце концов, официально утвержден XVI партконференцией 23–29 апреля 1929 г. под названием «Пятилетний народнохозяйственный план на период 1928/29 — 1932/33 гг.»¹⁴.

В августе 1929 г. после доклада В. Куйбышева на Президиуме ВСНХ СССР план был пересмотрен в сторону увеличения, причем, несмотря на очевидно невыполнимые показатели выпуска продукции: «... 14 августа Куйбышев выступил с докладом на Президиуме ВСНХ СССР, предложив увеличить в 1929/30 г. выпуск продукции на 28 %, и ВСНХ приступил к дальнейшему пересмотру заданий пятилетки. Согласно уточненному варианту плана, добыча нефти доводилась до 41,4 млн т вместо 21,7 млн, каменного угля — до 120 млн т вместо 75 млн, торфа — до 33 млн т вместо 12,3 млн, выплавка чугуна — 16 млн т вместо 10 млн, стали — до 19 млн т вместо 10,4 млн, производство проката — до 16 млн т вместо 8 млн, паровозов — до 1800 вместо 825, тракторов — до 201 тыс. вместо 55 тыс., и т. д. Сталину и готовившемуся занять место главы правительства В. М. Молотову этот вариант понравился, и было дано указание еще раз пересмотреть все задания, чтобы вновь увеличить показатели. Так появился вариант 1930 г.: добыча нефти должна была возрасти до 42 млн т, каменного угля — до 140 млн т, выплавка чугуна — до 17 млн тонн»¹⁵.

Деятельность Л. Сабсовича оказалась напрямую связана с борьбой И. Сталина за увеличение планов пятилетки. Было ли это случайностью, просто совпадением или заранее продуманной, хорошо спланированной пропагандистской операцией — остается ответить будущим исследователям.

За первым изданием книги «Советский Союз через 15 лет» (тираж неизвестен) в том же 1929 г. последовали еще два издания — соответственно тиражами 13 и 30 тыс. экземпляров. Подобные объемы изданий в момент жесточайшего цензурного прессинга и тотальной нехватки бумаги означали, что у автора имелась могучая поддержка наверху. Для сравнения, книга замнаркома просвещения РСФСР Николая Милютин «Соцгород», которая вышла годом позже, была издана в три раза меньшим тиражом — 7 тыс. экземпляров. В том же 1929 г. вышла еще одна книга Л. Сабсовича — «Города будущего и организация социалистического быта». Она представляла собой публикацию сделанного 11 июля 1929 г. Л. Сабсовичем доклада на заседании индустриально-технической и социально-культурной секции ВАРНИТСО (Всесоюзной ассоциации работников науки и техники для содействия социалистическому строительству, существовавшей с 1928 г. по 1939 г.). Доклад был опубликован также в журнале «Плановое хозяйство» (1929, № 7). На следующий год (1930) появилась его книга «Советский Союз через 10 лет», в том же году она вышла на французском языке в Париже. И в том же году вышла в свет еще одна книга Л. Сабсовича — «Социалистические города».

Здесь привлекает внимание даже не удивительная плодовитость автора, а та легкость, с которой в трудные для экономики СССР времена огромными тиражами непрерывно издаются книги одного и того же автора, причем по содержанию мало отличающиеся друг от друга. Без соответствующего распоряжения свыше подобное государственное финансирование и выделение лимитов на бумагу, типографскую краску и проч. в то время было совершенно невозможным.

Книга «Советский Союз через 15 лет» представляла собой пропагандистское сопровождение сталинских планов ускоренной индустриализации. Книга вышла в разгар борьбы в Политбюро между сталинской группой и «правой оппозицией», то есть группой Рыкова — Бухарина — Томского, безуспешно пытавшейся препятствовать принятию завышенных планов пятилетки. Она имела подзаголовок: «Гипотеза генерального плана как плана построения социализма в СССР». Во введении Л. Сабсович пишет: *«Причины, заставляющие меня выступить с такого рода грубой, недостаточно разработанной и, несомненно, далеко несовершенной гипотезой, заключаются в моем глубочайшем убеждении в том, что мы действительно в кратчайший*

исторический период догоним и обгоним передовые капиталистические страны, что в период, примерно 15 лет, мы действительно сможем построить социализм в нашей стране, и что поэтому генеральный план развития нашей страны мы должны составлять как план построения социализма.

Такого рода убеждение пока отнюдь не является широко распространенным. Если даже оставить в стороне такого рода представление о наших перспективах, как это высказал один из “заблудившихся” товарищей, а именно: “Страна наша мужицкая, армия—мужицкая, на индустриализацию уйдут столетия”, то нужно все же признать, что очень мало кто конкретно ставит себе вопрос, что значит в кратчайший исторический период догнать и обогнать передовые капиталистические страны, как конкретно представить себе построение социализма в нашей стране»¹⁶. Цитата снабжена сноской: «Цитировано по докладу А. Рыкова на собрании актива Ленинградской парторганизации 30/XI 1928 г.». Если учесть, что А. Рыков был в то время (и до конца 1930) председателем СНК СССР и членом Политбюро, можно себе представить какой мощной политической поддержкой обладал в тот момент Л. Сабсович. Причем, «заблудший товарищ» Рыков в подобном тоне цитируется в книге не один раз.

Л. Сабсович рисует фантастическую картину будущего процветания Советского Союза, возможную лишь при условии принятия сталинских планов. В главе «Эпоха великих работ и проблема создания нового человека» Л. Сабсович пишет: «Каковы масштабы этих “великих работ”? Для того чтобы более или менее конкретно представить себе это, достаточно сопоставить то, что мы имеем в настоящее время, с тем, что намечается по настоящей гипотезе генерального плана через 15 лет. За один 1942/43 г. мы должны будем выполнить следующие работы.

В промышленности мы должны будем построить такое количество фабрик и заводов, которые по стоимости их в ценах 1927/28 г. (а, следовательно, и по физическому объему) будут превышать стоимость всех ныне существующих фабрик и заводов в 5–6 раз, а размер капитальных работ 1927/28 г. будет превышать в 33 раза. Другими словами, если капитальное строительство, крупной промышленности 1927/28 г. по своим размерам равнялось примерно 7,5 Магнитогорским заводам, то капитальное строительство одного 1942/43 г. будет равняться постройке примерно 240 Магнитогорских заводов.

В электростроительстве за один 1942/43 г. мы должны будем построить такое количество станций и сетей, которое по физическому объему будет превышать весь основной капитал электрификации 1927/28 г. в 11,5 раз. Если капитальные затраты электрификации в 1927/28 г. по их объему можно приравнять примерно к 1,7 Днепро-

строям, то объем электростроительства за 1942/43 г. будет равняться примерно 48 Днепростроям.

В сельском хозяйстве, в котором капитальные работы в сумме около 1130 млн руб. в 1927/28 г. в распыленном виде производятся во многих миллионах крестьянских дворов, в 1942/43 г. будут произведены работы в крупных хозяйствах по физическому объему примерно в 19 раз большие и равные, примерно, удвоенному основному капиталу сельского хозяйства в настоящее время (без скота и жилых построек в том и в другом году).

В железнодорожном транспорте капитальные работы будут увеличены через 15 лет по физическому объему примерно в 19 раз, причем новых железных дорог должно быть построено в 1942/43 г. около 60 тыс. километров, что равно примерно 4 Туркестано-Сибирским жел. дорогам, или постройке свыше 4 сибирских магистралей за один год.

В местном транспорте капитальные работы по физическому объему в 1942/43 г. превысят капитальные работы 1927/28 г. более чем в 150 раз.

Капитальные работы в коммунальном хозяйстве в одном 1942/43 г. превысят нынешнюю стоимость всего основного капитала колхозов в 3,5 раза.

Наконец, жилищное строительство, которое в 1927/28 г. по размерам оценивалось в ту же сумму, что и все промышленное строительство, увеличится через 15 лет больше, чем в 20 раз и по стоимости (в ценах 1927/28 г.) превысит всю нынешнюю стоимость жилищного фонда примерно в 1,5 раза.

Это колоссальное строительство, которое за следующее четвертое пятилетие возрастет по объему еще примерно в 3,5—4 раза и о размерах которого в настоящее время трудно составить себе конкретное представление, означает действительно невиданную в мире "эпоху великих работ", которая начинается в зачатке уже в первом пятилетии, а полный расцвет получит, вероятно, уже за пределами генерального плана, в четвертом и в последующих пятилетиях»¹⁷.

В послесловии к третьему изданию Сабович сетует на маловеров и рисует еще более радужную картину: «Изложенная в книге "СССР через 15 лет" гипотеза генерального плана как плана построения социализма, составлена была мною в ноябре 1928 г., еще до того времени, когда был закончен декабрьский вариант контрольных цифр пятилетки ВСНХ и за несколько месяцев до составления Госпланом СССР отправного и оптимального вариантов пятилетнего плана народного хозяйства.

Когда в день одиннадцатой годовщины Октябрьской революции в Торгово-промышленной газете был опубликован первый набросок моей

гипотезы, значительно более умеренной сравнительно с гипотезой, изложенной в книге "СССР через 15 лет", этот набросок намечал увеличение продукции промышленности всего в 16 раз за 15 лет), он был встречен громадным большинством, как утопический роман, как "сон в летнюю ночь" — по выражению одного из моих товарищей по работе. <...>

Еще более сдержанно была встречена гипотеза генерального плана, опубликованная в моей книге "СССР через 15 лет", вышедшей в марте 1929 г. В этой гипотезе я позволил себе наметить несколько убыстряющийся темп роста промышленности — от 20 % ежегодного прироста продукции в начале пятнадцатилетнего периода до 27,5 % к концу этого периода. Эта проектировка давала увеличение промышленной продукции за 15 лет в 27,5 раз: при этом предположении мы через 15 лет должны были обогнать нынешний уровень развития САСШ и могли создать все предпосылки для построения социализма в нашей стране. Эта перспектива за 15-летний период обогнать передовые капиталистические страны, уничтожить классовое строение нашего общества и построить в СССР социализм — представлялась громадному большинству совершенно невероятной, фантастической, неосуществимой. Только в Госплане СССР, в Комиссии Генерального плана моя гипотеза была принята в качестве рабочей "гипотезы масштабов продукции", опубликована (первая половина) в журнале "Плановое хозяйство" и выпущена полностью отдельной книжкой под заглавием "СССР через 15 лет" <...>

Недавно я приступил к работе над пересмотром этой гипотезы. Но уже в настоящее время можно в грубых чертах определить, к каким общим выводам может привести этот пересмотр.

Если мы к концу первого пятилетия повысим ежегодный прирост продукции до 50 %, то для второго и третьего пятилетия можно принять удержание темпа на этом же уровне как минимум.

Это дает увеличение продукции за второе пятилетие примерно в 7,5 раза, а за первые 10 лет — увеличение продукции в 39–40 раз. Это значит, что уже за 10 лет мы сможем развернуть производство значительно больше тех размеров, достижение которых я намечал к концу третьего пятилетия, что уже через 10 лет, при условии мирного развития страны, мы сможем значительно обогнать нынешний уровень развития промышленности САСШ (по объему производства), а по уровню техники сможем его значительно обогнать и идти в уровень с САСШ, если только не обгоним эту страну, т. е. за короткий период создадим совершенно новый основной капитал промышленности по последнему слову науки и техники.

В области поднятия производительности труда мы должны удержаться на уровне не менее 25 % в год, т. е. как минимум на том уровне,

которого достигнем в последние годы текущего пятилетия. При этом условии мы за второе пятилетие будем иметь увеличение производительности труда втрое, а за первые 10 лет — увеличение в 8,5–9 раз, т. е. примерно то же увеличение (даже несколько больше), которое я намечал в своей гипотезе в период 15 лет.

Число рабочих должно будет увеличиться за 10 лет примерно в 4,5 раза, т. е. дойдет примерно до 10 млн человек в крупной промышленности. Реальная заработная плата сможет быть поднята минимум в 4 раза, а вероятнее всего — в 5–6 раз и реальный уровень жизни наших рабочих превысит нынешний реальный уровень жизни рабочих САСШ. Продолжительность рабочего дня мы сможем, вероятно, уменьшить к концу второго пятилетия примерно до 5 часов, установив наиболее приемлемую для жизни и работы трудящихся рабочую неделю; может быть, выдвигаемый в настоящее время проект трехдневной недели: 2 дня работать и третий — отдыхать или значительно увеличив продолжительность ежегодного отпуска до нескольких месяцев в году при меньшем сокращении продолжительности рабочего дня, может быть, только до 6 часов»¹⁸.

Развитие сельского хозяйства Л. Сабсович тоже рассматривает с точки зрения сталинских планов скорейшей коллективизации и тезиса об «усилении классовой борьбы»:

«Мою гипотезу генерального плана я составлял еще в то время, когда было только вынесено постановление об организации крупных государственных зерновых совхозов, и когда вопрос о машинно-тракторных станциях не был еще поставлен так широко, как он ставится в настоящее время. С тех пор произошел резкий сдвиг в оценке возможностей социалистической реконструкции сельского хозяйства. Прежде всего мы нащупали правильный путь этой социалистической реконструкции. Далее, строительство наших крупных государственных совхозов пошло настолько быстро и дало такие блестящие результаты, которых не ожидали даже самые горячие сторонники и наибольшие оптимисты этого дела. Наконец, текущий 1928/29 г. дал нам такой громадный стихийный рост колхозного движения, которого никто не решался предсказать еще несколько месяцев тому назад. Эти обстоятельства и общий анализ условий дальнейшего развития сельского хозяйства дают основание значительно изменить оценку возможных перспектив социалистической реконструкции сельского хозяйства. В своей статье «Революция в сельском хозяйстве и задачи промышленности» (Известия. № 160 от 16 июля 1929 г.) я дал следующую оценку этого сдвига и вероятных перспектив ближайшего будущего:

«В сельском хозяйстве — отсталом, раздробленном на 27 миллионов мелких крестьянских дворов, «деградирующем», по мнению правой оппозиции, — началась великая революция. Это нужно сказать прямо

и твердо. Эта революция происходит как в крестьянском хозяйстве, так и в миллионах крестьянских голов, которые рабочий класс и возглавляющая его коммунистическая партия заставили крепко задуматься над путями дальнейшего развития сельского хозяйства, над вопросом — куда идти. Можно с уверенностью сказать, что нет ни одного крестьянина в деревне, голова которого не работала бы усиленно над вопросами о коллективизации сельского хозяйства, об артелях, «коммуниях», об отношении советской власти к кулаку, о лучшей обработке земли, о повышении урожайности, о способах и путях улучшения своего положения и т. д. Пресловутый хозяйственный консерватизм крестьянства, питавшийся вековым рабством, получил громадную пробоину, подвергается коренной ломке. <...>

Кулацкая верхушка деревни, понимающая, что принятый и проводимый партией и советским государством твердый курс на коллективизацию крестьянского хозяйства угрожает ей неизбежной экономической гибелью, стала на путь резкого обострения классовой борьбы против диктатуры пролетариата, против советской власти и развивает бешеную агитацию, стремясь увлечь за собой среднее крестьянство. Хлебный саботаж и отдельные «диверсии» против наиболее передовых крестьян (расправы, убийства) и против коллективных хозяйств (поджоги и пр.) — это только первый этап классовой борьбы <...>.

Исход этого процесса может быть только один. В капиталистическом строе кулак хозяйственно является передовым элементом, он играет прогрессивную роль в отношении развития производительных сил. Поэтому он может идеологически вести за собой остальную массу середняцкого и бедняцкого крестьянства, которую он держит в экономической зависимости от себя. В наших условиях, в условиях образования крупного механизированного и химизированного государственного и коллективного сельского хозяйства, кулак, как и американский фермер в настоящее время в САСШ играет экономически реакционную роль. Трактор и крупное научно-организованное сельское хозяйство неизбежно будут бить и побьют кулака. И этот совершенно неизбежный исход экономической борьбы между кулаком и крупным сельским хозяйством также неизбежно и окончательно перетянет середняка на сторону крупного хозяйства, увлечет его на путь коллективизации своего хозяйства. Весь вопрос заключается в том, как скоро это будет»¹⁹.

То, что прямой задачей книжки Л. Сабсовича была поддержка сталинского курса, подтверждается предисловием к третьему изданию, написанным Н. Ковалевским, председателем Госплана СССР: «Еще первое издание этой книжки многими было встречено насмешливо и почти враждебно. Намеченные здесь темпы и масштабы казались

читателям фантастичными, нереальными. Однако не прошло еще и года со времени написания этой работы, как жизнь показала их полную реальность и осуществимость. Первый год пятилетия (28/29 г.) прошел с темпами, превышающими принятые в публикуемой гипотезе т. Сабсовича по валовой продукции промышленности на 4%, по капитальным вложениям в промышленность на 18%. Принятый VI съездом Советов пятилетний план развития народного хозяйства СССР проектирует 279% роста продукции планируемой промышленности за пятилетие 1928/29—1932/33 гг. (в ценах 1926/27 г.). Гипотеза т. Сабсовича намечает на первое пятилетие (в те же сроки и в тех же единицах) 263%. Тов. Сабсович проектировал вложения в госпромышленность — 14,17 млрд руб., а утвержденная съездом Советов пятилетка — 18,63 млрд руб. в неизменных ценах.

Но уже после утверждения пятилетки съездом Советов выдвинуты новые соображения, позволяющие повысить темпы роста валовой продукции промышленности при тех же вложениях с 279% роста за пятилетие более чем до 300. Соответственно, и контрольные цифры на 1929/30 г. проектируются уже с ростом продукции промышленности не 21,5%, а в 32,3%; капитальные вложения в планируемую промышленность проектируются в сумме 3,99 млрд руб. В 1928/29 г. они составляют 1,86 млрд руб. По гипотезе же т. Сабсовича они намечались для 1928/29 г. в 1,75 млрд руб., а для 1929/30 г. в 2,19 млрд руб.

Жизнь, так насыщенная содержанием, в нашу революционную эпоху уже успела жестоко насмеяться, но не над «фантастикой» тов. Сабсовича, а над скептиками и маловерами, не сумевшими и не умеющими до сих пор оценить творческой мощи стремительно идущего к социализму народного хозяйства СССР — великого детища великой пролетарской революции»²⁰.

В свою очередь о Л. Сабсовиче и Председателе Госплана СССР Н. Ковалевском в феврале 1930 г. также восторженно говорил Г. Кржижановский: «Нам, прежде всего, приходится выразить им благодарность за те рабочие гипотезы генплана, которые развиты ими каждым по-своему. Эти смелые пионеры дали нам благодатнейший материал для дискуссии». Однако Г. Кржижановский тут же уточняет: «Работы их — весьма полезный почин, но и только. Вспомните книжку т. Сабсовича «СССР через 15 лет». Читаешь эту книжку, и сердце радуется. Местами попадает в плен и рассудок, а разум — нет»²¹. По гипотезе Л. Сабсовича через 15 лет жилищный фонд СССР увеличится в 8 раз, через 20 лет, в 1947—1948 гг. — в 25 раз. Основные фонды коммунального хозяйства за то же время увеличатся в 16 и 40 раз. Л. Сабсович предполагал за первую пятилетку вовлечь в «общественный сектор» свыше 20 млн душ крестьянского населения (по переписи населения на 17 декабря 1926 г. в стране

было 120 700 000 крестьян). На ошибочность некоторых выводов из статистических исследований Л. Сабсовича, содержавшихся в его статье «Необходим резкий поворот» (За индустриализацию. № 318, 24.XII.1931 г.), также указывал С. Орджоникидзе на XVII конференции ЦК ВКП(б) в январе 1932 г.²²

Послесловие Л. Сабсовича к третьему изданию заканчивается злобешим в отношении «правой оппозиции» и вскоре вполне оправдавшимся предупреждением: *«...выдвинутые много в настоящей книжке задачи построения новых социалистических городов, организации социалистического быта и создания нового человека должны быть признаны задачами, к разрешению которых мы должны приступить немедленно и разрешить которые мы должны в кратчайший срок. Наследие старого еще цепко держит нас в своих руках, тянет нас назад, мешает нам стать на новый, правильный путь нашего развития. Этому старому, рутине, консерватизму, неверию должна быть объявлена беспощадная борьба. Новую жизнь может строить только тот, кто сбросил с себя эти путы старого, кто научился смотреть вперед и видеть, “осязать” наше ближайшее будущее. Кто этого не сумеет сделать, кто не сумеет быстро переделать себя, не окажется способным идти в ногу с жизнью, в ногу с рабочим классом, тот будет выброшен в мусорную яму истории. В этот мусорный ящик история выбросила недавно троцкистскую оппозицию, как она в свое время выбросила в него меньшевиков и эсеров. В этом мусорном ящике рискуют оказаться скоро и все малoverы из правой оппозиции, которые, стремясь свернуть партию с пути быстрой индустриализации страны, пытаются остановить колесо истории, все убаюкивающимся темпом ведущее нас к развитию социализма в нашей стране»*²³.

Грандиозный экономический блеф Л. Сабсовича, явно придуманный и растиражированный по заказу сталинской группы, имеет несомненное отношение к утопической кампании по массовому конкурсному проектированию соцгородов с обобществленным бытом в 1929–1930 гг.

Проблема «обобществления быта» из уст Л. Сабсовича впервые прозвучала в его предельно демагогическом выступлении 12 марта 1929 г. на V съезде президиумов генпланов: *«Возьмем новые заводы, которые мы строим, скажем, Магнитогорский или Криворожский, или Днепропетровский комбинат. Мы строим их в малонаселенных местах, где надо создавать рабочие поселки почти на совершенно чистом месте. Мы создаем эти заводы на основе самой передовой техники и получаем иногда наиболее совершенный тип. Другими словами, в этих отдельных пунктах мы можем и должны уже в этом пятилетии догнать, а иногда как будто и перегнать передовые капиталистические страны. И вот спрашивается, какую же производительность*

труда мы должны наметить хотя бы в том же Магнитогорском заводе? Если мы строим завод по последнему слову техники, то почему производительность труда на нем должна быть ниже, чем в передовых капиталистических странах? Наоборот, мы должны взять эту производительность труда как м и н и м у м. Основной аргумент состоит в том, что мы не имеем такого рабочего, которого имеют передовые капиталистические страны — не только в смысле подготовки, но и в смысле условий его жизни. Но это значит только то, что мы должны создать такие условия жизни, чтобы получить такую же производительность. Если мы считаем, что социалистическая организация народного хозяйства имеет громадные преимущества перед капиталистической, что она производительнее, дешевле, экономнее и потому она неизбежно должна победить, — то мы должны сказать, что и социалистический быт тоже должен быть экономнее, дешевле, чем быт капиталистический, и поэтому он должен победить. Если мы при этих новых заводах будем строить поселки социалистического типа, по типу обобщественного быта, если мы освободим женщину-работницу от забот о домашнем очаге, от забот о воспитании детей, — то мы сможем поставить рабочего в несравненно лучшие условия, чем это намечено сейчас. Я проделал исчисления, хотя самые грубые; на каждого члена рабочей семьи может быть затрачено в социалистическом поселке в 2–3 раза больше, чем при других условиях, при той же общей сумме затрат на жилищное строительство. Кроме того, нужно принять во внимание, что все трудоспособные члены семьи рабочего также будут заняты на работе и будут иметь свой заработок. Эти исчисления показывают, что при социалистической организации поселка уровень жизни может быть повышен в 2–3 раза. И таким образом, к последнему слову техники на наших новых заводах будет присоединен рабочий европейского уровня»²⁴.

Советские рабочие в массе своей в этот период обитали в коммунальных условиях — по одной семье в каждой из комнат многоквартирных квартир, экспроприированных у буржуазии, или все вместе в бараках-казармах. Но при этом никаким общественным обслуживанием они обеспечены не были. Обещание освободить женщину от тягот домашнего очага благодаря «обобществлению быта», включить ее в полноценный труд, увеличив, тем самым, семейный бюджет вдвое, было весьма заманчивым. Но Л. Сабсович не предлагал рабочим делать самостоятельный выбор: жить ли им в индивидуальном жилище или в «поселке социалистического типа с обобщественным бытом». Он констатировал: чтобы СССР не отстал от Америки и других передовых стран, для того чтобы «социалистическая организация народного хозяйства» победила, рабочие должны жить в таких условиях, которые будут «экономнее и дешевле, чем быт капиталистический».

Как покажет время, эта установка, реализованная на государственном уровне, приведет к официальному отказу власти от строительства индивидуального квартирному жилью и замене его более дешевым — общежитиями и коммунальными квартирами, где ведение нормального домашнего хозяйства и традиционная семейная жизнь окажутся абсолютно невозможными. Этим и объясняются призывы к скорейшему строительству бань, столовых, фабрик-кухонь, детских садов, яслей, консервных заводов и проч.

В книге Сабсовича «СССР через 15 лет» «обобществлению быта» и перспективам жилищного строительства посвящена отдельная глава под названием «Культурная революция и обобществление быта». В ней автор напрямую связывает успехи индустриализации с тотальным изменением образа жизни человека и, в первую очередь, с упразднением «домашнего хозяйства»: *«Наличие материальных и социальных предпосылок в виде весьма высокого уровня развития производительных сил, уничтожения классов и обобществления всех орудий и средств производства, еще недостаточно для построения социалистического общества. Нужна еще культурная революция — нужно совершенно переделать человека, а для этого необходимо совершенно изменить бытовые условия и формы существования человечества. Условия быта должны быть изменены, прежде всего, в том направлении, что должно быть уничтожено индивидуальное домашнее хозяйство, тот “домашний очаг”, который всегда являлся и является источником рабства женщины. Произведенное выше исчисление того, какое количество трудящихся должно быть занято в различных отраслях общественного труда в 1942/43 г. приводит к выводу, что даже при весьма быстром поднятии производительности труда недостаток в рабочих руках может быть преодолен через 15 лет только при том условии, если все трудоспособные в возрасте от 21 до 49 лет — и мужчины и женщины — будут заняты общественно-обязательным трудом. Следовательно, полное освобождение женщины от домашнего рабства и уничтожение индивидуального домашнего хозяйства является не только задачей, которую желательно осуществить к концу генерального плана, но задачей, положительное разрешение которой является неизбежной необходимостью, одной из важных предпосылок возможности осуществления других основных задач генерального плана и прежде всего запроектированного развития производительных сил всего народного хозяйства»²⁵.*

Будущее жилищное строительство Л. Сабсович описывает таким же радужным и фантастическим образом, как и перспективы индустриализации в целом: *«Стоимость всего жилищного фонда в 1927/28 г. исчисляется Госпланом СССР в сумме около 24 млрд руб., в том числе стоимость городского жилищного фонда исчисляется*

в сумме 13,3 млрд руб. (включая промышленный жилищный фонд), а сельского — в 10,8 млрд руб. По излагаемой гипотезе генерального плана стоимость жилищного фонда через 15 лет, т. е. в 1942/43 г., может быть доведена до 200 млрд руб. (в тех же ценах 1927/28 г.), т. е. по физическому объему жилищный фонд может быть увеличен в 8,3 раза. В 1927/28 г. на душу населения приходилось 161 руб. всего жилфонда; в 1942/43 г. эта цифра увеличится до 1020 руб., т. е. примерно в 6,5 раз. Однако нужно отметить, что в 1927/28 г. между жилищным фондом города и деревни существовал большой разрыв: в городе на 1 душу населения приходилось жилфонда на 437 руб., тогда как в деревне — всего 91 руб., т. е. почти в 5 раз меньше. Правда, в деревне постройки стоят и оцениваются дешевле, так что по физическому объему (или по площади пола) разрыв будет несколько меньше, но все же разрыв этот несомненно является чрезмерным. Если считать, что через 15 лет тип, качество и стоимость постройки жилищ в городе и в деревне примерно сравняются, то в среднем на душу населения придется жилфонда на 1020 руб., т. е. на 1 душу городского населения сумма жилфонда увеличится примерно в 2,5 раза, а на душу сельского населения — примерно в 11 раз; при увеличении же стоимости жилфонда на 1 душу городского населения в 3 раза, увеличение на 1 душу сельского населения составит примерно 6,5 раз. И в том и в другом случае увеличение жилфонда на 1 душу населения является достаточно внушительным. Если же принять во внимание, что за один 1942/43 г. мы сможем вложить в жилфонд 35 млрд руб. (по ценам 1927/28 г.), т. е. значительно больше, чем стоимость всего жилфонда в 1927/28 г., то станет ясно, что в последнем пятилетии генерального плана мы действительно сможем в значительной мере снести существующие города и деревни и строить вместо них поселения иного типа, приспособленного к обобществленному быту трудящихся. К этому нужно прибавить, что и основные фонды коммунального хозяйства увеличатся с 2,5 млрд руб. до 40 млрд в 1942/43 г. по тем же ценам.

Таким образом мы окажемся в состоянии более или менее удовлетворительно справиться с задачей радикально изменить жилищные условия трудящихся СССР, “снести с лица земли” все существующие города, села и деревни в их теперешнем виде и построить вместо них новые поселения — здоровые, культурные, приспособленные для осуществления обобществленного быта и этот быт создающие. Но в третьем пятилетии эта задача может быть разрешена лишь, так сказать, вчерне. Наибольшие работы и достижения в этом направлении могут иметь место, по-видимому, в четвертом пятилетии, к концу которого, по моим исчислениям, жилищный фонд может быть увеличен до 1600 млрд руб. (в неизменных ценах 1927/28 г.), т. е. увеличится примерно в 25 раз по сравнению с 1927/28 г., а основные фон-

ды коммунального хозяйства могут быть увеличены до 100 млрд руб. (в той же оценке), т. е. могут быть за 20 лет увеличены в 40 раз. В четвертом пятилетии, которое я отношу уже к социалистическому периоду нашего существования, работы по радикальной перестройке всех жилищных условий существования человечества могут быть поставлены в исключительно грандиозных размерах и дадут такой эффект, который в настоящее время трудно даже приблизительно себе представить»²⁶.

Обязательное условие этого процветания — обобществление быта и уничтожение семейной жизни в какой бы то ни было форме: «Уничтоженное индивидуальное домашнее хозяйство должно быть замещено общественным обслуживанием основных потребностей трудящихся. Громадные фабрики-кухни — в количестве, достаточном для обслуживания всего населения, — должны полностью заменить домашнее приготовление пищи; это в значительной степени улучшит питание населения и в громадной степени удешевит его. Не только для приготовления пищи, но и для наиболее удобного питания населения должен быть создан соответственный, достаточно сложный и механизированный аппарат: организация обширных общественных столовых в местах работы, в местах отдыха, в яслях, в учреждениях общественного воспитания и т. д., громадное расширение и усовершенствование консервной промышленности и т. д.; в целом ряде случаев окажется необходимой и наиболее целесообразной механическая доставка готовой пищи “на дом” и т. д.

Общественные механические прачечные, оборудованные технически совершенными машинами (такие прачечные уже имеются в настоящее время и в Америке, и в некоторых странах Западной Европы), дезинфицирующие, стирающие, высушивающие и выглаживающие белье в срок в несколько десятков минут, должны совершенно упразднить домашнюю стирку белья. Общественные бани, общественные бассейны и души, устроенные в местах работы, отдыха, учения и т. п. и доступные для всех трудящихся в любое время, упразднят необходимость домашнего приготовления ванн и пр. Фабрики одежды и белья и механические почилочные фабрики должны совершенно упразднить необходимость домашней пошивки и починки одежды и белья, отнимающей ныне так много времени и труда, главным образом, у женщин. Наконец, механизация уборки и чистки жилых помещений также освободит, опять-таки главным образом женщину, от необходимости тратить немало труда на индивидуальную уборку жилища. Таким образом все то, что в настоящее время создает необходимость в существовании индивидуального домашнего хозяйства и привязывает к нему женщину, должно быть к концу генерального плана уничтожено. Но этого мало. Одной из причин, поддерживающих существующие

формы быта, является индивидуальное воспитание маленьких детей отдельно в каждой семье. Это — зло как для детей, подвергающихся воспитательному воздействию родителей, далеко не умеющих воспитывать, так и для родителей, в особенности для матерей, принужденных отдавать этому делу очень много времени и сил и лишенных, вследствие этого, возможности заниматься трудом или общественной работой. С этим злом мы уже начали бороться организацией яслей, детских садов и площадок, увеличением количества школ и т. д. Но в настоящее время мы еще бедны и пока в этом направлении делаем первые шаги. Через 15 лет, если нам не удастся еще полностью обобществить воспитание, т. е. полностью воспитывать детей с самого раннего возраста в специальных государственных учреждениях и на государственные средства, то, во всяком случае, организация домов ребенка, яслей, детских садов и пр., а в значительной части также и полное обобществление воспитания, должны быть поставлены в таких широких размерах, чтобы на дневное время полностью освободить всех женщин от заботы о детях, а значительную, может быть, большую часть женщин и вообще совершенно освободить от непосредственных забот о своих детях, предоставив их физическое и умственное воспитание государству, которое сможет организовать это дело значительно более рационально и целесообразно как для самих детей, так и в интересах всего общества.

Наконец, широкая организация общественных зданий для занятий в свободное от обязательного общественного труда время («дворцы науки», библиотеки, читальные залы, отдельные кабинеты для занятий и т. д.) и для отдыха в свободное от труда и от занятий время (клубы, физкультурные залы и площадки, сады или специальные оборудованные террасы для отдыха на свежем воздухе и т. п.), — все это совершенно упразднит необходимость и какой бы то ни было смысл обособленной жизни отдельных семей в изолированных и специально оборудованных для «домашнего очага» квартирах и домиках»²⁷.

11 июля 1929 г. Л. Сабсович на заседании индустриально-технической и социально-культурной секции Московского отделения ВАРНИТСО сделал доклад «Проблема города»²⁸. Доклад был опубликован в журнале «Плановое хозяйство» (№ 7, 1929), и в том же 1929 г. вышел отдельной брошюрой под названием «Город будущего и организация социалистического быта»²⁹.

В докладе и книге Л. Сабсович излагает принципы нового коммунального быта и, как формулирует С. О. Хан-Магомедов, намечает «...общую программу замены существующей системы поселений с ее развитой иерархической структурой (от деревень до крупнейших городов) на некую усредненную по размерам систему, в которой размеры поселений привязаны к потребностям в рабочей силе крупных

промышленных и сельскохозяйственных производств. Это усреднение поселений Л. Сабсович видит на путях разукрупнения городов и укрупнения сел»³⁰.

Такой подход полностью соответствовал задачам индустриализации и представлял собой основной градостроительный принцип сталинской эпохи: новые промышленные предприятия должны строиться там, где это экономически выгодно с точки зрения обеспечения сырьем и энергией. Рабочее население в эти места должно было поставляться плановым образом в строго необходимом количестве, определяемом потребностями промышленного производства в трудовых ресурсах. Характерные для советской прессы и пропаганды начала 1930-х гг. лозунги о необходимости формирования некоего нового, лучшего, чем раньше, человека, исполняли роль идеологического прикрытия задач комплектования городов-новостроек трудовыми ресурсами. Обитать эти «ресурсы» должны были в поселениях, возводимых подле градообразующих предприятий, прежде всего для того чтобы обеспечивать их бесперебойное функционирование. Городу как самостоятельному, свободно растущему поселению, с жителями, обладающими правом выбора места работы, рода занятий, места жительства, форм досуга, возможностью свободного передвижения по стране в такой системе места не оставалось.

Л. Сабсович проговаривается о том, что новые социалистические города предназначены для размещения подневольного населения и их организация должна выражать специфику именно принудительного труда с приказным распределением «функций населения» — одни работают, другие готовят пищу, третьи воспитывают детей: *«Главное, что будет отличать поселения социалистического типа от современных городов и деревень, это то, что те многообразные различные функции обслуживания быта трудящихся, которые объединены в едином домашнем хозяйстве каждой семьи, будут разделены и будут обобществлены. Организация каждой из этих функций будет представлять самостоятельную отрасль, самостоятельную задачу, которая будет выполняться специальной организацией...»³¹.* Самоорганизация населения в соцгородах предусматривается лишь в форме заранее запланированных и старательно отрежиссированных инициатив по перевыполнению заданий, поставленных свыше. Самодеятельность и частные инициативы по разворачиванию каких-либо несанкционированных свыше функций — исключаются.

Жилищная проблема, согласно Л. Сабсовичу, в перспективе должна решаться за счет строительства общежитий для взрослых, где каждый получает по комнате, предназначенной только для сна: *«Собственно, жилые дома должны будут служить только для жилья, притом только для жилья взрослых, т. к. проблема жилья для детей*

должна быть разрешена особо, — в связи с вопросом об общественном воспитании детей... По-видимому, основным типом жилищ (исключения, конечно, всегда возможны) будут громадные дома, снабженные всеми удобствами, электрифицированные и теплофицированные за счет энергии и тепла, получаемых от ближайшего предприятия (электротеплоцентрали), оборудованные лифтами, приборами для механической уборки помещений (пылесосами и пр.), ваннами и душами, может быть, площадками для физкультурных упражнений перед сном и после сна и т. п. Несомненно, можно будет вполне обеспечить каждому взрослому трудящемуся не менее одной отдельной комнаты, соответственным образом меблированной»³². В условиях массового обитания жителей существующих городов в коммунальном жилище, а первостроителей городов-новостроек — в бараках и землянках, слова об «отдельной комнате» звучат, как заманчивая перспектива. Дома на одну семью категорически исключаются: «Идея постройки изолированных маленьких домиков для отдельных семей, обладающая весьма привлекательными чертами для мелкобуржуазного, индивидуалистического быта, в поселениях социалистического типа не будет иметь под собой почвы, и, как правило, не может быть применена. Таких отдельных домиков просто нечем будет заполнить, ибо с этими «домиками» неизбежно ассоциируется отдельная кухня, отдельная столовая, отдельная комната для детей и т. д. Устройство таких изолированных домиков будет невыгодно, а жизнь в них будет неудобна, а поэтому и мало привлекательна»³³.

Нет места в этой системе и домашнему воспитанию детей: «... воспитание детей с самого раннего возраста может быть рационально организовано только как общественное воспитание. ... В социалистических условиях, при обобществлении воспитания, дети уже не будут являться «собственностью» родителей: они будут «собственностью» государства, которое возьмет на себя все задачи и заботы о воспитании детей. Поэтому первым следствием обобществления воспитания, как это уже было указано выше, должно явиться то, что дети не будут жить вместе с родителями. С самого же рождения они должны быть помещены в специальные «дома ребенка»... Вопрос о кормлении матерью ребенка в первый год его жизни может быть разрешен без особенных трудностей. Уже в настоящее время женщина-работница имеет установленный законом перерыв в работе для кормления ребенка грудью... Поскольку дети, начиная с раннего возраста, будут воспитываться государством вне всякого влияния семьи, вовсе не обязательно, чтобы эти «детские городки» были организованы непосредственно при поселениях, в которых работают родители детей, и вовсе не обязательно, чтобы каждый такой городок обслуживал бы только одно социалистическое поселение»³⁴.

Выполнение напряженных экономических планов требовало привлечения к обязательному труду всего населения без исключения, в том числе, женщин и детей подросткового возраста. Этому препятствовал традиционный семейный уклад жизни российского рабочего и служащего, при котором женщина сидит дома, ведет домашнее хозяйство и воспитывает детей. Данные о балансе рабочей силы в РСФСР на 1929–1930 гг. показывают, что в составе городского населения насчитывалось всего лишь около 26 млн трудоспособных человек, причем из них больше половины — 14 млн было выключено из производственного труда, так как было занято домашним хозяйством³⁵.

Для увеличения количества рабочих рук, вовлекаемых в производство, и предлагалось разрушить «мелкобуржуазный» уклад существующего городского домашнего хозяйства, привязывающий женщину к домашнему очагу, заменив работу по дому («домашнее рабство») «общественно-обязательным трудом» на фабрике, заводе или в советском учреждении. Расчеты показывали, что в результате этих мер вполне возможно дополнительно вовлечь в общественное производство около 8 млн рабочих³⁶.

Подводя под это управленческое решение идеологическое обоснование, Л. Сабсович и призывает к «обобществлению быта», которое призвано «раскрепостить женщину от тягот домашнего труда» и лечь в основу строительства городов будущего: «Основные черты обобществленного быта... могут быть в основном сведены к следующему: общественное обслуживание бытовых нужд трудящихся — общественное приготовление пищи (фабрики-кухни), общественное питание (столовые, целиком обслуживающие все питание населения на манер нынешних домов отдыха, пансионатов и проч.), общественные прачечные и бани, механизация и централизация уборки помещений и т. д.; общественное воспитание и обучение м о л о д о г о поколения, начиная с младенчества и до трудового возраста на государственный счет; социальное обеспечение и обобществленное обслуживание всех бытовых нужд трудящихся, выходящих из возраста, подлежащего обязательной трудовой повинности; полное раскрепощение женщины от забот о домашнем хозяйстве и о воспитании детей и использование ее наравне с мужчиной в качестве полного работника в общественно-обязательном труде; широкое общественное обслуживание культурных потребностей, которые значительно поднимутся количественно и качественно и удовлетворению которых трудящиеся смогут уделять все больше времени по мере сокращения продолжительности рабочего дня, уделяемого общественно-обязательной работе»³⁷.

В этом отрывке ключевыми словами являются: «обязательная трудовая повинность» и «общественно-обязательный труд». Прини-

длительный труд всего советского населения был главным условием выполнения запредельных планов индустриализации, но термины эти открыто не употреблялись. Они маскировались словами о *«полном раскрепощении женщины от забот о домашнем хозяйстве и о воспитании детей»*. Реальное же место женщины в народном хозяйстве, согласно планам партии, — это место работника, несущего трудовые обязанности и повинности, наравне с мужчиной.

Тезис о том, что использование женского труда и труда подростков улучшит условия жизни населения, проходят красной нитью через статьи и книги Л. Сабсовича, Н. Милютина и других участников дискуссии о соцрасселении. Этот яркий тезис явно был выдуман не ими (хотя ими был подхвачен и активно пропагандировался) — это партийная установка, идеологически обработанная для открытого пользования. Все ресурсы страны должны быть направлены в промышленное производство, а число неработающих членов общества, в целом, и членов каждой отдельной семьи, в частности, снижено до предела. Чем меньше иждивенцев в семье, тем меньше расчетные затраты распределительной системы на жизнеобеспечение жителя города.

Экономист Л. Сабсович весьма откровенно обосновывает мотивы ликвидации семейного хозяйства. Поставленная властью задача вовлечения максимального числа жителей соцпоселения в труд на промышленном предприятии или в учреждении, приобретает, в контексте его рассуждений, вполне практический смысл: *«...освобождая, благодаря полному обобществлению быта, женщину от необходимости заниматься домашней работой и уходом за детьми, мы освобождаем полного работника, который и может, и должен быть занят производительным трудом; ибо в социалистическом поселке всякая женщина в трудоспособном возрасте должна быть использована на производственной работе так, как и всякий трудоспособный мужчина. Значительная часть женщин-работниц может быть занята на производстве в заводе; остальная часть женщин может быть занята в учреждениях и предприятиях, обслуживающих бытовые нужды всех членов социалистического поселка (на фабрике-кухне, в общественных столовых, яслях, в общественном воспитании детей и пр.). Это еще больше уменьшит число лиц, которые должны быть устроены в социалистическом поселке при новом заводе...»³⁶.*

Л. Сабсович вполне откровенно озвучивает расчеты партийно-государственного аппарата — основным направлением экономии средств, планомерно выделяемых властью для возведения новых поселений при заводах, заводах-новостройках, является сокращение количества рабочих, требующихся для производства намечаемых объемов продукции и увеличение интенсивности их эксплуатации. Именно благодаря максимально полному вовлечению всего трудоспособного

населения в трудовую деятельность, планируется достичь сокращения расчетного числа жителей в поселениях при заводах, и следовательно, уменьшить общую расчетную величину затрат на обустройство их жилищ³⁹. Это именно та цель, ради которой женщин следовало вовлекать в производственный труд или городское обслуживание наравне с мужчинами. Но формулируется она лицемерно. Не как способ уменьшения инвестиций в жилищное строительство ради использования их в промышленности, а наоборот — как метод экономии с целью увеличения вложений в формирование среды обитания: *«Это ... даст возможность еще больше увеличить затраты на строительство, падающие на 1 душу, считая и взрослых и детей»*⁴⁰.

Это заманчивое разъяснение — лживо. Практика возведения соцгородов при промышленных новостройках в годы первых пятилеток показывает: власть направляла все ресурсы (в том числе и сэкономленные в результате всеобщего принуждения к труду и ухудшения жилищных условий до предельного минимума) не на гражданское строительство, а на развертывание самого крупного, самого мощного в мире военно-промышленного комплекса. В том числе, и за счет расходов, которые могли бы быть вложены в формирование жилой среды и обустройство быта.

Буквально через четыре дня после выступления Л. Сабсовича на заседании ВАРНИТСО — 15 июня 1929 г. — выходит Постановление ЦК ВКП(б) «Об очередных задачах партии по работе среди работниц и крестьянок»⁴¹, превращающее идеологические призывы Л. Сабсовича в общегосударственный приказ активно вовлекать женщин в промышленное производство.

Партийное руководство не может официально и открыто заявить о том, что стремится всю страну превратить в лагерь принудительного труда для всех — мужчин, женщин, детей; а Л. Сабсович может — он частное лицо и выступает от своего имени. Если понадобится, партия от его слов открестится (что и произойдет позднее в постановлении «О работе по перестройке быта»). Л. Сабсович невольно, или по подсказке и поддержке свыше осуществляет идеологическое прикрытие партийной программы. Публично озвучивая идеологему об «освобождении женщины от оков домашнего быта», он выступает рупором тех партийных сил, которые отстаивают осуществление ускоренного плана индустриализации СССР за счет принуждения к труду всех работоспособных членов семьи, всего населения страны. Практическое воплощение этой задачи происходит за счет снижения в общегосударственном масштабе уровня заработной платы до такой величины, что прокормить семью в одиночку становится для основной массы трудящихся (рабочих, служащих, инженерно-технических работников, врачей, учителей и др.)

абсолютно невозможным. А также за счет принятия «стимулирующих» правительственных постановлений о вовлечении «женской рабочей силы» в производство. Слова об «освобождении женщины от необходимости заниматься домашней работой и уходом за детьми» на деле выливаются в «обязанность женщины включаться в производительный труд наряду с мужчинами». Эти слова ЦК ВКП(б) превращает в общегосударственный приказ.

Постановление от 15 июня 1929 г. «Об очередных задачах партии по работе среди работниц и крестьянок» требует резкого «увеличения применения женского труда» во всех отраслях производства. В том числе, и в таких традиционно неженских отраслях, как тяжелая и химическая промышленность, деревообработка и др.: *«При проведении плана применения женской рабочей силы ЦК предлагает исходить из: а) увеличения применения женского труда в тяжелой индустрии, особенно в механических цехах и машиностроении и в тех отраслях промышленности, где женский труд применяется недостаточно, но где он себя вполне оправдывает (деревообделочная, кожевенная и т. д.); б) расширения применения постоянного труда с.-х. работниц и батрачек в совхозах и плантациях»*⁴². О том, насколько жестко руководящие органы страны планируют использовать женский труд, можно судить по цитате из выступления представителя ВЦСПС на заседании Оргбюро ЦК ВКП(б) во время принятия этого постановления: *«...Вместе с тем сейчас выдвигается ряд невыполнимых предложений. Таким невыполнимым в настоящее время предложением является вопрос о предоставлении женщинам-колхозницам отпусков в колхозах до и после родов. Его можно будет решить, когда колхозы экономически окрепнут и расширят свою хозяйственную базу. Несколько рановато этот вопрос выдвигается»*⁴³. Женщины в советской индустриализации являются такими же поголовно трудообязанными, как все взрослые мужчины — военнообязанными. И ничто, в том числе и роды, не должно быть помехой в неукоснительной реализации планов руководящей партии.

Владение личным имуществом, свободная торговля в любой форме, право самостоятельного выбора места жительства и места работы должны были быть сведены к минимуму. Теряло смысл производство товаров для семьи и дома, производство продовольственных товаров, обеспечивавших домашнюю кухню, и существовавшую до революции сеть общественного питания — кафе, рестораны, трактиры: *«В социалистических поселениях не только торговля, в нынешнем смысле этого слова, не будет иметь места, но весьма незначительную роль будет играть и распределение продуктов между индивидуальными потребителями. Выше уже было указано, что полное обобществление питания почти совершенно уничтожит индивидуальное распреде-*

ние пищевых товаров, которые в нынешней торговле занимают весьма важное место. Обобществление жилищ изымет из индивидуального распределения почти все предметы, относящиеся к группе мебельных товаров. Весьма вероятно, что в эту группу попадет и постельное белье, которое как и мебель будет являться принадлежностью комнат, предоставляемых трудящимся для жилья (как это делается в нынешних гостиницах или санаториях). Изъяты будут из индивидуального распределения и все посудные товары, которые будут являться принадлежностью общественных столовых. То же самое относится и к многочисленным предметам обихода, как-то: ведра, топоры, утюги, гвозди, лампы, дрова, керосин и т. п. ... Благодаря такому обобществлению быта, на долю индивидуального распределения останется сравнительно небольшое количество изделий промышленности, преимущественно готовая одежда, белье, обувь, мелкие предметы индивидуального обихода (галантерея и пр.), такие предметы, как фотографические аппараты, деликатессы и пр. Поэтому хозяйственный аппарат для индивидуального распределения продуктов производства будет весьма не громоздок и будет занимать весьма небольшое место в социалистических поселениях. Государственный распределительный аппарат будет иметь своей целью обслуживание главным образом обобщественного удовлетворения потребностей населения социалистических поселений (снабжение всем необходимым жилых домов, фабрик-кухонь, столовых, библиотек и т. д.)⁴⁴.

Соцгорода Л. Сабсовича напоминали лагерную систему, активно формируемую в это время руководством страной. Уничтожение семейной (и в принципе, всех сфер частной) жизни де факто означало еще и уничтожение целых отраслей производства, обеспечивавших свободное индивидуальное существование человека.

«Урбанизм, или дезурбанизм» —

дискуссия о социалистическом расселении

Первое публичное обсуждение содержания книг и статей Л. Сабсовича состоялось на дискуссионном собрании в стенах Госплана СССР 26 октября 1929 г.⁴⁵ Это собрание можно считать началом широкомасштабной, воистину всесоюзной дискуссии о соцрасселении.

Предложения Л. Сабсовича становятся настолько заметными, что к их публичному обсуждению подключается Коммунистическая академия ЦК ВКП(б)⁴⁶. По инициативе Комакадемии, в ее помещениях 31 октября 1929 г. проходило публичное заседание, посвященное докладу М. Охитовича — основного оппонента Л. Сабсовича, — прочитанному в кооперативной секции Комакадемии 1 октября 1929 г.⁴⁷ М. Охитович сотрудничал с ОСА и поэтому свою «антисабсовичевскую» позицию зафиксировал, прежде всего, на страницах журнала «Современная архитектура», издаваемого ОСА, в статье «К проблеме города»⁴⁸. Следующая дискуссия о соцрасселении происходила также в стенах Комакадемии через несколько дней — 6 ноября 1929 г.⁴⁹ Следующие два заседания были проведены в Госплане СССР (26 и 29 ноября 1929 г.)⁵⁰, а затем снова в Комакадемии — 20 и 21 мая 1930 г.⁵¹

Дискуссия не исчерпывалась только публичными обсуждениями — в ходе ее делались и отдельные доклады. Так, например, 22 февраля 1930 г. в помещении Комакадемии выступил с докладом о коллективизации быта, позднее изложенным в статье «Коллективизация быта в существующих городах», Ю. Ларин⁵² — один из активных участников дискуссии, также строго одернутый впоследствии на страницах партийного постановления «О работе по перестройке быта». В дискуссии участвовали такие известные государственные и общественные деятели, ученые и архитекторы, как Н. Ковалевский, Г. Кржижановский, Н. Крупская, А. Луначарский, Н. Семашко, С. Струмилин, братья Веснины, М. Гинзбург, Н. Милютин, Н. Ладовский, А. Шусев и другие. Одно лишь заседание в мае 1930 г. в Комакадемии собрало более чем тысячную аудиторию⁵³.

В середине ноября 1929 г. в журнале «Революция и культура» вышла статья А. Склонского «Социалистический город». В ней излагались впечатления автора от доклада Л. Сабсовича в Москов-

ском отделении ВАРНИТСО: «В огромных масштабах строим мы жилища. Грандиозные корпуса, целые городки на десятки тысяч жителей сооружаются во всех углах Союза. Но корпуса эти и городки строятся и планируются так часто, словно назначаются они для наемников капитала, а не для хозяев единственного в истории человечества пролетарского государства. В корпусах этих и городках отдельные квартирники, с кухнями при каждой квартирке для населяющей это гнездо семьи, с расчетом на то, что каждый стирает на себя, сам снабжает себя книгой и газетой, бегаёт с заборной книжкой в лавку, добывает билеты в театр, воспитывает детей своих в меру своего педагогического кустарничества — словом, живет сам для себя и собственной о себе заботой. Переселяясь в эти новые дома, привозят с собой люди не только клопов в перинах и засаленные кухонные горшки, но и возможность невозбранно продолжать прежний бытовой распорядок. "Сам" хлеб семье зарабатывает, хозяйка пищу готовит, белье стирает, детишек отваживает от себя подзатыльниками, чтоб не мешали работать, и ребята гоняют по двору, выдумывают игры в "спекулянтку и милицию", покуривают, матерятся, хулиганят. Ничего общего в этой растеряевщине с социализмом. <...>

Основное, что должно быть осуществлено в городе будущего, — обобществление удовлетворения бытовых нужд населения. Это значит, что пищу должны готовить фабрики-кухни, а кормиться члены коммуны должны в столовых, в которых не только обедают, но и завтракают, и ужинают, — словом, получают полный пансион, как теперь в домах отдыха. Белье стирает механизированная общественная прачечная. Моются люди в расположенных под рукой банях. Уборка жилищ механизирована и выполняется специальными работниками. Дети от рождения и до окончания учебы поручаются заботам и руководству врачей-педагогов. Взрослые люди, пережившие срок трудовой работы, переходят на полное социальное обеспечение. В результате женщина раскрепощается подлинно и полностью и становится действительно равноправным мужчине работником. <...>

В городе будущего привычная нам квартира со всеми ее "удобствами" потеряет смысл. Человеку нужно будет только помещение для жилья в собственном смысле слова. <...> Отпадает надобность во многих "собственных" предметах домашнего обихода. Не нужно будет даже мебель покупать, ибо комната в таком доме должна быть снабжена обстановкой. Каждый жилец, получив вместе с комнатой все для жилья нужное, может пополнить этот инвентарь украшениями по своему вкусу. Так как питанием должны заниматься фабрики-кухни и общественные столовые, ликвидируется домашний "очаг". Вместе с ним прекращается необходимость продажи и покупки съестных припасов. <...>

Дети с родителями жить не должны. Человеческий организм, человеческая психика — очень сложный и тонкий аппарат. Наблюдение за ним, руководство им, формирование его требуют больших специальных знаний, тонких навыков. Родители далеко не все — врачи и педагоги. Естественно и закономерно поэтому, что младенец — будущий член коллектива — передается для обслуживания и воспитания этому самому коллективу. Мать будет приходить в “дом ребенка” кормить свое дитя, ее для этого и теперь отпускают с работы и в предприятия, и в учреждении.

<...> Несомненно, не за горами время, когда наука разработает способ искусственного выкармливания детей, и мать-работница будет полностью избавлена от этой повинности.

Когда младенец начинает становиться маленьким человеком, в нем нужно развивать коллективистические навыки. Теперь ребята посещают детские сады и там получают пионерскую зарядку. Дома эта зарядка парализуется мещанскими разговорчиками родителей и близких. Ребенок раздваивается. Он не знает, чему верить, к чьим указаниям прислушиваться. Чтобы оградить детей от этой дергающей их бессмысленности, нужно поставить их целиком под руководство специалистов-педагогов, под влияние коллектива однолеток, изъять из частного, “квартирного” быта»⁵⁴.

В статье А. Склонского «романтики социалистического будущего» еще меньше чем в текстах самого Л. Сабсовича. Зато здесь более отчетливо и явственно проступают стратегические государственные цели ломки семейного быта и превращения общества в подобие трудового лагеря с жесткой дисциплиной и без всяких гражданских прав. Население рассматривается как рабочая сила, на содержание которой следует тратить как можно меньше средств. Минимальное жилье, казенная типовая мебель, минимум бытового оборудования. Отпадает необходимость тратить ресурсы страны на производство разнообразных товаров народного потребления в объеме, превышающем абсолютный необходимый минимум, исходя из расчета на свободную торговлю и свободный выбор, осуществляемый покупателями. Продукты питания реализуются через систему общих столовых. Дети воспитываются в детских домах типовым образом. Так на них тратится меньше ресурсов, и они избавлены от «сомнительного» воспитательного воздействия родителей. В идеале советским людям совсем не нужно тратить ни времени, ни средств на личную жизнь и воспитание детей, а следует все силы и все время отдавать самоотверженному труду.

В начале 1930 г. к дискуссии о соцрасселении «залпом» подключился ряд журналов, предоставивших участникам дискуссии свои первые номера: «Литература и искусство»⁵⁵, «Современная архи-

тектура»⁵⁶, «Революция и культура»⁵⁷, «Строительство Москвы»⁵⁸, «Плановое хозяйство» и др. Материалы дискуссии публиковались и на страницах ведущих газет страны: «Правды»⁵⁹, «Известий»⁶⁰, «Комсомольской правды»⁶¹, «Экономической жизни»⁶², «Вечерней Москвы»⁶³, «За индустриализацию»⁶⁴ и др. Периодическую (общественно-политическую и профессиональную) печать заполнили статьи, посвященные социалистическому расселению, новому жилищу и новым городам. Издаются сборники докладов, публикуются стенограммы выступлений.

Дискуссия о социалистическом расселении будоражит умы и привлекает внимание тем, что публично ставит вопрос о том, как должен быть устроен «социалистический» город. Дискуссия дает возможность открыто говорить о том, каким вообще должно быть управление городами в советском государстве — в совершенно иных, нежели в царской России, условиях — единого народно-хозяйственного планирования, централизованного финансирования и материально-технического снабжения; иных принципов размещения, возведения и функционирования поселений; искусственных форм организации внутригородской жизни и деятельности; централизованного создания инфраструктуры и «распределительного» характера системы обслуживания; специфической жилищной политики⁶⁵. Дискуссия о социалистическом расселении формулирует принципы пространственного размещения промышленности и населения по территории страны с учетом военно- и трудо-мобилизационной организации через членение государства на административно-территориальные единицы, способные обеспечивать закрепленный за ними фрагмент общегосударственного процесса производства и распределения продукции. А также неразрывно связанные с этим процессы жизни.

Власть решает в этот период ряд принципиальных организационно-политических задач. Часть из них далека от сферы архитектуры и градостроительства, но многие, направленные на создание новых форм материально-пространственной организации общества и производства, касались архитектуры и градостроительства непосредственно потому, что требовали своего адекватного пространственно-территориального воплощения.

Так, например, задача управления производством тесно увязывалась властью с выбором средств принуждения людей к труду, в числе которых коммунальный способ заселения и дефицит жилища играли ключевую роль и требовали разработки довольно специфических проектов жилищ. Разработка типологии «социалистического жилища», способного воплотить новые формы хозяйственно-бытового освоения жилого пространства, выдвигается на первый план при решении архитектурно-проектных задач. А требование материально-

пространственной организации коллективных форм быта в тесной увязке с коллективными же формами организации деятельности ставили перед планировщиками задачу градостроительного закрепления особой социально-организационной роли мест труда в бытовой организации жизни людей. Все эти вопросы рассматривались как важнейшие из тех, которые призваны решать архитекторы.

Власть желала знать, как следует формировать среду обитания, которая была бы способна обеспечить социально-политическое управление, нормирование и контролирование населения. Как за счет градостроительных структур можно наиболее эффективным образом внедрять извне нормы социального поведения, межличностного общения, коллективного быта и трудового взаимодействия, а также контролировать их усвоение и повседневное исполнение.

Дискуссия о социалистическом расселении обсуждала пути и способы реализации первого пятилетнего плана, в контексте которого градостроительство рассматривалось лишь как одно из многих других средств воплощения плана, причем не основное. Но обязательное средство потому, что сооружение сотен новых промышленных предприятий невозможно без возведения рядом с ними сотен новых поселений для размещения рабочих и членов их семей. Эта роль — обеспечивающая, подчиненная, сопутствующая, обслуживающая процесс формирования системы военно-гражданского производства, но именно она и отводилась градостроительному проектированию.

Устами Л. Сабсовича в дискуссии о соцрасселении свою позицию выражал высший государственный орган, обеспечивший разработку плана построения социализма в Советском Союзе — Госплан СССР. Кстати, несмотря на то что М. Охитович являлся сотрудником Госплана РСФСР⁶⁶, столкновения и противостояния позиций Госплана СССР и Госплана РСФСР не происходит. Прежде всего потому, что они совпадали в главном — стремлении практически воплотить концептуально-теоретические постулаты государственной расселенческой доктрины. В этом же совпадали и позиции «урбанистов» и «дезурбанистов». Это «общее», в дальнейшем, оказывается сохраненным, доработанным и последовательно реализованным практически в государственных программах строительства соцгородов. А то, в чем их позиции не совпадали, оказывается раскритикованным, осужденным и отброшенным.

Основным, практически неоспариваемым постулатом дискуссии, являлось утверждение о том, что «новые поселения» должны быть совершенно иного типа, нежели существующие⁶⁷, они призваны заменить старые города⁶⁸ и воплотить новые формы организации быта, общественного обслуживания, воспитания детей и профессионально-технической подготовки подрастающего поколения, отдыха, досу-

га и т. п. («обобщественное жилье», «обобщественное питание», «обобщественное воспитание»). Старые города должны быть разукрупнены и реконструированы: «... вопрос о реконструкции существующих городов должен быть подвергнут тщательной разработке под углом зрения возможной их децентрализации и переустройства на социалистических началах»⁶⁹. «... Социалистическая реконструкция существующих городов СССР (Москва, Ленинград, Харьков и т. д.)... должна заключаться в систематическом, но экономически безболезненном выводе из городов по мере истечения амортизационных сроков промышленных предприятий, научных институтов, вузов, лабораторий, которые не связаны сырьевой базой или рынком потребления с этими городами. С другой, должно быть прекращено всякое жилищное строительство внутри этих городов и всячески должно проводиться обезлесение всех свободных и освобождающихся частей их. И наконец, уменьшившаяся в связи с этим потребность в новом жилище должна быть удовлетворена вне городской черты... »⁷⁰. С этими тезисами согласны практически все участники дискуссии потому, что они вытекают из осуществленной классиками марксизма критики существующих капиталистических городов и их указаний о необходимости равномерного распределения трудовых ресурсов по территории страны.

В полном соответствии с заветами основоположников марксизма-ленинизма Л. Сабсович предлагает размещать новые промышленные предприятия равномерно по территории страны, формируя, тем самым, пролетарские центры: «... мы будем создавать новые центры поселения, объединяющие сельскохозяйственное население, работающее в нескольких смежных крупных сельскохозяйственных предприятиях»⁷¹. Кстати, тезис Л. Сабсовича о равномерности расселения и «равномерности социалистического жилища» разделяет и его основной оппонент М. Охитович⁷², считающий, что «равномерность территориального размещения людей обеспечивает равномерность распределения культуры, равномерность устройства автодорожной сети и т. п.»⁷³. Разделяют этот тезис и многие другие участники дискуссии — А. Зеленко, Г. Пузис, Ц. Рысс, П. Кожаный, Н. Милютин и др., рассматривающие новую систему расселения в неразрывной связи с равномерным размещением новых производств⁷⁴. Вопрос равномерного распределения населения по территории страны имел, условно говоря, свой масштаб. Так, практически все участники принимают тезис о том, что промышленность и обслуживающее ее население должны быть равномерно распределены по территории страны. А вот предложение о равномерном размещении индивидуального жилища (и об автономном, а не коллективном проживании людей в нем) встречает резкую критику, так как противоречит основополагающим принципам марксистской теории, рассматривающей

коллективную организацию пролетариата как базовый принцип управленческой стратегии партии.

При широком разбросе мнений об аграрном типе городов преобладающим все же остается отрицательное отношение к нему. Это также связано с общей концептуально-идеологической установкой на индустриальный, а не на аграрный путь развития страны. К тому же основные сторонники «аграрного» пути развития страны в целом к этому времени уже политически разгромлены и публично осуждены, ориентация структур власти общеизвестна, поэтому закономерен однозначный вывод дискуссии (озвученный председателем заседания в клубе Госплана СССР им. Г. Кржижановского) о том, что соцгород — это город исключительно индустриальный.

Кроме всего прочего, это означает признание всеми участниками дискуссии главенствующей роли пролетариата в осуществлении социально-экономических и социально-культурных преобразований. На этом постулате, кстати, основывается позиция Н. Милютина, открывшего своим докладом заключительный (20–21 мая 1930 г.) диспут о планировке социалистического города. Он заявил о том, что новое строительство — это прежде всего промышленное строительство, и осуществляться оно будет в рамках плана индустриализации страны⁷⁵. Этим же было определено отрицательное отношение к дезурбанистическим предложениям, высказанным М. Охитовичем о расселении населения в индивидуальных, отдельно стоящих жилых домах, а также провозглашение индивидуального жилища основным типом «жилища переходного типа». Даже несмотря на то что индивидуальное жилище трактовалось как «бес-семейное» и «лишенное домашнего хозяйства», многие участники дискуссии (Ц. Рысс, В. Белоусов, Ложечкина и др.) критиковали М. Охитовича за этот призыв⁷⁶.

Л. Сабсович предполагает размещение новых промышленных предприятий вне зависимости от существующих транспортных путей. Напротив, он предлагает формировать новую транспортную сеть, прокладывая ее применительно к задачам размещения новых городов — формировать ее как максимально плотную, создающую взаимосвязь промышленных предприятий друг с другом и с аграрными зонами в любых местах. Кстати, с подобными предложениями соглашались и оппоненты Л. Сабсовича, считающие наличие транспортной сети обязательным условием формирования и линейного расселения⁷⁷.

Еще один момент, который отстаивают сторонники ортодоксального марксизма: обязательное наличие центра города, где должны быть сосредоточены все *«советские, профсоюзные, партийные организации, к которому примыкало бы театральное здание»*⁷⁸, место боль-

ших собраний, съездов и пр.»⁷⁹, «живое сердце города ... — советские, правительственные учреждения и его основные культурные аппараты», «большие зоны для политических собраний, празднеств, спектаклей (...) Сюда будут приливать толпы из отдельных домов, и здесь они будут сливаться в свой городской коллектив, неразрывную часть коллектива всей страны, а в будущем — всего человечества»⁸⁰.

Дискуссия же должна дать ответ на вопрос о специфических типах планировочных структур социалистических поселений, типах социалистического жилища, характере инфраструктуры, обеспечивающий распределительное снабжение продуктами, вещами и услугами, специфических «социалистических» формах проведения свободного времени, пространственном устройстве механизма тотального агитационно-идеологического воздействия и т. п. Участники дискуссии пытаются ответить на вопрос, каким должен быть «социалистический город», как он должен быть территориально организован, на какие структурные части расчленен, по какому принципу должны соотноситься друг с другом различные его составные элементы, как он должен планироваться, рассчитываться, проектироваться и т. д.

Жесткое отмежевание социалистического города от капиталистического, проделанное классиками марксизма, определяет позицию И. Черни, активно подключившегося к дискуссии в январе 1930 г. В своей статье, опубликованной на страницах журнала «Революция и культура»⁸¹, он, основываясь на постулатах марксистской доктрины, клеймит мелкобуржуазный индивидуалистический быт — «долой коттеджи»; и в соответствии с партийно-мобилизационной стратегией трактует соцгород как «центр, организующий коллективное производство, коллективную жизнь», «организационно-территориальное выражение мощного расцвета новой общественной формации»⁸². Индивидуальные квартиры И. Черня объявляет «апологией индивидуалистически-семейного быта»⁸³.

Но существует и иная точка зрения, также заявленная в дискуссии — «даешь коттеджи». Она основана на том, что строительство малоэтажного жилища, во-первых, более экономично: «Говоря о многоэтажном строительстве на Западе, как о наиболее экономичном, мы забываем, что эта экономичность базируется на капиталистической земельной ренте, отсутствующей в СССР. (...) Мы забываем, что расходы по соцстраху, связанные с антигигиеническими условиями, создающимися в больших домах, благодаря скученности и легкой передаче инфекции, не только во много раз больше мнимой экономии, достигаемой в крупноэтажном строительстве, но их с избытком хватило бы на увеличение сети дорог и другие расходы. Связанные с большими разрывами между домами и мелкоэтажным (2–3) строительством»⁸⁴.

Во-вторых, оно позволяет «проскочить» переходный период к тому состоянию, когда развитие стройиндустрии позволит капитально возводить дома: *«Правильно ли строить города и дома, рассчитанные на многие десятки лет, если знать, что очень скоро современное строительство отстанет от техники и новых возможностей и будет обречено на уничтожение динамитом»*⁸⁵.

В-третьих, обеспечивает повышенную обороноспособность (по причине рассредоточенности и легкой разборки завалов): *«...мелкоэтажное строительство и децентрализованное расселение имеют огромнейшую обороноспособность, и нам в ожидании грядущих боев с капитализмом этого не следует забывать»*⁸⁶.

В-четвертых, позволяет широко вводить стандартизацию, унификацию и обеспечивать быстроту, легкость и дешевизну сборки: *«Необходимо решительно перейти на производство передвижных, сборных, стандартных одно- и двухэтажных массового производства жилищ...»*⁸⁷. Оно, хотя и не способствует «обобществлению», но *«в наших пока тяжелых условиях»* позволяет избежать отращения к идее коллективного проживания — практика говорит о том (...), что большие дома с множеством жильцов не увеличивают общественные настрояния живущих»⁸⁸.

Идея города-сада, тесно связанная с индивидуальным жилищем, несмотря на то, что к этому времени она уже раскритикована с марксистско-ленинских позиций, тоже до конца не забыта: *«...реакционная идея города-сада реакционна лишь в капиталистических условиях и соответственно преобразованная может оказаться полезной для дела революции»*⁸⁹.

Идеологические представления о соцгороде основаны на «искусственно-технической» организации процессов функционирования поселений. «Труд», «быт», «отдых» должны быть организуемы целенаправленно, на основе научных знаний и расчетов так, чтобы исключить неконтролируемые процессы жизнедеятельности и сформировать новые типы отношений. В соответствии с этим И. Черня представляет соцгород как *«организацию по-новому всего распорядка жизни: труда и производства, культуры, физического и умственно-го воспитания людей, бытового уклада их жизни, способов отдыха и развлечения, путей максимального раскрытия человеческой личности, всех ее данных»*⁹⁰.

Этот же принцип лежит в основе установки, высказываемой и другими участниками дискуссии. Она направлена на архитектурное упорядочивание социума⁹¹, на рациональную (что означает — экономичную, минимальную в отношении трудовых затрат, краткосрочную, повторяемую, технологизируемую и проч.) организацию всего, на что устремлялся взгляд — производства, жизни, быта, учебы, воспитания, транспорта, энергетики, управления, собственно процесса

проектирования. В соответствии с этой установкой любой населенный пункт — это *«одно большое сложное производство в целом, где все процессы увязаны в рациональном графике материалов и людей»*⁹². Исходя из популярного в это время поточно-конвейерного принципа организации производства, Н. Милютин предлагает свой «функционально-поточный» принцип организации жизнедеятельности («труда» и «жилища») советского населенного пункта. Этот принцип с формально-композиционной точки зрения воплощался в линейную планировку, противопоставляемую Н. Милютиным структуре поквартальной «домовладельческой» застройки⁹³.

Дискуссия о соцрасселении обычно трактуется, как спор между урбанистами и дезурбанистами о том, следует ли размещать новое население сконцентрировано в новых городах, или рассредоточено — в индивидуальных «кабинах» для сна, разбросанных по территории страны вдоль транспортных коммуникаций. При этом вопросы, откуда возьмется это «новое» население, для чего его нужно расселять по территории страны, почему оно обязательно должно хотеть перемещаться туда, куда ему прикажут и др., никем из участников дискуссии не ставятся. Предложения урбанистов и дезурбанистов не касаются критики и опровержения основополагающих принципов государственной политики расселения; они лишь обосновывают предложения о конкретной направленности градостроительного ее воплощения.

Ни те, ни другие не видят никакой альтернативы осуществляемой властью политике соцрасселения. Ни «урбанисты», ни «дезурбанисты» не возражают против необходимости строительства сотен новых промышленных производств, против скорейшего возведения добывающих предприятий, тепловых и электрических станций и т. п. Никто из них не сомневается в необходимости возведения подле новых фабрик и заводов, «обслуживающих» их соцгородов и соцпоселков. Никто не оспаривает планы массового вовлечения в производительный труд женщин и подростков. В некоторых основополагающих принципах, например в вопросе о равномерности соцрасселения и «равномерности социалистического жилища», концептуальные предложения урбанистов и дезурбанистов совпадают абсолютно⁹⁴.

Сходятся они и в вопросе о независимости размещения новой промышленности от существующих транспортных путей. Водный, речной, автомобильный и тот тип транспорта, который должен появиться в недалеком будущем, обязаны «дотягиваться» до мест возведения промышленности. А лучше, создавать новую сеть (инфраструктуру), глобально покрывающую территорию страны, благодаря чему обеспечиваются благоприятные условия доступности, коммуникации и транспортировки сырья, грузов и продукции. Сходятся урбанисты и дезурбанисты также и во взглядах на то, что соцгород должен являться средой формирования нового человека.

Как неизбежное принимают они и необходимость регламентации жизни в новых соцпоселениях.

Практически все участники дискуссии о сопрасселении (и урбанисты и дезурбанисты) разделяют утверждение о том, что «каждому способу производства соответствует свой способ расселения, а каждому способу расселения соответствует свой тип жилья»⁹⁵. Именно об этом — о кардинальной перестройке процессов возникновения, роста и развития городов, управления процессами, текущими в них, и ведут речь участники дискуссии о социалистическом расселении вне зависимости от того, как их называют (или как они сами себя называют).

Следует заметить, что сами участники дискуссии отдают себе отчет в том, что позиции урбанистов и дезурбанистов различаются по вопросам, которые не являются принципиальными для социалистической градостроительной доктрины, они указывают на то, что «совершенно неверно пытаются противопоставить урбанистов и дезурбанистов ...»⁹⁶. Об этом, в частности, говорит Н. Милютин, открывая последний, перед официальным запретом, диспут в Комакадемии 20–21 мая 1930 г.: «...проблемы урбанизма или дезурбанизма не существует, как и не стоит проблемы строительства так называемых зеленых городов и городов-садов»⁹⁷.

То, что объединяет позиции тех и других, оказывается несоизмеримо более глубоким и значимым, нежели моменты разногласий, которые, безусловно, есть, но относятся к второстепенным аспектам планировочного воплощения, а не к основополагающим постулатам социально-политической, социально-управленческой и социально-культурной реорганизации общества.

Так, в подготовленной в конце 1929 — начале 1930 гг. редакционной статье журнала «Современная архитектура» члены редколлегии — урбанисты открыто характеризуют совпадение своей позиции с позицией их оппонентов — дезурбанистов (других членов редколлегии): «Для нас, как и для дезурбанистов, не подлежит сомнению: 1) что способ общественного производства определяет формы общественного расселения, и что, следовательно, новому социалистическому производству должно соответствовать в итоге новое социалистическое расселение; 2) что осуществление социализма означает уничтожение “кретинизма деревенской жизни” (Маркс) и “утонченностей” специфически городской, “столичной”, “асфальтовой культуры”, культуры скученных, лишенных природы людей, означает уничтожение противоположности между “городом” и “деревней”; 3) что осуществление социализма означает более или менее равномерное распределение высокой культуры по всей территории страны, и что, следовательно, в процессе социалистического строительства желательна планомерно проводить постепенную децентрализацию элементов, сосредоточенных в “миро-

вых городах” — децентрализацию промышленности, высшей школы, административно-управленческого и хозяйственного аппарата и т. д., подымая культуру “деревни” до уровня “столицы”; 4) что осуществление социализма ведет к максимальному развитию и творческому росту каждой отдельной личности в коллективе, и что, следовательно, проектируя жилище необходимо предусмотреть в них необходимый максимум пространственных возможностей для личного культурного досуга, остающегося после общественной жизни, для развернутых личных способностей и удовлетворения личных потребностей; 5) что предлагаемые некоторыми в проектах “домов-коммун” социалистических городов вместо полноценных жилищ «спальные кабинеты» площадью 5–7 кв. м, резко ограничивающие возможности личного развития, являются вулгаризацией идей социалистического строительства, грубо упрощенной схемой, казарменно-аракчеевским “социализмом”, не имеющим ничего общего с тенденциями развития и роста подлинно социалистической культуры»⁹⁸. Члены редколлегии — урбанисты также особо подчеркивают тот факт, что они, как и дезурбанисты, «разделяют общие предпосылки теории социалистического расселения»⁹⁹.

Убеждения урбанистов и дезурбанистов совпадают в главном — в принципах организации соцрасселения и соцгородов¹⁰⁰. После закрытия дискуссии и официального осуждения «правых» и «левых» фраз¹⁰¹, именно это содержание остается неизменным и определяющим дальнейшее развитие советской градостроительной теории. И в последующие годы именно это содержание составит суть советской доктрины расселения и государственной градостроительной политики.

При этом власть, принимая за основу то общее, что объединяет урбанистов и дезурбанистов, делает это вовсе не из желания разрешить их спор или найти устраивающий все стороны компромисс. Это ей в высшей степени безразлично. Какое бы решение не было принято, обязательно найдется способ принудить всех исполнять его вне зависимости от характера личных профессиональных воззрений. Предложения и урбанистов, и дезурбанистов отвергаются вовсе не потому, что выбирается какое-то третье решение, а прежде всего потому, что политическая терминология государственных органов, несмотря на использование одних и тех же слов («децентрализация», «равномерное распределение населения» и т. п.), абсолютно не совпадает с аналогичными понятиями градостроительной теории.

Практические действия советского руководства в отношении государственной градостроительной политики основываются на положениях, содержащихся в работах К. Маркса, Ф. Энгельса и В. Ленина, рассматривающих пролетариат как единственный класс, способный к кардинальным социальным преобразованиям. Численное увеличение этого класса, его развитие отождествляется с прогрессом

промышленности¹⁰². Именно поэтому планы советской власти в отношении размещения промышленности основываются на следующих принципах:

а) развитие промышленности (индустриализация) является приоритетной и неоспоримой задачей (любые иные стратегии — аграрного, аграрно-индустриального и проч. развития отвергаются);

б) новая промышленность должна распределяться по территории страны максимально равномерно, исправляя, тем самым, дисгармонию капиталистического расположения промпредприятий и вытекающий из этого дисбаланс концентрации пролетариата: «...уничтожение разрыва между городом и деревней ...условием его является возможно более равномерное распределение крупной промышленности по всей стране»¹⁰³; только так общество может «...установить гармоничное сочетание своих производительных сил по единому плану ... позволить промышленности разместиться по всей стране так, как это наиболее удобно для ее развития и сохранения, а также для развития прочих элементов производства»¹⁰⁴;

в) новая промышленность располагается на неосвоенных территориях, давая, тем самым, импульс развитию этих территорий и их «пролетарскому наполнению»;

г) новая промышленность призвана инициировать возникновение формирующихся на ее базе крупных промышленных узлов, вызывать формирование транспортной инфраструктуры: «тесная связь промышленного и земледельческого производства наряду с необходимым для этого расширением средств сообщения...»¹⁰⁵;

д) промышленность и поселения при ней «дают запрос» прилегающим поселениям сельскохозяйственного профиля в отношении обеспечения их продуктами питания (а промпоселки и промгорода, в свою очередь, гарантируют употребление этой продукции и встречное обеспечение прилегающих сельскохозяйственных территорий промышленной продукцией);

е) отрываемое от земли (в ходе коллективизации) крестьянское население — материал для формирования индустриального пролетариата — должно регулируемо (и добровольно, и принудительно) перемещаться к местам возникновения новой промышленности; именно таким образом, по замыслу основоположников, следует «вырывать деревенское население из идиотизма сельской жизни»¹⁰⁶;

ж) следствием равномерного размещения промышленности по территории страны является равномерное размещение населения: «... равномерное распределение крупной промышленности по всей стране» и «...равномерное распределение населения по всей стране»¹⁰⁷.

В полном соответствии с заповедями основоположников Госплан СССР в программном документе: «Перспективы развертывания на-

родного хозяйства на 1926/27 — 1930/31 гг.» утверждает: *«Стихийное притяжение к себе крупных городских центров неизбежно будет вести к дальнейшему скоплению населения в немногих, наиболее перегруженных и перенаселенных городах-левиафанах. Плановый подход требует от нас решительного противодействия этой стихии. Мы должны планировать не на дальнейший гипертрофический рост немногих центров, а децентрализацию и, возможно, равномерное распределение новых промышленных поселений по всей стране»*¹⁰⁸.

Дезурбанизация с позиций градостроителей и «равномерное распределение населения по территории страны» со стороны организационно-управленческой стратегии власти — совершенно разные явления. Они кардинально различаются по смыслу, вкладываемому в эти слова архитекторами и политиками. Произносимые партийно-советским руководством слова о «децентрализации» и «равномерном распределении населения» абсолютно не совпадают с аналогичными понятиями градостроительной теории.

Но архитекторы этого не понимают. Исходя из своей профессиональной логики, они полагают, что раскритикованный основоположниками марксизма и получивший отрицательную оценку теоретиков большевизма феномен концентрации населения в капиталистических городах, приводящий к перенаселению, скученности, антисанитарии, эпидемиям и проч., должен в отношении социалистических городов вызывать стратегический отказ от урбанизации и переориентацию на планомерное осуществление дезурбанистических мероприятий. Но с точки зрения политической доктрины социализма, градостроительная дезурбанизация оказывается неприемлемой, так как она исключает один из основополагающих принципов марксистско-ленинской теории — концентрацию пролетариата и предназначение городов как «аккумуляторов пролетариата и пролетарской организованности». Именно поэтому в адрес дезурбанистов звучат слова: *«Некоторые наши горе-теоретики социалистического города оказались полностью в плену капиталистического города, от которого они отталкивались по методу худосочных буржуазных реформаторов, рассуждая по весьма своеобразному “диалектическому” методу: это — зло, следовательно, противоположное будет добром»*¹⁰⁹.

Идея равномерного распределения населения по территории страны, доведенная до своего логического градостроительного воплощения, — в виде системы равномерно рассредоточенных индивидуальных жилищ — стационарных или мобильных, — свободно перемещаемых их владельцами по территории, не отвечает положениям марксистско-ленинской доктрины об «организующей и направляющей роли пролетариата», сконцентрированного в пролетарских центрах. Поэтому в ходе дискуссии предельно четко и однозначно

формулируется требование: *«Всекие разговоры о “дезурбанизации”, воспроизводящие настроение буржуазии, боящейся скопления пролетариата, толстовская ненависть к большим городам должны быть откинута»*¹¹⁰.

Власть, провозглашая принципы равномерного распределения объектов индустрии по территории страны и формирование обслуживающих поселений при них, не отрицает возможности концентрации пролетариата вокруг промышленных предприятий. Напротив, она ратует за него, так как подобная концентрация является условием осуществления диктатуры пролетариата, основой административного членения территории страны, при котором «пролетарские центры» становятся фокусами организации рассредоточенного вокруг них непролетарского (сельскохозяйственного) населения. Градостроительная «дезурбанизация» и организационно-управленческое «равномерное распределение населения по территории страны» по смыслу, вкладываемому в эти слова архитекторами и политиками, далеко не одно и то же. Реализуя требование равномерного размещения промышленности по территории страны, власть не может и не хочет отказываться от концентрации производительных сил, наоборот, она стремится к объединению пролетарских масс в своеобразные «ядра» — «опорные пункты диктатуры пролетариата»¹¹¹, так как не способна опираться на разобщенные пролетарские элементы, не умеет руководить рассредоточенными пролетарскими массами. Власть рассматривает новые населенные пункты (социалистические города) как места концентрации и соорганизации пролетариата, распространяющего свое влияние на население прилегающих местностей. А постулаты дезурбанистов о «рассеянии населения» трактует как призывы «к распылению организованных пролетарских кадров, обессиливающие их в настоящий момент в борьбе с мелкобуржуазным окружением»¹¹².

Именно поэтому власть парадоксальным, как это может показаться на первый взгляд, образом призывает одновременно и к дезурбанизации (равномерному распределению промышленности), и к урбанизации (концентрации пролетариата в новых поселениях).

Власть считает стратегически правильным перемещение промышленности в сырьевые регионы — тем самым, она сводит к минимуму транспортные издержки на перевозку сырья, колонизирует территории, формирует рассредоточенную, более неуязвимую структуру предприятий военно-промышленного комплекса, отрывает от земли и «опролетаривает» значительные массы крестьянства. Власть планирует создавать новые населенные пункты — соцгорода — так, чтобы они изначально были лучше, чем старые приспособлены к задачам социального управления: содержали точно рассчитанное, искусственно пополняемое количество населения, предписанные свыше типы жилищ,

основывались на конкретных планировочных структурах, включали конкретный список объектов обслуживания, удерживали фиксированный социально-профессиональный состав населения и проч.

Существующие города к выполнению этих задач абсолютно не приспособлены. Именно поэтому советская власть не желает в достижении своих планов опираться на них и готова разукрупнять старые города, рассредоточивать, даже разрушать, передавая их функции городам-новостройкам. Только неспособность справиться с жилищным кризисом не позволяет немедленно осуществить эту цель практически. Поэтому в рамках стратегии пространственного освоения территории страны, в реализации индустриальной и расселенческой программ, советская власть отводит существующим городам временную роль своеобразных «перевалочных пунктов», которые призваны принимать «раскрестьяненное крестьянство», опролетаривать его, организовывать в трудо-бытовые коллективы, а затем направлять в города-новостройки — новые центры хозяйственного развития индустриально осваиваемых территорий. Под эти цели существующие города предполагается кардинально реконструировать: *«вопрос о ... реконструкции городского хозяйства является вопросом не только обслуживания живущих там сейчас трудящихся масс, но и вопросом размещения, передвижения и материально-культурного обслуживания новых сотен и миллионов рабочих»*¹¹³.

В сравнении с этой стратегией неверными оказываются предложения архитекторов-урбанистов, которые существующие города рассматривали в роли мест наиболее выгодных (с хозяйственно-экономической и политической точки зрения) в качестве главных центров индустриального развития страны. Как, впрочем, и предложения архитекторов-дезурбанистов об отказе от городов и переходе к рассредоточенному расселению.

В итоге получается, что логически выстроенные и последовательно сформированные советскими архитекторами-теоретиками градостроительные идеи урбанизации и дезурбанизации, а также концептуальные предложения в отношении существующих и будущих городов одинаково не отвечают формирующимся административно-управленческой, индустриальной и расселенческой стратегиям партии. Тезисы о разукрупнении городов, о концентрации населения понимаются теоретиками-градостроителями с одной стороны, и властью, с другой — совершенно по-разному. Поэтому власть и вынуждена запрещать концепции урбанизма и дезурбанизма, какими бы целостными, логически завершенными и последовательно выстроенными с точки зрения градостроительства они не являлись. И формировать особые принципы планировки, соопоселений, правила структурирования их территории, постулаты выбора места расположения.

«С математической точностью» — расчет потребной численности жителей соцгорода

Необходимость в разработке методов исчисления количества будущего населения проектируемого соцгорода возникает в советском градостроительстве потому, что в условиях искусственной организации систем производственной деятельности и структур жизнеобеспечения, социалистический город не является саморегулируемой системой. Он выступает элементом общегосударственной распределительной системы, которая основана на предварительных расчетах. Это расчеты всего: потребности в жилых зданиях и сооружениях различных типов для неоднородного (вопреки идеологическим утверждениям) советского населения; расходов на транспортное, культурное и селитебное строительство; количества зеленых насаждений, необходимых для нормальной жизни; количества требуемых детских учреждений; «шага» размещения остановок общественного транспорта; количества блюд в столовых и продуктов, необходимых для их приготовления и т. п.

А так как новые индустриальные города создаются, как правило, «на пустом месте», приходится предварительно прогнозировать, обсчитывать, организовывать и целевым образом направлять туда и материалы, и оборудование, и инструменты, и технику, и топливо, и деньги — фактически все то, что необходимо сначала для возведения, а потом для существования города. И, что самое главное, приходится перемещать в новые поселения потребное количество трудовых ресурсов. Причем, не больше и не меньше, а ровно столько, сколько нужно.

Старая практика расчетов оказывается неспособной помочь решению этой задачи¹¹⁴. Причина в том, что она основывалась на обсчете не только задействованного в производстве, но и «избыточного» (по А. Веберу) населения и исходила из показателей, прежде всего, естественных миграций и прироста. Новая система расчета исходит из того, что в социалистическом хозяйстве наличие избыточной рабочей силы, в каком бы то ни было виде, недопустимо.

Старая практика расчетов исходила из прогнозов, основанных на динамических кривых естественного (рождаемость) и механического (приезд в город на постоянное местожительство) прироста населе-

ния, выведенных на основе отчетных статистических данных. Новая, с точностью до наоборот, предлагает основывать расчеты на искусственном привлечении и удержании населения в нужном месте и в нужном количестве. Расчет теперь заключается не в том, чтобы спрогнозировать перспективную численность населения, исходя из естественного прироста или естественной миграции и других подобных факторов, а в том, чтобы выяснить, сколько в том или ином населенном пункте требуется разместить трудовых ресурсов в соответствии с объемами и человекоемкостью размещаемой промышленности. А затем, используя добровольные и принудительные миграции, доставить туда именно это конкретное количество рабочих рук¹¹⁵, обеспечить их жилищем и организовать их жизнеобеспечение¹¹⁶.

Если старая практика расчетов при построении трудовых балансов исходила из естественных факторов, то новая основывается на том, что количество избыточного населения можно и нужно снижать за счет искусственного перераспределения, например «выселения в другие города»¹¹⁷. То есть за счет принудительного перемещения в те места, где есть потребность в рабочих руках.

Но как определить, сколько нужно рабочего населения в том или ином соцгороде; как заблаговременно просчитать, сколько людей должно работать на предприятиях общественного питания, в прачечных, на общественном транспорте, в школах, городской администрации и т. п.; каким должен быть процент неработающего населения (женщины, старики, дети, инвалиды) по отношению к работающему, чтобы обеспечить оптимальное функционирование поселения? К какому «нормативному» показателю следует стремиться, и какие административные действия нужно предпринимать для его обеспечения?

К моменту постановки всех этих вопросов уже существовала расчетная формула, изложенная в труде В. А. Глазырина¹¹⁸, написанном в 1927 г. и опубликованном двумя частями в 1928–1929 гг., в период, фактически переходный от концепции социалистического рабочего поселка-сада к концепции соцгорода. Эта формула была такова: $\Sigma N = [(N^1 + N^2 + N^3)(1+\alpha)](1+\beta)$, где ΣN — численность населения поселка-сада, N^1 — расчетное количество рабочих и служащих производственного предприятия¹¹⁹, N^2 — число служащих «обслуживающих предприятий», занятых административным, санитарным и общим надзором, N^3 — «переселенцы», часть окрестного населения, которая «притягиваясь» к населенному пункту «городского типа», меняет свое место жительства в сельской местности и переселяется в поселок-сад, α — коэффициент семейности, β — показатель прироста трудоспособного населения в связи с расширением промышленного предприятия¹²⁰.

Метод расчета количества населения поселка-сада, предложенный В. А. Глазыриным, во многом превосходит официально принятую

позднее методику расчета нормативной численности населения социалистического города. Предлагаемая им формула расчета еще содержит «старую» компоненту — «прирост населения», но трактует ее уже в соответствии с новым пониманием — как потребность в дополнительной рабочей силе в результате расширения градообразующего предприятия. Но с точки зрения постулатов концепции соцрасселения и эта формула, адаптированная к советской градостроительной доктрине, содержит ряд грубейших ошибок.

Первая состоит в том, что глазыринская формула рассматривает жен индустриальных рабочих в качестве обособленного контингента жителей поселения. Причем неработающих домохозяек. В подсчет они входят отдельной величиной, в той единице, которая прибавляется к среднему показателю численности детей в среднестатистической семье — $(1+\alpha)$. В противоположность этому подходу концепция соцрасселения свои теоретико-идеологические постулаты формулирует предельно четко и однозначно: жены рабочих должны трудиться на тех же предприятиях, что и их мужья, или в сфере обслуживания. Это не только позволяет увеличить численность трудовых ресурсов и «дополнительно вовлечь в промышленное производство 75 млн пар рабочих рук женского населения страны»¹²¹, но и обеспечивает уменьшение числа лиц, которые должны быть размещены в социалистических поселениях при новых заводах, что, в свою очередь, дает ощутимое снижение затрат на строительство. То есть, в соответствии с концепцией соцрасселения жены рабочих производственного предприятия, для нужд которого проектируется новый населенный пункт, должны включаться в состав расчетного количества рабочих — в показатель N^1 глазыринской формулы.

Постановление ЦК ВКП(б) «Об очередных задачах партии по работе среди работниц и крестьянок» от 15 июня 1929 г.¹²² установку на максимально полное включение женской части населения в трудовую деятельность на производстве, на применение «женской рабочей силы» в тяжелой индустрии превратило фактически в законодательное положение¹²³. После его выхода в свет установка на включение женской части населения в трудовую деятельность последовательно реализуется в проектной практике. Так, например, при проектировании соцгорода при Нижегородском автомобильном заводе «... взята ориентировка на постройку ... такого города, в котором ... дастся возможность всем трудоспособным членам семьи, в том числе и женщинам, быть работниками на производстве. Коэффициент семейности вместо нормального — 2,8–3 в городе социалистического типа может быть снижен до 2, в связи с чем, постройка жилой площади на 12 500 рабочих должна быть рассчитана только на 25 000 населения. Полная программа выпуска автозавода, включая металлургический

цех и радиаторный завод, потребует примерно 22—25 тыс. работающих, для которых при строительстве поселка обычного типа нужно было бы построить жилой площади на 66—77 тыс. человек. Учитывая же преимущества обобщественного типа поселка, жилстроительство надо будет вести на 44—50 тыс. жителей. Это даст огромную экономию ...»¹²⁴.

Вторая ошибка расчетной формулы В. А. Глазырина состоит в том, что категория N^2 — сотрудники обслуживающих предприятий, входят в расчет самостоятельным контингентом, имеющим собственные семьи (жен и детей), и поэтому отдельно умножаемым на $(1+\alpha)$. В противоположность этому теоретико-идеологические постулаты концепции соцрасселения в качестве одного из основных способов увеличения процента включенности женской части населения в процессы обеспечения производственной деятельности утверждают необходимость заполнения сферы обслуживания бытовых нужд населения членами семей тех рабочих, которые трудятся на градообразующем предприятии. Т. е. в сфере обслуживания должны быть заняты не «дополнительные» работники, плюсуемые к числу индустриальных рабочих, имеющие свои собственные семьи и нуждающиеся в собственном жилище, а «вторая часть взрослой составляющей» семей индустриальных рабочих — их жены.

В результате этого «высвобожденные от домашнего труда женщины» превращаются в рабочих¹²⁵, административных служащих или трудящихся системы общественного (в том числе культурно-бытового) обслуживания, что позволяет уменьшить общее расчетное количество населения соцгорода. Так, если «...на 1000 рабочих обычно требуется разместить населения (включая служащих, детей и т. д.) не менее 5000 чел., и ...мы будем иметь общественное обслуживание бытовых нужд (а высвобождающихся от домашнего труда женщин трудоустраивать на предприятиях соцкультбыта. — *Авт.*), то на те же 1000 рабочих потребуются разместить не более 3000 чел., т. е., по крайней мере, на 40 % меньше. В дальнейшем при использовании труда детей количество (населения поселка. — *Авт.*) будет еще меньше»¹²⁶.

Третья ошибка глазыринской формулы заключается в учете лиц, самостоятельно переселяющихся в соцгород из прилегающих сельскохозяйственных зон, — показатель N^3 . Теоретико-идеологические постулаты концепции соцрасселения однозначно фиксируют, что сельскохозяйственное население не имеет права утекать куда бы то ни было, а должно быть прикреплено к месту сельскохозяйственного труда, где обязано стабильно производить продукты питания, обеспечивая ими население соцгорода.

Концепция соцрасселения выражает социальную политику власти, направленную на полное искоренение неработающей части на-

селения, на принуждение нетрудящихся к труду, на принудительное включение и работающих, и служащих в трудо-бытовые коллективы. «Скорость исчезновения как класса неработающих групп населения определяется так называемым «коэффициентом пролетаризации». В случаях проектирования новых социалистических городов, «... где неработающего населения не будет, применение этого коэффициента необходимо опустить»¹²⁷. Поэтому расчетно-нормативные показатели основываются на принципе, что в соцгородах никаких иных категорий населения, кроме работающего, быть не должно (т. е. не должно быть никаких безработных). Так все и будет сделано — этот принцип в начале 1930-х гг. будет законодательно официально зафиксирован серией постановлений ЦИК и СНК СССР о паспортной системе и прописке, и советская власть начнет бороться с неработающими в соцгородах самыми жесткими способами.

Именно поэтому, в частности, в постановлении СНК РСФСР от 11 ноября 1929 г. «О строительстве Магнитогорского комбината и г. Магнитогорска» указывается: «...количественный расчет населения города должен исходить из полного использования всего трудоспособного населения в производстве или коммунально-бытовом обслуживании ...»; «... строящийся г. Магнитогорск является чисто пролетарским городом, полностью связанным с работой Магнитогорского комбината...»¹²⁸.

Эта задача является не столько расчетной, сколько организационно-управленческой, так как по данным переписи населения 1926 г. в существующих городах СССР иждивенцев насчитывается 60 %. Причем, домохозяйки составляют из этого числа около одной трети¹²⁹, т. е. пятую часть городского населения страны:

Иждивенцы — 60 %

Работающие на производстве — 26 %

Работающие на транспорте — 4 %

Работающие по торговле и снабжению — 3,5 %

Просвещенцы и воспитатели — 2,5 %

Работники коммунальных органов и пр. советских учреждений — 2,5 %

Работники здравоохранения — 1,5 %

Итого баланс населения:

Иждивенцы — 40 %

Домашние хозяйки — 20 %

Занятые на производстве — 26 %

Обслуживающий персонал — 14 %

Всего — 100 %

Осуществляющийся в предшествующие годы расчет потребности новых промышленных предприятий в рабочей силе основывается именно на этом процентном соотношении, выведенном из статистических данных переписи 1926 г. Так, при проектировании завода сельскохозяйственного машиностроения в Ростове-на-Дону

общее потребное количество рабсилы принимается в количестве 5114 чел., из которых служащих — 14,8 % (748 чел.), рабочих — 85,2 % (4366 чел.)¹³⁰. При этом количество работающих женщин в 10,5 раз меньше числа мужчин: мужчин (рабочих и служащих) — 4345 чел., женщин — 406 чел.

Идеологически противопоставляясь подобному положению дел, концепция соцрасселения требует все трудоспособное население (без какого бы то ни было исключения и без различия полов) вовлечь в производительный и общественно-полезный труд. В результате этого к категории работающих на производстве или на предприятиях обслуживания могут прибавиться еще 20 % рабочих рук бывших домохозяек. Исходя из этого, известный советский экономист и статистик С. Струмилин предлагает принять для новых населенных мест расчет перспективного баланса населения на основе всего четырех позиций (правда, оставив численность домохозяек в размере 4 %):

Иждивенцы (в силу возрастного положения) — 40 %

Домохозяйки — 4 %

Работающие на производстве — 42 %

Работающие по обслуживанию — 14 %

Всего — 100 %¹³¹

Установка на расширение числа женщин, задействованных в обслуживании, зафиксирована в постановлении ЦК ВКП(б) от 15 июня 1929 г. «Об очередных задачах партии по работе среди работниц и крестьянок»: «...*При проведении плана применения женской рабочей силы ЦК предлагает исходить из... в) максимального заполнения женским трудом швейной, бумажной, пищевкусовой, текстильной, химической промышленности; г) максимального расширения применения женского труда в торговом и советском аппаратах и на транспорте (кондуктора, возжатые, шоферы и т. д.)*»¹³².

Эта установка в ходе дискуссии о соцрасселении получает свое концептуальное развитие: звучат призывы о стопроцентном включении женской части населения соцгородов в производственную или обслуживающую деятельность. Предлагается исключить какое бы то ни было наличие «нетрудящихся», в том числе и 4 % домохозяек.

Эта установка не является произвольной или надуманной. Она практически воплощается в расчетах численности населения соцгородов. Так, при проектировании в начале 1930 г. соцгорода Московского энерго-химического комбината женская часть населения учитывается в расчете, как целиком занятая на основном производстве и в обслуживании. Поэтому она полностью исключается из коэффициента семейности, который в результате уменьшается на единицу, и в котором остаются только «иждивенцы по возрасту» — дети. Исчерпывающее объяснение подобной расчетной процедуры

дано в разъяснениях к проекту «средний коэффициент семейности для угольных бассейнов до сих пор считается от 3,5 до 4. В данном случае предполагается использование избыточного женского населения на предприятиях комбината (кроме шахт), на химических заводах, отчасти в керамической группе и в большинстве случаев на обслуживающих город предприятиях, благодаря чему коэффициент семейности может (...) быть доведен до 2,5 что и дает население всего города в 52 000 чел. при 21 000 чел. рабочих и служащих»¹³³.

Кстати, в ходе дискуссии о соцрасселении были неоднократно высказаны предложения о том, что за счет поголовного включения женщин в производительный труд, нужно сводить число «домохозяек» к нулю. А также стремиться к максимальному уменьшению количества «иждивенцев».

Предельно демагогические заявления участников дискуссии о необходимости включать в трудовую деятельность «всех трудоспособных членов семьи рабочих»¹³⁴ оказывается имеют непосредственное воплощение в практике градостроительного проектирования. Например, расчеты предполагают, что молодежь и подростки параллельно с обучением во втузах или фабзавах должны быть постоянно задействованы в производственной или обслуживающей сферах. Это способно еще больше уменьшить расчетную численность населения будущего соцгорода и дать еще большую экономию средств, необходимых для возведения селитбы.

Следует заметить, что в этом призыве нет ничего нового, так как в проектах поселений при заводах-новостройках подобное давно практикуется. Так, в уже упомянутом проекте поселка при заводе сельскохозяйственного машиностроения в г. Ростове-на-Дону, численность и рабочих, и служащих слагается с учетом подростков — «рабочих: женщин — 270, мужчин — 3660, подростков — 436; служащих: женщин — 138, мужчин — 585, подростков — 25»¹³⁵.

Подростки должны проходить обучение рабочим профессиям в заводских учебных заведениях, ежегодно восполняя естественную убыль первоначально скомплектованной на заводе квалифицированной рабочей силы: «... пополнение убыли квалифицированной и полуквалифицированной рабсилы создает особую задачу, для разрешения которой проектируется фабзавуч, бригадное ученичество и профтехнические курсы. Для расчета фабзвуча принята ежегодная естественная убыль квалифицированной рабсилы по норме 4,1 % в количестве 30 человек металлистов (слесаря, слесаря-механика, станочника). В связи с этим комплекс школы ФЗУ определяется в 140 учеников с ежегодным выпуском 30 человек»¹³⁶. То же самое и в проекте тракторного завода им. Ф. Дзержинского в Сталинграде, выполненном Гипромезом в 1928 г.: «...размер ежегодной убыли квалифицирован-

ной рабсилы на заводе определяет собой размер ежегодного выпуска учеников из школы фабзавуча, каковой принят 40 человек»¹³⁷.

Программы проектирования соцгородов требуют предусматривать в генпланах поселений «школы ФЗС, втузы, техникумы, фабзавуч и ШУМП» (причем, значительной емкости), размещая их в непосредственной близости к заводу»¹³⁸. В целях максимально полного включения учащейся молодежи в производственную деятельность рекомендуется «помещения для курсов дополнительного рабочего образования» располагать прямо на территории градообразующего предприятия¹³⁹. Так, в проекте тракторного завода им. Ф. Дзержинского в Сталинграде (1928) указано: «Фабзавуч расположен на территории завода»¹⁴⁰. В утвержденной СТО и Госпланом СССР 1 сентября 1930 г. «Программе для составления эскизных проектов планировки и застройки городов Магнитогорска и Кузнецка и типов жилых домов» предписано: «для школ ... и курсов дополнительного рабочего образования на территории завода должны предусматриваться учебные мастерские ... на 3000 учебных мест»¹⁴¹. И так во многих других проектных документах.

Попытки при проектировании поселков подле предприятий-новостроек свести расчетную формулу к минимальному количеству показателей происходят в проектной практике, начиная еще с 1927–1928 гг. К 1930 г. в процедурах по определению расчетной численности обитателей соцгородов все трудоспособное население сводится к двум категориям: а) градообразующей — рабочие (служащие) производственных предприятий; б) градообслуживающей — трудящиеся сферы обслуживания (члены семей рабочих градообразующих предприятий). В итоге нормативно-расчетная формула оказывается состоящей всего лишь из двух показателей: а) рабочее население (мужчины и женщины), которые в расчетную формулу входят единым показателем, так как рассматриваются одинаково включенными в производительный труд; б) неработающие (малолетние дети, пенсионеры, инвалиды). Затем по формуле: $\Sigma N = (N^1 + N^2) \alpha$ осуществляется простое умножение численности рабочего населения на коэффициент семейности, где: ΣN — планируемая численность населения соцгорода, N^1 — расчетное количество рабочих и служащих градообразующего предприятия, N^2 — расчетное количество сотрудников предприятий обслуживания, α — коэффициент семейности.

Именно таким образом осуществляются, например, расчеты в проектах Гипромеза, где еще в 1927 г. при исчислении количества населения поселка-сада подле вагоностроительного завода в Нижнем Тагиле, число рабочих и служащих завода (5400 чел.) умножается на минимальный коэффициент семейности (2,22), давая общую численность населения — 12 000 чел.¹⁴² Таким же образом вычисляется в том же

году количество населения поселка при заводе сельскохозяйственного машиностроения в г. Ростове-на-Дону¹⁴³. Также и в 1928 г. при проектировании тракторного завода им. Ф. Дзержинского в Сталинграде в расчете численности населения поселка фигурируют только два показателя: а) количество рабочих и служащих промышленного предприятия (N^1), и б) «чистый» коэффициент семейности¹⁴⁴ (α): «3500 рабочих или 10 500 жителей (вместе с семьями рабочих)»¹⁴⁵.

С 1930 г. эта формула становится общепринятой — ее используют практически все проектные организации. В частности, она применяется при проектировании соцгорода Московского энергохимического комбината: N^1 — расчетное количество рабочих и служащих градообразующих предприятий («градообразующая категория») — численность, собственно, индустриальных, горных и транспортных рабочих и служащих — 15 000 чел.; N^2 — расчетное количество сотрудников предприятий сферы обслуживания («градообслуживающая категория») — трудящиеся общественно-коммунальных, пищевых и проч. — 6000 чел. Итого — общая численность ($N^1 + N^2$) = 21 000 чел. Коэффициент семейности (α) — 2,5. В итоге, искомая величина численности населения соцгорода составляет: $\Sigma N = (N^1 + N^2) \alpha = 21\,000 \times 2,5 = 52\,500$ чел.¹⁴⁶

Точно такой же способ расчета применяет в 1931 г. Э. Май (работающий в составе Стандартгорпроекта), при определении расчетной численности населения г. Новокузнецка: «металлургическая промышленность требует 11 400 чел. рабочих, в горной промышленности — 3000 раб., в кирпичной промышленности — около 300. Кроме того, еще следующие числа: химический комбинат и цементная фабрика вместе — 3 тыс. рабочих. Итого 17 700 чел. рабочих во всех запроектированных и уже существующих индустриальных предприятий ... еще 9 тыс. транспортных рабочих и 1 тыс. для обслуживания фабрики-кухни и других нарпитовских предприятий...»¹⁴⁷. Затем, умножением численности рабочих градообразующих предприятий и предприятий обслуживания на коэффициент семейности (3,075) Э. Май выводит общую расчетную численность населения г. Новокузнецка — 83 000 чел.¹⁴⁸

Для совершенствования данной расчетной формулы важен учет семейного состава населения, связанного с очевидным наличием холостых людей обоего пола. Учет этого показателя способен еще более уменьшить расчетную численность потребного количества населения, так как выводит из умножения на коэффициент семейности некоторую его часть. Уже в проектах 1927–1928 гг. процедура расчета предусматривает вычитание численности холостых рабочих и служащих из общего количества трудящихся. Так, в выполненном Гипромеэом в этот период проекте Уральского машиностроительного

завода в г. Свердловске количество одиноких рабочих и служащих (30 %) отнимается от общей численности трудового контингента и на коэффициент семейности не умножается¹⁴⁹.

В дальнейшем процент численности холостых рабочих и служащих уточняется, так как на основе собираемых статистических данных выясняется, что холостых из общего числа рабочих обычно, действительно, насчитывается 30 %, а вот среди служащих процент холостых значительно меньше — 20 %¹⁵⁰. Поэтому, например, в выполненном несколько позже Гипрометзом проекте рабочего поселка Магнитогорского металлургического завода, при расчете общей численности населения показатель количества холостых берется уже дифференцировано:

Рабочих на заводе — 4923 чел.

Служащих — 960 чел.

Рабочих на руднике — 875 чел.

Служащих на руднике — 131 чел.

Рабочих в фабзавуче — 180 чел.

Служащих — 49 чел.

Итого служащих — 1140 чел.

Итого рабочих — 5798 чел.

Холостых служащих — 20 % — 228 чел.

Холостых рабочих — 30 % — 1793 чел.

Итого в поселке холостых — 2021 чел.

Соответственно:

Семейных служащих — 80 % — 912 чел.

Семейных рабочих — 70 % — 4185 чел.

Итого семейных в поселке — 5097 чел.

Коэффициент семейности — 3,5

Расчет: $5097 \times 3,5 = 17\,840$ чел.

Общая численность населения рабочего поселка:

$17\,840 + 2021 = 19\,861$ чел.¹⁵¹

К 1930 г. этот показатель еще более конкретизируется, так как статистические обследования показывают, что некоторая часть взрослых холостых людей обитает не автономно, а проживает вместе со своими родителями (часто по причине острого дефицита жилплощади, часто для облегчения бытового положения за счет совместного ведения общесемейного хозяйства). Этот факт приводит к тому, что в программах проектирования соцгородов общероссийский статистический показатель количества одиноких начинает учитываться не в размере 30 %, а задается в размере 20 %¹⁵².

Учет количества холостой части населения играет большую роль при предварительном определении потребной типологии жилого фонда, т. е. необходимого числа строений тех или иных типов и, соответственно, баланса территории селитьбы. Прежде всего потому, что

расселять всех холостых рабочих и служащих предполагается исключительно в рабочих общежитиях. Таким образом, например, предусматривалось расселение всех холостых рабочих и служащих в проекте рабочего поселка при Магнитогорском металлургическом заводе, выполненном в 1929 г. Гипрометзом, где 2000 чел. холостых рабочих и служащих должны были проживать в запланированных к возведению 14 каменных общежитиях на 100 чел. каждый и 15 деревянных общежитиях на 40 чел. каждый¹⁵³. То же и в реализованной в 1930 г. Стандартгорпроект¹⁵⁴ программе проектирования уже не поселка, а соцгорода Магнитогорска (который к этому времени по расчетной численности населения в несколько раз перерос первоначально проектировавшийся рабочий поселок). То же и в программе проектирования соцгорода Кузнецка¹⁵⁵ и др. Аналогичное предписание на заселение данной категории рабочих в общежития встречается и позднее, в расчетных предписаниях 1931 г., разработанных С. Н. Покшишевским.

Учет процента холостых рабочих и служащих и включение его в расчет общей численности населения отдельно от семейной части приводит, в конечном счете, к изменению самого коэффициента семейности. Он уточняется количественно и начинает умножаться не на всех жителей поселения, а только на число семейных.

В целом, динамика изменения этого коэффициента такова: в 1919 г. он принимается опытным путем в размере 2,7. Например, при расчете численности населения рабочего поселка при Саратовском государственном заводе сельскохозяйственных машин и орудий «Звезда», произведенном в марте 1919 г. правлением завода, в основу берется именно этот показатель. В итоге, на 3000 рабочих общая численность населения получается 8000 чел. Кстати, этот расчет подвергается серьезной критике проводившего экспертизу проекта В. Семенова. В частности, он указывает на заниженную численность среднего размера семьи: «... население поселка при его окончании надо исчислять не в 8, а тысяч в 10–12 ...», т. е. коэффициент семейности должен приниматься в размере 3,3–4 чел.

В 1926 г. на основе статистических данных, полученных в результате всесоюзной переписи населения, коэффициент определяется в 3 человека. Именно поэтому в проекте Уральского машиностроительного завода в г. Свердловске проектировщики Гипрометза, исходя из постановления Технического совета ГЭУ ВСНХ СССР от 26–30 ноября 1926 г., принимают к расчету «показатель средней семейности — 3 человека». Таким же он остается и в обоих вариантах проекта рабочего поселка при тракторном заводе им. Ф. Дзержинского в Сталинграде, выполненном также Гипрометзом в 1927–1928 гг.¹⁵⁶

Но к концу 1920-х гг. постоянно увеличивающийся приток в города и на стройки пятилетки многосемейного крестьянского населения приводит к увеличению этого показателя и, например, в проекте

Магнитогорского металлургического завода, выполненном в 1929 г. все тем же Гипрометом, коэффициент семейности принимается уже в размере 3,5 чел. А вот при определении Стандартгорпроектом в 1930 г. расчетной численности населения г. Новокузнецка¹⁵⁷ коэффициент семейности вновь принимается почти равным 3 (точнее — 3,075). То же и в программе конкурсного проекта рабочего поселка в районе рудника им. А. Рыкова, близ станции Бобрик-Донской Рязанско-Уральской железной дороги, заданной Московским архитектурным обществом в конце 1929 г., где коэффициент семейности взят в еще более малом размере — 2,9¹⁵⁸.

Важно подчеркнуть, что для определенных категорий рабочих, занятых на тяжелых физических работах (в частности, для угольных бассейнов), где участие женского труда в основном производстве является минимальным, в состав этого коэффициента включается «дополнительная единица» — неработающая домохозяйка. Так, в 1930 г. при проектировании соцгорода Московского электро-химического комбината коэффициент семейности принимается 3,5–4 чел.

Коэффициент семейности уточнялся и корректировался также и ведомственными инструкциями. Например, для транспортных рабочих он брался таким же, как и для угольщиков, и семей горных рабочих, т. е. 3,5–4 чел. Немецкий архитектор Рудольф Волтерс, работавший в 1932–1933 г. в Новосибирске, вспоминал, что при проектировании поселка им. Эйхе для железнодорожных рабочих при паровозоремонтном заводе и сортировочной станции, он при расчетах, опираясь на «статистику и нормы народного комиссариата», вычислял общую численность поселка (на 6800 рабочих) в количестве чуть меньше, чем 25 000 чел., т. е. с коэффициентом семейности — 3,65¹⁵⁹.

В расчетных формулах в начале 1930-х гг. «рабочие и служащие для хозяйственных, культурно-просветительных и санитарных целей» присутствуют уже в качестве отдельной категории. Так, Гипрометом в проекте Уральского машиностроительного завода в г. Свердловске численность «персонала, обслуживающего культурные, снабженческие и другие нужды поселка», принимается в размере 5% от общего количества населения. А в позднее выполненном проекте Магнитогорского металлургического завода она конкретизируется и принимается уже в расчете 10% от числа рабочих и служащих основных производств¹⁶⁰. В дальнейшем эта категория будет выделена в отдельный расчетный показатель — «градообслуживающая база».

Дальнейшее совершенствование расчетной формулы идет также в направлении уточнения состава предприятий, относимых к «градообразующим»: «в градообразующую промышленную базу города входят: (...) вероятное количество рабочих и служащих промышленности союзного, республиканского значения, железнодорожного и водного транспорта, которые в данном городе будут проживать на расчетные

года. К этой численности трудящихся следует добавить количество рабочих и служащих местной промышленности и планируемой кустарной промышленности»¹⁶¹.

Совершенствование формулы идет и по пути конкретизации состава «градообслуживающей» базы, т. е. той части трудящихся, которая занята в обслуживании населения города в учреждениях по оказанию разных социальных услуг». В 1933 г. к ней относятся: «1) административные, хозяйственные и общественные организации города; 2) городской механический пассажирский транспорт; 3) индивидуальный пассажирский транспорт; 4) групповой транспорт промышленных предприятий; 5) водопровод, канализация, теплофикационные и газовые установки; 6) организации, ведающие эксплуатацией уличной сети и городских зеленых насаждений; 7) пожарная охрана; 8) санитарно-гигиенические предприятия; 9) гостиницы; 10) организации по эксплуатации жилого квартала; 11) предприятия общественного питания; 12) магазины и склады; 13) лечебно-профилактическая и санитарная сеть; 14) система народного просвещения; 15) предприятия местного значения»¹⁶².

Но поскольку «градообслуживающая» часть трудового населения все равно является производной от промышленной базы города, т. е. не может быть по численности больше «градообразующей», и поскольку она все равно составляется из членов семей промышленных рабочих, постольку для еще большего упрощения расчета общей численности населения соцгорода предлагается в качестве основного показателя принимать лишь количество рабочих «градообразующей» части. Таким образом, основной расчетной единицей становится «рабочий градообразующего предприятия». Отдельно считать количество рабочих, занятых «обслуживанием», не нужно, так как в градообслуживающей сфере работает «вторая половина семей» «рабочих градообразующего предприятия» — их жены. Поэтому из расчета они исключаются¹⁶³. Но появляются в расчетной формуле как приходящиеся «на одного рабочего» члены семьи, т. е. включенные в коэффициент семейности наряду с детьми и стариками.

В итоге параметры расчета численности населения соцгорода сводятся всего лишь к двум показателям: показатель численности рабочих градообразующей составляющей, умноженный на статистически определенный коэффициент семейности (с уже учтенным в нем количеством холостых людей, жен, детей, стариков, инвалидов и проч.). Формула приобретает вид: $N = R$ умноженное на 3,87 (или $3,87 R$); где N — искомая численность населения; R — градообразующая рабочая сила, а 3,87 — средний количественный состав семьи¹⁶⁴.

В соответствии с общим нормативом, регулирующим отношение «градообразующей» части к «обслуживающей», обслуживающего

контингента должно быть не больше, чем 30 % от количества рабочих градообразующих предприятий. Поэтому даже за вычетом холостой части населения слишком много женского населения остается «расчетно не задействованным» в производстве». Например, если в поселке проживает 1000 человек работников градообразующего предприятия, то при умножении на коэффициент семейности (3,87) общая численность населения поселка составляет 3870 чел. Из них трудоспособного населения насчитывается 52 %, т. е. 2012 чел. При условии, что количество лиц обоего пола примерно одинаково, получаем: 1006 мужчин и 1006 женщин. При условии занятости в обслуживании 30 % преимущественно женской части населения (т. е. 301 чел.) получается, что не вовлеченными в общественно полезный труд и, следовательно, «нетрудящимися» остаются около 705 чел. женского населения.

Подобное положение дел в рамках концепции соцрасселения рассматривается как недопустимое. Для его исправления предлагается уже на уровне расчетной формулы включать женщин в основной штатный состав рабочих градообразующих предприятий. В итоге в формуле расчета численности населения поселка, предложенной в 1931 г. С. Покшишевским¹⁶⁵, предлагается уменьшить общую расчетную численность населения за счет учета процента женщин, изначально включаемых в работу на основном производстве: $N = R$ умноженный на K , где N — искомая численность населения; R — численность рабочих (количество рабочих и служащих по штатным спискам градообразующих предприятий), а вот показатель K — это уже не просто коэффициент семейности, а сложный показатель, учитывающий процент женщин, занятых на производстве: $K = n + c(1 - n) + sn + sc(1 - n) - fc(1 - n)$, где n — процент одиноких (холостых) среди штатных рабочих и служащих; s — процент обслуживающего населения; c — коэффициент семейности среди штатных рабочих, служащих и обслуживающего населения; f — процент женщин, занятых на производстве.

Введение подобной уточненной формулы позволяет серьезно уменьшить итоговую расчетную величину населения города. Например, без учета женщин, занятых на основном производстве, коэффициент K , высчитываемый по формуле: $K = n + c(1 - n) + sn + sc(1 - n)$, составлял 3,737 (при величинах: $n = 0,25$; $c = 3,5$; и $s = 0,3$). А с учетом всего лишь 10 % женщин, занятых на основном производстве, тот же коэффициент, рассчитанный по формуле: $K = n + c(1 - n) + sn + sc(1 - n) - fc(1 - n)$, уже составляет 3,474. Это позволяет на каждую 1000 численности рабочих градообразующих предприятий снижать расчетную численность населения соцгорода на 260 человек.

Как уже было сказано, степень вовлечения женщин в состав «градообразующей» части населения в значительной степени зависит

от характера промышленного производства, подле которого возводится поселение. Это приводит к выдвиганию требования уточнения коэффициента К в отношении каждого конкретного случая. Исходя из этого, например, на заседании Научно-технического совета ГУКХ НКВД от 20 марта 1931 г. по рассмотрению выполненного Гипрогором проекта рабочего поселка «Оптикогорск» при заводе точной механики № 19 под Москвой, предписывается уточнить планируемое количество населения, «имея в виду, что по характеру производства на означенном заводе может быть проведено полное вовлечение в работу женского труда, и таким образом, общепринятый коэффициент семейности не может быть в данном случае применен. При снижении же такового коэффициента количество населения может значительно уменьшиться»¹⁶⁶.

Формулы по определению расчетного состава населения соцпоселков и соцгородов используются в проектной практике в качестве исходного пункта проектирования. Так как именно перспективная численность населения (через установление плотности расселения на гектар) позволяет определять требуемую площадь поселения и осуществлять отвод территории под застройку. То есть процедура проектирования поселения подразделяется на следующие стадии: а) устанавливается численность населения; б) принимается тот или иной тип застройки и его этажность; в) фиксируется плотность застройки, являющаяся производной от данного типа и этажности застройки; г) *вычисляется требуемый размер территории под застройку поселения. Например, именно таким образом проверяется правильность принимаемых проектировщиками решений при экспертизе проекта рабочего поселка «Оптикогорск»: «... относительно многоэтажного строительства ориентироваться на директивы правительства об использовании облегченных конструкций и печного отопления. При условии стесненности территории здесь должна быть допущена только трехэтажная застройка. При такой застройке плотность населения, предположенная в основных заданиях в 320 чел., является преувеличенной. Ее надлежит установить в размере не свыше 250 чел. на один га. В соответствии с уточненным количеством населения и установленной плотностью заселения пересмотреть размер территории, выяснить возможности расширения территории, намеченной схемой планировки под застройку»¹⁶⁷.

Расчетные формулы периода первой пятилетки (конца 1920-х — начала 1930-х гг.) не предусматривают учет каких бы то ни было неконтролируемых дополнительных «поступлений» или «убываний» населения. В частности, отбрасывают предлагаемую формулой В. А. Глазырина категорию «естественных переселенцев» (окрестного населения), которая, «притягиваясь к городу», имеет возможность, по предположениям В. А. Глазырина, самостоятельно оставлять

место своего жительства в сельской местности и переселяться в соцпоселения. Подобное самостоятельное перемещение сельского населения в города концепцией соцгорода и, как следствие, методикой расчета численности населения категорически отвергается. Исходя из этого, отвергается и сам «статистический метод», идеологически осуждаемый за то, что «переносит капиталистическую стихию в социалистическую организованность, исключая элементы случайности...»¹⁶⁸, а практически неприемлемый потому, что опирается на естественные закономерности (естественно сложившиеся условия и тенденции), а не на целевые установки, направленные на изменение этих закономерностей (условий и тенденций).

Методология расчетов окончательно опирается на «метод трудового баланса», поскольку он способен обеспечить определение численности «социально-необходимых» контингентов населения. Будучи доработанным уже после закрытия дискуссии о соцрасселении, подобный метод приобретает официальный статус, и все проектные организации постепенно переходят на него. Так например, в 1931 г. от статистического метода расчета населения отказывается и переходит к методу расчета «по трудовому балансу» Гипрогор¹⁶⁹, его же начинает использовать и Стандартгорпроект, и другие проектные организации. Определенная при помощи этого метода «социально-необходимая численность населения» обуславливает в количественном отношении и все остальные показатели составных частей и элементов города — потребные размеры селитебной территории (потребное расчетное количество квадратных метров жилья), величину зеленых насаждений, необходимую площадь пригородной аграрной зоны, мощность сетей обслуживания и емкость предприятий, входящих в их состав (планируемое количество блюд в столовой, пропускную способность прачечных, количество посадочных мест в клубе, количество коек в поликлинике и проч.).

Отказ от статистических методов прогноза перспективной численности населения окончательно закрепляет поворот к определению «нормативного» состава и количества видов сооружений в городах, исходя не из того, что нужно, а в соответствии с тем, что разрешено, что покажет расчет: сколько на расчетное число жителей допустимо построить клубов, больниц, школ, фабрик-кухонь, столовых, квадратных метров жилья, зеленых насаждений и т. д.

При этом новая методика все же не учитывает целый спектр категорий «внешних контингентов рабочих рук» — силовых структур, кадров управления прилегающими территориями районного значения, работников научной сферы, преподавателей вузов и втузов и др., что и предопределяет в последующие годы направления ее совершенствования, уточнения и развития.

«Кочевники поневоле» — насильственное комплектование населения соцгородов*

Одна из основных проблем сталинской индустриализации — обеспечение строек пятилеток рабочей силой. Потому, что не слишком много было желающих уезжать из существующих городов, пусть с непростой, но все же устоявшейся жизнью. Новостройки представлялись с несоизмеримо более тяжкими бытовыми и производственными условиями. В любом случае, имеющегося городского населения было явно недостаточно для заполнения формирующихся рабочих мест, а крестьяне вовсе не стремились начинать новую жизнь и превращаться в индустриальных рабочих или служащих. А еще потому, что власть не хотела терять ни времени, ни денег, ни ресурсов, ни сил на создание в поселениях-новостройках лучших условий жизни, чем в существующих городах, для стимулирования переезда квалифицированных кадров.

Оставалось только одно — заполнить рабочие поселки рабочей силой принудительно. Для этого власть начинает изыскивать всевозможные решения. В их числе — ликвидация НЭП, частного предпринимательства и свободной торговли. Помимо прочего, это приводит к тому, что все городское население оказывается в прямой зависимости от места работы, потому что снабжение едой и продуктами первой необходимости начинает осуществляться не через свободную торговлю, а преимущественно за счет распределения по месту работы через администрацию предприятия. Прожить, не работая на казенной службе, становится практически невозможным. Власть сознательно создает эту ситуацию, так как она облегчает государству возможность за счет ужесточения приема на работу в существующих городах, за счет введения паспортного режима и прописки, за счет ужесточения

* Данный раздел подготовлен при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) в рамках научно-исследовательского проекта «Разработка градостроительных принципов координированного развития функционально-пространственной структуры контактно-расположенных городов: агломерации в системе расселения современной России». № 09-06-13520-офи_ц. 2009–2010.

гонений на «лишенцев» и т. п. выдавливать людей туда, где требуются все новые и новые рабочие руки.

Крестьян, точно так же, как и горожан, необходимо насильно отрывая от земли и выталкивать на новостройки — основной целью коллективизации является перемещение «избыточного» сельского населения из деревни на стройки первой пятилетки. В книге Сабсовича «СССР через 15 лет», в главе «Избыточное население и баланс труда» эти государственные установки поданы, хотя и в слегка завуалированной, но вполне прочитаемой форме: *«Осуществление принципа "права на труд" предполагает полное использование обществом труда всех трудоспособных лиц определенного возраста. Другими словами, осуществление этого принципа совершенно несовместимо с наличием безработицы или избыточного населения в какой бы то ни было форме»*¹⁷⁰.

Здесь же Л. Сабсович рисует картину невероятного роста производительности труда в сельском хозяйстве в результате коллективизации и дает расчеты уменьшения в ближайшем будущем численности рабочих, занятых в сельском хозяйстве: в 1927/28 г. *«количество полных годовых рабочих в миллионах — 59,70»*, а *«затрата труда в 1942/43 г. в млн рабочих лет при сокращении рабочего дня вдвое — 26,72»*.

Расчеты откровенно липовые, но вот предполагаемый масштаб изъятия избыточных рабочих рук из деревни с последующим «опролетариванием» и переброской в промышленное производство, по-видимому, реальный и вполне серьезно планируемый — 25 млн чел. Во всяком случае, близкий к последовавшим событиям. Так, по официальным данным, в результате выдавливания населения из деревни в ходе коллективизации городское население СССР за одну лишь первую пятилетку увеличилось на 13,9 млн чел. А на 1937 г. было запланировано уже 46,1 млн чел.¹⁷¹

Формирование коллективов строителей градообразующих предприятий, а затем из их числа производственных коллективов этих же предприятий и, в конечном счете, всего населения «соцгородов»-новостроек, осуществлялось также планомерно и также принудительно, как и все прочие государственные программы сталинского периода.

Если схематично описать этот механизм, то он представлял собой следующее: узкий круг политических руководителей государства (Оргбюро ЦК ВКП(б)) принимал то или иное решение; ЦК ВКП(б) это решение утверждал (особо крупномасштабные вопросы выносились на утверждение пленумов и съездов партии); законодательно решения закреплялись постановлениями соответствующих государственных органов (ЦИК и СНК СССР, ВЦИК и СНК РСФСР, советов народных комиссаров союзных и автономных республик, СТО, ЭКОСО и т. п.); на основе этих решений главный государственный

плановый орган (Госплан) осуществлял разработку стратегии, общих плановых показателей и программ работ, а исполнительные органы (ВСНХ, наркоматы) получали соответствующие задания и разрабатывали свои части этих программ, превращая их в конкретные реализационные мероприятия.

По той же схеме была разработана и реализована программа индустриализации. Партийно-правительственное руководство страной приняло решение об объеме и темпах формирования военно-промышленного комплекса (названного «ускоренным планом индустриализации»), а также об осуществлении неразрывно связанной с этим программы освоения сырьевых ресурсов в отдаленных районах страны. Госплан определил потребность в рабочих руках: разработал комплекс подпрограмм и укрупненных показателей по реализации этого решения (программа коллективизации, планы перераспределения трудовых ресурсов, планы энергетического и транспортного строительства и др.). ВСНХ и другие наркоматы в соответствии с плановыми показателями разработали собственные планы реализационных мероприятий, наметив конкретные места разработки природных ископаемых, возведения профильных промышленных предприятий, формирования источников энергии, прокладки транспортных магистралей и проч., определили конкретные цифры потребности в материальных и финансовых ресурсах, рабочей силе.

В частности, Народный комиссариат труда (НКТ) определил объемы трудовых мобилизаций, разработал планы перераспределения существующей и поставки новой рабочей силы и передал их на исполнение в соответствующие органы (в частности, Всесоюзному переселенческому комитету при ЦИК СССР, Народному комиссариату земледелия (НКЗем), а также Народному комиссариату юстиции (НКЮ) и Народному комиссариату внутренних дел (НКВД), ведавшим трудовым использованием заключенных).

Вопрос обеспечения программы индустриализации потребной рабочей силой был одним из ключевых для советской власти. Если на валюту, вырученную от продажи зерна, леса, природных ископаемых и проч. можно было купить за рубежом любые технологии, нанять любых специалистов, то купить рабочие руки в том количестве, которое было необходимо для воплощения планов руководства, было нельзя.

Острый недостаток рабочей силы Россия испытывала, начиная с первых послереволюционных лет. Текучесть рабочих и служащих в начале 1920-х гг. оказывается настолько значительной, что это грозит крахом любым начинаниям власти. Люди переезжают с места на место в поисках лучших условий труда из-за несоответствия квалификации требованиям конкретного производства, из-за конфликтов

с руководством, из-за непринятия порядка, вводимого на производстве, не хотят упорно и самоотверженно трудиться и т. д. Решать все эти сложнейшие проблемы, заинтересовывать и привлекать трудоспособное население к работе власть не умеет и не хочет. Зато она хорошо умеет принуждать.

Поэтому с первых дней своего существования партийное руководство берется за решение вопроса о принудительном труде гражданского населения. Необходимость введения всеобщей трудовой повинности теоретически была изложена В. Лениным в статье, написанной в конце сентября — 1 (14) октября 1917 г. под названием «Удержат ли большевики государственную власть?» Он писал: *«Хлебная монополия, хлебная карточка, всеобщая трудовая повинность являются в руках пролетарского государства в руках полновластных Советов самым мощным средством учета и контроля, таким средством, которое, будучи распространено на капиталистов и на богатых вообще, будучи применено к ним рабочими, даст невиданную еще в истории силу "приведения в движение" государственного аппарата для преодоления сопротивления капиталистов, для подчинения их пролетарскому государству. Это средство контроля и принуждения к труду...»*¹⁷².

Теоретическое обоснование «всеобщей трудовой повинности» через два месяца законодательно утверждается в «Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа», которая 12 января 1918 г. принимается III Всероссийским съездом Советов. Попутно разъясняется, что делается это «в целях ... организации хозяйства ... и уничтожения паразитических слоев общества»¹⁷³. А 11 декабря 1918 г. принимается Инструкция «О проведении трудовой повинности», в которой детально разъясняется порядок и характер ее осуществления¹⁷⁴. Принудительный характер «общественно-полезного труда» фиксируется в ней вполне однозначно. Никто в этот момент не предполагает, что принцип принуждения к общественно-полезному труду, обращенный к «паразитическим классам», через десять лет будет применен ко всему населению страны.

Расселенческая доктрина советской власти, как уже отмечалось выше¹⁷⁵, заключалась в формировании рассредоточенной, дезурбанизированной структуры расселения, состоящей из опорных урбанизированных промышленно-селитебных образований — «пролетарских населенных пунктов», концентрирующих промышленность и прикрепленное к ней пролетарское население, выполняющих административные функции управления по отношению к прилегающим территориям сельскохозяйственного производства, зонам ресурсодобычи и тяготеющим к этому пункту фрагментам транспортной и энергетической инфраструктуры и т. п.

Предпосылки такой концепции формировались еще в первые послереволюционные годы. Нарком по военным и морским делам, председатель Реввоенсовета РСФСР, а затем СССР. Л. Троцкий писал: «...мы заинтересованы в том, чтобы территориально-административные единицы заключали в себе некоторый промышленный центр с тяготеющей к нему крестьянской периферией»¹⁷⁶. Управление населением должно было осуществляться за счет организации его в производственно-бытовые коллективы, прикрепленные к местам работы.

Советская власть с первых дней своего существования пробовала различные приемы и способы формирования производственно-бытовых коллективов и их закрепления на производстве. Первым из массово-апробированных способов становится использование труда солдат. Это решение в глазах власти является экономически целесообразным и, безусловно, моральным, поскольку построение социализма в СССР основывается на идеологии, а не на экономике. И, в частности, на идеологическом постулате о том, что «материальное стимулирование и личная заинтересованность» — это выдумки капитализма, а в советской стране государство должно заставлять человека жить и работать там, где нужно и так, как нужно, потому что «...пролетарское принуждение во всех своих формах, начиная от расстрелов и кончая трудовой повинностью, является, как парадоксально это не звучит, методом выработки коммунистического человеческого материала из человеческого материала капиталистической эпохи»¹⁷⁷.

Принудительный характер пролетарского государства обосновывается В. Лениным в одной из основополагающих работ «Государство и революция»: «Пролетариату необходима государственная власть, централизованная организация силы, организация насилия и для подавления эксплуататоров, и для руководства громадной массой населения, крестьянством, мелкой буржуазией, полупролетариями в целях налаживания социалистического хозяйства»¹⁷⁸. Этот подход теоретически разрабатывает Н. И. Бухарин в своей, вышедшей в 1920 г. книге «Экономика переходного периода»¹⁷⁹. В ней он формулирует общий принцип принудительной организации жизни и деятельности населения советского государства — т. е., собственно, организационный контекст той управленческой стратегии власти, в рамках которой впоследствии и будет осуществлена сталинская расселенческая политика. Причем Н. Бухарин подчеркивает, что «концентрированное насилие» следует обращать не только на буржуазию, но и на трудящихся, для которых оно должно выступать фактором «самоорганизации и принудительной самодисциплины»¹⁸⁰. «Верно!», — пометил В. Ленин эту мысль, перенеся акцент в словах «самодисциплины трудящихся» за счет выделения чертой на «...дисциплины трудящихся»¹⁸¹.

Эти теоретические положения позже, после отказа от НЭП будут положены в основу практических мероприятий индустриализации, основанных на массовом принудительном привлечении в народное хозяйство трудовых резервов — огромных масс крестьянского населения, отрываемого от привычных форм хозяйствования и образа жизни в ходе коллективизации.

А если уж «внеэкономическое принуждение к труду во всех его формах» предполагалось, по замыслу основоположников марксизма-ленинизма, применять к свободным гражданам, то что же говорить о мобилизованных на армейскую службу в условиях отсутствия военных действий. В 1920 г. формируется довольно своеобразная разновидность производственно-бытовых коллективов — «армейско-производственные» соединения¹⁸². 15 января 1920 г. принимается постановление Совета рабочей и крестьянской обороны «О первой революционной армии труда»¹⁸³. 17–18 января 1920 г. Политбюро ЦК РКП(б) одобряет решение о создании трудовой армии и отмечает целесообразность создания ещё нескольких. В первой половине 1920 г., кроме 1-й Революционной армии труда, образуются: Украинская советская (из войск Юго-Западного фронта), Кавказская (бывшая 8-я армия Кавказского фронта), 2-я Особая железнодорожная (бывшая 2-я армия Кавказского фронта), Петроградская революционная (бывшая 7-я армия Западного фронта), 2-я Революционная армия труда (бывшая 4-я армия Туркестанского фронта). В декабре 1920 г. образуется Донецкая, а в январе 1921 г. — Сибирская трудовая армия.

Цель создания трудовых армий заключалась в том, чтобы приспособить армейские подразделения к постоянному выполнению трудовых задач, но не разрушая при этом аппарата армии с тем, чтобы она в любой момент могла бы быть снова переведена на боевые задачи¹⁸⁴.

Основными видами работ, для осуществления которых привлекаются силы трудовых армий, являются: «а) заготовка продовольствия и фуража на основе выполнения всех разверсток, установленных Народным комиссариатом продовольствия, и сосредоточения заготовленного в известных пунктах; б) заготовка дров и подвоз их к заводам и ж.-д. станциям; в) организация для этой цели гужевого транспорта, в частности, путем подводной повинности; г) мобилизация необходимой дополнительной рабочей силы для массовых работ; д) строительные работы как в пределах указанных выше задач, так и в более широком масштабе для дальнейших постоянных работ; е) ремонт сельскохозяйственных орудий; ж) сельскохозяйственные работы и проч.»¹⁸⁵.

В итоге только в первой половине 1920 г. в работах по восстановлению народного хозяйства СССР участвовало 2,5 млн красноармейцев.

Трудармии выполняли чрезвычайно важную, с точки зрения власти, организационную функцию по отношению к мобилизованному гражданскому населению. Попадая в зону производственного охвата трудармии, оно приучалось к армейской дисциплине в выполнении гражданских работ; при нежелании исполнять возложенные на него обязанности подвергалось принудительным мерам воздействия: *«за уклонение от работы полагалось строгое наказание, как за дезертирство»*¹⁸⁶; молодежь приобретала навык трудиться в коллективе в условиях властной вертикали «руководства-подчинения»; предприятия полноценно «снабжались» рабочей силой, на них устанавливалась строгая трудовая дисциплина. В результате, как отмечалось в правительственных постановлениях, удавалось обеспечивать серьезное усиление добычи продовольствия, топлива, сырья¹⁸⁷ и т. п.

После первых положительных результатов предполагалось, что эта форма организации трудоспособного населения получит свое широчайшее распространение. Для этого планировалось направить *«...значительное число командиров, комиссаров и рядовых коммунистов для работы в деле целесообразного проведения трудовой повинности на местах. На военных работников, привыкших руководить массами в самых трудных условиях, должна лечь значительная часть работы по организации и трудовому применению мобилизованных двенадцатилетних»*¹⁸⁸.

- В общегосударственном масштабе работу по организации и координации снабжения народного хозяйства рабочей силой, в том числе и по непосредственному использованию трудовых контингентов трудовых армий, осуществляли в начале 1920-х гг. Главтруд и Наркомтруд. Так, в положении о Народном комиссариате труда (НКТ), принятом СНК 26 мая 1921 г., перечислены исполняемые НКТ задачи: *«а) всесторонний и полный учет всего трудоспособного и трудообязанного населения...; б) постоянный и систематический учет потребности народного хозяйства в рабочей силе, а также составление единого плана снабжения рабочей силой всех отраслей хозяйства Республики; в) повсеместное и постоянное привлечение к общественно-полезному труду лиц, таковым не занимающихся, также организация и ведение борьбы со всеми видами трудового дезертирства; г) внесение в высшие органы проектов трудмобилизаций и трудповинностей и проведение их при содействии аппаратом НКВД и Военного ведомства; д) необходимое перераспределение всей занятой рабочей силы; е) фактическое привлечение трудящегося населения к единовременному или периодическому выполнению независимо от постоянной работы по роду занятий различных трудовых повинностей: топливной, гужевой, сельскохозяйственной, дорожной, снеговой и т. п.; ж) непосредственное использование трудармий и трудовых частей*

и управление ими; з) использование через Военное ведомство рабочей силы военных частей Красной армии и флота и извлечение, по мере возможности, необходимых квалифицированных рабочих из Красной армии; и) оставление планов и заданий для НКВД и НКЮ по распределению на работу лиц, заключенных в лагерях принудительных работ и других местах заключения и выпускаемых за пределы мест заключения; к) организация иммиграции и реэмиграции рабочей силы из-за границы; л) установление порядка постоянного или временного освобождения от трудовых повинностей и мобилизаций и перевода трудообязанных с одной работы на другую на основании правил, издаваемых СНК и СТО»¹⁸⁹.

Использование армейских частей для производства гражданских работ в конечном счете все же оказалось не слишком продуктивным. Причин несколько — низкая мотивированность к производительному труду (воинская дисциплина оказалась не способной компенсировать отсутствие личного интереса); несоответствие между фиксированным количеством людей в трудовых частях и постоянно изменяющимся объемом гражданских работ (что приводило к невозможности занимать работой весь военный контингент); неквалифицированность исполнителей (квалификация и опыт требуются в любом деле, в том числе и чернорабочим); дезертирство и т. д.¹⁹⁰

Несмотря на все их недостатки, трудовые армии все же обеспечили выполнение своей основной задачи — формирование и удержание стабильных трудовых контингентов в условиях разрушения традиционных основ организации хозяйственной системы и отсутствия привычных для населения стимулов к труду. Они породили образец создания производственных коллективов, способных не зависеть от естественной текучести рабочих кадров. Включенность в эти коллективы не только объединяла их членов жесткой трудовой дисциплиной, но еще и связывала узами совместного проживания. В этих «базовых элементах» производительных сил нового общества трудовые и бытовые процессы должны были составлять единый неразделимый комплекс человеческих отношений (подобный отношениям в традиционной крестьянской артели), где все на виду, где личностное поведение и действие корректируется и регулируется не только руководством, но и самим коллективом. Где плохо работать нельзя и спрятаться от работы некуда, потому что все те, кто вместе работают, живут тоже вместе. В этих производственно-бытовых коллективах за счет единства коллективно-трудовых и коллективно-бытовых отношений должна была формироваться такая психологическая обстановка, в которой прогульщики и нарушители трудовой дисциплины, лодыри и разгильдяи чувствовали бы себя морально осужденными и изолированными в своей товарище-

ской среде и, наоборот, передовики производства получали бы дополнительные стимулы к трудовым подвигам благодаря всеобщему уважению, почитанию и восхищению.

В результате не слишком эффективного, с экономической точки зрения, использования армии, по новым планам обеспечивать восстанавливаемую промышленность рабочей силой планируется за счет: 1) перераспределения существующих трудовых ресурсов; 2) привлечения новой рабочей силы из сельского населения как основного резерва трудовых сил (а для этого «переработать» деревенские настроения и интересы собственного хозяйства, подвергнуть сознание отрываемых от земли крестьян «фабрично-заводской обработке», привить им трудовую дисциплину).

Но усилия власти, направленные на осуществление плановых перемещений рабочих рук в требуемом количестве в нужные места с целью устранения избытка трудового населения в одних регионах и восполнения его недостатка в других, усилия по привязке рабочих к производству также не дают эффективных результатов. В этих условиях использование труда заключенных начинает рассматриваться как нормальный, плановый и законодательно регулируемый процесс.

Так, еще 17 мая 1919 г. принимается постановление ВЦИК «О лагерях принудительных работ»¹⁹¹. В апреле 1920 г. IX съезд РКП(б) принимает резолюцию, перечисляющую строгие меры воздействия, которые должны применяться к лицам, отлынивающим от исполнения обязательной трудовой повинности (так называемым «трудовым дезертирам»): *«...съезд одну из насущных задач Советской власти видит в планомерной, систематической, настойчивой, суровой борьбе с трудовым дезертирством, в частности, путем публикации штрафных дезертирских списков, создания из дезертиров штрафных рабочих команд и, наконец, заключения их в концентрационный лагерь»*¹⁹².

В конце 1921 г. принимается декрет СНК «Об использовании труда заключенных в местах лишения свободы РСФСР и отбывающих принудительные работы без лишения свободы»¹⁹³, согласно которому «советские, общественные, кооперативные учреждения, предприятия и хозяйства» обязаны представлять в НКТ заявки на использование в своих целях «труда лиц, содержащихся в местах заключения». Именно НКТ до момента передачи этих функций в ведение НКВД осуществляет все работы по проведению трудовой повинности, трудовых мобилизаций, учету и распределению рабочей силы¹⁹⁴. Заявки на использование труда заключенных в НКТ проверяются, обобщаются, систематизируются, превращаются в упорядоченные планы использования рабочей силы и направляются для исполнения непосредственно в НКЮ и НКВД, ведавших содержанием и трудовым использованием заключенных.

Подобная работа дает свои положительные результаты, и масштабы использования заключенных расширяются: 13 октября 1923 г. СНК СССР постановляет: *«Организовать Соловецкий лагерь принудительных работ особого назначения ... Обязать ОГПУ немедленно приступить к организации труда заключенных для использования сельскохозяйственных, рыбных, лесных и пр. промыслов, предприятий»*¹⁹⁵. 16 октября 1924 г. ВЦИК принимает Исправительно-трудовой кодекс РСФСР, в статье № 4 которого говорится о *«дальнейшем усовершенствовании и максимальном развитии вместо оставшихся от прежнего времени тюрем сети трудовых сельскохозяйственных, ремесленных и фабричных колоний и переходных исправительно-трудовых домов, устраиваемых преимущественно вне городов»*¹⁹⁶.

Подчеркнем, что использование принудительного труда лиц, лишенных свободы, — это не побочное использование заключенных. Служить средством выполнения народно-хозяйственных планов, средством экономического развития страны — их основное предназначение. Именно таким образом это понимается в высших эшелонах власти. Хронологически забегаю вперед, приведем следующее доказательство: 25 августа 1938 г. на заседании Президиума Верховного Совета СССР при обсуждении вопроса о возможности досрочного освобождения заключенных, отличившихся на подневольных стройках страны, И. Сталин говорит: *«Правильно ли вы предложили представить список на освобождение этих заключенных? Они уходят с работы. Нельзя ли придумать какую-нибудь иную форму оценки их работы — награды и т. д. Мы плохо делаем, мы нарушаем работу лагерей. Освобождение этих людей, конечно, нужно, но с точки зрения государственного хозяйства это плохо. ...поручим Наркомвнуделу придумать другие средства, которые заставили бы людей остаться на месте. Досрочное снятие судимости — может быть, так сказать? — чтобы не было толчка к их отъезду. Семью нужно дать им привезти и режим для них изменить несколько, может быть, вольнонаемными их считать. Это, как у нас говорилось, — добровольно-принудительный заем, так и здесь — добровольно-принудительное оставление»*¹⁹⁷.

И это не просто слова. В сталинской системе власти любое пожелание Иосифа Виссарионовича — это приказ. Во исполнение этих слов в июне следующего года выходят два Указа Президиума Верховного Совета СССР, отменяющие досрочное освобождение. 15 июня 1939 г. «Об отмене условно-досрочного освобождения для осужденных, отбывающих наказание в ИТЛ НКВД СССР» и 20 июня 1939 г. «Об отмене условно-досрочного освобождения для осужденных, отбывающих наказание в ИТК и тюрьмах НКВД СССР»¹⁹⁸.

Окончание срока заключения не предполагает возвращения ээков на прежние места обитания, а предусматривает закрепление на новых

местах жительства. Численность этого спецконтингента по прогнозам ОГПУ должна была составить около 3 млн чел., но реально оказалась меньше¹⁹⁹.

Ко второй половине 1920-х гг. партийно-государственное руководство в основных чертах уже выработало концепцию нового расселения и сформулировало стратегию колонизационно-переселенческих мероприятий, обеспечивающих ее реализацию. В ходе подготовки к широкомасштабному разворачиванию программы индустриализации и практическому ресурсному освоению и заселению отдаленных районов формируются специальные органы, осуществляющие плановые переселения. Так, с середины 1920-х гг. общее руководство переселенческой политикой осуществляет Всесоюзный переселенческий комитет (учрежденный при ЦИК СССР), а также отдел колонизации и переселения Наркомата земледелия. В регионах формируются подчинявшиеся Наркомзему местные переселенческие управления. Например, в Сибирь в результате работы переселенческого управления, во второй половине 1920-х гг. из других регионов было перемещено почти 900 тыс. чел. А начиная с 1927 г. сюда ежегодно прибывает по 250 тыс. человек: из Европейской России — 70%, Украины — 20%, Белоруссии — 10%²⁰⁰.

По структуре региональные переселенческие органы во многом повторяют дореволюционные переселенческие партии и переселенческие пункты; в местах вселения создаются подрайоны, в ведении которых формируются «участки водворения» и т. д. Формально не меняются даже цели — *«вовлечение в хозяйственный оборот необжитых земель с целью увеличения сельскохозяйственной и промышленной продукции страны путем рационального расселения и эксплуатации естественных богатств колонизируемых районов»*²⁰¹. Но содержание и приемы практического осуществления советской переселенческой политики кардинально отличаются от дореволюционных — принудительные методы в деятельности советских органов, обеспечивающих народное хозяйство трудовыми ресурсами, твердо занимают ведущее положение.

В конце 1920-х гг. активизируются естественные стихийные миграции. Во многом это происходит вследствие ухудшения продовольственного положения в деревне из-за принудительных изъятий продовольствия. Так, после неурожая и стихийных бедствий 1928–1929 гг. из северо-западных районов РСФСР на восток бегут, гонимые голодом, крестьяне из Ленинградской и прилегающих к ней областей, а также Белоруссии. Только с октября 1928 по март 1929 г. в Сибири появляется до 100 тыс. мигрантов²⁰².

Но подобные самостоятельные перемещения не отвечают государственной доктрине управления населением, даже если миграции про-

исходят в нужном направлении. Органам власти требуется, чтобы на север и в Сибирь прибывали не просто массы нового населения; им нужно, чтобы в намеченные к освоению районы поступали трудовые ресурсы в необходимом количестве и в конкретно заданные места обитания. Причем, не просто прибывали, а содержались в режиме, обеспечивающем выполнение любой порученной работы в заданные сроки и при любых условиях. Принудительный характер переселений оказывается в неразрывной связи с принудительным характером подневольного труда.

В конце 1920-х — начале 1930-х гг. резко изменяется отношение государства к миграциям. Если раньше оно смотрело на естественные миграции сквозь пальцы, то теперь оно стремится установить полный контроль над стихийными миграционными процессами и даже запретить их (чтобы лишить людей возможности выскальзывать из-под контроля и тотального надзора). Причем запрет стихийных миграций не связан с «адресностью» перемещением — известны факты противодействия власти в конце 1929 г. самовольным перемещением беженцев именно в те районы Сибири, куда затем государство само будет принудительно перемещать репрессированных крестьян, и где затем карательной системой будет создаваться структура спецпереселений. Противодействие естественным миграциям проистекает из стремления заменить самостоятельную и своевольную миграционную активность (а также свободное трудоустройство) на контролируемую систему перемещения рабочей силы в строго определенном количестве и четко установленные для этого места; из стремления обеспечить эффективную работу системы принуждения к труду и вменяемому свыше образу жизни.

В конце 1920-х — начале 1930-х гг. параллельно с уменьшением естественных миграций государство начинает планомерно наращивать объемы массовых принудительных перемещений трудоспособного населения в места, определенные программой индустриализации для разработки природных ресурсов, возведения объектов ВПК, реализации концепции соцрасселения.

Постоянная текучесть рабочей силы является одной из основных угроз реализации планов первой пятилетки. Сегодня назвать конкретные цифры невозможно. Прежде всего потому, что учет численности населения соцгородов был поставлен в те годы весьма слабо. *«Иногда в город за сутки прибывало по 500–1000 человек, одновременно сотни людей покидали Магнитострой. Текучесть кадров была особенно сильной в течение 1930–1932 гг. В частности, в 1931 г. текучесть рабочей силы составила 70,9% — из вновь прибывших на Магнитострой 116 708 человек в течение года город покинули 103 302 человека. В 1932 — 69%»*²⁰³. Процент текучести стал существенно меньше

в 1934–1935 гг.²⁰⁴, когда в полную меру «заработала», введенная с января 1933 г., система прописки. Так, по данным за 1935 г. текучесть населения Магнитогорска составила всего 3,9 %²⁰⁵.

К сожалению, также до сих пор не раскрытым и требующим своего разъяснения остается вопрос о приоритетах советского государства в отношении репрессированных контингентов населения. В частности, неясно: а) почему в принудительной переселенческой политике государства, обеспечивающей планы ускоренной индустриализации, реализовался приоритет «переселения» перед «заселением» (т. е. почему важнее было принудительно переместить трудоспособное население в новые места обитания, нежели стимулировать добровольные перемещения в те же самые места); б) почему существовал приоритет «расселения» перед «освоением» (т. е. почему принудительно направляемый поток переселенцев намного опережал колонизационные возможности территории; почему формы хозяйственного освоения не предполагали рачительного отношения к людям и территории; почему с такой небрежностью, ошибочностью и неподготовленностью определялись места размещения новых поселений — спецпоселений, соцпоселков, трудовых лагерей и проч.) и др.

К концу 1920-х гг. принудительные переселения совершенно теряют обличье «сельскохозяйственной колонизации», под предлогом которой они проводились в послереволюционные годы с опорой на систему государственных переселенческих органов. Вместо этого усиливается роль органов НКВД и ОГПУ. Изменяется качественный состав мигрантов-переселенцев. Трансформируется структура органов осуществления переселений — весной 1929 г. в ЦК ВКП(б) образуется комиссия под председательством Н. Янсона, выработавшая предложения о плановом применении труда заключенных²⁰⁶, а с начала 1930-х гг. задачи освоения территорий всецело возлагаются на систему ГУЛАГ. В 1930 г. упраздняется Всесоюзный переселенческий комитет, и все вопросы переселения переходят в ведение специально образованного переселенческого управления Наркомтруда, уже накопившего значительный опыт в осуществлении принудительных трудмобилизаций, трудовинностей, трудраспределений и т. п. Резко расширяются масштабы принудительных колонизационно-переселенческих мероприятий.

Здесь важно подчеркнуть принципиальную взаимосвязь массового планово-принудительного перемещения больших масс населения с реализацией концепции соцрасселения, являющейся составной частью программы индустриализации. Традиционно принято считать, что массовые принудительные депортации начались с февраля 1930 г., с момента проведения в жизнь политики по ликвидации кулачества как класса. Однако это далеко не так. Уже со второй по-

ловины 1929 г. в Сибирь согласно планам соцрасселения начинают поступать трудовые контингенты, высланные из западных районов СССР. Так, например, осенью 1929 г. в Сибирь, впервые со времени окончания гражданской войны, прибывает около 1 тыс. глав семей, высланных в административном порядке в результате «зачистки» приграничных территорий на западе страны (Украина, Белоруссия, Северо-Западный регион)²⁰⁷ и т. п.

Заметим, что принудительные миграции основательно изучались историками и исследователями-крестьяноведами в контексте раскулачивания и массовых депортаций крестьянского населения. Но коллективизация, фактически, никогда не рассматривалась в связи с концепцией соцрасселения, как сознательно используемый инструмент планового формирования трудовых ресурсов соцпоселков и соцгородов, возникающих подле промышленных новостроек. Коллективизация не изучалась в контексте индустриализации — как процесс целенаправленного превращения репрессированного крестьянства в универсальную рабочую силу, с плановым ее перемещением в места отправления принудительного труда в промышленности, строительстве, лесозаготовках, добыче природных ископаемых и проч. А именно такой профиль трудового использования определяла власть для раскулаченных крестьян и спецпереселенцев. Прежде всего потому, что государственная урбанистическая доктрина основывается на «промышленных центрах, концентрирующих пролетариат». Как следствие, расселенческая политика направлена на формирование «трудовых ресурсов пролетарского типа» из крестьянства, подвергаемого «раскрестьяниванию». Термин «раскрестьянивание» используется в специальной исследовательской литературе для обозначения целенаправленной совокупности действий партийно-государственной власти в СССР, направленной на лишение крестьянства экономической самостоятельности и независимости от государства²⁰⁸. Но цели этого процесса, как правило, никогда не исследуются и не раскрываются в контексте целенаправленно осуществленной индустриализации.

С позиции индустриализации, раскрестьянивание являлось целенаправленно организуемым многофакторным процессом, включающим в себя кардинальную трансформацию экономических, социальных, демографических и психологических характеристик крестьянства (определяющих его как класс) с целью превращения его в пролетариат, а также в новую страту общества («колхозники») за счет ликвидации единоличного (семейного) хозяйства, являющегося базисом его социальной самоорганизации и хозяйственной автономии²⁰⁹. Оно было направлено на то, чтобы обеспечить отрыв больших масс населения от сельского уклада жизнедеятельности для вовлечения их в уклад жизни «городского типа».

Раскрестьянивание (двумя взаимосвязанными составляющими которого являются раскулачивание и коллективизация) осознанно и целенаправленно было превращено в СССР в инструмент практического осуществления индустриализации — в способ «поставки» трудоспособных контингентов, принудительно и планомерно распределяемых по стране, в соответствии со схемами размещения новых промышленных предприятий и местами добычи сырья; причем, в количестве, соответствующим потребностям наркоматов, нуждающихся в рабочих руках.

В полном соответствии с планами индустриализации, приоритетным в использовании трудоспособных контингентов репрессируемых крестьян изначально является промышленный, а не сельскохозяйственный профиль. Уже на ранних стадиях формирования системы спецпоселений власть использует труд репрессированных сельских жителей в таких несельскохозяйственных отраслях производства, как строительство (возведение промышленных и добывающих предприятий, гражданских объектов, хранилищ для неприкосновенных запасов зерна — хлебогородков, оборонительных сооружений и т. п.), транспорт (строительство железных и шоссейных дорог, каналов, аэродромов), добыча полезных ископаемых (угля, слюды, нефти, асбеста, урана, золота, олова, железа и др.)²¹⁰, промышленность, лесозаготовки, а также промыслы. В постановление СНК РСФСР от 18 августа 1930 г. говорится: «...признать необходимым при проведении спецколонизации: а) максимально использовать рабочую силу спецпереселенцев на лесоразработках, на рыбных и иных промыслах в отдаленных, остро нуждающейся в рабочей силе районах и б) в сельском хозяйстве устраивать лишь тех спецпереселенцев, рабочая сила которых не может быть использована на лесоразработках и промыслах»²¹¹.

Основной причиной массовых репрессий в отношении крестьянства и массовых депортации становятся производственные задачи — контрольные цифры по высылке вытекают из потребностей тех или иных наркоматов и ведомств в массовом и дешевом принудительном труде спецпереселенцев²¹². Так например, в начале 1930-х гг. в Западной Сибири (по данным Сиблаг) около половины трудоспособного населения спецпоселков имело неземледельческую специализацию — работало на приисках, лесозаготовках, шахтах, Кузнецкстрое и т. д. Например, в 1932 г. на Урале на учете состояло 484 380 спецпереселенцев²¹³. Они были закреплены за леспромхозами и предприятиями разных отраслей промышленности. В ведении Уралугля их насчитывалось 47 666, Магнитостроя — 40 тыс., Востокоруды — 26 845, предприятий цветной металлургии — 18 341, Уралстройматериала — 16 145, Востокостали — 16 000, Союзрыбы — 15 172, Уралтор-

фа — 8517, Уралстройиндустрии — 7515, Пермьтранслеса — 7221, Уралтаька — 3764, Уралмашстроя — 3604, Химстроя — 2 773, Уралсоли — 2 336, в лесной промышленности — 27 415 и т. д. Лишь 17 634 человека были закреплены за сельхозколониями²¹⁴, т. е. всего 3,6%.

В 1930 г. Госплан издает инструкцию, где говорится о необходимости более полного включения в плановую экономику труда лиц, лишенных свободы. После этого, с апреля 1930 г., для планового использования труда заключенных формируется сеть исправительно-трудовых лагерей ОГПУ²¹⁵ — создается специальное Управление исправительно-трудовых лагерей ОГПУ — УЛАГ. Оно быстро разрастается и с октября 1930 г. получает статус Главного управления лагерей (ГУЛАГ)²¹⁶. ГУЛАГ рассматривается прежде всего как организационный механизм, на который возлагается основной объем задач наполнения рабсилой программы индустриализации. Репрессии являются лишь способом обеспечения государственных заданий и планов рабочей силой. К концу 1930-х гг. в комендатурах ГУЛАГ половина спецпереселенцев работала в сферах промышленности и строительства, четверть на лесозаготовках и только оставшаяся четверть — в сельском хозяйстве.

В целях форсированной колонизации отдаленных и малонаселенных районов — в зонах индустриального, транспортного, сельскохозяйственного, сырьевого и проч. освоения, карательной системой создаются исправительно-трудовые лагеря и исправительно-трудовые колонии. Так, весной 1930 г. в системе ИТЛ (исправительно-трудовых лагерей) ОГПУ насчитывается шесть территориальных управлений: Северного Кавказа, района Белого моря и Карелии, Вышнего Волочка, Сибири, Дальнего Востока, Казахстана — т. е., как раз в зонах индустриального развития и нового расселения. В подчинении этих управлений находится 166 тыс. заключенных²¹⁷. В то же время (по данным на 1 мая 1930 г.) система ИТК (исправительно-трудовых колоний) НКВД РСФСР включает 57 колоний²¹⁸, в которых насчитывается около 60 тыс. заключенных²¹⁹. По мере реализации планов индустриального развития страны, потребность в рабочей силе возрастает — по данным Отдела по спецпереселенцам ГУЛАГ ОГПУ в 1930–1931 гг. на спецпоселение было отправлено почти 2 млн чел²²⁰.

Кроме системы лагерей и колоний формируется общегосударственная система трудпоселений, которые специально и в массовом порядке создаются на основе постановлений СНК СССР от 16 августа 1931 г. (№ 174 с); 20 апреля 1933 г. (№ 775/146 с); 21 августа 1933 г. (№ 1796/393 с)²²¹.

В создаваемые трудпоселения перемещаются: лица, арестованные в ходе «очистки» приграничных районов; заключенные, которым

изменена мера наказания в связи с «разгрузкой» мест заключения и лагерей, освобождаемые досрочно²²² и т. д. В начале 1930-х гг. в трудпоселения также направляются люди, выселенные из городов после введения паспортов и прописки.

Еще в середине 1920-х гг. Госплану было поручено разработать организационно-управленческие принципы административно-территориального деления страны в соответствии с задачами формирования мощного военно-промышленного комплекса, рассматриваемого как маховик развития всех остальных («гражданских») сфер деятельности. А также определить величину трудовых ресурсов, необходимых для решения задач индустриального развития страны в контексте геополитических, организационно-административных и социально-экономических принципов, положенных сталинским руководством в основу индустриализации, и неразрывно связанной с ней концепции социалистического расселения. Программа индустриализации по замыслу руководства страной, воплощала задачу массированного «восточного дрейфа» тяжелой индустрии и энергетики на Урал, в Сибирь, на Дальний Восток. Именно сюда в тот период не могли долететь самолеты ни одного из вероятных противников. К новым промышленным узлам планировалось подтягивать транспортные артерии. Сюда же нужно было завозить рабочую силу.

Потребность первой пятилетки в новых рабочих руках для возведения новых промышленных предприятий и поселений при них, а также для транспортного строительства и освоения сырьевых регионов, определяется Госпланом в количестве примерно 10 млн чел. Возводимые промышленные объекты слагают единую централизованно управляемую общегосударственную сеть технологически взаимосвязанных промышленных предприятий. Они образуют процессуально взаимосвязанные производственные цепочки, которые предлагается располагать как можно ближе к местам добычи сырья и производства электроэнергии, а также наличия воды — так выгоднее.

В советской доктрине размещения промышленности рабочая сила не является «определяющим показателем». В отличие от принципов размещения промышленности, зафиксированных в западноевропейской теории, где концентрация рабочей силы является одним из основных критериев, «притягивающих» к себе места строительства новых фабрик и заводов, размещение советской промышленности основано на постулате: «переместим рабочие руки туда, куда нужно и сколько нужно». Конкретные места возведения новых промышленных предприятий определяются исходя из задачи приближения к местам залегания природных ископаемых, к лесным, топливным и гидроэнергетическим ресурсам. А население должно беспрекословно перемещается вслед за промышленностью.

Перемещение и закрепление на новых местах обитания трудовых контингентов возводимых промышленных предприятий осуществляется несколькими способами:

1. За счет командирования на новостройки высшего руководства (номенклатурных работников). Планомерное формирование номенклатуры началось с 16 ноября 1925 г., когда Оргбюро ЦК РКП(б) приняло развернутое положение «О порядке подбора и назначения работников» и утвердил списки номенклатуры должностей. Эти и подобные им документы в открытой печати не публиковались, но согласно им строилась вся реальная кадровая политика партийно-государственного аппарата. Так, номенклатура № 1 находилась в ведении ЦК (т. е. Политбюро, Оргбюро и секретарей ЦК), номенклатура № 2 находилась в ведении Учраспреда ЦК РКП(б), т. е. аппарата, а ведомственная номенклатура № 3 находилась в ведении Учраспреда ВСНХ. Для понимания количества номенклатурных должностей, приблизительных величин кадрового состава номенклатуры и числа назначений — несколько цифр: через Учраспред ЦК РКП(б) между апрелем 1922 г. — апрелем 1923 г. было назначено на должности в госаппарате 10 351 чел.; между апрелем 1923 г. — маем 1924 г. — 6088; между маем 1924 г. — декабрем 1925 г. — 12 227 чел. Всего по номенклатурам № 1 и № 2 значилось 5723 должности. Все эти люди составляли несколько высших слоев госаппарата²²³.

К началу индустриализации (во второй половине 1920-х гг.) номенклатура приобрела все внешние признаки своего особого положения, выражавшегося в иерархии распределительного обеспечения: единовременных пособиях и крупных премиальных к зарплате; спецпайках; квартирных привилегиях²²⁴ и т. п.

2. За счет добровольного приезда рабочих («самотеком»), в широком диапазоне мотиваций, начиная от агитации, вербовки, добровольного получения направлений на ударные стройки по комсомольским путевкам, и заканчивая приманиванием молодых людей возможностью получить на новостройках хоть какую-то крышу над головой. Агитаторы, сеть которых действовала по всему Советскому Союзу, призывали ехать на новостройки, обещали достойную заработную плату, жилье и снабжение, заключали с рабочими индивидуальные и коллективные договоры, которые, как правило, не исполнялись.

3. В результате вольного найма с последующим «добровольно-принудительным» удержанием. Так, например, в строительстве Сталинградского тракторного завода осенью 1929 г. участвовали артели (общей численностью свыше 4 тыс. чел.), срок договоров с которыми истекал в ноябре. *«Строительство тогда было делом сезонным. На зиму обычно работы сворачивались, строители — а они, как правило, были сезонники — расходились по домам. На Тракторострое решили поломать*

эту традицию. Партком принял решение строить завод неослабными темпами и зимой 1929/30 г. Но для этого надо было удержать строителей-сезонников ... отдельные артели уже стали отбывать. Партийная организация поставила задачу — закрепить сезонников на стройке, сделать их кадровыми рабочими, преобразовать артели в постоянные производственные бригады. Борьба разгорелась острая. Во главе артели стояли подрядчики, — это они подписывали договора и фактически были хозяевами артели, держали ее в своих руках ... открыто подбивали сезонников на уход со стройки, пугали их провокационными слухами»²²⁵. Подрядчиков объявили «кулаками» и припугнули репрессиями, бригадам задержали выплату денег и, тем самым, сорвали отъезд, посулили большие будущие заработки, и, в конечном счете «... основная масса сезонников осталась на зиму»²²⁶.

На крупных предприятиях также широко применялась практика т. н. «самозакрепления» на период до конца строительства завода. Применялась она и к рабочим, и к инженерно-техническому составу. При этом работник брал на себя производственные обязательства, предприятие же в свою очередь предоставляло определенные льготы. Так, для закрепления работников на ММК на вторую пятилетку, завод обязался: снизить квартплату за жилплощадь в домах комбината в 1934 г. — на 10 %, в 1935 — на 25 %, в 1936–1937 гг. — на 50 %; предоставлять в первую очередь жилплощадь в домах комбината; дать преимущественное право работнику и его детям на обучение в образовательной системе комбината; предоставить школьникам горячие завтраки за счет комбината; дать ссуду для покупки семян картофеля и ссуду для покупки коров; обеспечить преимущественное право на курортное лечение²²⁷. Весьма заманчивые предложения в условиях экономической ситуации середины 1930-х гг.

4. В результате «добровольно-вынужденных» миграций из старых городов в города-новостройки в ходе очистки существующих городов от нетрудоустроенного населения. Различные категории населения: неработающие, деклассированные элементы, «лишенцы» и др. самостоятельно покидают города, переезжая на новостройки из-за страха быть арестованным и насильственно депортированным. Принудительное перемещение «неработающих» и «деклассированных элементов» законодательно обеспечивается принятием Декрета ВЦИК и СНК РСФСР от 14 июня 1926 г. «Об условиях и порядке административного выселения граждан из занимаемых ими помещений»²²⁸.

5. В процессе «добровольно-вынужденных» миграций из деревни в города-новостройки. Так, например, в 1930–1931 гг. не менее 1 млн крестьян, не дожидаясь репрессий, бегут в существующие города и на новостройки. В этот же период к ним присоединяются еще около 2 млн крестьян, предназначенных на выселение по так называемой

третьей категории (т. е. в пределах своей области). Они также, не дожидаясь депортаций и бросив имущество, уходят из деревни в города²²⁹. В 1930–1932 гг. страшный голод, унесший миллионы жизней, также выталкивает в города массы крестьянского населения. Например, на Челябинском ферросплавном заводе (первом предприятии одного из промышленных гигантов – электрометаллургического комбината) из 871 человека, пришедшего на завод в 1932 г., крестьяне составили 555 человек, на конец 1932 г. на предприятии рабочих по положению было только 420, в то время как крестьян – 717²³⁰.

Широко в отношении крестьян использовалась и практика т.н. «отходничества» по договорам с колхозами. Так, к концу 1931 г. половину рабочих на строительстве Челябинского тракторного завода составляли крестьяне-отходники, в 1932 г. их насчитывалось более 7 тыс. О масштабах распространения такого рода вербовки рабочей силы для местной промышленности свидетельствует циркуляр Уральского областного отдела труда, распространенный в апреле 1930 г., где указывается, что почти полностью потребность в рабочих (27 тыс. чел.) должна быть удовлетворена колхозниками-отходниками²³¹.

6. В результате принуждения к приезду на ударные стройки за счет приказов-направлений на работу квалифицированных специалистов (инженеров, техников, мастеров, служащих, квалифицированных рабочих и др., т. н. «оргнабор»²³²). Указом Президиума Верховного Совета СССР от 19 октября 1940 г. «О порядке обязательного перевода инженеров, техников, мастеров, служащих и квалифицированных рабочих с одних предприятий на другие»²³³ власть окончательно закрепит принудительный характер подобных перемещений специалистов. А также за счет направлений на работу по оргнабору или комсомольским путевкам. Так, 24 декабря 1929 г. ЦК ВЛКСМ принял постановление: «провести вербовку 7 тысяч молодых рабочих и батраков, проверенных на общественной работе ... для направления на Тракторострой»²³⁴. В тех случаях, когда молодежь не желала ехать по «зову сердца», к отказывавшимся, применялись различные приемы морального воздействия.

7. В результате направления на работу после окончания учебы молодых выпускников средних учебных заведений (т. н. «распределение») 2 октября 1940 г. одновременным выходом двух постановлений²³⁵ правительство законодательно утвердит практику принудительного перемещения к местам отправления трудовой повинности молодых специалистов среднего специального и ремесленного образования. Одно из постановлений однозначно предпишет: *«Предоставить право Совету народных комиссаров СССР ежегодно призывать (мобилизовывать) от 800 тыс. до 1 млн человек городской и*

колхозной молодежи мужского пола в возрасте 14–15 лет для обучения в ремесленных и железнодорожных училищах и в возрасте 16–17 лет для обучения в школах фабрично-заводского обучения... Установить, что все окончившие ремесленные училища, железнодорожные училища школы фабрично-заводского обучения считаются мобилизованными и обязаны проработать четыре года подряд на государственных предприятиях по указанию Главного управления трудовых резервов при СНК СССР...»²³⁶.

8. В ходе «замещающего» перемещения, осуществляемого в «приказном порядке». К подобного рода перемещениям относятся, например, массовые переселения в 1930-е гг. демобилизованных красноармейцев в пограничные районы страны (Украина, Северный Кавказ, Дальний Восток) для создания т. н. «красноармейских колхозов». Подобные переселения выполняли роль компенсирующих (замещающих) заселений на те территории, где после «чисток», коллективизации, депортаций, голодомора и иных причин образовался дефицит трудоспособного населения. Согласно официальной статистике Всесоюзного переселенческого комитета с 1933 по 1937 г. в СССР в ходе подобного типа государственных плановых переселений, было перемещено 77 304 семьи (включая демобилизованных красноармейцев — одиночек и с семьями) или 347 866 чел.»²³⁷

9. За счет подневольного перемещения раскулачиваемых крестьян («спецпереселенцы»²³⁸, ссыльные). В 1929–1930 гг. «на переселенческих земельных фондах общесоюзного значения» совершенно официально планируется поселить и хозяйственно устроить 100 тыс. переселенцев — бывших кулаков и подкулачников. В 1930–1932 гг. планируется переселить 198 тыс. чел.²³⁹ Планомерное перемещение раскулачиваемых крестьян законодательно обеспечивается принятием 30 января 1930 г. Политбюро ЦК ВКП(б) постановления «О мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации», которое предписывает осуществлять массовые высылки репрессируемых «в отдаленные местности Союза ССР», а также «в пределах данного края и в отдаленные районы края»²⁴⁰, а также серии связанных с ним постановлений ЦИК и СНК СССР²⁴¹, СНК РСФСР²⁴², Наркомзема²⁴³.

Властью подчеркивается, что «...в основу переселения кладется создание новых экономических районов», прежде всего в целях планомерного освоения сырьевых ресурсов Урала, Севера, Сибири, Юга и Дальнего Востока. «Переселение отдельных хозяйств прекращается — переселяться будут только коллективы. Главная задача переселения — это не разгрузка аграрно перенаселенных районов, а открытие новых сельскохозяйственных и промышленных районов»²⁴⁴.

В соцгородах-новостройках спецпереселенцы составляли весьма значительную часть населения. Так, например, в 1932 г. в Магнитогорске насчитывалось 205 тыс. жителей, из них заключенных и спецпереселенцев было 50 тыс. чел., т. е. 24, 3 %²⁴⁵. В 1934 г. только семей трудпоселенцев насчитывалось 6866 с числом людей 24 063. Всего по Челябинской области 14 532 семьи трудпоселенцев насчитывали 52 256 чел. и содержались в 34 трудпоселках²⁴⁶.

10. В результате принудительного перемещения в осваиваемые районы лиц, выселяемых в ходе очистки приграничной зоны и т. п. Подобный характер имело «...организованное государством, переселение 1935—1937 гг. сельскохозяйственного населения из европейской части страны (Воронежская и Горьковская области, Чувашия, Татария) в Восточную Сибирь. Оно затронуло около 10 тыс. семей, или до 45 тыс. чел. ...»²⁴⁷.

11. В результате перемещения заключенных (репрессированных) технических специалистов, а также в составе контингентов концентрационных (исправительно-трудовых) лагерей. Так, в начале 1930-х гг. на строительстве Магнитогорска работала группа технических специалистов в количестве 20–30 чел. Практически все они проходили по процессу Промпартии 1930 г. и были отправлены в Магнитогорск для отбывания наказания. Это были высокообразованные люди, окончившие лучшие учебные заведения царской России или за границей. В Магнитогорске они жили в лучших домах, работали, как правило, на руководящих должностях, пользовались автомобилями, но были под контролем ГПУ²⁴⁸.

В мае–июне 1929 г. под грифом «Совершенно секретно» выходят сразу три постановления Политбюро ЦК ВКП(б) с одинаковым названием: «Об использовании труда уголовных арестантов». В первом предписывается: «Перейти на систему массового использования ... труда уголовных арестантов»²⁴⁹. Во-втором: «...ОГПУ приступить к организации концентрационного лагеря в р-не Ухты...»²⁵⁰. В третьем: «Именовать в дальнейшем концентрационные лагеря исправительно-трудовыми лагерями»²⁵¹. В приложении № 3 к третьему постановлению разъясняется более детально и подробно для чего надо организовывать новые концлагеря, называемые теперь исправительно-трудовыми: «Организовать новые концентрационные лагеря... в целях колонизации этих (отдаленных. — *Авт.*) районов и эксплуатации их природных богатств»²⁵².

Согласно этим постановлениям контингенты заключенных начинают направляться в зоны ресурсного освоения — в места лесозаготовок, добычи полезных ископаемых, на трассы строящихся автомобильных и железных дорог, водных каналов, а также к местам возведения заводов-гигантов и соцгородов-новостроек. То есть в ме-

ста, которые планом первой пятилетки намечены в качестве ареалов индустриального развития — Урал, Северный край, Западная Сибирь, Восточная Сибирь, Дальний Восток, Северный Кавказ, Южный Казахстан, Средняя Азия, Украина, Горьковский край, Ленинградская область, Средняя Волга, Башкирия и т. д.²⁵³ В 1933 г. к списку добавляется Белбалткомбинат НКВД²⁵⁴ (Беломоро-Балтийский канал).

12. За счет удерживания досрочно освобожденных заключенных на «закрепленном поселении». В 1930-е гг. подобное происходило, по меньшей мере, дважды: в 1933 г. после акции по «разгрузке мест заключения», когда в спецпоселки и трудпоселения Западной Сибири и Казахстана было направлено свыше 100 тыс. заключенных, досрочно освобожденных из тюрем, лагерей и колоний. И в 1933–1934 гг., когда колонизационные поселения, создаваемые для осуществления программы освоения зоны БАМ, стали формироваться за счет заключенных, отбывавших сроки в БАМЛАГ и переводимых на режим поселения²⁵⁵. Подобное происходило и в последующие годы, например, в виде локальных депортаций — перемещений спецпереселенцев из северо-восточных и южных (кузбасских и новосибирских) комендатур в северные (нарымские) спецкомендатуры²⁵⁶. Осуществлялись подобные перемещения и в послевоенный период.

13. В результате насильственного «придания оседлости» (принуждение к смене образа жизни и характера трудовой деятельности) — депортации с целью закрепления кочевых народов на земле. «В 1932 г. сотни казахов работали на кемеровских предприятиях. Большинство — семейные, прибыли из районов Семипалатинска в количестве более полутора тысяч человек. Работали они в основном на Энергострое (359 чел.), Цинкострое (52 чел.), Кузбасстрое (40 чел.), Коксохимкомбинате (118 чел.), Сибстройпути (120 чел.) и т. д. Большинство проживало в землянках, остальные — в бараках. Некоторые совсем не имели жилья — ночевали по месяцу и более на станции. Поначалу же депортированным вообще негде было жить — их бросили посреди тайги, и они там и обитали, в летнюю пору — под деревьями, потому что в городе селиться было совсем некуда»²⁵⁷.

14. За счет размещения беженцев и репатриантов. Герман Грайфе в своей книге «Принудительный труд в СССР» пишет: «Репатриант Эрнст С., который был арестован и сослан ГПУ, рассказал, кроме всего прочего следующее: “Через немного дней я прибыл в большой лагерь Магнитогорск, к востоку от Урала, в нем было 12 000 человек и он делился на 7 подлагерей. Поблизости находилась еще одна штрафная колонна на 14 000 человек и еще один лагерь. В моем лагере заключенные занимались строительством плотины... Зимой 1932/33 в этом лагере г. Магнитогорск замерзли в общей сложности 11 000 человек, о чем мне рассказали заключенные, которые работали

с книгами в конторе. ... В октябре 1933 г. мне удалось освободиться и убежать в Германию»²⁵⁸.

В целом все эти способы осуществления в конце 1920-х — начале 1930-х гг. добровольных и принудительных колонизационно-переселенческих мероприятий, можно сгруппировать в четыре «потока»:

а) добровольные и «добровольно-вынужденные» перемещения — по найму, по велению сердца, из необходимости покидать существующие города и добровольно перебираться в соцгорода-новостройки и т. п.;

б) «добровольно-принудительные», плано-мобилизационные переселения — расселение демобилизованных красноармейцев, распределение специалистов, командирование квалифицированных работников, направление по комсомольским путевкам и проч.;

в) принудительные миграции — депортации; спецпереселения²⁵⁹;

г) репрессивные миграции — заключенные, распределяемые по сети трудовых колоний и исправительно-трудовых лагерей.

Между этими, осуществляемыми государством, «потоками» перемещения трудовых ресурсов существует своего рода макрогеографическое разделение — не репрессивные переселения используются государством для размещения людей в районах с относительно благоприятными природно-климатическими условиями (Украина, Северный Кавказ, Восточная Сибирь, Дальний Восток); принудительные миграции (крестьянские, а потом этнические депортации), сопровождаемые формированием системы спецпоселений (трудпоселений), распространяются преимущественно на Европейский Север, Урал, Западную Сибирь, Казахстан²⁶⁰; репрессивные (заключенные) направляются на освоение ресурсов необжитых территорий с наиболее неблагоприятными природно-климатическими условиями (Норильск, Колыма, зона БАМ и т. д.).

Одним из средств общегосударственного контроля за перемещением переселенцев всех четырех «потоков», а также удержания их на новых местах обитания, является прописка. Два постановления: о введении паспортов и прописки принимаются ЦИК и СНК СССР в один день — 27 декабря 1932 г. и называются: «Об установлении единой паспортной системы по Союзу ССР и обязательной прописке паспортов»²⁶¹; и «Положение о паспортах»²⁶². Введение паспортов осуществляется прежде всего в целях борьбы с неконтролируемой текучестью рабочих кадров — за счет фиксируемой в паспортах прописки, люди привязываются к жилищу, предоставляемому по месту работы и в существующих, и в возводимых соцгородах. Постановление предписывает: «Ввести единую паспортную систему с обязательной пропиской по всему Союзу ССР в течение 1933 г., охватив

в первую очередь население Москвы, Ленинграда, Харькова, Киева, Минска, Одессы, Ростова-на-Дону и Владивостока»²⁶³.

В этот период власть вновь (как это уже было в середине 1920-х гг.²⁶⁴) осуществляет внутри существующих городов, являющихся опорными пунктами системы соцрасселения, кампанию по выявлению трудоспособного, но не работающего населения. И по выдавливанию этого «избыточного» трудового ресурса в соцгорода-новостройки. Эта цель в постановлении ЦИК и СНК от 27 декабря 1932 г. «Об установлении единой паспортной системы по Союзу ССР и обязательной прописки паспортов» выражена, фактически, прямым текстом. Прописка вводится: «...в целях лучшего учета населения городов, рабочих поселков и новостроек и разгрузки этих населенных мест от лиц, не связанных с производством и работой в учреждениях или школах и не занятых общественно-полезным трудом...»²⁶⁵.

Кроме крупных городов с избыточным трудоспособным населением, постановления, принятые 3 и 5 февраля 1933 г., включают в число городов, где прописка должна быть введена в первую очередь также и соцгорода-новостройки: Магнитогорск²⁶⁶, Кузнецк, Сталинград, Баку, Горький-Сормово²⁶⁷, которые в отличие от крупных городов испытывают острый дефицит трудовых ресурсов. В отношении соцгородов-новостроек, власть стремится за счет прописки обеспечить жесткую привязку принудительно перемещаемого сюда населения.

Постановление ЦИК и СНК СССР «Положение о паспортах»²⁶⁸ предписывает: «...в паспорт обязательно заносится: ...постоянное местожительство...»²⁶⁹ и «прописка лиц в местности, где введена паспортная система, безусловно, обязательна»²⁷⁰. Зафиксированная в паспорте отметка о месте постоянного жительства не позволяет свободно покидать место обитания. Прописка делает любые перемещения по территории Советского Союза контролируемым процессом, подпадающим под действие «разрешительной» системы. Отъезд неразрывно связывается теперь с получением согласия от руководства учреждения или предприятия, где трудится человек, регистрируемым, затем, специальной отметкой паспортной службы.

В результате введения прописки население привязывается к селитбе при производстве, причем в количестве, исключающем избыток (либо недостаток) рабочей силы и, следовательно, конкуренцию, безработицу или недоукомплектованность рабочих мест. Это средство оказалось удивительно эффективным для комплектования трудовых контингентов предприятий-новостроек. Введение паспортов и прописки позволяло:

Во-первых, выдавливать «лишнюю», избыточную часть трудоспособного населения из существующих городов на стройки пятилетки, и удерживать ее там вне зависимости от наличия комфортных усло-

вий обитания и независимо от желания людей оставаться в возводимых соцгородах-новостройках.

Во-вторых, как это отмечено выше, закреплять и удерживать население в тех местах обитания, где это требовалось в соответствии с планами «народнохозяйственного развития страны».

В-третьих, прописка эффективно препятствовала «размыванию» трудовых ресурсов в условиях значительной текучести кадров. Для соцгородов-новостроек текучесть кадров была настоящей катастрофой. В середине-конце 1930-х гг. численность населения города слабо поддавалась учету. В. Н. Кучер отмечает, что по данным переписи 1937 г. население Магнитогорска составляло 152 385 чел., но оно могло быть иным, если бы за период 1930–1935 гг. город не покинуло 100 тыс. чел.²⁷¹

Принудительное перемещение рабочей силы в соцгорода-новостройки в результате извлечения ее из существующих городов после введения паспортной системы и прописки; принудительное перемещение трудовых ресурсов, «образующихся» в результате раскрестьянивания; принудительное удержание людей в новых местах пребывания (в различных формах и степенях ограничения свободы), а также принудительное закрепление населения на колонизируемых территориях после отбытия срока заключения — все эти и иные способы политики расселения, во многом определяют характер гражданских поселений, возникающих вокруг градообразующих промышленных предприятий. Степень обеспеченности жилищем, типы жилищ, качественные показатели жилой среды, состав объектов инфраструктуры и т. п., а также планировочная структура этих поселений и реальные процессы «обживания» населенных мест, не только определены теми нормативами, шаблонами планировочных решений и расчетными показателями, которые вырабатываются с началом индустриализации, но и являются прямым следствием этой политики.

«Та заводская проходная» — выбор территории для размещения социалистического города и принципы его организации

В соответствии с постулатами концепции городов нового типа — «соцгородов», главным фактором, определяющим возникновение любого нового поселения в СССР, основным источником финансирования жилищного строительства в нем, а также организационным смыслом его существования, объявляется промышленное предприятие. Это «свойство» закрепляется специальным термином «градообразующее предприятие», так как помимо него в городе существуют и функционируют многие другие учреждения разного профиля — сопутствующие, вспомогательные, обслуживающие и т. п. Но именно градообразующее предприятие является причиной возведения на данном месте нового поселения или нового импульса развития уже существующего поселения.

Проектирование населенного пункта для размещения рабочих градообразующего предприятия находится в ведении того промышленного ведомства, которому это предприятие принадлежит. Это правило с ноября 1927 г. официально закрепляется в изданном СНК СССР «Положении о порядке утверждения проектов по промышленному строительству, производимому ВСНХ СССР, высшими советами народного хозяйства союзных республик, их местными органами и подведомственными им предприятиями и учреждениями»²⁷². Постановление законодательно переводит жилищное строительство и возведение объектов коммунального и бытового обслуживания в рабочих поселках-новостройках и соцгородах, в разновидность «промышленного строительства»: *«Промышленным строительством признается строительство новых производственных предприятий, дооборудование и переоборудование существующих, их капитальный ремонт, а также возведение вспомогательных сооружений и жилищное, и коммунальное строительство, обслуживающее промышленное предприятие и осуществляемое на его территории или на территории, предоставляемой предприятию для этой цели»*²⁷³. А поскольку правительство требует, чтобы проектирование не отставало от строительства, ВСНХ упорядочивает, расширяет и укрепляет ту часть

сферы проектного дела, которая находится в его ведении. Имея в подчинении проектировщиков, проще и легче управлять процессом подготовки необходимой проектной документации.

Фактически, с этого момента, ВСНХ становится главным распорядителем нового жилищного строительства при новой промышленности. Проекты планировки населенных пунктов теперь проектируются, утверждаются и реализуются ВСНХ самостоятельно. То есть включаются в производственно-финансовые планы промышленного строительства ВСНХ²⁷⁴; проектируются силами организаций, занимающихся промышленным строительством²⁷⁵; проходят экспертизу и утверждаются ВСНХ²⁷⁶ и т. д. С местными органами власти ВСНХ должен лишь согласовывать проекты планировки, причем лишь в части строительно-технического контроля, в отношении противопожарной безопасности, а также на соответствие местным условиям и обязательным постановлениям по строительству²⁷⁷.

Власть принимает это решение, исходя из организационно-управленческих соображений — так легче осуществлять общегосударственное планирование и распределение средств. Проще контролировать их использование и обеспечивать взаимоувязанное возведение производственных предприятий и жилья, необходимого для размещения сначала строительных рабочих, а потом, постоянных кадров промышленности. В условиях единоначалия, жесткой исполнительской дисциплины и персональной ответственности руководителей, подобное решение представляется наиболее простым и эффективным.

Данное положение становится основополагающим постулатом государственной градостроительной и жилищной политики на все последующие годы. Жилищное гражданское строительство в промышленных городах-новостройках утрачивает какую бы то ни было самостоятельную ценность и законодательно превращается в разновидность «вспомогательного» для промышленного строительства. Весь комплекс вопросов, связанных с проектированием поселений теперь «идет вторым эшелон», после принятия решения о размещении промышленного объекта — т. е. сначала осуществляется выбор площадки под строительство завода и только затем определяется место для размещения селитьбы.

Приоритет выбора территории для размещения промышленных предприятий перед размещением селитьбы, вызван также и тем, что для завода подобрать подходящую площадку оказывается гораздо сложнее, чем для селитьбы. Количество факторов, определявших экономически выгодное размещение промышленности, не идет ни в какое сравнение с требованиями к размещению поселения. Для рационального размещения производства требуется сопоставить и

сформировать оптимальную совокупность климатических, энергетических, транспортных требований, учесть принципы кооперации и комбинации производств, характер рельефа, наличие достаточных объемов воды, энергии, топлива, решить задачи максимально возможного приближения к местам залегания природных ресурсов и многое, многое другое.

Так например, на рациональное размещение промышленных предприятий серьезное влияние оказывает необходимость максимального уменьшения затрат по перевозке грузов. Для этого нужно добиться: кратчайшего расстояния соединительной ветки с магистралью, подбора площадки с максимально спокойным рельефом, исключение необходимости возведения дорогостоящих искусственных сооружений (мостовых переходов, подпорных стенок, виадуков и т. п.), обеспечение значительной емкости промышленной площадки, позволяющей одной ветке обслуживать как можно больше предприятий и др.²⁷⁸

Очень важное значение при выборе площадки для размещения производства играет наличие воды. В конце 1920-х гг. было подсчитано, что например металлургический завод, производительностью до 1,5 млн тонн чугуна расходует столько же воды, сколько город, равный тогдашнему Ленинграду. Во многих случаях, именно этот аспект являлся определяющим при выборе промышленной площадки, поскольку, «когда вода оказывается в лимите, она проявляет свое влияние на размещение черной металлургии с категоричностью, не свойственной никакому другому фактору»²⁷⁹. По расчетам специализированного проектного института металлургической промышленности — Гипромеза — размещение завода, являющегося крупным потребителем воды, определяется следующими требованиями: а) площадка завода должна быть не выше 15 метров над уровнем водоема, при условии, что водоем граничит непосредственно с площадкой, б) при высоте 10 метров над уровнем водоема, он может быть отдален от завода на 0,5 км, в) во всех стальных случаях необходимо организовывать многократный оборот воды с устройством охлаждающих водоемов²⁸⁰.

Размещение электростанций (основанных на использовании гидроэнергии, бурых углей, угольных отходов, ветровой энергии и штыба) должно быть максимально приближено в промплощадке. Казалось бы, возможность передачи электричества на любые расстояния делает данный фактор не существенным, но возможность комплексного использования всех видов теплового излучения, делает требование непосредственной близости теплотребляющих предприятий и обслуживающих их генерирующих станций, одним из основных. Отдельный вопрос — грунты участка, которые также должны отвечать широкому списку требований, предъявляемых к строительству производственных помещений.

Значительное влияние на выбор площадок для размещения промышленного производства играют принципы кооперирования и комбинирования. Так, в начале 1930-х гг. Институт промышленно-экономических исследований НКТП СССР формулирует принципы «кооперирования», «комбинирования» и «связности», которые задают правила объединения воедино: а) «базовых» промышленных предприятий (т. е. играющих ключевую роль) и б) «тяготеющих», сопутствующих (т. е. тех, которые выполняют подчиненную роль).

Исходя из правил «кооперирования», такая отрасль, как, например, металлургия, получает рекомендацию тяготеть к рудно-сырьевой базе, а металлургическим комбинатам следует «приближаться» к машиностроительным заводам. Заводам по производству химического оборудования необходимо размещаться ближе к потребляющему их продукцию химическому производству, а заводам по производству железнодорожного оборудования — ближе к своим «сырьевым» базам: металлу и лесу; заводам тракторостроения рекомендуется располагаться как можно ближе к производству качественного металла, литья, кованных и штампованных изделий и т. п.²⁸¹

Подобные рекомендации сделаны и в отношении размещения химических производств: большинству из них следует тяготеть к запасам топлива, энергии, воды (в этом, например, особо нуждаются производства синтетического аммиака, искусственного волокна, углехимии, синтеза каучука, электрохимические и электротермические производства); многие химические производства должны стремиться к местам потребления их продукции, так как любая транспортировка, например, суперфосфатов или серной кислоты, пусть даже на незначительные расстояния, оказывается для них нерентабельной. Также большими сложности в перевозке на дальние расстояния испытывают такие виды продукции, как, например, сжатые газы, воспламеняющиеся или активно действующие вещества, кислоты и т. п. Некоторым производствам рекомендуется «кооперироваться» с предприятиями других отраслей промышленности и территориально приближаться к ним. Например, электрохимии и электротермическому производству следует располагаться максимально близко к источникам дешевой электроэнергии; а азотнотуковому производству размещаться вблизи коксовых установок; фосфатному производству тяготеть к районам потребления; а производству синтетического каучука располагаться в районах с дешевым производством спирта и т. п.²⁸²

Предприятия легкой промышленности также получают рекомендации к своему размещению. Требование на приближение к сырью имеют стекольная, фарфоро-фаянсовая, спичечная промышленность. К местам потребления — швейная, трикотажная, обувная, полиграфическая, мыловаренная и т. п. Тяготеть к «базовым» производствам

следует дубильно-экстрактным, коже-суррогатным, шелкоткацким (на искусственном шелке) предприятиям и т. п.²⁸³

Предприятиям пищевой промышленности рекомендуется «тяготеть» к зонам сельскохозяйственного производства, откуда они берут сырье и куда возвращают отходы (жом, жмых и проч.). Сахарная промышленность должна «двигаться» в районы произрастания свеклы. А мясная — может располагаться и в районах животноводства, и в крупных потребляющих районах. Маслобойное производства должно кооперироваться с гидрогенизационным, маргариновым и мыловаренным. Консервной промышленности, перерабатывающей такую скоропортящуюся продукцию, как мясо, рыбу, фрукты, овощи, следует размещаться непосредственно на месте расположения своей сырьевой базы. А кондитерской промышленности вдвое дешевле возить к местам производства сырье и полуфабрикаты, чем перемещать на те же расстояния готовую продукцию, поэтому кондитерскую промышленность рекомендуется размещать в наиболее крупных населенных пунктах²⁸⁴.

А «некоторым предприятиям», невзирая на все вышеизложенные рекомендации, следует располагаться в «зонах безопасности», исходя прежде всего из «соображений обороны»²⁸⁵.

Правила «комбинирования» различных предприятий, предписывают таким, например, комбинатам, как металлургические, разворачивать производственный цикл в следующем составе: «1) химическое производство (коксохимия, азот и т. п.); 2) металлообработка (заготовительные цехи для машиностроения); 3) производство строительных материалов (на базе аксиальной утилизации шлаков, например, в шлако-кирпично-цементном производстве); 4) железнорудное хозяйство с рудообогатительными устройствами; 5) угледобыча с углеобогатительными устройствами»²⁸⁶.

А правило «связности» дают указания учитывать возможность, так называемого, «технологического срастания», то есть, формирования комплексов предприятий на основе близости производственно-технологических процессов. Например, на основе единого паросилового хозяйства, или на основе использования отбросного тепла, или на основе многопрофильного использования горячих и горячих газов и т. п.²⁸⁷.

Последовательная реализация этих принципов в конце 1920-х гг. часто оказывается проблематичной. В частности из-за того, что проектирование оказывается в значительной мере раздробленным, дифференцированным по отраслям. Постоянные реорганизации, укрупнения и разукрупнения²⁸⁸, направленные на повышение эффективности проектной деятельности, мало что меняют. Снова и снова повторяются ситуации, порожденные отсутствием комплексной

районной планировки. Вот лишь несколько примеров застройки гигантского Урало-Кузбасса.

В Тагило-Кушвинском промрайоне предполагалось построить 55 предприятий²⁸⁹. Основой районного комплекса был определен Нижний Тагил, где в числе других предприятий проектировались и строились Новотагильский металлургический и огнеупорный заводы, коксохимический и вагоностроительный комбинаты, агломерационная и обогатительные фабрики. Эти предприятия были связаны производственным процессом, но при этом единое территориально-планировочное решение отсутствовало, организационно ни проектирование, ни строительство не были скоординированы. Заводы, и жилые районы проектировались независимо разными организациями: металлургический — ленинградским Гипрометом, Уралвагонзавод — московским Гипромашем, коксохимический — харьковским Гипрококсом, агломерационная фабрика — ленинградской Гипрорудой. В итоге — полная неразбериха. Так, металлургический завод оказался ниже по рельефу, чем вагоностроительный — груженные металлом вагоны двигались вверх, а пустые вниз. Расположение жилого района Вагонстроя не учитывало направления господствующих ветров, в результате чего он попал в зону вредных выбросов металлургического и коксохимического заводов. НКПС спланировало железнодорожную колею по территории, отведенной под строительство поселка металлургического завода, а Тагилкомбинатстрой самовольно избрал территорию для огнеупорной фабрики и начал также застройку рабочего поселка вне согласования с общей планировкой города. Бесплановое и бессистемное строительство не давало возможности приступить к развертыванию единой сети городской инфраструктуры — водопровода, канализации, трамвайных путей, дорог и т. п.²⁹⁰

Кемеровский промышленный район задумывался как химический центр Кузбасса. По обоим берегам р. Томь, в Кемерово и Щегловске, формировался ряд производств, объединенных между собой технологическими процессами. При этом вблизи ТЭЦ расположился цинковый завод, не требующий большого количества тепла. А азотно-туковый завод, значительный потребитель пара, наоборот, оказался в отдалении от электростанции. Механический завод — основная база для снабжения и ремонта оборудования угольного района — был спланирован без непосредственной транспортной связи с территориями заводов-потребителей и доставка грузов вынужденно осуществлялась через территорию коксового завода. Строительство предприятий предполагалось во многом за счет городской территории Щегловска, что вызывало необходимость сноса части жилой застройки, остро необходимой для расселения, в целях создания защитных зон²⁹¹. По-

добного рода примеры, которые можно продолжать, не были единичными фактами, а являлись систематическим проявлением реального территориального планирования.

Архитекторы к выбору участка для предприятия, как правило, не допускались. Как и к выбору площадок под селитьбу. Границы мест размещения селитьбы они получали уже определенными, в составе программы-задания на проектирование. Проблемы, возникающие при этом, оказывались абсолютно неразрешимыми в рамках существовавшей процедуры проектирования и имевшегося у архитекторов арсенала профессиональных средств.

Так, например, планировка Орско-Халиловского промышленного района велась изолировано несколькими организациями: Новый Орск проектировался Горстройпроектом, Халилов — Академией коммунального хозяйства, а разработку районной планировки в целом вел Промстройпроект. Уже в процессе проектирования отмечалось, что районная планировка учитывает «интересы в первую очередь только промпредприятий, привязывая населенные пункты к уже избранным и зафиксированным промышленным предприятиям...»²⁹². Обсуждая формирование самого крупного поселения района — города Новый Орск — райплан настаивал на немедленном начале строительства города, «не дожидаясь окончательного разрешения всех остальных вопросов, связанных с районной планировкой и могущих в дальнейшем повлиять на то или иное направление последующего развития города...»²⁹³. Райплан считал, что «... все такого рода изменения могут быть учтены впоследствии при рассмотрении очередных этапов развития города»²⁹⁴. Выбор территории для Нового Орска был произведен уже после закладки промплощадок, вследствие чего город оказался на «зажатой» территории между р. Елшанкой на востоке, горной возвышенностью на западе и поймой р. Урал на юге. При этом расстояние до Халиловского промузла (в будущем Новотроицке предполагались металлургический комбинат, коксохимический и азотнотуковый заводы) составляло 5–6 км, что в перспективе грозило воздушной среде города систематическим сильным загрязнением.

Точно такие же проблемы несло расположение промышленной площадки Магнитогорского металлургического комбината на восточном (левом) берегу р. Урал — направление ее перспективного роста оставляло лишь небольшой участок для размещения города. Город оказывался зажатым в седловине между невысоким горным массивом и цепью холмов, а западной стороны был ограничен территорией предприятия, отрезающей, кроме того, будущий город от воды. Уже в 1930 г. пришлось признать, что, «к сожалению, при расположении завода не учли место, необходимое для города»²⁹⁵. Тем более что чрезвычайная вредность производства и специфический неустойчи-

вый ветровой режим степной территории делали левобережную зону подверженной сильному загрязнению. В том же 1930 г. развернулась многолетняя дискуссия по проблеме переноса поселения с левого берега на правый, как в капле воды отразившая градостроительные проблемы эпохи великих промышленных строек и типичные для всего периода первых пятилеток обстоятельства выбора территории под соцпоселения. А также и реальную роль архитекторов в принятии решения по ключевым градостроительным вопросам²⁹⁶.

Потребности промпредприятий в возведении поселений подле заводов-новостроек, критическое отношение власти к существующим городам капиталистической эпохи, практическая необходимость формирования такой планировочной структуры поселений, которая была бы способна максимально эффективно обеспечивать трудовомобилизационную и военно-мобилизационную организацию населения, собственно, и сформировали принципы организации городов нового типа — «социалистических городов».

Впервые новые принципы проектирования городов были выражены в Инструкции НКВД за № 184 от 28 мая 1928 г. «О порядке составления, рассмотрения и утверждения проектов планировки городских поселений и рабочих, дачных, курортных поселков»²⁹⁷. Инструкция уникальна тем, что является фактически последним из советских градостроительных документов, в котором одновременно присутствуют и концептуальные положения проектирования населенных мест «нового типа» как «поселений при промышленности», и рекомендации по формированию полноценной жилой среды автономных самоуправляемых поселений. Эти две группы нормативов совершенно различны по содержанию.

Первая фиксирует те правила, которые исходят из рассмотрения селитьбы как своеобразного «вспомогательного объекта» при производстве, они подчеркнуто нейтральны ко всем особенностям места будущего города, кроме «технических» (геологических условий, климатических особенностей и проч.). Даже к такой традиционно важной для градостроительного проектирования характеристике, как рельеф, они оказываются «безразличными», так как площадка для возведения будущего промышленного комплекса и селитьбы при нем еще на предварительной стадии выбирается максимально ровной.

Другая группа нормативов выдвигает требования индивидуального, «штучного» отношения к планировке, как к воплощению местных особенностей и формированию особых условий развития нового поселения.

Эти группы нормативов отражают две принципиально различные тенденции, существующие в этот момент в комплексе концептуально-теоретических воззрений советского градостроительства. Первая

выражает подход к проектированию поселений, основанный на приоритете промышленно-индустриальных механизмов возникновения, существования, развития городов, их финансового и материального обеспечения, распределяемого через наркоматы, а также партийного-социального управления территориями и т. п. Вторая — подход к проектированию поселений с максимальным учетом всех особенностей конкретной территории, сложившегося уклада деятельности, культуры и быта населения; на основе общественных форм самоуправления и коллективного характера пользования территорией и т. п.

Эти группы нормативов противоположны также и по идеологической направленности. Первая несет базовые постулаты концепции соцрасселения, которые еще в самом начале 1920-х гг. выработаны Административной комиссией ВЦИК²⁹⁸ и тогда же (19–20 марта 1921 г.) утверждены II сессией ВЦИК 8-го созыва. К середине 1930-х гг. именно эти постулаты составят свод писанных и неписанных заповедей проектирования генпланов соцгородов. Вторая группа нормативов выражает традицию градостроительного проектирования, восходящую к говардовской идее города-сада, активно воспринятой в России в начале XX века, поддержанной в дореволюционный период либеральной общественностью и социально ориентированной частью профессионального архитектурного сообщества, и до сих пор разделяемую многими архитекторами дореволюционной выучки.

Концепция соцрасселения предписывает создавать соцгорода как места сосредоточения пролетариата («классовые пролетарские центры»), которым должно административно подчиняться крестьянское население, проживающее на прилегающих к соцгороду территориях сельскохозяйственного профиля. В соответствии с этим, она требует осуществлять административно-территориальное деление: а) для крупных районов — с учетом сосредоточения промышленности, технических культур, направления и характера путей сообщения (железнодорожного, водного и авто-транспорта), а также численности и национального состава населения; б) для мелких районов — с учетом тяготения населения «к существовавшим ранее или образовавшимся после Октябрьской революции центрам распределительной системы»²⁹⁹ (т. е. «местам сдачи продуктов местного хозяйства и пунктам товарообмена или распределения»³⁰⁰).

В полном соответствии с этим постулатом Инструкция рассматривает новый город как организующее ядро всей прилегающей сельскохозяйственной территории. Она требует рассматривать его «с учетом взаимодействия и тесной связи интересов города и тяготеющих к нему районов»³⁰¹, «содействовать хозяйственно-экономическому развитию (...) тяготеющего к нему района»³⁰² и предусматривать возможность «объединения города с соседними городами, рабочими

поселками и промышленными предприятиями в общую районную планировку»³⁰³.

Концепция соцрасселения официально утверждает приоритет индустриального (производственного) развития поселений. Вслед за ней и Инструкция трактует город как «производственный и экономический центр»³⁰⁴, предписывая осуществлять его планировку таким образом, чтобы обеспечивать прежде всего «развитие и организацию промышленности во всех ее видах»³⁰⁵. Инструкция нормативно фиксирует приоритеты «производства» и «транспорта» перед «селитьбой». Основное требование к ее размещению — обеспечение доступности для населения от места жилья к месту работы: *«По отношению к экономическому развитию населенного места планировка последнего должна дать правильное распределение территории, необходимых для размещения и развития сооружений промышленности, транспорта и электрификации, с рациональным размещением их во взаимной связи между собой и в связи с жилищами с таким расчетом, чтобы создать наиболее благоприятные условия для безопасного, быстрого, удобного и экономически выгодного перемещения грузов и людских масс и для постройки самих сооружений»*³⁰⁶.

В Инструкции находит отражение еще один постулат концепции соцрасселения — о том, что соцгород должен являться не только центром «сосредоточения промышленности», но также фокусом притяжения сырьевых территорий, тяготеющих к данному производству³⁰⁷, зон, производящих сельхозпродукцию, а также транспортных ареалов, обеспечивающих доставку сырья и сельскохозяйственной продукции. Инструкция требует учитывать «влияние на планировку населенного места»³⁰⁸ расположенных вблизи города (поселка) железнодорожных станций, портов, промышленных предприятий, разработок естественных богатств, производящих и потребляющих районов и т. п.»³⁰⁹.

В отношении внутригородской структуры Инструкция требует планировочно закреплять административно-территориальное членение городской территории за счет «надлежащего размещения государственных и общественных зданий»³¹⁰. В соответствии с этим выделяется две категории сооружений. Первая — «основные», «градообразующие» сооружения. Хотя термин «градообразующие сооружения» в инструкции не используется, речь идет именно об этой функции: «Рост, устройство и застройка в перспективном развитии города зависят во многом от тех монументальных и капитальных сооружений, которые предполагается возвести на его территории. (...) Одни из них возникают по внешним причинам, вне зависимости от внутреннего процесса жизни самого города; напротив, эти сооружения сами определяют дальнейший ход истории города»³¹¹.

К этой категории сооружений относятся: 1) заводы и фабрики, имеющие областное или даже государственное значение; 2) крупные железнодорожные станции, речные и морские порты (а также воздушные порты³¹²); 3) транзитные гужевые магистрали (в том числе автомагистрали, большие мосты и путеводы³¹³); 4) обширные склады государственного значения, например, элеваторы экспортного хлеба (а также государственные скотобойни³¹⁴); 5) районные электростанции (а также сооружения связи государственного значения, например, радиостанции, узловые телеграфные станции и т. п.³¹⁵); 6) правительственные учреждения края; 7) курорты; 8) высшие учебные заведения; 9) сооружения военного значения и т. п. Подобного рода сооружения в дальнейшем именуются «основными» сооружениями города.

Другие сооружения — «обслуживающие». Они «возникают как продукт развития города в целях обслуживания потребностей городского населения; сюда относятся все коммунальные сооружения (водопровод, канализация, трамваи, скотобойни, газовые заводы и проч.), правительственные, лечебные и учебные заведения местного значения, торговые и складские помещения местного потребления и пр.»³¹⁶, а также «фабрично-заводские предприятия местного значения, городские электрические станции, городские телефонные станции и т. п.»³¹⁷.

Таким образом в Инструкции уже содержится прообраз того фундаментального для советской градостроительной теории принципа расчета перспективной численности населения нового города, который закрепится в расчетно-методической литературе с конца 1920-х гг. Он заключается в том, что перспективная численность населения города определяется исходя из «емкости градообразующих предприятий», производной от которой является численность «обслуживающего» населения и количество неработающих (детей и пенсионеров)³¹⁸. В соответствии с этим Инструкция требует учитывать не только характер «градообразующих» сооружений, но и «количество рабочих и служащих», необходимых для обслуживания «основных сооружений»³¹⁹. Как следствие, в Инструкции выделяется два вида «прироста городского населения» — «механический» (по периодам, в зависимости от сроков возведения основных сооружений) и «естественный» (в виде среднего процента рождаемости, исчисляемого на расчетный срок проекта планировки города — 15 лет)³²⁰.

Положения Инструкции тесно связаны с еще одним основным постулатом концепции соцрасселения — о том, что административно-территориальное деление должно быть неразрывно связано с задачей руководства производственными процессами. Они отражают требование концепции соцрасселения включать в административно-

территориальные границы все «объекты», слагающие производственный процесс: а) промышленное «ядро» с соответствующей партийно-хозяйственной управленческой надстройкой (собственно соцгород); б) зону притяжения трудовых ресурсов; в) зону действия распределительной системы; г) принадлежность сырьевых регионов; д) транспортные ареалы, обеспечивающие поставку сырья, материалов, энергоносителей, комплектующих и т. п.³²¹). Инструкция требует учитывать: «1. Промышленность края и города (добывающую и обрабатывающую); ее влияние на устройство и развитие города. 2. Сельское и лесное хозяйство края и города; их влияние на устройство и развитие города ... 4. Транспорт и средства связи внутри города и в тяготеющем к городу районе; влияние этих факторов на развитие и устройство города. 5. Электрификацию района и города; влияние на градостроительство. 6. Строительные материалы в крае, влияние на градостроительство»³²².

Поскольку новые города (рабочие поселки) должны возводиться прежде всего при предприятиях военно-промышленного комплекса, документ особо оговаривает необходимость «оборудования населенного места в военном отношении». Это предполагает не только учет внешних факторов: а) удобство боевых действий в районе данного населенного места и б) возможность размещения военных складов, казарм, аэродромов и проч.³²³, но и «внутренние» требования к планировке: 1) определения характера эксплуатации военных сооружений города в военное и мирное время; 2) изучение объектов, подлежащих обороне в городе и его районе (промышленные сооружения, обслуживающие нужды обороны и имеющие крупное общесоюзное значение, административные, коммунальные и прочие важные для жизни города сооружения и т. п.), а также условий, определяющих способы их защиты; 3) изучение условий, определяющих способы защиты населенного места от воздушно-химических нападений»³²⁴.

Концепция соцрасселения несет конкретное представление о военно-мобилизационной сущности соцгородов. Объединяемые производственно-хозяйственными связями в единые территориально-производственные системы (вместе с прилегающими к ним «непролетарскими» зонами) соцгорода очерчивают ареалы мобилизационно-политического членения территории, выступая костяком не только трудовых, но и военных подразделений (мобилизуемых из местного населения в случае необходимости). Инструкция нормативно закрепляет этот принцип. Она исходит из того, что в основу административно-территориального деления России кладется военно-мобилизационная организация населения — подобно тому, как это было сделано еще во времена Петра I. В те далекие годы за единицу мобилизационной организации населения принимался «двор»,

поставлявший по одной персоне мужского пола на армейскую службу; дворы объединялись в «доли» по 5536 дворов (сообразно численности петровских полков); доли были объединены в уезды; уезды — в провинции, провинции — в губернии. К каждой губернии было приписано определенное количество полков, которые комплектовались из людей, проживающих на данной территории, и за счет местных ресурсов снабжались деньгами и провиантом. В 1775 г. новой реформой «Учреждение о губерниях» Екатерина II осуществила оптимизацию численного состава военных подразделений и, соответственно, губерний (300–400 тыс. душ населения) и уездов (20–30 тыс. душ). В итоге вся Россия была поделена на 40 губерний (или наместничеств), разделенных на уезды. В 1861 г. к двухчленному делению прибавилось третье членение — волость как подразделение уезда³²⁵.

В 1920–1930-е гг. военно-мобилизационная структура также, как и во времена Петра I и Екатерины II, формируется по территориальному принципу, только за единицу исчисления населения принимается не «двор», а «парторганизация». Именно система парторганизаций (от первичных до районного уровня) обеспечивает требуемое число призывников и комплектование из них нужного количества военных подразделений (и в мирное, и в военное время). Именно структура партийных организаций, сформированная по иерархическому принципу, является главной управляющей системой соцгорода. Эта система требует оптимизации — приведения в хотя бы в приблизительное соответствие численного состава партийных организаций одного иерархического уровня, чтобы не получалась, что одна областная партийная организация в несколько раз больше или меньше другой только потому, что в одной области на подвластной территории народу обитает больше или меньше.

На решение этой задачи, безусловно, влияет интенсивность существующей транспортной сети. Поэтому для того чтобы обеспечить соответствие численности парторганизаций количеству управляемого ими населения, Инструкция требует учитывать транспортную доступность (и как следствие, охват населения), и при осуществлении работ по районной планировке предписывает осуществлять определение границ районов с учетом «направления и характера путей сообщения (железнодорожного, водного и авто-транспорта), а также численности ... населения»³²⁶. То есть в полном соответствии с одним из принципов концепции соцрасселения, разработанных и утвержденных Административной комиссией ВЦИК, предписывающей: «Размеры губернии (округа) должны быть тем меньше, чем сильнее развиты пути сообщения, и тем больше, чем меньше плотность населения». В последующие годы любые изменения административно-территориальных границ и «внутреннее» районирование в городах,

районах, областях будут осуществляться с учетом плотности населения и интенсивности транспортной инфраструктуры по принципу выравнивания численности парторганизаций³²⁷.

Инструкция напрямую выражает военно- и трудо-мобилизационную составляющую концепции соцрасселения — предписывает в обязательном порядке еще на предпроектной стадии осуществлять изучение условий проведения мобилизации³²⁸ и членить территорию населенного пункта на административно управляемые единицы так, чтобы обеспечить контроль над населением и его повседневную общественную и политическую организацию. Это достигается «...рациональным разделением населенного места на административно-хозяйственные районы и участки» за счет «расположения улиц и площадей, мостов и путепроводов, соответственно потребностям (...) общественной и политической жизни населения данного города или поселка и бытовых его особенностей»³²⁹.

Инструкция требует осуществлять решение военно- и трудо-мобилизационных задач и на уровне районной планировки, и на уровне генплана города. На уровне генплана в качестве таких административно-территориальных единиц, призванных обеспечивать оптимальную организацию трудо-мобилизационных и военно-мобилизационных мероприятий, и способных материализовать иерархическое устройство системы управления городом, Инструкция называет «квартал»³³⁰ и «рабочий район»³³¹. Кроме того в качестве аналогичной административно-территориальной единицы называются «значительных размеров коммунальные дома»³³².

Стоит отдельно остановиться на истории формирования представлений об этих структурных единицах. «Квартал» как основная градостроительная единица жилой застройки и раньше упоминался в специальной литературе — с середины 1920-х гг., но больше не как планировочный, а как строительный объект — «строительный квартал». Но уже в разработанных ГУКХ НКВД и законодательно одобренных 14 марта 1925 г. (в качестве предварительного проекта) «Правилах распланирования и застройки городов»³³³, квартал фигурирует как планировочная единица селитьбы. Точно также он представлен и во «Временных строительных правилах и нормах для постройки жилых домов в поселках»³³⁴, принятых СТО в конце июля 1926 г. Здесь содержится указание на «квартал», как на основной планировочный элемент населенного пункта, формирующий баланс территории: «а) улицы, площади и пр. — 15–25%; б) территории зданий общественного пользования — 5–10%; в) сады, парки, бульвары, зеленые насаждения общественного пользования — не менее 10%; г) жилые кварталы — 60–70%. ... Кварталы должны занимать, по возможности, большую площадь, но не более 25 000 кв. м (2,5 га)»³³⁵.

Нормы задают также и композиционно-компоновочную схему организации квартала: «В каждом квартале застройке подлежит только прилегающая к внешнему обводу его полоса, шириной не более 40 метров; остающаяся внутри квартала часть соединяется с улицей дорожной общественного пользования и отводится под зеленые насаждения, площадки для игр и спорта, газоны, сады (...) или под застройку зданий коллективного пользования населением квартала ... Очертания кварталов (...) должны быть по возможности прямоугольными»³³⁶. Заметим, что данные нормы, разработанные в духе представлений о рабочем поселке, допускающем ведение садово-огородного хозяйства, предусматривают использование внутриквартальной территории под устройство огородов³³⁷.

Как планировочная единица, «квартал» еще раз закрепляется постановлением ЭКОСО РСФСР от 31 декабря 1927 г. «Об утверждении строительных правил и норм для постройки жилых домов в поселках на территории РСФСР»³³⁸, которое предписывает отводить под жилые кварталы 50–70 % городской территории³³⁹. Остальная территория распределяется точно также, как во «Временных строительных правилах и нормах для постройки жилых домов в поселках» (1926 г.): «а) территория, занятая улицами, площадями и т. п. — 15–25 %; б) территория, занятая участками для зданий общественного назначения — 5–10 %; в) территория, занятая садами, парками, бульварами и зелеными насаждениями общественного пользования — не менее 10 %»³⁴⁰. Постановление ЭКОСО устанавливает два типа кварталов: а) коммунально-коллективной застройки и б) индивидуальной застройки: «кварталы могут быть застраиваемы по двум типам планировки: первый тип — коллективной застройки, рассматривающий весь квартал как слитную нераздельную усадьбу; второй тип — индивидуальной застройки с разделением на отдельные участки с индивидуальным хозяйством (для такого типа в поселках выделяются особые кварталы)»³⁴¹.

Предписывая изображать в детальном проекте планировки «генеральные планы коллективной застройки кварталов»³⁴², Инструкция НКВД № 184 (также как и постановление ЭКОСО), отражает не отмененную пока тенденцию к обобществлению быта. Она также содержит и не запрещенную пока индивидуальную застройку — предписывает предусматривать в проектах детальной планировки наличие «строительных участков частного пользования»³⁴³. Законодательный отказ от индивидуальной застройки свершится позже — с принятием 8 апреля 1929 г. постановления ЭКОСО РСФСР «Правила и нормы застройки населенных мест, проектирования и возведения зданий и сооружений»³⁴⁴.

8 февраля 1929 г. выходит постановление СНК РСФСР «О мероприятиях по улучшению и удешевлению строительства, разверты-

ванию промышленности строительных материалов и мероприятиях по урегулированию рынка строительных материалов и рынка труда в 1928/1929 г.». Исполняя это постановление Строительная комиссия РСФСР разрабатывает «Временные нормы и правила проектирования и возведения зданий и сооружений», состоящие из пяти инструкций³⁴⁵. Одна из этих инструкций, под названием: «О конкретных мероприятиях по снижению стоимости строительства путем рационализации проектирования, применения облегченных конструкций, уменьшения норм нагрузок и запасов прочности»³⁴⁶ в качестве основной градостроительной планировочной единицей вновь называет «квартал». Инструкция предписывает осуществлять, по возможности, «равномерную застройку всего периметра квартала, сохранение прямоугольной формы, сокращение разрывов между отдельными зданиями на участке до минимальных пределов, допускаемых существующими строительными правилами», распределять застраиваемую площадь в следующих отношениях: «а) под улицы и площади — не свыше 15–20 %; б) под общественные здания — не свыше 5 %; под зеленые насаждения — не свыше 10–15 %; под жилые кварталы не меньше 65 %»³⁴⁷.

После годичного применения «Временных норм и правил проектирования и возведения зданий и сооружений» в январе 1930 г. Стройком РСФСР на основе полученного опыта их пересматривает и корректирует, «дополняя рядом новых элементов»³⁴⁸. Этот переработанный и дополненный документ издается постановлением ЭКОСО от 12 января 1930 г. в виде законодательного акта под названием: «Правила и нормы застройки населенных мест, проектирования и возведения зданий и сооружений»³⁴⁹.

В разделе «Правила застройки населенных мест» данного постановления дана четкая установка на проектирование городов, как целенаправленно создаваемых поселений нового типа, в которых игнорируются «бывшие частнособственнические границы участков»; отбрасываются требования разрывов между проектируемыми и существующими зданиями, если последние являют собой старый, ветхий, малоценный фонд, предназначенный, в соответствии с новой проектируемой застройкой под снос³⁵⁰; законодательно фиксируется ориентация на возведение «укрупненных многоэтажных домов»³⁵¹ и т. п. Причем, многоэтажные дома нормативно приобретают статус основного перспективного типа застройки — «Правила» указывают, что «перспектива полной перепланировки» кварталов существующий застройки должна осуществляться именно в ориентации на этот тип зданий³⁵².

«Живописность» города-сада уступает «рационализму и экономии» — законодательно вводится структура прямолинейных улиц —

«расположение потоков движения следует проектировать преимущественно по прямым линиям (улиц, шоссе, бульваров и т. п.)»³⁵³. При этом «*при расположении на отводимых участках зданий (...) стремиться к достижению возможно большей компактности зданий*»³⁵⁴. А в тех случаях, когда рельеф не способствует подобной трассировке, следует отказаться не от нее, а от «неудобного» места расположения поселения: «*при планировке территории под застройку надлежит всемерно избегать выбора таких земельных участков, которые вызывают дополнительные расходы (...)*»³⁵⁵.

В постановлении пока еще фигурирует такой тип городов, как «колхозные агроцентры»³⁵⁶. Но вскоре любые подобные виды населенных мест — агрогорода, агро-индустриальные города и т. п. будут категорически исключены из теоретической действительности. В градостроительной типологии в период индустриализации будет существовать (официально утвержденные еще с 1924 г.) лишь две категории населенных мест — городские поселения и сельские поселения, а также три рода специальных поселений (поселков) — дачные, рабочие и курортные.

Еще не известна позиция власти в отношении обязательного наличия в соцгороде «живого сердца города» — культурно-политического центра, где должны быть сосредоточены все «советские, профсоюзные, партийные организации», «основные культурные аппараты» и к которому примыкало бы театральное здание, место больших собраний, съездов и пр. здание». Поэтому «Правила и нормы» призывают «избегать сосредоточения многочисленных учреждений и организаций в одном центре»³⁵⁷, а рекомендуют «обращать внимание» на возможности техники, связи и транспорта.

Еще не зафиксирован официальный отказ от «обобществления быта», который публично будет объявлен 29 мая 1930 г. постановлением «О работе по перестройке быта»³⁵⁸, поэтому «Правила» нормативно предписывают переходить от «*индивидуальной квартиры и индивидуального хозяйства по обслуживанию семьи к обобществленному хозяйству — к домам-коммунам и к целым коммунальным кварталам*»³⁵⁹. «Правила» указывают на то, что в соответствии с этим «*...должен меняться характер не только отдельных жилых домов и обслуживающих население зданий и предприятий, но и характер и формы застройки кварталов и их хозяйства, а равно населенных мест в целом*»³⁶⁰.

Постановление законодательно определяет «квартал» в качестве основной структурной единицы планировки населенного пункта. Причем, квартал трактуется не только как планировочная, но и как функциональная единица. Предписывается «специализировать кварталы по своему назначению (например, жилой квартал, школьный

квартал, больничный квартал, торговый, административный, квартал культурно-просветительных учреждений, квартал-парк и т. д.). К каждому из них предъявляются свои требования. В частности в жилых кварталах «не допускается постройка промышленных предприятий»³⁶¹ и т. п. Устанавливается средняя плотность населения во вновь устраиваемых кварталах — она должна быть от 200 до 300 человек на гектар площади квартала. Лимитируется длина стороны квартала — она не должна быть, как правило, больше 400 м. Определяется максимальная величина квартала — 1,5–2 га.³⁶² Постановление законодательно вводит «ленточную систему застройки» — «при проектировании и застройке новых кварталов рекомендуется, если это представляется по размерам и расположению застраиваемых площадей и другим местным условиям возможным и целесообразным, применять ленточную систему застройки, с расположением продольных осей зданий перпендикулярно к главным проездам и с оставлением между зданиями свободных проходов и площадей зеленых насаждений»³⁶³. Тем самым через нормативы в проектную деятельность вводится прообраз будущего типового квартала со строчной застройки меридионального типа, с пешеходными связями, располагаемыми в озелененной середине квартала.

Если анализировать положения постановления ЭКОСО от 12 января 1930 г. «Правила и нормы застройки населенных мест, проектирования и возведения зданий и сооружений» и вышедшего через четыре месяца постановления «О работе по перестройке быта», то становится понятным, почему с таким нескрываемым раздражением высшее руководство страны отнеслось к дискуссии о соцрасселении, почему так жестко ее оборвало и почему дало такую резкую персональную отповедь «рядовым» ее участникам, причем на самом высоком уровне партийных постановлений — в постановлении ЦК ВКП(б).

Там, «наверху», все уже было давно решено: сверстаны списки объектов ВПК, распределен бюджет на индустриальное строительство, определена потребность в трудовых ресурсах и намечены планы ее поставки на новостройки, под эту численность выделены средства на возведение временного примитивного жилища для основной части населения и капитального (деревянного и каменного) жилья для руководства, сформулированы нормативные представления о распланировке соцпоселения, проектно разработана типология жилья. И вдруг выяснилось, что где-то там «внизу», в широких массах архитекторов, экономистов, транспортников, планировщиков, эконом-географов, партийных деятелей среднего звена, с привлечением активистов, профсоюзной общественности, рабочих и служащих, причем, привлечением их через государственные газеты и даже

партийные журналы, через книги и брошюры, по всей стране распространяется совершенно иная «картина ближайшего будущего». Картина, формирующая неверные ожидания населения, опасные своей непредсказуемой реакцией на несбывшиеся мечты.

Напомним, начинавшиеся как идеологическое обоснование ускоренных планов первой пятилетки, рассуждения о будущем советской экономики сами собой переросли в обсуждение целого комплекса непосредственно связанных с этим проблем: организации труда и быта, взаимосвязи промышленности с сельским производством, комплектования трудовых ресурсов, формирования среды обитания и, в целом, нового способа расселения по территории страны. Подобное бесконтрольное, не санкционированное и, что самое ужасное, массовое действие, отвлекающее людей от выполнения конкретных производственных заданий и дезориентирующее, было абсолютно недопустимым.

«Мы наш, мы новый мир построим...» — планировочная структура поселений нового типа

Переход от формирования идеи соцгорода к ее градостроительно-му воплощению не был одномоментным. Первые проекты «социалистических поселений» основывались на планировочной конструкции, выработанной в предшествующий период при проектировании рабочих поселков. Несмотря на увеличение численности соцгорода, в сравнении с рабочим поселком, до нескольких десятков тысяч человек и территориальном увеличении поселений, никакого нового градостроительного качества в планировочных приемах конца 1920-х гг. еще не присутствовало.

Во-первых, сохранялась традиция композиционной ориентации поселения на промышленное предприятие и наличие «лучевой» схемы планировки. Ориентация «лучей» главных городских магистралей на предзаводскую площадь была наиболее распространенным планировочным приемом. Это демонстрируют, например, проекты поселков при Уральском машиностроительном заводе (1929, арх. П. Оранский), тракторном заводе им. Ф. Дзержинского в Сталинграде (не позднее 1928 г.), Кузнецком металлургическом заводе (Гипромез, 1928), Магнитогорском металлургическом комбинате (1928, Гипромез, арх. Б. Данчич и др.; 1929, Госпроект, арх. С. Е. Чернышев) и др.

В другом варианте использовалась схема с композиционной осью «завод — общественный центр поселения», когда «лучи» сходились на главной городской площади, от которой уже направлялась линия основной магистрали к заводу. Характерный пример такого рода планировки — план рабочего поселка Уральского медеэлектролитного завода в Пышме Свердловской области (1935). В генеральном плане рабочего поселка на 20 тыс. жителей при Уральском алюминиевом комбинате в Каменск-Уральске (Монтажпроекталюминий, 1934) основная магистраль завода, которая является композиционной осью территории предприятия, продолжается за пределами предприятия улицей Алюминиевой и соединяет завод с главной площадью поселка. При этом улица в непосредственной близости от предприятия распадается на три луча, два боковых из которых становятся меридиональными улицами поселка³⁶⁴. Обращая внимание на даты

создания вышеуказанных проектов, стоит заметить «живучесть» подобной планировочной концепции, сохранявшей свою значимость и в 1930-е гг. при проектировании относительно небольших «социалистических» поселений. Но, главное, создание лучевых планировок и «звездчатых» площадей-«узлов» нашло в 1930-е гг. вполне естественное продолжение на новом — «неоклассическом» — этапе планирования и застройки «социалистических городов».

Исходя из роли завода как «градообразующего фактора», промышленное предприятие планировочно трактовалось как ядро, смысловой и композиционный центр рабочего города, к которому направлены основные оси. Фетишизация промышленного предприятия и пролетарского труда приводила даже к предложениям о том, что «предприятия могут быть в самом центре города., будет фабричный кремль», с утопической уверенностью, что очень скоро «можно будет химическим способом обезвреживать вредные газы...»³⁶⁵. Силуэт завода или копры шахт определяли видовые перспективы, выступая своеобразными метками, структурирующими городское пространство и задающими вектора движения. Заводские конторы должны были выступать одной из архитектурных доминант городского пространства, а предзаводская площадь планировалась не только как центр трудовой жизни, но и как средоточие общественных функций (место проведения парадов, митингов, демонстраций). Этот планировочный прием был предопределен и чисто экономическими факторами. Удобная и разработанная взаимосвязь жилой зоны и предприятия означала значительную финансовую экономию с точки зрения оптимизации транспортной инфраструктуры, сокращение временных затрат на доставку рабочей силы и т. п.

Забегая вперед, необходимо подчеркнуть, что даже с изменением планировочных подходов в начале 1930-х гг., «место» предприятия оказывается неизменным. Так, в проекте генплана соцгорода Нижегородского автозавода (1933) «особенно подчеркнута главная магистраль от завода в город, которая будет застроена крупными административно-общественными зданиями... Главная магистраль выходит на площадь, оформленную зданиями дома советов, дома культуры и дома коммуны»³⁶⁶. В свою очередь, одной из претензий, высказываемой к проекту Магнитогорска (1932) было то, что «неудачное расположение большей части застройки не дает возможности открытия перспектив на промплощадку, которая по своему грандиозному масштабу является одним из факторов архитектоники города в построении его плана»³⁶⁷. Функциональная необходимость развитой взаимосвязи города и градообразующего предприятия в различных вариантах и с той или иной степенью архитектурной акцентировки сохранит «заводской» ориентир во всех без исключения генпланах соцгородов.

Во-вторых, проекты конца 1920-х гг. сохраняют традиционную, поселковую, типологию застройки. А именно значительную роль индивидуальной застройки усадебного типа для заселения отдельными семьями. Подобный тип еще допускается градостроительными нормативами. В частности, постановление ЭКОСО от 31 декабря 1927 г. «Об утверждении строительных правил и норм для постройки жилых домов в поселках на территории РСФСР» предусматривало наличие территорий индивидуальной застройки с разделением на отдельные участки с индивидуальным хозяйством. Для такого типа в поселках предлагалось выделять отдельные кварталы³⁶⁸. Но уже в 1929 г. происходит нормативный отказ от выделения в проектах соцгородов зон индивидуального жилища. Он осуществляется принятием 8 апреля 1929 г. уже упомянутого постановления ЭКОСО РСФСР «Правила и нормы застройки населенных мест, проектирования и возведения зданий и сооружений»³⁶⁹. Как следствие, начиная с середины 1929 г. критике подвергаются проекты соцпоселений, включающие зоны индивидуальной застройки.

В частности, критикуются результаты конкурса на составление проектов планировки и застройки поселка на 45 000 рабочих и служащих Севгосрыбтреста в г. Мурманске («Новый Мурманск»), проведенного в декабре 1929 г. Ленинградским обществом архитекторов-художников (ЛОАХ). Осуждается то, что в программе конкурса предусматривалось *«строительство преимущественно домов с индивидуальными квартирами и прочими прелестями мещанского быта...»*, в результате чего *«мы получим новые проекты поселков капиталистического типа»*³⁷⁰. С тех же позиций в начале 1930 г. отклоняется проект соцгорода при Краматорском заводе, который предполагает проживание пятой части населения (8000 из 40 000 чел.) в поселке типа *«город-сад с индивидуальными домиками и индивидуальным хозяйством»*³⁷¹. Предлог более чем важный: *«Необходимо решительно воспрепятствовать строительству городов и поселков капиталистического типа»*³⁷². Генплан Новосибирска (арх. Б. Коршунов) был отклонен из-за большого количества территории, отведенной под индивидуальную застройку³⁷³.

В длительный процесс превратилось и проектирование рабочего поселения при Магнитогорском металлургическом комбинате в конце 1920-х гг.

Первые проекты рабочего поселения при ММК были разработаны в Ленгипромеze и Уралгипромеze в конце 1928 — начале 1929 г. Проект Ленгипромеze предполагал возведение рабочего поселка на 20 тыс. чел. в непосредственной близости от предприятия. 45,6% жилья отводилось под индивидуальное и кооперативное строительство³⁷⁴. Как видно из докладной записки «По вопросу постройки Магнитогорского металлургического завода» от 10 января 1929 г.,

проект Уралгипромеза также представлял собой небольшой «городок» площадью в 360 га с населением 20–25 тыс. чел., с радиальной планировкой и индивидуальной и кооперативной застройкой одно-двухэтажными домами из кирпича и облегченных конструкций³⁷⁵.

В 1929 г. проектирование было передано в Госпроект, где велось под руководством С. Чернышева, но это мало что изменило. 2 октября 1929 г. на совещании по вопросу проектирования рабочего поселка при Металлургическом комбинате, проходящем в московском представительстве Магнитостроя, С. Чернышев делал доклад об основных принципах планировки³⁷⁶. Он указывал на то, что основная трудность проектирования заключается в почти непрерывном изменении проектной численности населения — от исходных 20 тыс. чел. до 50, затем 60 и, наконец, 70 тыс. чел.³⁷⁷ Причина — изменение правительством, уже по ходу строительства комбината, его проектной мощности: с начальных 660 тыс. тонн чугуна в год до 1 млн (ноябрь 1929 г.), затем 2,5 млн и до 4 млн при выходе на проектную мощность (февраль 1930 г.)³⁷⁸. Соответствующий рост количества рабочих, занятых на комбинате и, как следствие, рост численности населения города, требовали проектирования вместо заводского поселка целого города.

Трезво оценивая ситуацию, архитектор предлагал две очереди строительства: первую — временное поселение, вторую — капитальный город. Композиционная ось планировочной структуры — широкая магистраль с бульварами и скверами, традиционно ориентированная на комбинат. Городской центр предлагалось сформировать с двумя «ядрами»: а) административно-общественным (площадь на территории временного поселка) со зданиями Советов, партийных организаций, учреждениями культуры и б) производственным (площадь в основном городе) со зданиями заводоуправления, главной заводской конторы, ФЗУ, гостиницы, столовой. Жилая застройка предполагалась в двух вариантах: а) «крупная» — кварталами, «притянутыми» к основной магистрали, с 4-этажными секционными домами (жилая ячейка Моссовета) с плотностью, в соответствии с нормативами, 300 чел./га.; б) «мелкая», малоэтажная, с плотностью 50 чел./га. Примечателен факт указания на необходимость наличия в поселении системы коллективного социально-бытового обслуживания, развитие которой предполагалось лишь в будущем — «с развитием общественной жизни».

В конце октября 1929 г. доклад С. Чернышева и планировочная схема были вынесены на заседание СНК РСФСР. Присутствовавший на заседании Н. Милютин через несколько дней (29 октября 1929) опубликовал в газете «Известия» довольно резкие критические суждения о проекте, именно в отношении «традиционности» проектного подхода: «...мы почти совершенно не ставили вопроса о социаль-

ном характере строительства наших городов, о советском урбанизме. В результате мы наблюдаем, казалось бы, невероятное в условиях диктатуры пролетариата явление: в нашем новом строительстве мы следуем худшим традициям прошлого века. Наше строительство городов, (в том числе и новых) сплошь пропитано духом мелко-мещанского, пошлейшего из пошлых быта. В нем нет даже намека на новый социальный заказ... Мы можем и обязаны смести и вытравить понятие о домовладении, мы можем и должны строить исходя из социального заказа, мы должны потребовать от вашего жилищного и коммунального строительства обязательного решения задачи организации нового, социалистического быта... содействовать раскрепощению женщины, а не ее закабалению в семье и на кухне... 23 октября Совет народных комиссаров РСФСР слушал информационный доклад "О ходе строительства Магнитогорска"... Авторы плана правильно поставили задачу, но решить ее не смогли. Намечено полное обслуживание населения нового города яслями, школами, больничной помощью, детскими садами, фабрикой-кухней и т. д. Социальный заказ дан. Как же он решается? Да по-старинке. Рабочий поселок составлен из группы домов и домиков с кухоньками и мелкими квартирками, половина которых смотрит на север. Ряд неправильных улиц с группой коммунальных домов, магазинов и пр., 9 км трамвая, 900 гектаров под застройкой, из них половина — под мелкими домами и т. д. Расчет жителей взят из типично капиталистических отношений: 8 тыс. рабочих, 8 тыс. обслуживающего персонала и дальше... «накладные расходы» — жены, дети и пр., всего 32 тыс. человек. Другими словами, одно лицо, занятое производительным трудом, должно прокормить трех иждивенцев, из которых половина трудоспособных. Где же организация социалистического быта? Где гигиеническое расположение жилищ? Где раскрепощение женщины? Где хотя бы намек на общественное воспитание ребят? А ведь Магнитогорск — первый в СССР чисто советский город, где мы не связаны прошлым, где мы всему миру демонстрируем волю пролетариата в новой общественной жизни»!³⁷⁹

Эта развернутая критика демонстрировала, что накопленные к концу 1920-х гг. теоретические знания и практический опыт в строительстве рабочих поселений были уже не способны адекватно отражать новую «градостроительную сверхзадачу» первой пятилетки по массовому строительству индустриальных городов и новое понимание принципов планировочной организации поселений «социалистического типа». К этому времени уже была сформулирована концепция власти в понимании нового «социалистического» города, озвученная Л. Сабсовичем³⁸⁰.

Новые подходы получили первую попытку воплощения в программах на проектирование городов при промышленных предприяти-

ях и промзаданиях конца 1929 — начала 1930 г., и в соответствующих конкурсных и заказных проектах. Однако быстро выявилось противоречие между идеей социалистического города, как она понималась «отвлеченными» теоретиками новой жизни с одной стороны, и практическими интересами власти с другой. Сосуществовали два параллельных мира, однако такое положение не было отрефлексировано сразу: первоначально именно «устаами власти» озвучивалась Идея.

«Первой ласточкой» стало постановление Совнаркома РСФСР о строительстве Магнитогорского комбината и города Магнитогорска от 11 ноября 1929 г.³⁸¹ Постановление уточняло статус Магнитогорска как поселения особого типа — «социалистического города» и задавало совершенно иные принципы проектирования и застройки, нежели прежде. Магнитогорск провозглашался *«чисто пролетарским городом, полностью связанным с работой Магнитогорского комбината»*, а его «социалистический» характер определялся *«максимально доступным в условиях переходного периода обобществлением быта»*. Далее этот тезис расшифровывался более подробно: *«В частности: а) должно быть полностью обобществлено все коммунальное и культурное обслуживание взрослого населения с тем, чтобы соответствующие учреждения были сосредоточены в одном центральном корпусе нового города, органически связанном с жилыми корпусами; б) должно быть обеспечено на все 100 % обслуживание детей яслями, детскими садами, пионерскими лагерями, школами, интернатами и т. п. путем постройки специального детского города; в) должно быть обеспечено полное обслуживание населения медицинской помощью (поликлиника, больница); г) должно быть обеспечено осуществление всех основных требований санитарного благоустройства города, в частности, все жилые корпуса должны быть расположены таким образом, чтобы все внутренние части обязательно освещались солнечным светом; водопровод, канализация, освещение, газ и пожарная охрана должны быть связаны с соответствующими предприятиями завода и обеспечены с самого начала строительства города; д) количественный расчет населения города должен исходить из полного использования всего трудоспособного населения в производстве или коммунально-бытовом обслуживании; е) при проектировке городских зданий должны быть учтены полностью все достижения современной передовой архитектуры и, в частности, работы Строительной комиссии РСФСР...»*. Данный текст фактически воспроизводит в общих чертах основные тезисы Л. Сабсовича, актуализированные их публичным обсуждением в стенах Госплана СССР в конце октября 1929 г. и начавшейся дискуссией.

Эти общие представления о сущности нового социалистического города должны были быть детализированы в конкретных проектных

решениях. Как следствие, в конце 1929–1930 гг. прокатилась волна открытых и заказных конкурсов на проектирование новых городов (Автострой, Магнитогорска, Коминтерновска, Кузнецка, Чарджуя и др.)³⁸². Но конкретизация эта была весьма условной, речь шла скорее о развернутых концепциях. Формально, инициаторами выступали предприятия-заказчики — Магнитострой, Автострой, Тракторострой, Кузнецкстрой. От их лица озвучивались конкурсные программы на проектирование. Но за их спинами стояли органы центральной власти. Именно Совнарком РСФСР вышеуказанным постановлением обязывает, например, Магнитострой «объявить конкурс на разработку проекта города», а «Строительной комиссии РСФСР и Народному комиссариату внутренних дел РСФСР принять самое активное участие в проектировке этого города» и их же привлечь в конкурсное жюри³⁸³. Неудивительно, что все конкурсные программы, официально подготовленные в разных ведомствах, были почти идентичны по выдвигаемым положениям и явно имели один источник происхождения.

Можно лишь предполагать о роли, которая была сыграна в этом (также как и в формулировании градостроительных постановлений СНК РСФСР, например, о строительстве Магнитогорска) крупным правительственным чиновником и теоретиком «социалистического города» — Н. Милютиным³⁸⁴. Он являлся председателем Правительственной комиссии по строительству новых городов и самым высокопоставленным партийцем, напрямую занимавшимся градостроительными проблемами. С точки зрения В. Э. Хазановой, «в устах Н. Милютина теория соцрасселения неожиданно начала приобретать характер таких конкретных рекомендаций, что чуть ли не превратилась в строительные нормы и правила»³⁸⁵. Он выступал именно как «ответработник», озвучивающий линию партии по архитектурно-градостроительным вопросам. Открытым пока остается вопрос, составлялись ли основные положения, ставшие стержнем всех программ, непосредственно Н. Милютиным, или были разработаны одновременно «под заказ» в проектной организации (о чем, например, свидетельствуют первоначальные директивы для составления программы Всесоюзного конкурса на проектирование «социалистического города» Магнитогорска, созданные в Госпроекте (1929)). Как бы то ни было, и партийный деятель, и архитекторы-проектировщики выступали не создателями, но лишь интерпретаторами главной задачи «заказа» со стороны власти — формирование среды, полностью регламентирующей существование человека на благо государства и создающей минимально необходимые для этого условия. Идентичность основных положений программ свидетельствует не только о возможно одном источнике происхождения, но и о четко сформулированных требованиях «заказчика».

Яркие примеры такого рода документов — «Программа всесоюзного конкурса по проектированию соцгорода Магнитогорска» (декабрь 1929)³⁸⁶; «Программа для эскизного проекта индустриального рабочего города уральского тракторного завода» (декабрь 1929 — январь 1930)³⁸⁷; «Основные положения по проектированию рабочего поселка при Автозаводе» (март 1930)³⁸⁸; «Задание на составление общего проекта планировки и застройки социалистического поселения при Харьковском тракторном заводе» (декабрь 1929 — январь 1930)³⁸⁹ и др.

В программах прежде всего оговаривались социально-бытовые стороны существования населения соцгорода «в условиях, освобождающих от забот по ведению индивидуальных хозяйств, но с активным участием трудящихся во всех видах коллективного хозяйства и быта своей коммуны»³⁹⁰. «Рисовалась» картина жизни трудящихся в жилкоммунах, «на основе полного обобществления культурно-просветительной и бытовой жизни...»³⁹¹.

Все взрослое население, за исключением немощных, должно было участвовать в производительном труде и общественной работе, а дети до 16 лет находиться на полном общественном обеспечении и проживать в закрытого типа яслях, детских садах и интернатах. Развитый социально-бытовой комплекс (пищевой комбинат, товаропроводящая сеть, банно-прачечный комплекс, универмаг, почта, диспансер, больница и т. п.) обеспечивал обыденные потребности. Система централизованного культурного обслуживания (дворцы труда и культуры, образовательный комплекс, парк культуры и отдыха со стадионом и т. п.) создавала условия для коллективизированного отдыха. И в целом, с точки зрения проектировщиков, «поселение должно всей своей планировкой обеспечить наиболее легкую перестройку социалистического быта в коммунистический»³⁹².

В соответствии с концепцией обобществления быта, жилкоммуна (жилкомбинат) являлась главной темой и, фактически, единственным подробно рассмотренным объектом конкурсного проектирования — ей были посвящены отдельные разделы программ. Жилищная коммуна понималась как комплекс зданий, число ее жителей варьировалось в разных программах от 1000 до 5000 чел. для всех возрастных групп. Жилые ячейки (спальные помещения) для взрослых площадью 7–9 м проектировались как для одиноких, так и вместимостью на 2–3 чел. Предполагалось их обеспечение необходимым минимумом оборудования: встроенной и трансформирующейся мебелью (откидные кровати, диваны-кресла), столом для занятий, стенным шкафом, «помещением» для платья и белья, умывальником. Ячейка, таким образом, должна была служить не только для сна, но и для индивидуального отдыха и занятий, хранения вещей и личной гигиены. Для

общего пользования предусматривались спортзал, комнаты для индивидуальных и групповых занятий, библиотека-читальня и т. п., а также обязательные бытовые службы (столовая-буфет с отделением для приготовления пищи, получаемой с фабрики-кухни, и подогревания; хозяйственный и информационный центр — розничная продажа мелких хозяйственных предметов и галантереи, консервов, вод и т. п.; отделение почты, телеграфа, сберкассы, справочного бюро, киоска печати; душевые, ванны, постирочные, уборные, парикмахерская и т. п.). Воспитание детей строилось на коллективных началах: для дошкольников предполагались ясли и детские сады круглосуточного пребывания, для школьников — интернаты.

Подобного рода положения с полным вариантом обобществления были сформулированы далеко не сразу, это демонстрирует самая ранняя программа — на проектирование Магнитогорска, возможно послужившая основой для остальных. Первоначальные установки, предложенные проектировавшим рабочее поселение при ММК Госпроектом, были подвергнуты «жесточайшей критике»³⁹³. И, надо понимать, критиковавшие (не указанные автором публикации) обладали достаточным властным ресурсом, заставив проектировщиков быстро пересмотреть «неактуальные» положения. Основным типом застройки первоначально предлагались 4–5-этажные общежития коммунального типа для семейных и одиноких (общежития для одиноких предполагались отдельно для мужчин и женщин). Комнаты намечались для 2–4 одиноких или на семью до четырех человек, включая детей, с нормой площади 6 кв. м на каждого. Кроме жилых помещений предусматривались столовые, клубные комнаты, читальни, комнаты для работы и отдельно для занятий умственным трудом, спортзалы. Дома должны были быть оборудованы водопроводом, канализацией, электрическим освещением (соответственно, с ванными, душевыми комнатами и т. п.). В состав городской инфраструктуры включались детский сектор — ясли и детские сады (на время занятости матери); образовательные учреждения — втуз, школы, техникум; учреждения здравоохранения; культурные учреждения — Дворец труда и культуры, библиотека-читальня, театр, кино, стадионы, спортплощадки; предусматривались бани-прачечные, телеграфные и телефонные станции, почта; в систему распределительного социального обеспечения входил пищевой комбинат, сети столовых и буфетов, товарные распределители и т. п.; здания административных учреждений были представлены Домом Советов, домами парткома и профсоюзов.

Казалось бы, все в рамках нормативных установок. Но критика этих предложений касалась не перечня и типологии сооружений, а недостаточного учета социалистической коллективистской составляющей. В частности, выделение отдельных комнат для занятий умственным

трудом трактовалось, как «нелепость разделения людей на лиц умственного и физического труда»³⁹⁴. Указывалось на обязательную необходимость предоставления каждой женщине, «уравненной в праве на труд и общественную деятельность с мужчинами», возможности отдать ребенка на круглосуточное воспитание в детские учреждения, расположенные при коммуне. Эта необходимость обосновывалась еще и тем, что частичное пребывание детей в домашней обстановке препятствовало полному обобществлению хозяйственных процессов и вынесению их из жилья, именуемого «индивидуально-семейным сектором» в «сектор коллективного обслуживания»³⁹⁵. Требование усиления «обобществленной» составляющей, дающей возможность вовлечения в производительный труд организованных коллективов трудящихся независимо от пола, и в возрасте от мала до велика, — явное следствие активного «продавливания» этой идеи, о чем уже говорилось в предыдущих главах настоящей книги. С учетом замечаний были внесены изменения в предлагаемые положения, на основании которых и была составлена Программа Всесоюзного конкурса.

Характерно, что в представленных программах почти не затрагивался вопрос о планировочном решении города — главной проблемой выступало именно «социальное содержание жизни». Намечалась численность населения, как правило, 50 тыс. чел., и лишь в общих чертах устанавливались обязательные элементы обобществления и типология зданий. Соответственно в конкурсном проектировании главным предметом стали вопросы, во-первых, об общем характере планировки города и, во-вторых, об определяющем типе жилого здания и его объемно-планировочном решении.

Активное участие в конкурсном проектировании приняли все ведущие архитектурные объединения 1920-х — начала 1930-х гг. (МАО, ОСА, АРУ, САСС, ВОПРА), государственные проектные организации (Стройком РСФСР, Картоиздательство НКВД, Госпроект), коллективы из преподавателей и студентов вузов (МВТУ, ВХУТЕИН), отдельные архитекторы. Иначе говоря, в решение вопроса о сущности и архитектурном облике соцгорода было вовлечено все архитектурное сообщество³⁹⁶.

Конкурсные проекты стали, по сути, демонстрацией разнообразных градостроительных принципов формирования «социалистического расселения» и способов «коммунистической» организации социума. С этой точки зрения, проекты были чрезвычайно интересны. Но столь мощные архитектурные силы, привлеченные к конкурсному проектированию, фактически оказались использованными «вхолостую». Проекты были слабо связаны с существовавшими в 1930 г. реалиями строительства и первоочередными задачами, не имеющими ничего общего с прекраснодушными утопиями. Вложения (материальные,

финансовые, трудовые и проч.) в жилищное и культурно-бытовое строительство соцгородов, составляли мизерную часть от ресурсов, направляемых на промышленное строительство. Так, в 1930 г. на Магнитострое эта статья расходов составила лишь 1,8% от капиталовложений в возведение металлургического комбината³⁹⁷. Главный интерес непосредственного заказчика — промышленного предприятия — акцентировался прежде всего на проблеме оптимизации взаимосвязи предприятия и селитебной зоны. И то лишь потому, что это позволяло предельно снижать затраты на прокладку сетей, тянущихся от завода к селитьбе; на транспорт, который, если не обеспечивалась пешеходная доступность, должен был ежедневно доставлять людей на работу; на планировку города из типового, максимально дешевого, стандартизированного и поэтому легко возводимого поточным образом полносборного жилища.

Собственно, уже в программах на проектирование была заложена практическая бесполезность предлагаемых конкурсантами решений, т. к. без раскрытия реальных условий и существовавших проблем, они не могли поставить перед проектировщиками истинных задач. Формирование полноценной жилой среды, комфортабельного жилища, создание коллективов равноправных трудящихся, способных к самоорганизации и обустройству «обобществленной» жизни, в реальности, несмотря на провозглашаемые лозунги, не являлось ни насущной практической задачей, ни целью государственной политики. Промышленное руководство не желало связываться с такими затратными и осуществимыми, в лучшем случае, лишь в далекой перспективе проектами, как «линейный город». Подобные предложения, например, в заказных работах ОСА и Стройкома для Магнитогорска, были отмечены постановлением жюри конкурса как «исключительно интересная и положительная идея, полностью отвечающая поставленной В. И. Лениным задаче социалистического расселения» и даже, «с учетом замечаний» предложены для реализации в Магнитогорске в виде опытных участков³⁹⁸. Но все это обречено было остаться лишь на бумаге, так как конкурсное проектирование и реальное строительство соприкасались мало.

Полет в романтических высотах законодательно обрывало постановление ЦК ВКП(б) от 16 мая 1930 г. «О работе по перестройке быта»³⁹⁹. Постановление непосредственным образом предопределило трансформацию программных документов. 21 сентября 1930 г. Госплан СССР рассмотрел Программу для составления эскизных проектов планировки и застройки Магнитогорска и Кузнецка⁴⁰⁰, где фактически повторялись составляющие программ на проектирование соцгородов первой половины 1930 г. Однако появился и новый,

принципиальный момент. Отдельное внимание было обращено на «ошибки в проектах, разработанных по имевшим место в последнее время конкурсам социалистических городов»⁴⁰¹. Непосредственной ссылки на правительственное постановление не было, но изменения «в соответствии со смыслом директив высших органов»⁴⁰² касались именно одного принципиального момента — степени обобществления быта. Составители текста поступили просто: фактически цитируя конкурсную Программу на проектирование Магнитогорска, вычеркивали крамольное понятие — «жилищная коммуна». Причем часто делали это чисто механически, почти не перестраивая фразы. Сравним: *«Жизнь трудящихся... сосредотачивается в жилищных коммунах в условиях, освобождающих трудящихся от забот по ведению индивидуального хозяйства, но с активным участием во всех видах коллективного хозяйства и быта своей коммуны»*⁴⁰³ и *«Жизнь трудящихся организуется в условиях всемерно освобождающих их от забот по ведению индивидуального хозяйства, предусматривающих активное участие трудящихся во всех видах коллективного хозяйства»*⁴⁰⁴. Убрав словосочетание «жилищная коммуна», авторы нового документа, тем не менее, пользовались термином «жилкомбинат». Теперь жилкомбинат понимался как комплекс с развитым общественным обслуживанием (ясли, детские сады, столовые, клубные помещения, прачечные и т. п.), и синонимом ему употреблялся термин «жилой квартал». В жилом квартале предполагалась комбинированная застройка из домов квартирного и коммунального типа. Примечательно, что последние предполагались лишь для *«жителей, не ведущих своего домашнего хозяйства... и рассчитывающих на организационное обслуживание»*⁴⁰⁵. «Исчезло» общественное воспитание, когда дети до 16-летнего возраста обязательно должны находиться в закрытого типа яслях, детских садах и интернатах, — процент охвата яслями и детсадами снизился до 50 (при этом все-таки *«предусматривалась возможность удовлетворить желание родителей поместить детей на постоянное время»*⁴⁰⁶). Сократилась норма площади общественного пользования с 2–3 до 1 кв. метра на человека. Не упоминалось и ранее «непременное условие» — теплые переходы между элементами жилого комбината. Так жилкомбинат «рассыпался» на отдельные, пространственно и функционально взаимосвязанные элементы в пределах квартала.

Складывается ощущение некоторой растерянности авторов по поводу терминологии и ее содержания, а также понимания дальнейших перспектив «социалистического» общежития. Уж слишком «обще» были сформулированы правительственные указания, а неправильно их понять, или ошибиться в выборе «правильной линии», в 1930 г. было уже чревато последствиями. Текст программы содержал поло-

жения, явно вступающие в противоречие с отвлеченной концепцией, и отражающие те истинные задачи, которые в командно-приказной форме ставились перед проектировщиками и строителями — максимальная быстрота и максимальное удешевление. Пункт конкурсных программ об индивидуальных застройщиках, для которых не предусматривается специальных участков, поменялся с точностью до наоборот: теперь *«для индивидуальных застройщиков планировкой предусматриваются соответствующие участки»*⁴⁰⁷ — прагматическая необходимость расселения сотен тысяч новых рабочих диктовала отказ от идеи всеобщего коммунистического быта. Но, правда, в последнем пункте программы все же оговаривалось *«то обстоятельство, что... будет расти стремление к обобществлению обслуживания быта... В связи с этим при проектировке зданий с индивидуальными жилыми ячейками надлежит предусмотреть возможность переустройства их в дома-коммуны»*⁴⁰⁸. Оговаривалось также, что проектировщику *«необходимо стремиться к достижению наибольшей экономии в строительстве, как путем ориентации на возможное облегчение и упрощение конструкции, применение стандартных частей и деталей и местных стройматериалов для зданий, так и путем достижения наиболее рациональной внутренней распланировки, добиваясь максимального увеличения удельного веса жилой и эксплуатируемой площади и снижения объемного коэффициента до его наименьших пределов»*⁴⁰⁹.

По сути, ставился крест на творческих архитектурных поисках. Архитектор-проектировщик был ориентирован на оговоренные строительные материалы (кирпич, дерево и местные материалы), читай — лишен возможности экспериментировать с новыми конструкциями и материалами. Он должен был *«стремиться использовать уже имеющиеся проекты жилых зданий, разработанные проектными организациями»*⁴¹⁰, читай — лишен свободы формотворчества. Ему заданы жесткие пределы норм жилой площади, сниженной до 6 кв. м и продиктована необходимость максимального увеличения ее удельного веса, читай — проектировать минимум удобств и свободного пространства, наполненного воздухом и светом (объемный коэффициент снижен до 6,5). Архитектор должен был ориентироваться на планировку квартир, дававшую возможность максимального «наполнения» жильцами, что означало уже не «коммунистическое общежитие», а коммунальное переуплотненное заселение. Это фактически означало прекращение каких бы то ни было социально-планировочных экспериментов.

Новый вектор градостроительным поискам был задан, законодательная база определила их рамки⁴¹¹. Этот вектор воплотился прежде всего в принципах планировки городов и типах жилья, зафиксиро-

ванных в пояснительных записках к проектам генпланов городов в 1930–1935 гг. и в реальной градостроительной деятельности.

Проектные документы содержали рассуждения о природе социалистического города, коммунистическом быте, о «показательном городе социалистического типа», который «может служить могучим орудием пропаганды устройства быта трудящихся на социалистических началах»⁴¹². При этом термин «социалистический город» приобретал столь многочисленные трактовки, что предоставлял широкие возможности для понимания его каждый раз так, как это требовалось ситуацией, в том числе когда необходимо было «навесить ярлык». Хотя в программах на проектирование «социалистическая» составляющая обычно была обозначена, и понималась она как «полное обобществление культурно-просветительной и бытовой жизни трудящихся», однако конкретная архитектурно-градостроительная организация оставляла поле для дискуссий. *«...Пока архитектурное оформление социалистического города не представляет собой твердо установленного понятия. Нам известно лишь одно, что по своему внешнему виду социалистический город будет существенно отличаться от отживших капиталистических городов...»* — писал Э. Май в начале 1933 г.⁴¹³

Тем не менее существовали общие принципы планировочной системы социалистического города, заданные его функциями и, с одной стороны, оформленные под «государственный заказ» нормативами, с другой — сформированные индивидуальными представлениями проектировщиков о сущности соцгорода и наилучшем планировочном оформлении его функций.

1. Планировочная структура определялась сущностью соцгорода как *промышленно-селитебного образования*.

Градообразующее предприятие задавало местоположение селитебной территории и характер композиционного решения городской планировки. Направления и интенсивность рабочих потоков предопределяли, во-первых, функциональное зонирование города; во-вторых, трассировку и иерархию магистралей и улиц; в-третьих, виды и систему организации движения транспорта; в-четвертых, размещение городского центра (центров) и характер его планировочной взаимосвязи с предзаводской площадью и главной проходной завода.

Одна из главных планировочных задач — согласование направлений развития промышленных территорий и селитебной зоны. Проблема решалась достаточно просто при относительно небольшой величине предприятия и потребной для него рабочей силы. Однако годы первой-второй пятилеток отличались иным размахом, заводы-гиганты определяли индустриальную панораму. Кроме того, имелись

и другие осложняющие обстоятельства. Это, во-первых, постоянные трансформации в технологическом цикле предприятия и, соответственно, изменения в направлении и масштабах его территориального развития. Во-вторых, все новые регулирующие правительственные постановления по нормам минимальной зоны разрыва между промышленной и жилой зонами; в-третьих, стремление со стороны завода и ведомства минимизировать затраты, в том числе и по такому дорогостоящему пункту, как доставка рабочей силы. Особенно сложной ситуация оказывалась для «вредных» предприятий или предприятий с пространственно протяженным производственным циклом.

Как возможный путь решения, востребованной оказалась на рубеже 1920–1930-х гг. поточно-функциональная схема Н. Милютин, где «наиболее разумно, рационально, целесообразно располагаются и увязываются между собой его основные части: промышленное и сельскохозяйственное производство, транспорт, энергетика, управление, быт, воспитание, учеба»⁴¹⁴.

Все функции зонального города четко разграничены в определенном порядке: 1) территория железнодорожных путей; 2) территория производственных и коммунальных предприятий, складов, станционных сооружений, а также связанных с ними научных и технических учебных заведений; 3) зеленая полоса (защитная зона) с шоссейной магистралью; 4) жилая зона; 5) парковая зона с учреждениями для отдыха, площадками для физкультуры, водными бассейнами и т. п.; 6) зона садовых и молочно-огородных совхозов (поля орошения, фермы и тому подобные сельскохозяйственные предприятия). В жилой зоне в свою очередь расположены: а) полоса учреждений общественного пользования (столовые, диспансеры, помещения горсельсовета и т. п.); б) полоса жилых зданий; в) детская полоса, т. е. ясли, детские сады, интернаты⁴¹⁵. Свою концепцию Н. Милютин привязал к проектированию конкретных градостроительных объектов, создав проекты Магнитогорска, Сталинграда и соцгорода при Нижегородском автострое.

Особую популярность поточно-функциональная схема получила в среде европейских архитекторов-функционалистов. К. Юнгханс свидетельствует, что в начале 1930-х гг. в Германии «в архитектурных бюро и на архитектурных факультетах институтов большой интерес вызвал проект ленточного города архитектора Милютин, который предложил очень простую и в противоположность известным концепциям городов — очень четкую планировку города с различными функциональными зонами»⁴¹⁶. Подтверждением этому, является, например стремление реализовать идею поточно-функционального города именно в проектах соцгородов бригадами иностранных архитекторов.

Так, идеи Н. Милютина нашли воплощение в первом варианте генплана соцгорода Локомотивстрой (1933; Горстройпроект, арх. М. Стам и др.). В городе, вытянутом по меридиональной оси предусматривалось линейное размещение центра между селитебной зоной и заводом. Селитебная часть была решена в виде трех продольных полос: зоны общежитий и столовых; зоны домов с квартирами для индивидуально-семейного заселения и детских учреждений; школьной зоны (школьная зона — с выходом на магистраль). Эти полосы были поперечно расчленены, формируя тем самым крупные трехчастные кварталы площадью 17 га на 5000 жителей и образуя регулярную планировку города⁴¹⁷. Первоначальный проектный замысел Магнитогорска, со слов Э. Мая, также был сориентирован на «функционально-поточную» концепцию Н. Милютина. Однако это решение, которое Э. Май считал «идеальным» и «наилучшим», ссылаясь на книгу «Соцгород», оказалось уже невозможным ввиду особенностей территориального размещения предприятия, и проектная группа была вынуждена искать компромисс⁴¹⁸.

Эта ситуация достаточно типична. Схема Н. Милютина, позволяющая учитывать разнообразные природно-географические факторы, оказывалась невозможной из-за факторов рукотворных — закладки предприятий и поселений до составления схем генпланов, и всего планировочного хаоса в связи с этим. Видимо были и иные причины — идеологического порядка. Схема Н. Милютина была «равномерной», «линейной», лишенной пространственной иерархии. Использование такого подхода уже в начале, а тем более в середине 1930-х гг., когда создавался, например, генплан Нового Орска, было решительно невозможно. Не удивительно, что заключение «О проекте планировки соцгорода Орска...» (июнь 1934 г.) содержит требование прежде всего скорректировать зонирование города: разместить центр более компактно в центре селитьбы и организовать также дополнительные центры в северных и южных жилых районах, создавая, таким образом, целостный ансамбль городских площадей, который в представленном проекте «приносится в жертву ландшафтному размещению отдельных точек зданий»⁴¹⁹. Тем более что не только схема оказывалась «политически неверной», карьера ее создателя катилась под гору, а это всегда важный момент в тоталитарно организованной системе.

Наиболее крупномасштабный пример выстраивания взаимоотношений предприятия и селитьбы — история проектирования Магнитогорска. Необходимо было соотнести направления развития промышленных территорий (в основном к северу) и жилой зоны (ввиду природных и производственных ограничителей фактически единственно возможное направление — восточное), с удалением

селитебной части от предприятия минимально на 2 км (установленная минимальная протяженность зоны разрыва для металлургического предприятия), максимально — 7,5–8 км. Единственно возможный в этой планировочной ситуации вариант был, наконец, окончательно разработан в очередном проекте (1932, Стандартгорпроект, Э. Май и др.) средством трехчастного членения селитебной территории на южный город с населением 154 тыс. чел., северный город-сателлит с 46 тыс. населения и полосу временных поселков между ними.

Э. Май подробно описывает пути решения этой главной проектной проблемы, в основном ее и касаются проектные изменения: *«Во изменение прежнего плана... значительное число кварталов было передвинуто ближе к местам работы. Это особенно касается полосы земли, которая, составляя наиболее северную часть южного города, подходит к заводам, зоны расширения первого квартала в сев-зап. направлении и, наконец, полосы, которая тянется непосредственно вдоль южной части металлургического завода. Это сближение между жилым городом и промышленным районом более всего проявилось в том факте, что восточную часть южного города удалось укоротить на 1,5 км.*

Существенное изменение в прежний план вносит... постройка северного сателлитового города. Безусловным недостатком прежнего плана надо считать тот факт, что рост промышленного района в восточном направлении сопровождается развитием жилого города под прямым углом, в восточном направлении, так что промышленный район и жилой город до известной степени разрастались в противоположных направлениях. Постройка северного сателлита устраняет этот недостаток. Все предприятия, находящиеся к северу от металлургических заводов... будут иметь удобное сообщение с соответствующими жилыми кварталами сателлитового города. Приблизительно половина 46-тысячного населения северного города, включающего около 15 тыс. рабочих, будет быстро достигать своих рабочих мест, не нуждаясь в механических средствах сообщения.

В целях создания более удобного сообщения между жилым городом и местами работы... развитие Магнитогорска не должно идти исключительно по линии дальнейшего роста тяжелой промышленности... Ввиду этого проект генерального плана предусматривает, что к северо-востоку от южного города должен быть организован район легкой промышленности... В данном случае мы имеем идеальное условие для городского развития, — взаимопараллельное расположение промышленности и жилого района»⁴²⁰.

Однако поиски решения проблемы для левобережного Магнитогорска оказались временными и, в конце концов, бесполезными, поскольку уже с весны 1930 г. началась долговременная дискуссия о переносе места постройки города на правый берег, тес-

но связанная именно с вопросом оптимальной взаимосвязи города и производства. Сторонники левобережного варианта (мощное промышленно-финансовое лобби в лице главы ВСНХ СССР Г. Орджоникидзе, управляющего Цекомбанком (финансирующим строительство) Э. Лугановского, начальника Магнитостроя Я. Шмидта) исходят из необходимости максимального приближения селитьбы к основным «человекоемким» частям комбината: металлургическому заводу, агломерационной фабрике, рудникам, известковым карьерам. Прежде всего из стремления обеспечить наиболее короткие пути сообщения, допускающие пешеходную связь жилья с производством (из-за острого дефицита городского механического транспорта). Важным для них также является требование территориального размещения комбината как планировочного ядра селитьбы. При этом, как исходные предпосылки, имеются в виду ограничение численности населения города 120 тыс. чел. (как это было определено Госпланом СССР), и возможность в недалекой перспективе полностью ликвидировать производственные загрязнения от металлургического завода и агломерационной фабрики⁴²¹.

Сторонники правобережного варианта (Наркомпуть, Наркомздрав; проектные организации — Государственный институт сооружений, Уральский экспериментальный институт сооружений; органы советской власти — Свердловский облисполком, Магнитогорский горсовет; специальные органы — Свердловская областная планировочная комиссия, Уралкоммунотдел, Гидрометбюро) ищут место размещения соцгорода на правом берегу р. Урал. Это обосновывается необходимостью обеспечения дальнейшего пространственного роста города с учетом возможного *«превращения его в крупный административный центр значительных территорий и с перспективой образования вблизи него крупного железнодорожного узла»*⁴²². Расчетная численность населения города предполагается ими равной 225 000 чел. Вынос города на правый берег они предлагают также и из необходимости удалить его подальше от вредного влияния производства⁴²³. Каждая из позиций определена здравым смыслом и поддержана соответствующей проектной документацией⁴²⁴.

Попытка СНК РСФСР решить ситуацию в пользу правобережного варианта заканчивается Постановлением № 344 от 20 марта 1931 г. «О строительстве города Магнитогорска», которое законодательно переносит строительство соцгорода на правый берег⁴²⁵. Однако ВСНХ СССР остается категорически несогласным с этим решением, т. к. оно срывает все намеченные сроки ввода комбината в строй. Эти планы для директората ВСНХ являются абсолютно приоритетными, так как руководители понимают значение выполнения конкретных сроков ввода в эксплуатацию завода в общем процессе запуска си-

стемы производства военной продукции. Решение о переносе города на другой берег ломает все намеченные планы по сосредоточению усилий на основной задаче — введению в строй комбината и сводит «на нет» уже проделанную ВСНХ СССР работу по жилищному размещению контингентов строителей и рабочих комбината. Поэтому ВСНХ СССР, прилагая свой немалый авторитет, и пользуясь приближенностью к высшим органам власти, добивается отмены этого распоряжения. Решение СНК РСФСР опротестовывается принятием 11 апреля и 28 мая 1931 г. постановлений СНК СССР (имеющего более высокий статус, нежели республиканский СНК)⁴²⁶.

Соцгород продолжает жить, расти и строится на левом берегу. Проекты для обоих берегов продолжают рассматриваться, критиковаться и дорабатываться. В ноябре 1933 г. вновь принимается постановление, на этот раз СТО СССР, о строительстве города на правом берегу, а в феврале 1934 г. Магнитогорский Горсовет издает свое постановление «О строительстве г. Магнитогорска на правом берегу р. Урал». Перспективная численность населения города к 1950 г. планируется в размере 200 тыс. чел., а левобережное поселение ограничивается в росте — не более 28 тыс. чел.⁴²⁷ Наверное, закономерна победа правобережного варианта именно в этот период, но никак не раньше. Результаты столкновения СНК РСФСР и СНК СССР в феврале–мае 1931 г. закончились противоположным результатом, о чем было сказано выше. Формируется централизованная и иерархически выстроенная система проектирования и застройки соцгородов. Понимание города как «крупного административного центра значительных территорий» (читай — политического и идеологического центра) побеждает автономный «город при комбинате» (который де-факто имеет главным предназначением пуск и обеспечение бесперебойной работы предприятия). Укрепление вертикали власти и ослабление «промышленного лобби» как конкурента «гражданской» (читай — политической) власти, как на центральном, так и на местном уровне — уже ярко выраженная тенденция. Предприятие «разберется» в созданных переносом города на правый берег проблемах само, т. к. у руководства завода все равно не будет иного выбора, иначе за «вредительство» ответит свободой и жизнью (что, собственно, и произошло во второй половине 1930-х гг.). Поселение, достаточное для размещения основной массы строителей и рабочих на данный момент уже существует (какое оно по уровню жилья — неважно), завод работает. Перспектива формирования нового, правобережного города намечена и утверждена, для нового города составляется проект планировки (1934, Ленгипрогор, арх. Б. Данчич, инж. В. Попов; проект утвержден в 1940 г.), тема закрыта.

Однако реальность еще долго опровергала перспективные планы. Де-факто именно левый берег на долгие годы оставался основным

местом расселения жителей соцгорода Магнитогорска. По генплану 1934 г. в правобережной части города должно было быть выстроено 150 тыс. кв. м. благоустроенной жилплощади, но в действительности не было сдано ни одного квадратного метра⁴²⁸. К 1946 г. жилой фонд в правобережье составлял лишь 8% от общего количества жилья, а проживало здесь около 20 тыс. чел. при общем населении города в 220 тыс.⁴²⁹ Проблема затрудненной взаимосвязи предприятия и правобережного рабочего поселения, усугубленная практически полным отсутствием во второй половине 1930-х–1940-е гг. финансовых вложений в развитие инфраструктуры правого берега, предопределила на многие годы «замораживание» строительства правобережного Магнитогорска.

2. Соцгород планировался как *автономное* промышленно-сели-тебное образование.

Территориальная привязка к «собственному» градообразующему предприятию и потребному для него количеству рабочей силы, вызывала образование целой системы из отдельных соцпоселений, даже если заводы были расположены на относительно небольшом расстоянии, или связаны единым технологическим процессом и административно-управленческим комплексом. Собственно, соседство предприятий было вполне достаточным фактором, чтобы считать отдельные поселки «единым городом». Поселения-конгломераты — характерная черта городского планирования первой пятилетки. И проблема эта идентична, как для «старых» городов, так и для вновь проектируемых поселений. Требования «гражданских» муниципальных властей о «едином городе», «едином административно-хозяйственно-социально-культурном поселении» и т. п., при котором вся территория была бы изначально рационально спланирована и затем планомерно застроена, долгое время оставались лишь на бумаге⁴³⁰.

Так, к началу проектировки Нового Орска были определены промышленные территории только для локомотивостроительного и нефтеперегонного заводов. Остальные площадки (никелевый и металлургический заводы, мясокомбинат) принимались в расчет лишь условно, поскольку были окончательно не установлены. Связи между поселениями при этих предприятиях (также именовавшихся соцгородами), и со старым Орском, не были разработаны⁴³¹.

На базе поселка Каменский завод в Уральской области в начале 1930-х гг. был заложен Каменск-Синарский промышленный узел, включавший трубный и алюминиевый заводы с собственными сели-тебными комплексами. Кроме того, были заложены и многочисленные рабочие поселки, например, при железнодорожном узле (Октябрь-ский), металлургическом (Чкаловский) и магниевом (Ленинский) заводах. Все это сформировало рассредоточенную хаотичную плани-

ровочную структуру, состоящую из исторически моноцентричного Каменского города-завода, где к 1950-м гг. на протяжении тридцатикилометровой зоны сложилось около 20 поселений, и территорий занятыми фрагментами лесов, садовыми участками, бывшими горными разработками и т. п.⁴³²

С аналогичной проблемой невозможности целостного градостроительного развития сталкивались и достаточно крупные города, где за пределами старого исторического ядра формировалась полицентрическая рассредоточенная структура. Так, за годы первой и второй пятилеток на северной и восточной периферии Челябинска было заложено 30 промышленных предприятий с сопутствующими рабочими поселками, наиболее крупные из которых — тракторный завод, электрометаллургический комбинат, машиностроительный завод, ГРЭС и др. Территория города увеличилась к 1932 г. с 4,7 тыс. до 15 тыс. га, а к 1940 г. — до 20 тыс. га⁴³³.

В середине 1930-х гг. расселение в Пермском промышленном районе приобрело четкую ленточную структуру. Город вытянулся вдоль Камы на 60 км, вобрав в себя ряд поселков и заводов, к 1939 г. обрета 300-тысячное население⁴³⁴.

Планировочную проблему многочастного рассредоточенного образования пытались решить за счет проектирования «больших» городских систем — «Большой Свердловск», «Большой Челябинск», «Большая Пермь», «Большое Запорожье», «Большой Харьков» и т. п. с включением исторической городской зоны. Но с неизбежностью возникали и новые вопросы — транспортной и пешеходной доступности, расположения центра (центров), структурное членение города, организация инфраструктуры и т. д. Приведем лишь некоторые из многочисленных примеров.

В 1931 г. был разработан «Сводный проект Большого Сталинграда» (В. Семенов, В. Попов, Д. Соболев). В основу формирования структуры города была положена идея создания пяти соцгородов с населением 50 тыс. чел.: Металлогорода (район заводов «Красный Октябрь», «Баррикады» и тракторного завода), Центрогорода (административно-политическое ядро), Лесогорода (район лесоперерабатывающей промышленности), Энергогорода (СталГРЭС) и города транспортников (район судоверфи). Последующий рост городов предполагался в незначительных размерах за счет привлечения внутренних резервов, а развитие города в целом должно было осуществляться путем создания дополнительных городов-комбинатов на новых участках⁴³⁵.

К началу второй пятилетки в генпланах подобных крупных и рассредоточенных городских образований появляется новая направленность — на единение городской структуры. Так, соцгород Большое

Запорожье, который «в силу децентрализованного размещения промышленных площадок и основных пунктов трудового тяготения населения, а также из-за топографических условий местности, разделенной Днепром и балками на ряд возвышенностей... не представлял собой единого массива, а располагался в виде отдельных пятен вдоль Днепра и вблизи промплощадок, с разрывом для защитных зон зеленых насаждений между промплощадками и жилыми территориями»⁴³⁶. По замыслу проектировщиков из Гипрограда УССР (1932, арх. И. Малоземов П. Хаустов, В. Андреев, А. Касьянов, С. Клевицкий, В. Орехов, Б. Приймак, экономист Г. Шелейховский) Большое Запорожье представляло собой линейно-звездчатую схему из 7 поселков — «соцгородов»: старый город; Вознесенка; третий район; Павло-Кичкас; Кичкас; о. Хортица; Бабурка, но тем не менее «вместе представляющих единый городской организм». Районы растянулись вдоль береговой линии Днепра на протяжении 22 километров⁴³⁷.

В свою очередь, Большой Свердловск представлялся в виде «города-комбината, состоящего из ряда отдельных комплексов, органически связанных между собой и с основным центром — существующим городом». Была предусмотрена организация 12 комплексов, крупнейшие из которых: 1. Центральный, включающий старый Свердловск и район В.-Исетского завода, с 405 тыс. жителей. 2. Комплекс Экскаваторстроя и Уралмашстроя, с населением 195 тыс. чел. 3. Район Электромашиностроительного комбината, с населением 140–1540 тыс. жителей. 4. Группа медных заводов, завод тяжелого станкостроения и кабельный, жилой район при них — с населением 70 тыс. жителей и др. В городе-гиганте увеличение населения к концу расчетного периода предполагалось до 1 млн 200 тыс. чел.⁴³⁸

Схема перепланировки Большого Харькова, разработанная в 1929–1930 гг. в планировочном бюро при горисполкоме под руководством инж. А. А. Мейна, предполагала, что «город будет строиться по производственному принципу, расширяясь в линейном направлении... Большой Харьков будет... представлять из себя ряд отдельных поселений, связанных между собой экономическими и культурными интересами и тяготеющих к центру (старому городу), причем функциональное назначение каждого поселения должно быть ясно выражено»⁴³⁹. Показательно, что эта схема была отклонена, а в 1931–1934 гг. был разработан генплан реконструкции Харькова (Гипроград УССР; экон. А. Эйнгорн, архит. А. Касьянов, экон. Г. Шелейховский и др.), в котором вновь предлагалось децентрическое развитие города. Харьков представлялся в виде «города-созвездия», состоящего из пяти крупных жилых массивов: Центрального, Салтовского, Лосево-Основьянского, Красно-Баварского и Холодногорского. Массивы были разделены неселитебными территориями

и зелеными клиньями. Но тем не менее эти элементы мыслились как единый город⁴⁴⁰.

Эта тенденция с каждым годом становилась все более отчетливой, тема «единения» все активнее подчеркивалась в проектных документах. Прежде всего это имело функциональную (производственную) подоплеку: предприятия могли объединяться в единый комплекс, формируя непрерывную промышленную зону, примером чему стало развитие Сталинграда. Подобного рода путь предполагала и схема планировки Нижнего Тагила (1933; Стандартгорпроект, арх. А. Мостаков и др.). Заголовок одного из подпунктов в изложении принципов генплана в журнале «Планировка и строительство городов» звучал весьма симптоматично: «Система городов или единый город?» Архитекторами предлагалось два варианта перспективного развития Нижнего Тагила. Первый: формирование рассредоточенной структуры из трех населенных пунктов (один — на территории старого города и свободных участках, предназначенных для новых предприятий, второй — на участке Вагонстроя в 8 км от старого города, третий — у рудника им. III Интернационала). Второй: формирование единого ленточного города, связывающего все эти элементы, но также с децентрализацией отдельных районов. Однозначно проектировщиками был избран вариант именно единого города: *«Может ли при близком расстоянии друг к другу тагильских предприятий, да еще связанных единым технологическим процессом вообще идти речь об отдельных городах? Если в некоторых случаях такая возможность не исключается, то в Н. Тагиле имеются ряд моментов, исключаящих это обстоятельство»*⁴⁴¹. Все обозначенные моменты весьма прагматичны: это и земельный баланс территорий, которой совсем немного для размещения планируемого 360–380-тысячного населения, единство инженерных сооружений, и, главное, обозначен способ использования резервной территории между металлургическим заводом и Вагонстроем, которая «безусловно заполнится промышленностью». В результате, *«реконструкция существующего города, строительство на Вагонстрое и смыкание их в будущем в один город является естественным выводом из всего хода рассуждений»*⁴⁴².

На тот же вопрос «Как решить селитьбу? Системой городов или одним городом?»⁴⁴³ создатели генплана Челябинска 1934–1936 гг. (Ленгипрогор, арх. Н. Эйсмонт, С. Готлиб, Д. Барагин и др., инж. Г. Шелейховский)⁴⁴⁴ исходя из реалий и после тщательного предпроектного исследования отвечали по иному. Они демонстрировали сравнением вариантов утопичность идеи централизованной структуры, превращающей Челябинск в город-гигант. Предполагалось, фактически, создание агломерации из трех крупных комплексов — Челябинска, Копейска (угольный бассейн) и Бакала (на градообра-

зующей основе металлургического комбината). Понимались они как единый планировочный организм с общими перспективами развития. По отношению к собственно Челябинску идея «единения» была выражена предельно отчетливо, хотя градостроительная ситуация была чрезвычайно сложной. Сложившееся размещение многочисленных промышленных предприятий диктовало основное направление развития города на север, восток и юго-восток, от центра к окраинным промышленно-селитебным зонам. Однако возможности роста города в заданных направлениях ограничивались отсутствием достаточного количества пригодных для селитебного развития территорий. Пределы определялись зоной отчуждения промышленных предприятий, железнодорожными магистралями и естественными природными преградами — озерами и зелеными массивами, которые необходимо было сохранить вблизи промышленных зон. Открытыми для роста города оставались западное, северо-западное и юго-западное направления, где промышленного строительства не предвиделось, а значит, усложнялась связь между новыми жилыми районами и местами приложения труда. Именно поэтому полная централизация города была признана невозможной, но тем не менее планировка Челябинска предлагалась *«в форме компактной группы тесно связанных между собой селитебных пятен, объединенных в одно композиционное целое»*⁴⁴⁵. Явное противоречие между реальной градостроительной ситуацией и вынужденным стремлением архитекторов к *«концентрации селитебных районов в компактный архитектурный организм, подчиненный единой планировке»*⁴⁴⁶, свидетельствует и об иных причинах такого подхода, лежащих вне собственно градостроительной сферы.

Указание на причину проскальзывает в тексте пояснения к генплану все того же Нижнего Тагила, но уже в варианте 1935 г. (арх. А. Мостаков, Н. Смирнов, Б. Данчич и др.). По-прежнему, определяющую роль для вынужденного решения Нижнего Тагила как единого города, играют функциональные причины: *«Роза ветров, рельеф и растяженность промышленности привели к необходимости использования наилучшим образом всей территории, охватываемой промышленным пятном на западе, и полосы, заключенной между реками Малая и Большая Кушва на востоке. Попытка проектировщиков использовать иные варианты решения, менее натянутые и более естественные по пятнам и архитектурной форме, всякий раз кончались неудачей. Один из наиболее вероятных приемов — разрыв полосы и создание в восточной части при Вагонстрое отдельного селитебного района как спутника основного организующего пятна на западе оказалось невозможным... Нелогичным это являлось потому, что такое движение противоречит западно-восточной ориентации промышленности и, главное, всей системе инженерного оборудования, при которой зависимость восточ-*

ного пятна от западного чрезвычайно сильно выражена». Но здесь же проектировщики проговаривают и иной важный, с их точки зрения, резон такого подхода: *«Кроме того, не меньшим фактором, подтверждающим эти предположения, служит почти установившееся мнение о целесообразности создания единых городов, а не раздробленных»*⁴¹⁷. Что за фразой «есть мнение» обычно стояла точка зрения власти, а не дискуссионно выработанное решение, понятно каждому, кто знаком с советской реальностью.

Тенденция к единению и централизации городской структуры была обусловлена прежде всего «государственным заказом», предполагавшим формирование структурированного и, соответственно, выстроенного на основе соподчинения элементов, городского пространства. «Хаос» множественных соцпоселений, вкуче со слабостью муниципальных органов и силой директората градообразующих предприятий и промышленных ведомств за их спиной, расплывал «административный ресурс». Интересам власти больше соответствовало членение и городской структуры, и административных органов, и системы обслуживания, по принципу «квартал — район — город» со строгим соблюдением иерархизированной вертикали. «Горизонтальные» взаимоотношения стали просто невозможны. Автономные соцгорода постепенно становились элементами единой планировочной системы большого города и превращались лишь в отдельные промышленные районы, причем, как правило, периферийные в новой городской структуре (хотя промпредприятия оставались полновластными хозяевами своего промышленно-селитебного комплекса, «завязанного» на завод (комбинат) всем жизненным циклом).

3. Планировочное решение соцгорода организовывалось на основе *стандартизации отдельных структурных элементов*.

В принципе типизации планировочной структуры сошлись векторы разнообразных интересов и потребностей. Прежде всего стандартизация являлась насущной потребностью, вызванной необходимостью массового возведения рабочих поселений при сотнях возникавших в ходе индустриализации промышленных предприятий. Кроме того, предполагаемое структурное членение населения соцгорода на фиксированные «трудо-бытовые» коллективы порождало необходимость адекватной планировочной организации города. Государственный заказ был ориентирован на структурированное и стандартизированное, быстро реализуемое и организующее городской социум в типовые однородные единицы.

Необходимо также помнить, что функциональная организация города и индустриально-стандартизированный метод проектирования в эпоху промышленной апологетики были частью профессионального сознания европейских и российских архитекторов-функционалистов,

ориентированных на уподобление города и каждой его структурной единицы четко функционирующему механизму. Город представлялся как «...законченный организм, продуманный и рассчитанный от начала до конца...»⁴⁴⁸. СССР в 1920-е — начале 1930-х гг. активно сотрудничал с зарубежными фирмами и приглашал высококвалифицированных специалистов, в том числе и в архитектурно-градостроительной сфере. Это не только отдельные крупные фигуры, как Ле Корбюзье, Б. Таут, Э. Мендельсон, участвовавшие в архитектурных конкурсах и выполнявшие некоторые заказные проекты. Это и прибывшие в 1930 г. работать по долгосрочным контрактам интернациональные архитектурные группы Э. Мая (М. Стам, Х. Шмидт, В. Шульц, В. Швагеншайдт, Ф. Форбат, В. Шютте, Г. Шютте-Лихотски и др.), Х. Майера (Ф. Тольцинер, К. Пюшель, Т. Вайнер, Л. Бэесе и др.), а также Й. Нигеман, Г. Маркс, Х. Абрахам и многие другие. Значительная часть из них, если и не разделяла коммунистические воззрения, как архитекторы группы «Рот Фронт» Х. Майера, то была пропитана духом ответственности архитектора перед обществом, пониманием его социально-организующей роли. Однако не идеологическая близость играла главную роль при отборе зарубежных фирм и групп, а иные интересы: приглашали именно обладавших отработанным методом типизированного поточно-конвейерного проектирования в области и промышленного, и гражданского строительства. Это свидетельствует о достаточно ясном представлении советской власти о способе организации городского пространства. Невиданная скорость создания проектов при подобном подходе также играла немаловажную роль. Как известно, группа Э. Мая по прибытии в СССР за короткое время изготовила проекты застройки Магнитогорска, Нижнего Тагила, Щегловска, Кузнецка, Ленинска, Прокопьевска, Сталинграда и др. Однако разница в интересах государства и градостроителей выяснялась достаточно быстро при переходе от теоретизирования к практике проектирования и строительства. Казавшиеся общими подходы при этом объяснялись разными целями, и, соответственно, методами их достижения.

Идеи социально-уравнительного пространства и коллективного обобществленного бытия также сыграли свою роль в обращении к типизации городской структуры. Эгалитаристские идеалы во многом определяли характерную лексику проектных документов. *«Социалистический город знает только один класс — класс трудящихся. Отсюда вытекает основное требование планирования и строительства социалистического города: именно создать для всего населения одинаково благоприятные условия жизни...»*⁴⁴⁹ — пояснял Э. Май свои исходные принципы при планировке Магнитогорска. Город новой эпохи по представлению проектировщиков Нового Харькова должен был

быть построен «...с приближением к максимальному комфорту обслуживания населения при условии равенства этого обслуживания и исключения контраста роскоши и бедности»⁴⁵⁰.

При этом «равномерность», «равноценность» и прочие подобные характеристики в проектных решениях были обусловлены не только идеологическим подходом, но и прежде всего адекватным ему функциональным решением городского пространства, организованным с точки зрения удобства взаимосвязи между отдельными элементами инфраструктуры. М. Стам пишет о проекте Макеевки: «К архитектурному оформлению, положенному в основу этого проекта, бригада подошла очень сознательно. Форма его не есть результат суммы всех отдельных функций, скорее это форма, сознательно выбранная, потому что она более всего соответствует взаимодействию всех функций. Все вопросы, все технические проекты тщательно исследованы, никакие трудности задачи не были обойдены и оставлены без внимания»⁴⁵¹.

Наиболее ярко функционалистские принципы организации городского пространства оказались выраженными в проектах, составленных в Стандартгорпроекте — Горстройпроекте⁴⁵², например, Магнитогорска (1931–1933; арх. Э. Май, М. Стам, Ю. Шeverдяев, А. Зеленко и др.), соцгорода при Нижегородском автозаводе (1933; арх. Д. Меерсон, Н. Наумова, Ю. Шeverдяев и др.), Орска (1933–1935; арх. М. Стам, Х. Шмидт и др.), соцгорода Уралвагонстроя в Нижнем Тагиле (1931–1935; арх. А. Мостаков и др.), Макеевки (1933; арх. М. Стам), Сталинска (Кузнецка) (1931; арх. Э. Май и др.). Планировочные решения, представленные в проектах типически близки: линейная протяженность города обрамляющего промпредприятие, членение селитебной части на сетку типизированных крупномасштабных кварталов со строчной застройкой и вычленением сквозных функциональных зон, функциональное зонирование территории и размещение общественных зон и системы обслуживающих учреждений на основе расчета оптимальных схем движения людей и грузопотоков.

Такое единство, по-видимому, совсем не случайно. Возможно, обусловлено оно во многом активным сотрудничеством русских проектировщиков с иностранными архитекторами-функционалистами, работавшими прежде всего именно в Стандартгорпроекте и Вузстройпроекте, и формированием единых планировочных принципов. Эти принципы или «по инерции», или же в силу особой «упертости» отдельных архитекторов сохраняли свою значимость даже на переломе эпох в середине 1930-х гг. Очевидец и непосредственный участник событий, немецкий архитектор Р. Волтерс, свидетельствовал о существовании двух принципиально различных подходов в проектирова-

нии в 1932 г. — «руссо-американцев» (Гипрогор) и «руссо-немцев» (Стандартгорпроект). Как архитектор-функционалист он иронизирует над «американским» подходом: *«К сожалению, энергия архитекторов "Гипрогора" была не особенно сконцентрирована на том, чтобы планы отдельных поселков были функционально взаимосвязаны с городом в целом. Вместо этого они с нахмуренным лбом тыкали толстым карандаш в архитектурные детали. Известно, что наши русско-американские градостроители любят красивые геометрические генеральные планы с прямоугольной сеткой улиц, осями, звездообразными площадями. Чикаго! Создается впечатление, что эти американцы прибыли в Россию через Берингов пролив, ничего не зная о начавшейся 30 лет назад градостроительной революции Европы».* При этом он точно подмечает наметившуюся тенденцию: *«Американцы принесли в Россию окостенелую школу градостроительства, и она все больше берет верх, в особенности потому, что для всех архитектурных деталей из высшей инстанции Москвы был предписан «классический стиль» как единственно возможный: звездообразные планы и греческие фасады!»*⁴⁵³.

Именно иностранные планировщики оказались наиболее последовательными в попытке сохранения функционалистских принципов организации города, не желая понимать и принимать неотвратимости поворота в сторону новых идеологически-репрезентативных основ градостроительной деятельности. Все тот же Р. Волтерс, работавший в Новосибирске, отразил их общее недоумение сложившейся ситуацией: *«Я злился до бесконечности, когда мне, как, впрочем, и другим немецким градостроителям в России, повторяли, что генплан функционирует, несомненно, хорошо, но архитектура плохая и скучная...»*⁴⁵⁴. В свою очередь, с советской точки зрения, *«кадры иностранных специалистов... вследствие незнания нашей экономики и недостаточного понимания нашей политики... не смогли внести определенной ясности в разрешение вопросов при составлении проектов планировки»*⁴⁵⁵. Причины указаны абсолютно точно. Непонимание определяющей роли власти в организации любой деятельности и политической подоплеки градостроительного проектирования в СССР делало конфликт неизбежным. Иностранные архитекторы с трудом уясняли доктрину социалистического расселения, плохо понимали фундаментальные принципы проектирования «города нового типа» и то, как правильно, с точки зрения власти, должно осуществляться социально-организационное членение городских территорий. Иностранные архитекторы с недоумением воспринимали государственную систему проектного дела, не понимали роль партийного контроля в архитектурно-градостроительной работе, необходимость политических согласований в неархитектурных инстанциях, не

способны были воспринять организационные установки на проектирование (штатное расписание, формы контактов со смежниками, характер сбора исходных данных и проч.), выпадали из общего порядка «руководства-управления», возражали против бесхозяйственности и нерациональной организации проектных работ и т. п.⁴⁵⁶. Но именно они привнесли основу планировочного решения соцгорода — конструирование структуры города из типовых элементов и стандартизацию застройки. Только к середине 1930-х гг. за этими принципами (отнюдь не отмененными и активно используемыми на практике) закрепился уничижительный термин «маевщина»⁴⁵⁷.

4. Соцгород это *функционально зонированное пространство*, где планировочное членение селитебной территории выражено в структуре «*жилой дом — жилой квартал — жилой район*».

Зонирование селитебной зоны в проектных решениях должно было учитывать нормативно закреплённые балансы территорий. Несколькими документами середины — конца 1920-х гг. (постановление СТО «Временные строительные правила и нормы для постройки жилых домов в поселках»⁴⁵⁸, 1926 г.; постановление ЭКОСО РСФСР «Об утверждении строительных правил и норм для постройки жилых домов в поселках на территории РСФСР»⁴⁵⁹, 1927 г.; постановление Строительной комиссии РСФСР «Временные нормы и правила проектирования и возведения зданий и сооружений»⁴⁶⁰, 1929 г. и др.) с некоторыми вариациями в целом были установлены нормативы⁴⁶¹.

Естественно, при составлении генпланов градостроители ориентировались на эти установки, приближая цифры баланса территорий к требуемым. Так, например, в проекте генплана Орска (1934) под жилые кварталы было отведено 47 %, ПКиО и зеленые зоны — 18 %, улицы и площади — 19 %, общественные здания различного функционального назначения — 13,7 % (центральные и районные учреждения — 7,7 %, учебный городок — 0,7 %, больница — 5,3 %)⁴⁶². В Магнитогорска (1932) под кварталы Северного и Южного городов отводился 61 % территории, под зеленые насаждения — 25 %, улицы, площади, общественные сооружения и коммунальные учреждения 13 %⁴⁶³. Однако это было не всегда возможно с учетом конкретных условий. В генплане Нижнего Тагила (1935), формировавшегося из нескольких поселков-районов и вытянутого «лентой», размещенного на неблагоприятной с точки зрения застройки территории, с большими разрывами, баланс территории значительно скорректирован в отношении жилой зоны. Под жилые кварталы отведено только 30,85 %, общественные территории различного назначения занимают 10,8 %, бульвары, проезды и площади — 15,6 %, зато зеленые насаждения разного плана (включая как скверы и парки (21,6 %), так и защитные зоны и озеленение берегов) — 27,83 %, причем реки и пруды, зани-

мающие большую площадь (10,68%) выносятся отдельным пунктом, значителен и резерв селитебной территории — 15%⁴⁶⁴. Все вариации цифр не отменяют главного — перечня и соотношения обязательно учитываемых элементов, по каждому из которых в проектах генпланов дается достаточно развернутая характеристика.

Основной планировочной единицей городской структуры был установлен квартал. Понятие квартала и нормативы его проектирования и застройки вырабатывались на протяжении середины 1920-х — начала 1930-х гг.⁴⁶⁵ и были, наконец, закреплены в Инструкции НКХ РСФСР № 135 от 29 апреля 1933 г. «О проведении гражданского (непромышленного) строительства в 1933 г.»⁴⁶⁶. Здесь, фактически, впервые дается развернутое определение понятия «жилой квартал»: *«жилой квартал является частью территории селитебного района, ограниченной со всех сторон магистральными улицами»*⁴⁶⁷. Инструкция предлагает при проектировании жилого квартала предусматривать элементы сетевого общественного обслуживания: общественное питание, воспитание детей, коммунально-хозяйственное и культурно-просветительное обслуживание⁴⁶⁸. Она предписывает дифференцировать территорию квартала на отдельные *«основные, четко выявленные в планировочном отношении, части; а) собственно жилую, включающую основную группу жилых домов; б) социального воспитания, включающую детские сады и ясли; в) общественно-культурную, включающую здание клуба — примитива и низовую сеть физкультурных площадок и сооружений; г) коммунально-хозяйственную, включающую прачечную, котельную, складские помещения или сараи, места для временного хранения мусора и т. д.»*⁴⁶⁹.

Длина сторон квартала не должна превышать 500 м. Устраиваемые в пределах кварталов проезды делятся на внутриквартальные и местные. И внутриквартальные, и местные проезды должны быть сквозными (т. е. выходить обоими своими концами на основные проезды общественного пользования)⁴⁷⁰.

Жилой квартал выступает элементом планировочной структуры, неразрывно связанным с объемлющим целым — районом, составной частью которого он является: *«жилой квартал должен рассматриваться, как элемент населенного места, органически с ним связанный. Эта связь устанавливается с планировочно-технической стороны единой системы магистралей, соединяющих жилой район с остальными частями населенного пункта и единой системой сетевого обслуживания, низовые элементы которого должны быть предусмотрены в плане жилого комплекса»*. *«Представляя с социально-бытовой и планировочной стороны единый комплекс, жилой квартал должен представлять собой также и в строительном отношении, как правило, одну нераздельную усадьбу. Разделение квартала на отдельные*

участки по хозяйственным условиям или по наличию внутренних улиц или проездов, все же не должно нарушать единства территории в строительном отношении»⁴⁷¹.

Однако формирование квартала было определено не только нормативными документами, но и трансформацией идеи жилкомбината. Программами на проектирование конца 1920-х гг., как правило, предполагалось наличие отдельных целостных кварталов обобщественного сектора (кварталов домов-коммун (жилкомбинатов)), или, в крайнем случае, отдельных зон внутри квартала, которые только в таком концентрированном виде могли *«служить могучим орудием пропаганды устройства быта трудящихся на социалистических началах»⁴⁷²*. Проекты жилкомбинатов активно разрабатываются в конкурсных и заказных проектах конца 1920-х г.⁴⁷³ Кварталы типовых жилкомбинатов были запроектированы в 1929–1930 гг., например, для соцгородов Харьковского тракторного завода, Челябинского тракторного завода, Нижегородского автостроя, Бакальского сталельно-завода, Большого Запорожья (проект под рук. В. Веснина), Левобережного Новосибирска и др. «Индивидуальные» кварталы, в свою очередь, расценивались только как «сектор переходного быта»⁴⁷⁴. Эта «переходность» хорошо сформулирована проектировщиками Большого Запорожья (1932, Гипроград УССР; И. Малоземов и др.): *«проектируя на данном этапе новый город, нужно решить задачу таким образом, чтобы, не отрываясь от сегодняшней действительности, учесть перспективы завтрашнего дня, оставляя возможность реконструкции возводимых сооружений в соответствии с новыми требованиями»⁴⁷⁵*. Однако при строительстве 1930–1933 гг. комплексной реализации кварталы жилкомбинатов так и не получили. Но они оказали значительное влияние на формирование идеи квартала «социалистического города» со значительной ролью обобщественного обслуживающего сектора, рассчитанного на 100 % охват жителей квартала.

В проектах, привязанных уже к реальному строительству, с разной степенью полноты получили осуществление «комбинированные» жилые кварталы с различным «набором» типов жилых зданий. Проектировались отдельные зоны для трех типов зданий (дома-коммуны, общежития, дома для «индивидуально-семейного» проживания); двух типов зданий (дома-коммуны и дома для «индивидуально-семейного» проживания или же общежития и дома для «индивидуально-семейного» проживания); целиком кварталы типовых «индивидуально-семейных» секционных домов (при условии наличия в проекте отдельных кварталов жилкомбинатов). Но, как бы ни были запланированы типы жилища в квартале, в процессе реализации происходила не предусмотренная проектировщиками

значительная и однонаправленная трансформация, освещенная в отдельной главе данного исследования⁴⁷⁶.

Кварталы обладали внушительными размерами (10–20 га) и рассчитывались на значительное количество населения — в среднем 2500–5000 человек (так, например, для Бакальского сталельного завода — 3800⁴⁷⁷, Орска — 4972⁴⁷⁸, Макеевки — 2523⁴⁷⁹ и др.), и могли достигать в проектах до 13–15 тысяч (при этом обязательно разделяясь на меньшие комплексы)⁴⁸⁰.

Представляя «город в миниатюре», квартал во многом повторял и городскую структуру. В целом застройка занимала около 20 % территории. При этом за счет многоэтажности жилой застройки обеспечивалась высокая плотность заселения квартала, но оставалось свободным значительное пространство, предназначенное для зеленых насаждений, рекреационных зон, спортивных и детских площадок, а также проездов. Структура типового квартала, например, для Орска (1934) предполагала жилые дома (44,9 %), общественные здания (37,1 %), физкультурные площадки (8,8 %), дороги и зеленые насаждения 1,570 га (9,2 %). Площадь застройки при этом распределялась следующим образом: жилые дома — 13,5 %, общественные здания — 6,5 %. Плотность застройки определялась в 300 чел/га⁴⁸¹. В проекте соцгорода Бакальского сталельного завода (1931) из 10,87 га квартала площадь застройки занимала 18,2 %, и включала жилой сектор (41,3 %), детский сектор (37,6 %), сектор бытового обслуживания (9,2 %), физкультурный сектор (8 %) ⁴⁸². В типовом квартале для Нижегородского автостроя (1933) размером 15 га и рассчитанном на 6 тыс. чел., площадь застройки занимала 19 %, внутриквартальные проезды, площади и хоздворы занимали 31 %, зеленые насаждения — 50 % ⁴⁸³.

Как и в целом город, кварталы функционально зонировались. В проектах в отдельные зоны выделялись детский и школьный сектора, физкультурная зона. Учитывая предполагаемый типовой характер кварталов, подобного рода зоны могли образовывать в городской застройке сквозные «полосы». Определяющим принципом размещения жилой застройки была строчная.

Приведем один из примеров реализованной застройки кварталов⁴⁸⁴. Квартал № 8 в Новом Орске (ограничен улицами: пр. Мира, пр. Ленина, пер. Музыкальный, ул. Станиславского) выстроен в соответствии проектом генплана Нового Орска (1933–1935, М. Стам, Х. Шмидт и др.), его строительством руководили архитекторы из группы Х. Майера — Т. Вайнер, Ф. Толльцинер, К. Пюшель⁴⁸⁵. Квартал площадью 17 га был рассчитан на 5 тыс. чел. при норме жилплощади от 7,5 до 9 кв. м. Капитальная кирпичная застройка 3-х и 5-ти этажей была предусмотрена двух типов: дома, рассчитанные на

индивидуально-семейное заселение (80 %, 4000 тыс. чел.) и общежития (20 %, 1000 чел). Квартальный соцкультбыт предусматривал двое яслей (по 130 детей), два детских сада (на 90 и 140 детей), две школы: первой (480 детей) и второй-третьей ступеней (420 детей), «клуб-примитив», физкультурбазу, две столовые, продовольственный и промтоварный магазины, прачечные, медпункт, парикмахерскую, почту и сберкасса⁴⁸⁶. Структура основной части квартала была сформирована из чередующихся зон жилой строчной застройки и детских учреждений; в западной части отдельно выделена обширная школьная территория в комплексе со спортивными площадками; социально-бытовые учреждения размещены на участках по периметру квартала. Частично была реализована лишь южная часть квартала: трехэтажные 3- и 6-секционные жилые дома и 5-секционный пятиэтажный дом, а также здания яслей, детского сада и школьного комплекса. Облик квартала начал трансформироваться в середине 1930-х гг. уже по ходу строительства в связи с требованием «коренного изменения архитектуры домов и бытовых учреждений», демонстрировавших «однообразие, мрачность» и т. п.⁴⁸⁷

Вся система общественного обслуживания в квартале, олицетворявшая теперь «социалистический быт», подробнейшим образом рассматривалась в проектах. А «каждый квартал с его обслуживающими учреждениями» образовывал «одно замкнутое целое»⁴⁸⁸ и ячейку общегородской системы обслуживания.

5. Соцгород обладал развитой *системой социально-бытового и культурного обслуживания*, рассчитанной на 100 % охват населения.

Тезис «организация города основана на принципах максимально-го приближения к населению всех видов бытового обслуживания»⁴⁸⁹ фиксировал один из приоритетов в проектировании. В проектах планировки появились отдельные разделы — «Система организации обслуживания», где подробно освещалась эта система, как в целом для города, так и для квартала. В формируемую систему сетевого обслуживания соцгорода были включены все виды хозяйственного и культурного снабжения: 1) дорожно-транспортная сеть; 2) сеть связи (почта, телеграф, радио); 3) сеть жилищ; 4) сеть питания; 5) сеть санитарно-гигиенического обслуживания; 6) сеть санитарно-технического обслуживания; 7) сеть распределителей продуктов широкого потребления; 8) сеть соцвоса (социалистического воспитания), детского дошкольного обслуживания; 9) сеть политехнического обучения; 10) сеть культурного и общественно-политического обслуживания; 11) сеть физкультурного и туристического обслуживания; 12) сеть медицинского обслуживания (диспансеры, больницы, санатории, курорты) и т. п. В результате, формировалась система ступенчатого обслуживания, игравшая значительную роль и

в добровольно-принудительном закреплении трудящегося, и утверждении его социального статуса. Эта система включала: а) объекты общегородского значения; б) объекты районного значения; в) объекты квартального значения; г) учреждения обслуживания, размещаемые в жилых домах (в специально отводимых для этого помещениях первых этажей). Таким образом соцгород организовывал все аспекты жизнедеятельности члена трудо-бытового коллектива, исключая неконтролируемые процессы.

Основой всей системы являлись учреждения «первичного обслуживания», размещенные в квартале. Организация воспитания и образования, и организация распределительного обслуживания — краеугольные камни в структуре общественного обслуживания в квартале. «Базовый» элемент системы воспитания и образования — ясли и детские сады — был непосредственно приближен к жилой ячейке. «Детучреждения» рассчитывались на 100 % обслуживание детей и с возможностью проведения там круглых суток. Располагались ясли и детские сады в отдельных зданиях, на специальных «детских участках» среди зеленой полосы, на расстоянии от жилых домов в 150–250 м. Хотя, в отдельных случаях, могло предусматриваться и размещение яслей в жилых домах «для теснейшей связи родителей с детьми и непосредственного участия матерей в воспитании»⁴⁹⁰.

Учебная сеть могла быть представлена в квартале только школами первой ступени, а школы второй и третьей ступени должны были располагаться в специальной школьной зоне, как это предложено, например, проектом для Нижегородского автостроя⁴⁹¹. Или же размещение школ всех трех ступеней предлагалось непосредственно в квартале, как предполагала бригада Горстройпроекта, проектируя типовой квартал для Орска⁴⁹². При этом также предусматривалось небольшое расстояние от жилых комплексов до жилых зданий, что отдельно оговаривалось. Так, радиус действия школ в проекте сети учебных заведений, разработанной Гипрогором РСФСР для Сталинграда, был принят в 650 м⁴⁹³.

Какой бы вариант не был избран, неизменной оставалась взаимосвязь школы и производства — принцип политехнического образования. Этот постулат формулировался многими теоретиками градостроителями. В частности, Н. Милютин, рассматривая пространственную организацию процессов обучения в социалистическом городе, предлагает учебные заведения располагать исключительно при промышленных предприятиях, формируя систему, «соединяющую материальное производство и учебу», так называемый «фабзав-втуз» (фабрично-заводское высшее техническое учебное заведение). То же он предлагает осуществлять и по отношению к средней школе⁴⁹⁴. Фабрично-заводская семилетка (ФЗС) и фабрично-заводское

училище (ФЗУ) стали неотъемлемой частью и проектов, и реально-го пространства соцгородов. Проектировались целостные учебные комбинаты при промышленном производстве, как, например для Челябинктракторостроя⁴⁹⁵, Нижегородского автостроя⁴⁹⁶ и др. В проектах подобные комбинаты и вузы размещались исключительно в непосредственной близости к предприятию. Система образования, таким образом, активно включалась в реализацию планов индустриализации, а школьники и студенты вовлекались в трудовую деятельность, составляя дополнительный резерв рабочей силы.

Основная роль системе распределительного обслуживания в квартале отводилась столовым-распределителям.

Во-первых, здесь осуществлялось централизованное обеспечение питанием. Квартальная столовая являлась «низовой» частью организации системы питания в социалистическом городе. По установкам Наркомснаба намечался охват общественным питанием до 90 % рабочего населения, 50–60 % остального населения и 70 % детей⁴⁹⁷. Общегородская сеть питания предусматривала наличие центрального пищевого комбината, который получал продукты из окружающих город совхозов, молочных ферм и т. д. Следующим звеном являлись фабрики-кухни (фабрики-заготовочные) в районах, снабжающие столовые-распределители на предприятиях, учреждениях, кварталах готовыми кушаньями и полуфабрикатами.

Во-вторых, здание столовой-распределителя выполняло и иные хозяйственные функции. Здесь могли размещаться распределительные продовольственный и промтоварный магазины⁴⁹⁸. При этом магазины были сориентированы на систему предварительных заказов и на распределение товаров повседневного потребления. Для получения продукции, которая исключительно регламентировано «приобретается один — два раза в год (платье, обувь и пр.)»⁴⁹⁹, предусматривался центральный городской универмаг. Здесь же могли функционировать парикмахерская, прачечная, сушилка, починочная мастерская, сберкасса и т. п. Столовая-распределитель являла собой фактически общественный центр, если учесть, что часто она совмещалась и с клубом-примитивом⁵⁰⁰. Хозяйственные учреждения в районе дополнялись банями и механизированными прачечными с филиалами в кварталах. Функционировать они должны были исключительно на основании точного расчета количества «помывок» и «постирок» на человека в год. Так, проектом застройки Магнитогорска (Стандарт-горпроект, 1932) нормативно предусматривалось, что 70 % населения пользуется баней 36 раз в год, 60 % населения ежемесячно доставляют в прачечные по 6 кг белья с человека, а у 40 % населения на каждые 4 человека приходится по одной домашней хозяйке, которая стирает два раза в месяц. Примечательно, что расчеты пропускной способно-

сти бань и прачечных производились исходя из нормы жилплощади 6–9 кв. м на человека, что уже делало такие расчеты в реальности нежизнеспособными⁵⁰¹.

Санитарное обслуживание также проектировалось «по ступеням, начиная с местных пунктов врачебной помощи, через диспансеры, охватывающие больший участок в сравнении с амбулаторией, к больнице, обслуживающей целый город»⁵⁰².

Централизованное и обязательно «организованное» культурно-досуговое обслуживание не ограничивалась только работой квартального клуба-примитива, в котором был «сосредоточен умственный и политический центр квартала»⁵⁰³. Обязательно проектировались центральный клуб и кино. Клубы являлись важнейшими социально-организующими элементами социалистического города. Клубные комплексы максимально охватывали разнообразные формы клубной работы, имеющие приоритетной целью образование, просвещение и идеологическое воспитание подрастающего поколения и разноликой рабочей массы, цементируя ее в сплоченный пролетарский коллектив. Немаловажной задачей была для клубов адаптация комплектуемого из многочисленных источников населения собственно к городской жизни и нормам «социалистического общежития» в «социалистическом городе». Не удивительно такое внимание к проектированию клубов и клубных комплексов, и их значимое место в пространственной организации города⁵⁰⁴.

Развитая сеть спортивных сооружений также была включена в систему культурного обслуживания. Так, разработанная Гипрогором РСФСР для Сталинграда система спортивного досуга «состоит из сети мелких площадок при комбинатах и по кварталам, а также при школах и втузах. В каждом районе города, а также на предприятиях будут более крупные стадионы. Каждый город будет иметь свой центральный стадион с дворцом физкультуры. И, наконец, в центральном городе будет главный физкультурный центр для объединения и направления всей работы»⁵⁰⁵.

Спортивные сооружения рассматривались в непосредственной связи с парками, скверами и, в целом, с системой зеленых насаждений, которой отводилось значительное место — зеленые насаждения в кварталах, защитные и вдоль путей сообщения, районные парки, парки культуры и отдыха. Например, в проекте Большого Запорожья были предусмотрены следующие виды внутригородских зеленых насаждений: 1) внутри квартальные, 2) уличные, 3) квартальные и бульварные, 4) парки, 5) насаждения научно-технического назначения (ботанические сады и т. п.), 6) насаждения специального курортного назначения, 7) защитные зоны, 8) зеленые изгороди, 9) насаждения мелiorативного характера⁵⁰⁶.

Эти подробные «зеленые» разделы в программах остались единственным отголоском от идеи города-сада, который понимался и принимался теперь только в этом аспекте: «*При систематическом насаждении этих зеленых площадей их можно будет превратить в настоящие парки, так что с правом можно будет говорить о городе-саде*»⁵⁰⁷. Парки, спортивные зоны и клубные учреждения общегородского уровня, как правило, увязывались в единую неразрывную систему, где интегрирующую роль играл ЦПКиО. ЦПКиО, по сути, представлялся обширной клубной зоной на открытом воздухе, «комбинатом по массовой культурно-просветительской работе»⁵⁰⁸, с аналогичными собственно клубной деятельности задачами и формами организации досуга, включая сектор «массово-художественной и политико-воспитательной работы», «зрелищный сектор», «физкультурный сектор», «сектор работы с детьми», «объекты оборонной пропаганды»⁵⁰⁹. Так в проекте соцгорода Орска (1934) предполагались следующие «важнейшие» зоны ЦПКиО: «Дворец культуры с музеем с выставочным павильоном и цирком у входа, далее сектор массовых игр с летним театром и детский городок. В центре парка — центральная физкультбаза с водной станцией у озера, образованного плотиной»⁵¹⁰.

6. Как уже видно из предшествующего текста, соцгород обладал иерархически выстроенной системой *общественных пространств*. Это: а) общегородской центр с главной площадью и расположенными на ней важнейшими городскими объектами советского, партийного, социально-культурного назначения; б) центры районов со второстепенными площадями; в) внутриквартальные общественные пространства, с расположенными здесь объектами агитационно-массового обслуживания (открытые общественные зоны, клубы-примитивы, спортплощадки и т. п.) и сетью детских учреждений (ясли, детские сады, школы первой ступени); г) система зеленых зон общегородского (ЦПКиО, как правило, совмещенный с центральным стадионом)), районного (парки, скверы, бульвары и т. п.) и внутриквартального значения, а также внешние (окружающие зеленые зоны).

Структурные элементы данной системы и их иерархическое соподчинение остаются неизменными, однако планировочные подходы претерпевают выраженную эволюцию на протяжении первой половины 1930-х гг. Прежде всего это касается организации городских и районных центров.

В Объяснительной записке к проекту Цekomбанка Магнитогорска (1931) город представлялся проектировщикам «суммой кварталов», общегородской центр предполагался просто «*вблизи*» геометрической середины «*на возвышении*», и выбор размещенных здесь зданий (дом советов, дом профсоюзов, народный дом культуры и т. п.) определялся

тем, что ими все население пользуется *одновременно*⁵¹¹. Подобным образом составлена и «Пояснительная записка к генеральному плану застройки города Магнитогорска» (1932)⁵¹², фрагментами полностью воспроизводящая предшествующий документ, и где административному центру уделена единственная строчка: «Административный центр расположен к западу от культурного центра, против вокзала». И это при подробном описании общественных и жилых зданий различных типов, системы организации сети питания и бытового обслуживания, зеленых насаждений, транспорта, водоснабжение и канализации, электроснабжения и теплофикации и т. п.

Иное место размещения Магнитогорска и другое авторство проекта планировки никак не меняло принципиальные подходы. Пояснительная записка к схеме планировки города на правом берегу р. Урал, составленная в 1931 г. Уралкомжилпроектбюро⁵¹³ в противовес проекту левобережья группы Э. Мая, также предполагала структурирование города на равноценные и равномерно обслуживаемые жилые районы со строчной застройкой, с приоритетом обобщественного сектора и системой общественного культурно-бытового обслуживания. Схематизм описания, в основном построенный на перечислении объектов, характерен и для обрисовки политического и административно-управленческого центра, с характерным размещением его «на грани между городом и территорией завода».

В записке к проекту г. Орска, Х. Шмидт пояснял, что центр города расположен *у подножия* жилых районов, с целью обеспечить наиболее удобные пути сообщения между этой частью города и промышленностью, а также основными элементами города — жилыми районами, зеленой зоной, ЦПКиО. Основное назначение главной магистрали — *обслуживание* всего продольного сообщения города, для чего и размещаются здесь все общественные учреждения, примыкающие к ним площади и важнейшие здания⁵¹⁴.

Шестой поселок Запорожья (В. Веснин, С. Андреевский, Г. Орлов, К. Князев, С. Маслих, О. Яфа и др.) представлял собой линейно-«равномерную» планировочную схему. Застройка формировала протяженную зону, направленную перпендикулярно производственной территории Днепростроя. Широкие полосы жилой застройки чередовались с более узкими, общественными: квартал № 1 — стадион, квартал № 2 — жилкомбинат-коммуна, квартал № 3 — гостиницы, квартал № 4 — школа, квартал № 6 — больничный городок, кварталы 5, 8, 9 — жилые⁵¹⁵. Это был город, лишенный идеологических доминант, демонстрирующий полное непонимание «правильной линии».

Проблема размещения центра — вопрос чрезвычайно идеологически важный. Именно его государство не могло выпустить из зоны своего внимания. К середине 1930-х гг. никакими функцио-

нальными мотивами нельзя было оправдать отсутствие репрезентативного образа власти, выраженного в решении главной площади. Характерным примером такого рода является трансформация проектного решения Нового Орска на протяжении 1933–1935 гг. Под ударами критики архитекторы вынуждены отказаться от первоначального поточно-функционального решения, предложенного в проекте М. Стама (1933), о чем уже было сказано выше. Сохранив линейный характер города и прямоугольно-решетчатую структуру, архитекторы расчленили территорию города двумя клинообразными зелеными полосами с размещенными в них административным и культурным центрами⁵¹⁶.

Однако даже такой компромисс не показался достаточным. Во вновь откорректированном варианте генплана единый общегородской центр (совмещающий административные, общественные и культурные функции) планировался в *«геометрическом центре, на экваториальной оси»* основной линии города, непосредственно примыкая к главной поперечной магистрали, связывающей город с промышленной зоной и направляющей основные рабочие потоки⁵¹⁷. Таким образом архитекторы сумели совместить функциональную и идеологическую составляющие — главные общественные учреждения находились на основном пути перемещения рабочих и служащих и, с другой стороны, делали каждодневным и зримым присутствие образа власти для массы городского населения. При этом центр все равно *«не сконцентрирован в одном пункте», а «образует ряд отдельных площадей, расположенных соответственно их значимости. Общественная жизнь города будет таким образом концентрироваться не только на одной большой площади, но и на длинном, увеличенном рядом площадей бульваре»*. Иерархический принцип при этом уже соблюден неукоснительно: *«В середине центра города находится Дом Советов с площадью для демонстраций. В стороне от Дома Советов расположены террасы, с которых открывается вид на зеленую зону Елшанки. Меньшие площади предусмотрены у театра и Дома печати и книги. У южного края расположены административные здания второго порядка. К северной стороне примыкают культурные учреждения...»*⁵¹⁸.

Размещение полиструктурного центра предполагало и планировочное решение Магнитогорска. Предусматривался многочастный центр, структурные элементы которого были обусловлены функционально. Размещенный в наиболее высокой точке над городом на спускающемся террасами склоне холма культурный центр (с народным домом культуры, центральным театром, концертным залом, библиотекой). Административный центр со зданиями ГПУ, милиции и Центральным домом Советов, расположенный поблизости от места, где идущая от входа на завод магистраль включается в большую западно-

восточную магистраль, идущую от центра города к центру пятого района. Физкультурный центр рядом с ЦПКиО. Архитектонически выделен и главный вход к участку ММК, соединенный с предприятием широкой и протяженной магистралью. Также как и в проекте Орска группы общественных зданий размещены не концентрировано, а «полосой прорезают город»⁵¹⁹.

Функционалистский подход отнюдь не отрицал архитектурной составляющей при размещении центров. *«...Весь город в целом представляет сочетание определенных архитектурных контрастов. Массе спокойных жилых домов противостоят общественные здания, расположенные в специально избранных местах города... Только при этих условиях обеспечивается более сильное действие общественных зданий, которые обыкновенно богаче оформлены и дифференцируются уже в зависимости от своих внутренних функций... Используя особенности местности, план постоянно стремится... повысить воздействие отдельных сооружений, воздвигая их на холмах, у подножий холмов и в виде отдельных выдающихся точек среди полос и площадей зеленых насаждений»,* — пишет Э. Май о проекте Магнитогорска⁵²⁰. Однако этого уже далеко не достаточно, т. к. в новом понимании «эра социализма, вновь возрождая и поднимая на недостижимую до сих пор высоту проведение общественной жизни в наших городах, вновь превращает места массовых празднеств в центр города, ставит перед планировщиком и архитектором ответственную задачу оформления в формах, созвучных эпохе, больших, красиво спланированных и монументальных площадей, отвечающих размахом своей планировки демонстрациям, массовым празднествам и карнавалам свободного пролетариата»⁵²¹.

К началу второй пятилетки постепенно формируется новый подход к городу. Архитекторам-проектировщикам еще на июньском Пленуме ЦК ВКП(б) 1931 г. устами Л. М. Кагановича была внятно озвучена новая концепция: *«...вопрос о городе и городском хозяйстве вышел уже сейчас за рамки так называемого благоустройства, стал вопросом большого политического и экономического значения»*⁵²². Определив принципы структурирования и организации городского и социального пространства, власть озаботилась и репрезентацией. Новый социалистический город должен был отразить задачу высокого идеологического звучания — увековечить свершившуюся победу социализма. От архитектуры требовалось велеречивое красноречие, и акцент смещался на идейно-художественное звучание.

Новое понимание архитектурно-градостроительных задач звучало со страниц архитектурных изданий: *«Трудящиеся великого Советского союза, под руководством коммунистической партии большевиков во главе с вождем мирового пролетариата т. Сталиным,*

сокрушив классовых врагов и оппортунистов слева и справа, пришли к XVII партийному съезду с гигантскими победами, показывая всему миру, пролетариату земного шара несравнимое превосходство советской системы над капиталистической <...> Перед советской архитектурой стоят громадные задачи. Наши постройки нуждаются в художественном обрамлении, отвечающем величию эпохи, непосредственными участниками которой мы являемся»⁵²³.

В соответствии с новыми целями реформировались принципы организации городского пространства, в основу которых было положено представление о городе как завершенной целостности, где «... все элементы... подчиняются единому плану и единой архитектурной идее»⁵²⁴. Композиционным модулем городского пространства становился ансамбль. Фактически, принцип формирования городской структуры из типовых элементов, предложенный градостроительной теорией и практикой на рубеже 1920–1930-х гг., и на словах осужденный за формализм, был принят к переосмыслению и реализации в новых формах и с новым содержанием.

«Актуальным» языком наполнились тексты генпланов, а созданные ранее критиковались с новых позиций. Так, очередной проект Магнитогорска группы Э. Мая (1932) критиковался с художественно-образной стороны: за слишком сухую, жесткую и однообразную трактовку плана; за эксцентричное расположение учреждений общего пользования в кварталах и центральных социально-культурных учреждений. За строчную застройку жилых корпусов, так, что «живущие в них обречены на то, что видят из окон лишь противоположные окна и стены»⁵²⁵. За отсутствие осевой магистрали, которая «не дает возможности выделения отдельных магистралей для их архитектурного оформления застройкой зданиями административного и культурного значения»⁵²⁶ и т. п.

В критике генплана Нового Орска 1934–1935 гг. определяющим термином становится «ансамбль». Заключение «О проекте планировки соцгорода Орска...» (июнь 1934 г.) содержало как главное требование корректировку зонирования города. Следовало разместить центр более компактно в середине селитбы и организовать также дополнительные центры в жилых районах, создавая, таким образом, «целостный ансамбль городских площадей, который в представленном проекте приносился “в жертву ландшафтному размещению отдельных точек зданий”»⁵²⁷. Кроме того, предлагалось внести большее разнообразие в архитектурно-пространственную организацию города, индивидуализировать решение кварталов, планируя их как «замкнутый в себе архитектурный ансамбль со своим композиционным центром и вместе с тем входящий как часть в общегородской ансамбль», дифференцировать подход к оформлению магистральных и жилых улиц⁵²⁸.

Архитектурный ритм, архитектурное оформление, архитектурная обработка, архитектурный ансамбль, архитектурно-композиционный центр — эти словосочетания определяют язык текста при разборе проекта. При разборе окончательного варианта генплана, представленного в ноябре 1935 г. планировочное решение города в целом — направление и сетка магистралей, размещение площадей и центров, зеленых насаждений, основные перспективы (со стороны рек Елшанка и Урал и территории промрайона) — было поддержано. Однако вновь главным камнем преткновения оказалось образное восприятие города: сухость и лаконичность архитектурно-планировочного решения, монотонная и невыразительная сетка города, недостаточная проработка и прорисовка плана основных репрезентативных участков — центральной и районных площадей, въездов в город, основных городских панорам, потребность в *архитектурном обогащении* и насыщении городского пространства, казарменная строчная застройка и т. п.⁵²⁹

Выявлена и главная причина такой ситуации — функционалистский подход: *«Осуществляемые в настоящее время в натуре проекты наших крупнейших городов: Магнитогорска, Сталинска, Нижнего Тагила и др., ясно говорят, что они проектировались методом раздельного проектирования планировки и архитектуры. Основным мериллом проекта берется лишь выполнение основных заданий на данный проект города в части, касающейся взаимного расположения территорий, размещения требуемого количества жителей, обеспечение транспортной связи и культбытового обслуживания. Вопросу же, как будет выглядеть проектируемый город в натуре, и можно ли будет на базе такой планировки создать интересные архитектурные ансамбли, при оценке проекта планировки уделяется недостаточное внимание. Наши новые города безличны, они все похожи друг на друга, в них трудно ориентироваться, они скучны. К счастью, они все еще только в процессе постройки первой очереди и еще не поздно подумать о внесении поправок и изменений, могущих резко изменить к лучшему их лицо»*⁵³⁰. Определены и конкретные «виновники»: *«Вот то положение, которое было выдвинуто арх. Май Э. и поддерживалось группой иностранных специалистов, руководивших в то время (1931 и 1932 гг.) планировкой новых промышленных городов»*⁵³¹. Все в духе времени.

В середине 1930-х гг. предпринимаются уже попытки комплексного анализа планировочной деятельности конца 1920-х — начала 1930-х гг. Пример такого рода мы видим в статье А. Зальцмана и Д. Меерсона (оба еще совсем недавно — авторы вполне функционалистских проектов) «Архитектура соцгорода и его элементов» в журнале «Планировка и строительство городов» за 1934 г. Приведем обширную цитату, т. к. в ней «собран» весь набор претензий к тем принципам, на которых, собственно, и велась проектировка соцго-

родов на рубеже 1920–1930-х гг.: «Пристальное внимание уделялось всему сложному комплексу вопросов по инженерным сооружениям... При проектировании проводился принцип строго функционализма... В этих проектах вопросы архитектуры города отодвигались на задний план, а в большинстве случаев просто игнорировались... Если детально ознакомиться с этими работами, то в них проводится одна и та же идея плана: город решается стандартно... Правильно задуманная организация города с решением максимального приближения к живущим культурно-бытового обслуживания... имеет весьма неприятное планировочное отличие в виде штампованных стандартных элементов, повторяющихся бесконечное число раз в зависимости от величины города... Решение улиц, бульваров, магистралей понималось примитивно: улица есть средство сообщения... поэтому решать ее архитектурно не следует. Архитектура должна быть внутри квартала... Исходя из этого, улица решалась весьма своеобразно. Жилые дома ставились торцами на улицы (строчная застройка) и придавали ей однотонный унылый вид. Вследствие строчной застройки квартал архитектурно не решался. Отсутствовал какой-либо центр квартала. Улица-магистраль архитектурно ничем не отличалась от внутриквартальных проездов. Взгляд зрителя устремлялся в бесконечность вследствие отсутствия замыкающих перспектив. В целом город штамповался типовыми кварталами строчной застройки и производил как на бумаге (в проекте), так и в натуре (выстроенные кварталы) удручающее впечатление»⁵³².

Заметим весьма примечательный в данном контексте речевой оборот: «взгляд зрителя устремлялся в бесконечность» — постепенно происходит смена роли обитателя соцгорода — он становится теперь не просто жителем, которого необходимо обеспечить функционально организованной и распланированной системой жизнедеятельности. Он становится зрителем (сохраняя при этом роль управляемой марionетки), а городское пространство формируется как декорация к спектаклю.

В понятие «социалистический город» теперь вкладываются иные смыслы, которые должны воплотиться в иных градостроительных решениях. Но это уже другая история.

«От бараков — к... баракам» — типология массового жилища соцгородов-новостроек*

Типология массового жилища соцгородов-новостроек, возникающих подле возводимых предприятий советской индустрии, не может быть выявлена и объяснена вне понимания социальной структуры жителей рабочих поселков и городов.

Несмотря на идеологически провозглашаемое властью социальное единство советского народа, реальная структура населения соцгородов-новостроек была очень неоднородной и сильно дифференцированной. Причина заключена в той «добровольно-принудительной» миграционной политике, которую осуществляла советская власть для обеспечения строительства заводов потребным количеством рабочих рук. Население соцгородов, в общем, насчитывало, по меньшей мере, пятнадцать социальных групп населения, весьма сильно различавшихся друг от друга и обитавших на территории соцпоселения довольно изолированно⁵³³. Типология жилого фонда и реальные объемы возводимого жилища в городах-новостройках, предельно точно отражают эту социальную неоднородность и демонстрируют различие жилищной политики советской власти по отношению к каждой из этих групп.

В Магнитогорске, например, в период первой пятилетки, насчитывалось восемь основных группы населения:

1. Партийно-советское руководство и иностранные технические специалисты — 2–3 %
2. Коммунисты и комсомольцы — 10 %
3. Вольнонаемные — 30–35 %
4. Спецпоселенцы (кулаки) — 25 %
5. Спецпоселенцы («эмигранты») — 1,25 %
6. Заключенные — 12 %
7. Пораженные в правах (лишенцы) — 0,02 %
8. Прочие категории — 13,73 %⁵³⁴

* Данный раздел подготовлен при финансовой поддержке гранта Фонда Герды Хенкель для работы в российских архивах по теме: «Немецкие архитекторы в сталинском СССР — борьба за массовое жилище». AZ 19/SR/09.2010.

Эти группы постоянно изменялись по персональному составу, но по «содержанию», и в процентном соотношении, оставались, практически, неизменными. Так, например, к концу 1932 г., приблизительно 35 тысяч магнитогорских «кулаков» обитали в палаточном городке (что, подчеркнем, составляло 25 % от общего числа жителей города). В зиму 1932/33 г., когда температура воздуха часто опускалась ниже сорока градусов, 10 % населения палаточного городка умерло, не вынеся тяжелых условий жизни и недоедания. Практически ни один ребенок младше десятилетнего возраста не пережил эту зиму. Но уже в следующем году численность «кулаков» пополнилась и далее, вплоть до 1938 г., эта категория неизменно насчитывала около 30 тыс. чел.⁵³⁵

Итак, население делилось на три основные группы:

1. Партийно-советское руководство и иностранные технические специалисты — 2–3 %
2. Вольные — 58,7 %
3. Невольники — 38,3 %

Относительно последней категории населения сложно сказать что-либо определенное. Они находились в юрисдикции силовых ведомств и описание условий повседневного обитания этой подневольной категории населения, типологии жилья, в котором они обитали, пути превращения, после отбытия наказания, в свободных жителей и способы обретения новых жилищных условий, характер этого нового жилища и т. п. — еще ждут своих исследователей.

Что же касается вольной части населения соцгородов, то о типах жилищ, в которых они существовали, мы можем судить достаточно точно, потому, что она зафиксирована в проектах жилых домостроений, специально разработанных и официально рекомендованных для строительства в рабочих поселках и соцгородах первой пятилетки.

Так, в 1929 г. выходит в свет альбом типовых проектов жилых и общественных зданий, рекомендуемых для городского и поселкового строительства⁵³⁶. Он подготовлен годом раньше, по инициативе и под руководством Центрального банка коммунального хозяйства и жилищного строительства (Цекомбанк) при участии представителей основных ведомств-застройщиков и организаций-проектировщиков (ВСНХ СССР, НКТП, НКТ, Центрожилсоюза, ВЦСПС, Моссовета, Института сооружений). В разделе «Рабочий поселок» приведен рекомендуемый к массовому применению пример планировки поселка, рассчитанного на население в 3200 чел. со следующей типологией домов: а) секционные дома, б) общежития, в) коттеджи⁵³⁷ (табл. 1).

Типология жилища и характер заселения жилого фонда в рекомендуемом Цekomбанком типе поселка с интенсивной застройкой зданиями городского типа (1929 г.)

№ п/п	Численность проживающих (примерная) и тип жилища	Количество квартир для каждой категории	Расчет количества комнат и характера заселения (чел./комн.) по категориям проживающих
1	60–65 чел. (семейных) — в двухквартирных коттеджах (9 шт.)	18 квартир	2% ИТОГО — 18 квартир на 18 семей (60–65 чел.) для посемейного заселения, т. е. в одну квартиру одна семья
2	250 чел. (одиноких, холостых) — в общежитиях (2 шт.)	—	8% ИТОГО — 28 комнат с заселением 2–3 человека в каждую комнату
3	2890–2885 чел. (семейных) — в 1–2–3 комнатных (квартирных) домах (23 шт.)	576 квартир	<div> <div> 90% </div> <div> 1-комнатных квартир (156); 2-комнатных квартир (222); 3-комнатных квартир (198) </div> <div> = 1096 комнат </div> </div> <p>ВСЕГО — 576 квартир = 1096 комнат с заселением 2–3 человека в каждую комнату</p>
	ВСЕГО — 3200 чел.		ИТОГО — 18 квартир индивидуального заселения; 1096 комнат с заселением по 2–3 человека в каждую комнату; 28 комнат в общежитиях с заселением по 2–3 чел. в каждую комнату

Итак, структурное соотношение типов жилья для вольной части населения соцгородов и соцпоселков выглядит следующим образом:

для 2–5% населения (партийно-административное руководство) — жилище повышенной комфортности;

для 15–20% населения (одинокие и холостые) — предельно упрощенное жилище — общежития, казармы, бараки, дома-коммуны и проч.;

для 70–80% (семейные) — коммунальное жилище покомнатно-посемейного заселения.

Данное структурное соотношение типов жилья сохраняется в программах на проектирование соцгородов и рабочих поселков на протяжении всего довоенного периода.

Варьируются лишь конкретные виды домостроений. Так, общежития могут существовать в виде специально построенных деревянных или каменных домов коридорного типа, а могут в виде казарм, бараков, землянок, или даже приспособленных под жилье старых железнодорожных вагонов, больших палаток и проч. Элитное жилище может возводиться в виде отдельных коттеджей или попарно

блокированных домов. Жилье для технических специалистов и руководителей среднего звена — в виде деревянных 2-этажных жилых зданий или каменных 3–4-этажных секционных жилых домов, как правило, превращаемых в коммуналки в результате покомнатно-посемейного заселения, а также в виде специально спроектированных домов-коммун.

И в рекомендуемых проектах рабочих поселков, и в реальной застройке соцгородов отдельные коттеджи или попарно блокированные дома для партийно-советского руководства, и многоквартирные дома для иностранных специалистов, как правило, группируются в отдельные компактные зоны. Но в официальных программах-заданиях на проектирование соцгородов подобные обособленные поселения для начальства или крупных иностранных технических специалистов не значатся. Там присутствует лишь многоквартирный жилой фонд, который проектируется и возводится повсеместно — не только в соцгородах-новостройках, но также и в рабочих поселках, возводимых при промышленных предприятиях. Так, на заседании Научно-технического совета ГУКХ НКВД от 20 марта 1931 г. при рассмотрении проектируемых типов жилой застройки рабочего поселка «Оптикогорск» при заводе точной механики № 19, выполненного Гипрогором, предписывается осуществлять единственный тип — многоэтажное многоквартирное строительство⁵³⁸.

В официальных программах-заданиях не значатся также и другие типы жилья, реально возводимого в соцгородах: бараки, палатки, землянки, шатры, балаганы, юрты, списанные железнодорожные вагоны и т. п. Они составляют, как бы «негласную» сторону проектирования и строительства. Официальную структуру жилого фонда соцгородов слагают лишь два типа домов: а) многоквартирные дома (кирпичные, шлакобетонные, щитовые, рубленные, брусовые) — секционные, парные и отдельно стоящие; б) общежития (и/или дома-коммуны).

Например, исходная официальная типология жилого фонда в соцгородах Магнитогорске и Кузнецке, зафиксированная во второй части программы «О типе жилых домов», принятой СТО и Госпланом СССР 1 сентября 1930 г., включает именно эти две группы домостроений: а) общежития для расселения одиноких (12% жилого фонда для заселения 20% взрослого населения) и дома-коммуны (13% жилого фонда для расселения примерно 13% населения), б) индивидуальные квартиры в многоквартирных домах — 75% жилого фонда для заселения 67% населения (их предлагается проектировать прежде всего многокомнатными). Проектируемые многокомнатные квартиры предлагаются принять общей площадью 70–80 кв. м, исходя из перспективной нормы в 9 кв. м/чел., т. е. из соображений «дальнейшего улучшения жилищного положения»⁵³⁹.

Заметим, что подобное вполне здоровое требование учета возможного перспективного улучшения жилищных условий на практике приводит к превращению индивидуального жилища в коммунальное. Так как очередники заселяются в квартиру, спроектированную на основе норматива в 9 кв. м на человека, из расчета 4–6 кв. м. на чел, то есть, фактически в 2-комнатные (30 кв.м.) по 5–6 чел. в каждую квартиру, в 3-комнатные (40–45 кв. м) по 7–9 чел., в 4-комнатные (50–55 кв. м) — по 9–11 чел., в 5-комнатные (60–70 кв. м) — по 12–14 чел., в многокомнатные (более 70 кв. м) заселяется более 14–15 чел. в каждую квартиру⁵⁴⁰.

Итак, типология жилых домов в соцгородах Магнитогорске и Кузнецке формируется следующим образом:

общежития — 12 %

дома-коммуны — 13 %

секционные дома с индивидуальными квартирами (предусматривающими также покомнатно-посемейное заселение) — 75 %⁵⁴¹

Однако руководством комбината, отвечающем за расселение людей, предполагаемая программой-заданием первоначальная типология жилища, незамедлительно «сдвигается» в сторону коммунального быта: индивидуальных квартир предписывается строить всего лишь 15%. Из них: 10% — 2-комнатные (30 кв. м на 5 жителей) и 3-комнатные (40–45 кв. м на 7 жителей) квартиры, 5% — 4-комнатные (50–55 кв. м на 9 человек). Оставшийся процент многокомнатных квартир предлагается отнести к группе общежитий. Эту инициативу необходимо было согласовать с Москвой, о чем свидетельствует архивный документ: «поручить тов. Шмидту согласовать этот пункт в Госплане»⁵⁴². Таким образом, количество домов с индивидуальными квартирами уже на стадии проектирования уменьшается в пять раз — с 75% до 15%.

В итоге реальное соотношение типов проектируемого жилища серьезно трансформируется — основную «массу» теперь составляют общежития:

общежития — 72 %

дома-коммуны — 13 %

дома с индивидуальными квартирами — 15 %

Причем, из намеченных к проектированию 15% индивидуальных квартир большую часть, 12,5%, изначально предполагается превратить в коммуналки: «...12,5% квартир будут построены как коллективные квартиры»⁵⁴³. В реальной практике возведения и эксплуатации жилого фонда дома с индивидуальными квартирами в качестве «жилья для всех», остаются лишь на бумаге или в форме идеологических воззваний. А те дома с индивидуальными квартирами, которые все-таки строятся, являются «суперэлитным» жилищем. О них речь ниже.

Итак, типология проектируемого в соцгородах Магнитогорске и Кузнецке жилища, фактически, представляет собой следующее:

коммунальное жилье — 97,5% (общежития, а также коммунальные квартиры покомнатно-посемейного заселения — 84,5%, дома-коммуны — 13%)

дома с индивидуальными квартирами — 2,5%

В коммунальное жилье превращались и квартиры, изначально спроектированные как индивидуальные. Это осуществлялось за счет заселения по семье в каждую из комнат больших полноценных квартир. Так, например, в первом квартале соцгорода Магнитогорска центральная зона (вдоль ул. Пионерской) занята четырехэтажными, секционными кирпичными домами с 3–5-комнатными квартирами, площадью от 75,8 до 93,7 кв. м (1930, тип Госпроекта)⁵⁴⁴. Эти квартиры изначально проектировались с возможностью их покомнатно-посемейного заселения, т. к. помещения группируются вокруг общей прихожей. Точно так эти квартиры и эксплуатировались. По тому же принципу заселялись двух-четырехкомнатные квартиры (от 46,5 до 85 кв. м) в 4-этажных кирпичных секционных домах (1931–1932, тип Мосстроя) в квартале соцгорода ЧТЗ⁵⁴⁵.

Кстати, Э. Май, наблюдая практику коммунального заселения в Магнитогорске и других соцгородах, целенаправленно пытался своими проектными решениями воспрепятствовать подобному покомнатно-посемейному обитанию. Он проектирует жилые помещения в 2–3-комнатных квартирах, таких габаритов, чтобы в них можно было вселить не больше двух человек. Стремясь «избежать нежелательного проживания двух семей в одной квартире»⁵⁴⁶, он закладывает планировки спален точно такие же, как в своем проекте «минимальных квартир» для поселка Цели в Германии — узкие и длинные: шириной в 1,57 м и глубиной — 4,53 (т. е. площадью 7,1 кв. м)⁵⁴⁷. Такие габариты «комнаты-вагончика» не позволяют расставить больше двух кроватей.

Подобное решение, как ему представлялось, должно вынудить власти выделять семье из 5–7 человек одну квартиру целиком. Правда, Э. Май совершенно не предполагал, что в социалистическом государстве местные власти или представители ведомств на местах могут, при вселении людей, абсолютно не считаться с законодательно утвержденными общегосударственными санитарными нормами, и ничего не знал о таком широко известном в СССР «устройстве», как двухярусные нары. А поскольку в реальности, при невероятном дефиците жилья, санитарных норм никто не придерживался и на одного человека выделялось не больше 1,5–2 кв. м, то и его проекты индивидуальных квартир, как и все прочие, с неизбежностью превращались

в коммунальное жилище. Зато подобное проектное «вольнодумство» Э. Мая немедленно ставится ему в вину экспертной комиссией, рассматривающей его проекты — недопустимо маленькая площадь комнат в сравнении с нормативами⁵⁴⁸.

В реальности массовым жилищем для рабочих и служащих являлись общежития, которые возводились либо в виде «капитального» жилища: 2-этажных секционных каменных, деревянных (рубленых из бревен, собранных из бруса и проч.) или суррогатных (камышитовых; с обмазкой глиной по деревянной обрешетке на каркасе; с засыпкой в качестве утеплителя строительным мусором и т. п.) домов, либо в виде, так называемого «временного» жилища: бараков, землянок, утепленных палаток и проч.

Капитальных домов (каменных, деревянных) возводится, как правило, единицы. Так, в Магнитогорске, удастся построить капитальные домостроения не для 95 %, а только лишь для 15–20 % населения. Остальные жители вынуждены обитать во временном жилище. Так, по свидетельству американца Джона Скотта, работавшего в Магнитогорске в 1933 — начале 1938 г., в 1938 г. структура жилища была следующей (по словам Дж. Скотта эти цифры предоставил ему знакомый советский чиновник):

коттеджный поселок «Березки» и Центральная гостиница — 2 %

Кировский район (левобережный «соцгород» — авторы) и другие многоквартирные жилые дома — 15 %

дома, находящиеся в личном пользовании (скорее всего — самострой, т. н. «нахаловки» — авторы) — 8 %

бараки и другие «временные жилые помещения» — 50 %

землянки — 25 %⁵⁴⁹.

Эти частные свидетельства частично подтверждаются официальными данными, представленными в докладной записке Магнитогорского горкома ВКП(б) Центральному комитету ВКП(б) и Челябинскому обкому ВКП(б) «О состоянии жилищно-коммунально-бытового фонда в г. Магнитогорске» (1938)⁵⁵⁰. Согласно приведенным в ней данным, жилой фонд Магнитогорска (общей площадью — 577,6 тыс. м²) через 8 лет после начала строительства (на 1 января 1938 г.) имел следующую структуру и объемы площадей: а) капитальные дома — 189,2 тыс. м²; б) бараки — 271,1 тыс. м²; в) индивидуальные дома — 16,3 тыс. м²; г) землянки — 101,0 тыс. м².

То есть:

индивидуальные дома — 2,8 %⁵⁵¹

капитальные дома — 32,8 %⁵⁵²

«временное жилище» — 64,4 % (бараки — 46,9 %⁵⁵³, землянки — 17,5 %⁵⁵⁴)

Основной причиной незначительных объемов строительства капитальных зданий была политика власти, отдававшей в условиях мобилизационной экономики однозначный приоритет промышленному строительству. Именно эта политика предопределяла минимальный характер инвестиций в жилищное и культурно-бытовое строительство. Показательны цифры Магнитостроя, где гражданские затраты составляли от 1,8% в 1930 г. до максимума — 15% в 1935 г. от общих размеров капиталовложений в строительство Магнитогорского металлургического комбината. При этом скачок к 14–15% в 1934–1936 гг. был достаточно резок. В основном вложения колебались в пределах 5–7%. Так, в 1931 г. инвестиции составили 4,5%, в 1932 г. — 5,3, в 1933 г. — 8,9%, а после 1936 гг. произошло обвальное падение вложений вплоть до 1,1 в 1940 г.⁵⁵⁵

При этом из ассигнованных на гражданское строительство минимальных средств, основная доля, особенно на начальных этапах застройки, направлялась, с точки зрения сиюминутной выгоды, на временное, упрощенное и потому дешевое строительство. На Магнитострое, например, на временное строительство было направлено в 1929 г. 58,4%; в 1930 г. — 42,3%; в 1931 г. — 30,1%, при этом эти затраты в абсолютных показателях по отношению к 1930 г. в 1931 г. увеличились на 57,7%⁵⁵⁶. Результаты такой политики сказывались еще очень долго. Так, в Магнитогорске даже к 1959 г. временные сборно-щитовые и каркасно-засыпные постройки, в т.ч. бараки, по обеим сторонам пруда, составляли 262 тыс. кв. м или 14,7% всего жилого фонда⁵⁵⁷.

Реалии «временного» строительства, представшие «во всей красе» к 1933–1934 гг. заставляли проектировщиков предусматривать в генпланах для «барачных городов» особые участки⁵⁵⁸, не ориентируясь более на абстрактный идеал «социалистического города». В генплане Орска 1934 г. (Горстройпроект, М. Стам, Х. Шмидт и др.), например, было отмечено: *«Необходимо считаться с тем, что указанные временные поселки Орсколокомотивстроя, за исключением летних барачков амортизируются в 15–20 лет, и в первое время будут являться частью соцгорода, проект предусматривает включение их в планировку города...»*⁵⁵⁹. Очередной проект генплана левобережного Магнитогорска (Стандартгорпроект, 1932, Э. Май и др.) предусматривал сохранение между Северным и Южным городами, прямо «под стенами» комбината, огромного, на много километров, массива «временной» застройки⁵⁶⁰. Прекрасно понимая существующее положение с обеспечением жильем, проектировщики того же генплана Нового Орска (1934) прагматично предполагали, что «в качестве жилых помещений казарменного типа можно будет использовать выстроенные на 60% жилые корпуса (без перегородок, лестничных клеток, санитарных узлов)

в кварталах строительства первой очереди. Таким образом, при норме в 3,5 м может быть создан жилой фонд для 15 500 человек»⁵⁶¹.

На проектирование и строительство капитального жилья в соцгородах-новостройках серьезное влияние оказывал даже не столько недостаток материалов для строительства, сколько требование свыше об «исключительно экономном расходовании дефицитных строительных материалов». Так, в соцгороде Челябинского тракторного завода (ЧТЗ) проектировщики предполагали осуществлять строительство жилых домов и объектов соцкультбыта с использованием железобетонной каркасной системы, и в 1930 г. сборные железобетонные конструкции уже начали применяться, но Постановлением Президиума ВСНХ СССР в ноябре 1930 г. категорически воспретило «*в целях достижения в строительстве всемерной экономии дефицитных стройматериалов*» применять профильное железо в жилых, культурно-бытовых и обслуживающих зданиях, а также проектировать и строить здания с железными и железобетонными каркасами и перекрытиями. В декабре этого же года последовало соответствующее указание ВАТО (Всесоюзное автотракторное объединение ВСНХ СССР) заменять железные и железобетонные конструкции более дешевыми и доступными материалами, в том числе кирпичом⁵⁶².

В отношении соцгорода ЧТЗ эти указания вылились в требование возводить жилье исключительно из местных материалов, и если и строить двухэтажные дома, то облегченной конструкции, с печным отоплением и наружным водопроводом (колонками), а также отметить запланированную в 1931 г. постройку некоторых объектов соцкультбыта (универмага, гостиницы, диспансера, общежития)⁵⁶³. В том же году Совнарком РСФСР рекомендует жилищное строительство облегченного типа осуществлять и в других соцгородах, например, в Магнитогорске. Правда, в отличие от соцгорода ЧТЗ щитовые двухэтажные дома здесь рекомендуется возводить с водопроводом и канализацией⁵⁶⁴, но это не более, чем рекомендации, реальность от них сильно отличалась. Требование осуществлять строительство из местных материалов (например, необожженной глины) приводит к постановке перед проектировщиками Магнитогорска задачи застраивать внешние кварталы города глиняными или глиняно-деревянными домами, как следствие применения этого стройматериала, — высотой всего в два этажа⁵⁶⁵.

Основные объемы жилищного и культурно-бытового строительства в соцгородах осуществляют наркоматы, потому что именно через них государство осуществляет финансирование и выделение материальных ресурсов. Так, например, согласно статистическим данным по Челябинской области за 1930-е гг., основным застройщиком соцгородов является Народный комиссариат тяжелой промышленности

(НКТП)⁵⁶⁶, что соответствует его роли главного исполнителя планов индустриализации. Как следствие, в любом строящемся советском моногороде основная часть жилищного фонда находится в руках градообразующего предприятия — в Магнитогорске в 1930-е гг. ММК владел 63,5% жилплощади, а еще 18% обладали другие заводы (итого, 81,5%)⁵⁶⁷.

Руководство наркоматов, самостоятельно осуществляя строительную политику в соцгородах, само определяет сколько возводить капитальных, а сколько временных сооружений. И строительство отдельных капитальных каменных зданий ведет, скорее, в угоду официальной идеологии с целью создания «наглядных примеров» «образцово-показательного» социалистического строительства.

Капитальное строительство выполняет также поощрительную функцию — здесь живут передовики производства, получившие это право в награду за свой самоотверженный труд: *«...мы работали на домне. Здесь у нас сразу не заладилось. На комсомольском каупере работали комсомольцы. Они вступили с нами в соревнование, а мы об этом даже и не знали, пока они нам не поднесли сюрприз: проиграл, мол, ты ... Началась травля нашей бригады, сделали вызов. Назавтра слет ударников и нас крыли во всю, прямо позором нас заклеили на митинге. Обещали какую-то телегу сделать и нас на этой телеге тянуть на буксире. Я обратился за помощью к «Рабочей газете». Она нам помогла, и мы на 5 и 6 каупере задание перевыполнили на 370 проц. Нас премировали жильем. Из барака переселили в каменный дом, дали по комнате»*⁵⁶⁸.

Капитальное строительство также осуществляется и для обеспечения существования такой важной для строительства промышленного предприятия части населения соцгорода, как технические специалисты среднего звена и руководители не самого высокого ранга. Рубленые деревянные или кирпичные дома для инженерно-технических работников и части иностранных специалистов, с отдельными квартирами для индивидуального и покомнатно-посемейного заселения и высоким, с точки зрения остальной застройки, уровнем комфорта — обязательный элемент капитальных кварталов соцгородов 1920–1930-х гг. Предоставляя этой части населения жилище подобного типа, руководство закрепляет за предприятием наиболее важных для него работников и дает крупным административным и партийным функционерам возможность существовать в относительно комфортных условиях⁵⁶⁹.

Подобные домостроения, как правило, формируют отдельную пространственную зону, как, например так называемые «дома ИНОРСа» в Магнитогорске или квартал домов ИНОРСа в соцгороде ЧТЗ. Квартал первых домов ИНОРСа в соцгороде ЧТЗ (нача-

ло 1930-х гг.), выстроенный по типовым столичным проектам, имел восемь четырехэтажных кирпичных домов с трехкомнатными (около 63–77 кв. м) и четырехкомнатными (около 87 кв. м) квартирами, где были предусмотрены просторные прихожие, большие кухни (7–8,5 кв. м), отдельные санузел и ванна⁵⁷⁰. На Уралмаше к ноябрю 1930 г. было возведено несколько 4-х этажных кирпичных домов на улице Ильича. Новоселов особенно радовало редкое по тем временам центральное отопление и уж совсем большая редкость — ванны. В начале 1930-х гг. улица Ильича считалась самой привилегированной — здесь жили руководители завода, районные власти, инженеры, иностранные специалисты.

Капитальное строительство в соцгородах было исключением. Оно несловзначительнобольшейстепенипоощрительно-пропагандистский смысл, нежели преследовало цели наделения основной массы населения комфортным жилищем. Государство, с помощью своих карательных органов, зорко следило за тем, чтобы руководство строек максимально сокращало «непроизводительные» затраты — направляло деньги, материальные и человеческие ресурсы на возведение производственных объектов, а не капитальных комфортных жилищ. И если кто-то из «красных директоров» неверно понимал установки партии, то его решительно «поправляли». Показательно письмо главы НКВД Р. Менжинского И. Сталину от 14 февраля 1931 г., в котором он высказывает свою обеспокоенность чрезмерным жилищным строительством, опережающим строительство стратегического тракторно-танкового завода: «Строительство Челябинского тракторостроя находится сейчас в следующем состоянии: ведется широкое жилищное строительство совершенно неувязанное со сроками вступления завода в эксплуатацию, в то время как для строительства промышленных цехов произведены только подготовительные работы и ни один цех в течение года готов не будет...»⁵⁷¹. Прямым следствием обнаружения сотрудниками НКВД «враждебных происков» по строительству жилья, становятся аресты и чистки: «Кроме произведенных арестов из аппарата Управления строительством вычищено 40 чел. и приняты меры к удалению со строительства остального негодного элемента»⁵⁷². А косвенным следствием — ряд вышеуказанных указаний ВСНХ СССР и ВАТО по сокращению «гражданских» затрат в 1931 г.

Результат подобной «политики экономии» тут же сказывается на качестве строительства — по свидетельству Дж. Скотта даже в капитальном квартале № 1 соцгорода Магнитогорска «Отсутствие различных строительных материалов имело самые абсурдные последствия ... качество работ было очень плохим. Крыши, равно как и водопроводные трубы, текли. Фундаменты проседали, стены давали трещины»⁵⁷³.

Государство не собирается формировать комфортную капитальную среду обитания — все средства и все материальные ресурсы оно вкладывает в военно-промышленный комплекс (т. е. тяжелую промышленность). Причем, для него нет особого различия в «типах» трудовых ресурсов — и «свободных» (вольнонаемных), и «репрессированных» (заключенных) одинаково нужно принуждать к труду. И тем, и другим нужно платить, хотя бы самый минимум денег, и выдавать хотя бы предельный минимум продуктов, чтобы не умерли с голоду. Так, спецпоселенцы, работающие на Магнитострое в 1934 г., получают среднюю зарплату 4,40 руб. в день, в то время как по данным Дж. Скотта, средняя зарплата вольнонаемного строительного рабочего в 1935 г. составляет 5,50 руб.⁵⁷⁴. Условия труда и быта и тех, и других отличаются незначительно: «свободные» рабочие содержатся, фактически, в таких же жилищных условиях, что и «вредители»-спецпоселенцы — в землянках, общих бараках, бараках комнатного типа. И «жилплощади» на одного спецпоселенца (а их насчитывается 24 тыс. чел.) приходится почти столько же, сколько и на «вольняшек» — 1,88 кв. м⁵⁷⁵.

Для государства, собственно, нет разницы между «свободным» и принудительным трудом — «рабсила» должна обеспечивать индустриальный рывок, и в этом ее единственное предназначение. И именно этим определяется катастрофическая ситуация с обеспеченностью жилищем, для исправления которой не прилагается почти никаких усилий. А бедственное положение с жильем прикрывается целенаправленной пропагандистской шумихой и подлинно жертвенным энтузиазмом некоторой части первостроителей, превосходящим, порой, человеческое воображение. Бригадир каменщиков Кузнецкого металлургического комбината им. И. В. Сталина В. Я. Щидек, вспоминает: *«Когда мы кончали первую батарею в подарок XVI партийной конференции, то я в течение 4 дней не уходил с печи, домой не являлся. Подушкой для отдыха мне служила рельса, а чтобы было мягче, подкладывал брезентовые рукавицы. Как раз перед этим у меня заболела жена, и я ее отправил в Томск, а дома остались двое ребят, одному 3 года, другому 7 лет. И вот, на второй день после моего ухода младший сынишка заболел и скорострительно помер. Я под производственным угаром забыл про ребятшек. На пятый день прихожу домой и вижу — младший мой ребенок помер, а старший где-то ходит по площадке и ищет меня. Соседи также ходили и искали, но не нашли. А трупик начал уже пахнуть. Делать нечего, надо хоронить, а после пришлось хорошенько выпить. Пил за победу и пил за горе»*⁵⁷⁶.

Возводимые объемы жилого фонда прекрасно отражали приоритетную направленность строительства. Дефицит жилья был ужасающе огромен. В Магнитогорске на декабрь 1931 г. размер жилплощади

составлял в среднем 2,3 кв. м на одного человека, в 1932 г. — 2,5 кв. м, а к 1938 г. — 3 кв. м⁵⁷⁷. На «Кузнецкстрое» в 1932 году на одного работника приходилось 3,5 кв. м. жилья, в так называемом Сад-городе ситуация была еще хуже — там было только 1,5–2 кв. м на одного человека⁵⁷⁸. В соцгороде ЧТЗ в 1935 г., т. е. через несколько лет после начала строительства, только 40 % работников завода имели жилье в постоянном фонде, а средний размер жилплощади составлял 4,6 кв. м на чел.⁵⁷⁹ В типологии жилищ, которыми застраиваются соцгородановостройки, здания каркасно-барачного типа и землянки вплоть до 1938 г. занимали ведущее место, составляя, как, например, в Магнитогорске, не меньше 67,2 % от общего числа домостроений. Причем, все они в это время имели износ от 70 до 100 %⁵⁸⁰. Это не единичные примеры, это общая система, одинаково проявляющая себя во всех соцгородах-новостройках.

По способу использования внутреннего пространства жилой фонд соцгорода подразделялся на индивидуальный, коммунальный (о котором уже сказано выше) и смешанный.

«Смешанное» обитание применимо к «самострою», который возводился, как отдельными семьями (проживавшими затем в нем без подселения), так и объединениями родственников и друзей (которые потом проживали совместно).

«Индивидуальное» — к элитному расселению особой прослойки населения соцгородов. Советская жилищная политика противостояла праву людей иметь в частной собственности благоустроенное, капитальное жилище с прилегающий к нему участком земли. Она законодательно исключала возможность проживать в своем доме на своей земле⁵⁸¹. В этих условиях совершенно необъяснимо появление в соцгородах-новостройках особой категории домостроений — коттеджей с земельными участками для одной семьи. Предназначаются они для заселения семьями высшего советского начальства и иностранными специалистами. Так, например, в Магнитогорске в коттеджах проживало высшее руководство города и комбината, а также самые высокопоставленные из числа работавших по контракту высококвалифицированных иностранных специалистов (из США, Германии, Англии, Италии и Австрии), которых всего на строительстве Магнитки насчитывалось, в соответствии с архивными данными, 777 чел.⁵⁸² Этот поселок именовался сначала «Американка» (т. к. предназначался для инженерно-технического состава американской фирмы Мак-Ки, первоначально проектировавшей ММК), а потом, после отказа от услуг американского партнера, был, естественно, переименован — в «Березки».

Подобное строительство для высшего руководства элитных обособленных групп отдельно стоящих домов с участками земли есть

в каждом соцгороде, на каждой крупной стройке пятилетки — на Кузнецкстрое (с 1932 г. — Сталинске), например, это «Верхняя колония». Такие же обособленные поселки возводятся в соцгородах Чирчикстрой, Бобрики (с 1933 г. Сталиногорск), Новом Орске, в соцпоселке Каменск (с 1940 г. Каменск-Уральский) и в др.

Например, в 1935 г. в юго-восточной части соцпоселка Каменск при Уральском алюминиевом заводе возводятся несколько коттеджей для руководства завода. Коттеджи деревянные, облицованы досками, карнизы украшены стилизованными деревянными фризами. Коттеджи обладают полным комплектом благоустройства, что на фоне остальной застройки является большой роскошью. Потому что прочие домостроения представляют собой неблагоустроенные дощато-камышитовые бараки и одно- и двухэтажные каркасно-камышитовые дома серий А-8, А-18, А-24 (без кухонь и санузлов), предназначенные для покомнатно-посемейного заселения⁵⁸³.

Подобная обособленная группа «небольших деревянных коттеджей по принципу американских... для командного состава промышленности» возводится в Бобриках⁵⁸⁴, на генплане Орска аналогичная группа блокированных индивидуальных домов обозначена, как «район односемейных домов», такая же есть и в Свердловске и др.

Эти зоны решались как «поселки-сады», и своей живописностью противостояли рационально распланированному пространству рабочих поселений. Так, коттеджный поселок из 16 домов для административно-технического персонала Бакальского сталного завода в Челябинске (1934, Ленгорстройпроект, арх. Д. П. Гаузнер и др.) был запроектирован отдельно от города, в сосновом бору, «по дуге, обращенной к реке, дающей живописное оформление внутри сада». В поселке предусматривались волейбольная и баскетбольная площадки, теннисный корт⁵⁸⁵. Поселок «Березки», разделенный на зоны секционных домов и коттеджей, размещен вокруг обширного общественного парка с тенистыми аллеями и цветниками, на участках коттеджей разбиты отдельные сады.

Условия жизни высших советских руководящих работников, проживавших в «Березках» были элитными в полном смысле этого слова. Дом в котором жил А. П. Завенягин⁵⁸⁶ — директор Магнитогорского металлургического комбината, даже на фоне других строений поселка выглядел настоящим дворцом: это был трехэтажный 14-комнатный коттедж, в котором размещались бильярдная, музыкальный салон, игровая для детей, кабинет. Позади дома находился небольшой олений заповедник, а перед домом — сад⁵⁸⁷.

Советская архитектурная пропаганда все годы своего существования и во всех публикациях, посвященных архитектуре соцгорода Магнитогорска, выдавала это «элитное» жилище за «массовое жилье

для рабочих». Фотографии многоквартирных домов для семей высшего городского и заводского начальства и иностранных специалистов в поселке «Березки» публиковались во множестве советских книг по истории архитектуры в качестве образцовых примеров малоэтажного индивидуального советского жилья для простых рабочих. И даже фундаментальные научные исследования вещали: *«В поселке “Березки” его обитателям — металлургам Магнитки — предоставлены все бытовые удобства: здесь построены детский сад, детские ясли, школа, столовая, “Березки” удобно связаны трамвайным и автобусным сообщением с заводом. Поселок выглядит очень живописно. Несмотря на невысокое качество выполнения некоторых деталей (тяжелая каменная ограда и др.), архитектура и благоустройство поселка в целом вполне отвечают нашему представлению о пригороде нового, молодого промышленного центра и делают его безусловно положительным примером в практике советского малоэтажного строительства»*⁵⁸⁸.

Расписывая прелести элитного жилья, предназначенного, якобы, для трудящихся, а на самом деле, для «красных директоров» — генералов советской военно-промышленной индустриализации, архитектурная наука умалчивала о том, что советская жилая архитектура сталинского периода возникала в специфических условиях отсутствия важнейшей составляющей любого архитектурного произведения — того, что обычно называется «социальным заказом» и означает прямую и постоянную ориентацию производителей жизненных благ на интересы потребителей. В СССР распределение основных жизненных ресурсов осуществлялось централизованно из государственных фондов и по утверждаемым нормам. В том числе и распределение жилища. Советское население снабжалось им точно так же, как и продуктами питания, вещами, медицинским обслуживанием, пособиями по старости или заслугам, т. е. обеспечивалось по фиксированным квотам и в соответствии с местом, занимаемым конкретным человеком в служебной, должностной, партийной иерархии.

Этот процесс исключал свободу выбора и вида жилья, и места его расположения, и его «количества», и его «качества». То есть он, фактически, исключал свободу «потребления жилища». Жилье в советский период не было «собственностью» в подлинном смысле этого слова. Жители богатых ведомственных домов или коттеджей, точно так же, как и обитатели бараков или землянок, не имели права выбора жилища по собственному вкусу (или сообразно своему образу жизни) и не могли влиять на характер появляющейся архитектуры, определяя ее внутреннюю планировку или ее внешний вид. У высокопоставленных слоев населения в сталинском государстве было, безусловно, больше привилегий, чем у низших, но никак не больше гражданских прав. Их заселение в роскошные многокомнатные квар-

тиры или отдельностоящие дома с гостиными, комнатами для прислуги, кухнями-столовыми, террасами так же, как и для всех остальных, всецело зависело от места в должностной иерархии, или от воли начальства. Как, впрочем, и выселение из этих квартир — утративших связь с местом работы (по причине увольнения или ареста) с неизбежностью изгоняли из жилища.

Основным типом жилья в соцгородах — первенцах первых пятилеток, являются бараки. Этот тип массового жилища для рабочих, стыдливо замолчан советской архитектурной наукой, не описан, не изучен, исключен из официальной системы архитектурных и градостроительных знаний и из типологии массового жилища 1920–1930-х гг.

Хотя, вся история первых десятилетий советского градостроительства связана именно с этим типом домостроений. Так, в течение 1929 г. для размещения 6700 строителей Магнитогорска⁵⁸⁹ было возведено 52 барака (37 зимнего типа и 15-летнего)⁵⁹⁰. Барак представлял собой одноэтажное коридорного типа здание. Вход в барак осуществлялся с торца через пристроенные тамбуры. В некоторых бараках устраивались дополнительные входы в центральной части, при этом одна из комнат ликвидировалась.

Так, житель Л. Николаев вспоминает, что барачные поселки Магнитогорска делились на довольно крупные участки, имевшие номера с 1 по 14. Первый участок был «элитным». Он располагался юго-западнее городского парка Металлургов, стадиона и проспекта Пушкина и простирался до клуба Железнодорожного транспорта. Элитным он считался потому, что в нем размещались городские магазины, нарсуд, кинотеатр «Магнит», открывшийся в августе 1932 г. К югу от 1-го участка находился 13, а за ним 11 участки. Самым крупным участком был пятый, который расположился севернее будущего проспекта Пушкина⁵⁹¹.

«Бараки, как правило, устанавливались параллельно на расстоянии 30–50 метров друг от друга. В пространстве между бараками часто устанавливались вспомогательные деревянные строения, которые назывались “будками”. В них жители хранили дрова и уголь, позднее разводили птицу и даже коров... Барак имел чердачное пространство. Учитывая, что на строительство металлургического завода в основном приезжали мужчины, в бараках для них устраивались большие комнаты по 15–20 человек в каждой». Бараки заселялись отдельно, по половому признаку — либо неженатыми мужчинами, либо незамужними женщинами.

Бараки были одним из наилучших видов жилья в соцгородах. Те, кто не попадал в число счастливых — включенных в число очередников на получение места в бараке-общежитии, вынуждены были решать свои жилищные проблемы самостоятельно»⁵⁹².

Так, в 1929 г. большая часть из 6700 рабочих Магнитогорска, мест в бараках не имела, и они вынуждены были жить либо в палатках, либо в самостоятельно возведенных жилищах. Через год — осенью 1930 г. — в Магнитогорске насчитывалось уже 19 тысяч рабочих⁵⁹³, но ситуация с обеспеченностью жилищем никак не улучшилась, а лишь обострилась. Не слишком изменилась она и в последующие годы — люди, лишенные какого бы то ни было жилья, были вынуждены самостоятельно мастерить балаганы, шатры⁵⁹⁴, полуземлянки, землянки. Балаганы и шатры мастерились из подручного материала как временные (летние) прибежища, практически на всех стройках. «Полуземлянки» возводились, как правило, в местах бедных лесом. Полуземлянка имела две части: нижнюю часть (которая снаружи присыпалась грунтом и, тем самым, оказываясь под землей, лучше сохраняла тепло) и верхнюю. И верхняя и нижняя делались из щитов, которые плелись из прибрежного ивняка какой-нибудь близлежащей реки. Эти щиты устанавливались на деревянных каркасах, а пространство между ними забивалось глиной (ее добывали и зимой из-под полутора-, двух-, двух с половиной метрового слоя промерзшего грунта). Если леса было мало, то его очень экономили и шел он лишь на изготовление каркаса и пологих крыш. Поверху на крыши укладывался толь, затем шлак, на него слой мелко утрамбованной земли и дерн⁵⁹⁵.

Магнитогорец Н. Яловой вспоминает, «что в 1935 году его отец построил землянку № 57 в поселке 8-го Марта, который среди жителей назывался Малый Шанхай. Эта землянка, как и все другие, представляла собой домик с засыпными стенами: с двух сторон доски, а между ними земля. Сверху был уложен дощатый настил, по доскам — толь, а сверху слой глины, на который ветром наносилась земляная пыль и росла летом трава. Поселок Малый Шанхай был расположен между 5-м участком и Ежовкой в небольшой низине, по которой протекал желтый от глины ручей, где купались дети. ... С запада от доменного поселка вдоль трамвайной линии и шоссейной дороги расположились бараки исправительно-трудовой колонии и землянки рабочих деревообрабатывающего комбината, которые, возможно, и организовывали участок № 1. ... За ним в северном направлении находились землянки Тукового поселка»⁵⁹⁶.

Труженики Магнитки и других соцгородов, которые создавали семью и демонстрировали положительные результаты в труде и активность в советско-партийной общественной деятельности, имели шанс получить отдельное изолированное помещение в семейных бараках аналогичной конструкции, что и для холостых рабочих. Эти комнаты были площадью по 12–15 кв. м. В каждом бараке было 30–36 таких комнат. «При наличии в семье детей родители устанавлива-

ли над входной дверью антресоль (палати) для игр и сна, площадью до 5 кв. м. В комнатах справа или слева от входной двери размещалась каменная или кирпичная печь для обогрева помещения и для приготовления пищи, которую выкладывали сами жители. Печь топилась со стороны коридора. Часто жители в комнатах под полом устраивали погреба для хранения продуктов. Напротив входа в наружной стене устраивалось небольшое остекленное окно, рамы которого, как и сегодня, на зиму заклеивались полосками газет, чтобы снизить чрезмерное продувание комнаты холодным воздухом через щели в рамах окна и в дверях. Вдоль одной стены комнаты размещалась железная кровать, которая часто вместо сетки имела дощатый настил. Двери не имели запоров, поэтому комнаты оставались не запертыми и неработающие женщины (больные, беременные) всегда присматривали за детьми.

В каждом бараке, в одной из комнат площадью до 30 кв. м, размещался красный уголок, где стояло несколько столов и стулья, на стенах висели портреты Сталина и пролетарских вождей, а также награды коллектива барака в соревнованиях за лучшую жизнь. Здесь же часто находилась барачная библиотечка, и дети имели свободный доступ к книгам. Многие дети выполняли свои домашние задания в этом помещении. Здесь же играли малыши. Вечерами в помещении красного уголка неграмотные жители учились. В одной из комнат барака, чаще всего около основной входной двери, проживала семья барачного милиционера, барачным коллективом выбирался и «старший» барака⁵⁹⁷.

Баракы, как общежития для холостых и семейных, строились без кухонь. Питались рабочие «в специально оборудованных столовых, которые устраивались в таких же бараках. При входе в барак проверялись карточки, и каждому выдавалась деревянная ложка. Рабочие питались за длинными деревянными столами. За спинами обедающих стояли их товарищи, которые ожидали своей очереди»⁵⁹⁸. В бараках не было туалетов: «туалеты с выгребными ямами размещались в дощатых побеленных строениях вне барачных, рядом с ящиками для мусора и отходов»⁵⁹⁹.

Палатки обычно упоминаются лишь как кратковременное жилище. Но в действительности палаточный лагерь, например, у горы Магнитной существовал не только в 1929 г., и не только в летние месяцы. Существовал он и в последующие годы. Так, и в 1930-е гг. брезентовые палатки устанавливали на Магнитострое в летний период для обеспечения жильем вновь прибывающих рабочих. Однако даже палаток часто не хватало. Собкор «Комсомольской правды» С. Д. Нариньяни жил три месяца в стоге сена⁶⁰⁰. Архивные данные свидетельствуют о том, что выписать брезент для изготовления палаток

было очень не просто — военные ведомства, по линии снабжения которых он шел, не желали с ним расставаться. Начальник Магнитостроя Я. П. Шмидт неоднократно направлял запросы в Совет труда и обороны СССР с требованием обеспечить строительство необходимым для палаток брезентом *«ввиду того, что рабочим приходится ночевать под открытым небом из-за отсутствия помещений. Необходимо обеспечить 11 тыс. чел.»*⁶⁰¹. Но Военно-морской наркомат постоянно отвечал, что не имеет возможности отпустить необходимое количество палаток⁶⁰². Существовали палатки и круглогодично. Такие палатки именовались «чингизками». Свое название «чингизки» получили от имени их «изобретателя» — заместителя начальника Магнитостроя Чингиза Ильдрыма. Изобретение заключалось в том, что стены брезентовой палатки покрывали досками, а между ними засыпали землю, настилали пол, устанавливали печь. Довольно часто такие строения покрывали кошмой⁶⁰³. Они, худо-бедно, но держали тепло. Именно «чингизками» были заменены к ноябрю 1929 г. брезентовые палатки в Магнитогорске. В Магнитогорске они просуществовали вплоть до 1933 г.

Примерно также сооружались засыпные бараки. Разница состояла в том, что между деревянной дощатой стеной и засыпкой слоем земли, толщиной, примерно, в 40–50 см прокладывался толь, предотвращающий деревянные стены от гниения.

Однако полную ясность в вопрос о количестве палаток и «чингизок», как «временно-постоянного» типа жилища, а также о круглогодичном характере их эксплуатации, сегодня внести довольно сложно, так как свидетельства очевидцев сбивчивы, а архивные данные и сведения периодической печати значительно разнятся. Например, в сентябре 1930 г. магнитогорские газеты сообщали, что около 2000 рабочих будут по-прежнему жить в палатках⁶⁰⁴. Есть свидетельства о том, что и в следующем, 1931 г., приблизительно 1350 рабочих коксохимического завода продолжали обитать в палатках⁶⁰⁵. Исследователи И. В. Антипова и М. И. Школьник указывают на то, что летом 1931 г. более 10 000 чел. проживали в палатках⁶⁰⁶. Воспоминания, собранные редакцией серии «Истории фабрик и заводов», свидетельствуют о том, что рабочие ряда цехов металлургического завода Магнитогорска проживали в палатках в течение всего 1931 г. Начальник конторы Теплостроя Андрияшкин вспоминал: *«...бытовые условия были очень скверные. Лучшие кадры печников мы старались сохранить, они жили в бараке, остальные находились в палатках. У нас был только один барак, а на домне работало 1600 человек, можете себе представить наши бытовые условия...»*⁶⁰⁷.

Следует упомянуть и о юртах. В Магнитогорске в них обитали киргизы, которые были привезены как неквалифицированная рабо-

чая сила для выполнения земляных, погрузочных и прочих работ. Нидерландский архитектор Й. Нигеман, работавший в Магнитогорске в 1931–1936 гг., потрясенно писал о том, как эти «новые жители» соцгорода разбивали свои войлочные шатры непосредственно между многоэтажными каменными домами — юрты которые были им доступнее и гораздо привычнее для жизни. Й. Нигеман поражался собственной наивности и неправильности своих представлений о тех, для кого он проектировал жилье⁶⁰⁸.

В условиях непрекращающегося увеличения барачных поселков вокруг всех промышленных новостроек, лицемерным выглядит приказ Г. Орджоникидзе, изданный им после посещения Магнитогорска в 1933 г.: «Прекратить строительство временных домов и бараков и впредь вести строительство домов исключительно капитальных и доброкачественных»⁶⁰⁹. Трудно допустить, что Г. Орджоникидзе, глава НКТП, не представляет себе реальной ситуации с жильем и схемы распределения средств на его строительство при промышленных предприятиях.

Более прагматичным и дальновзорким выглядят предложения, выдвигавшиеся проектировщиками: «применять такого рода решения, которые, допуская возможность использования жилых объектов в их примитивном конструктивном оформлении для целей временного “барачного” жилья строительных рабочих, обеспечивали бы вместе с тем возможность последующей их достройки путем целесообразных форм трансформации планов и конструкций до степени постоянных, полностью благоустроенных жилых зданий»⁶¹⁰.

Такова, например, концепция «растущего города» инженера Б. П. Горбушина⁶¹¹. В его представлении «растущий дом» (первая стадия — барак-примитив, вторая — благоустроенный барак, третья — жилье постоянного типа) будет формировать и соответствующую, трансформирующуюся с каждым новым этапом, городскую структуру. Такие предложения отнюдь не были единичными. Так, немецкий архитектор Вальтер Швагеншайдт, работавший в Советском Союзе в составе бригады Э. Мая, по собственной инициативе разрабатывал вечерами проект «развивающегося барака», который на первой стадии представлял собой, фактически, одну большую коллективную спальню с нарами на 222 чел., а затем, по мере появления строительных возможностей, достраивался до «культурного барака» с уборной, умывальниками и спальнями с кроватями на 100 чел. Основываясь на этом проекте, В. Швагеншайдт даже предлагал возводить социалистические города, целиком составленные из подобных одноэтажных бараков: «Одноэтажная застройка из местных материалов — это правильный путь. А поэтому я предлагаю строить барачный город, а по мере поступления денег, материала и рабочей силы перестраивать, и я

покажу, как его можно будет перестроить в город-рай». Заручившись поддержкой в Москве, Швагеншайдт год, вплоть до отъезда из России в октябре 1933 г. разрабатывал проект своего «растущего города» из одноэтажных бараков⁶¹².

Перспектива развития от бараков... к баракам оказывалась для социалистического города вполне реальной. И кто знает, может быть, и наиболее предпочтительной с точки зрения прагматических государственных интересов.

Советская власть, создавая дома-коммуны и коммунальное жилище покомнатного-посемейного заселения, надеялась, помимо других задач, возлагавшихся на эти типы жилья, сформировать производственные коллективы, включенность в которые препятствовала бы текучести рабочих кадров. Предполагалось, что коллективы членов нового общества будут не только спаяны трудовой дисциплиной, но еще и связаны узами совместного проживания. Здесь трудовые и бытовые процессы должны были составлять единый неразделимый комплекс человеческих отношений (подобный отношениям в традиционной крестьянской артели), где все на виду, где личностное поведение и действие корректируется и регулируется коллективом, где плохо работать нельзя и спрятаться от работы некуда, потому, что все те, кто вместе работают, живут тоже вместе.

В них, за счет единства коллективно-трудовых и коллективно-бытовых отношений, должна формироваться такая психологическая обстановка, в которой прогульщики и нарушители трудовой дисциплины, лодыри и разгильдяи чувствовали бы себя морально осужденными и изолированными в своей товарищеской среде. И, наоборот, передовики производства получали бы дополнительные стимулы к трудовым подвигам благодаря всеобщему уважению, почитанию и восхищению. Эти коллективы должны были являться «базовыми элементами» производительных сил нового общества.

А коммунальное жилище, во всех своих проявлениях — бараки, общежития, рабочие казармы, гостиницы для совслужащих, землянки, палатки, коммунальные квартиры и т. п. — было основным типом размещения контингентов строителей, заводских рабочих и трудящихся обслуживающих предприятий. Такова политика власти и даже архитекторы — авторы проектов построек «сталинского классицизма» фактически никак не могли влиять на «содержание» жилой архитектуры. Они имели право только варьировать элементы декора и внешней композиции фасадов зданий в рамках предписываемых на тот момент стилевых ограничений. Выбор не только типологии жилья и его стилистики, но и фундаментального содержания архитектуры — планировочной структуры квартир и домов, состава помещений, количества квадратных метров жилья, предназначавшихся

человеку, градостроительные принципы формирования селитбы, состав объектов обслуживания, уровень благоустройства и технического оборудования — лежали вне их компетенции. Все эти вопросы решались центральными инстанциями и внедрялись через нормативные предписания, а распространялись благодаря образцам, популяризируемым через архитектурную печать.

Исходя из приведенных в данном разделе процентных соотношений различных типов жилья, можно сделать обобщающий вывод о том, что в соцгородах структура жилого фонда имела следующий вид:

- индивидуальное жилище (коттеджи — 2%)
- коммунальное жилище — 90% (баракы, землянки и проч. — 75%; квартиры покомнатно-посемейного заселения — 15%)
- самострой — 8%

Каждый из этих типов жилья являлся средством регулирования поведения людей: а) индивидуальным жилищем и возможностью обитать в привелегированных условиях, власть приманивала руководителей всех рангов к самоотверженному служению себе; б) основную массу рабочих и служащих посредством коммунального жилища погружало в особый способ персонального «существования на виду у всех», в) прочим, предоставляло возможность самоопределяться в выборе «верного направления жизненного пути».

Жилище в руках советской власти на протяжении всего периода ее существования было средством социальной стратификации, принуждения к труду и поощрения. Предоставление жилища, перераспределение жилища, изъятие жилища, силовое вселение в жилище и принудительное выселение из жилища — все это средства властного воздействия на человеческие массы, причем, очень эффективного воздействия, так как жилище является одной из основополагающих потребностей человека, особенно в суровых климатических условиях России.

Советская власть постоянно направляла свои усилия на то, чтобы связать воедино человека, место его работы и жилище, исключить, тем самым, неконтролируемые перемещения и текучесть, обеспечить единство коллективистских отношений в труде и в быту. Опыт первой пятилетки показал, что добровольные и «добровольно-вынужденные» миграции (в отличие от «добровольно-принудительных», «принудительных» и «репрессивных»), не гарантируют удержания людей на тех местах, куда они были перемещены. Задача быстрого формирования трудовых контингентов строителей и эксплуатационщиков новостроек первой пятилетки, требовала специальных мероприятий по удержанию их на местах размещения. Потому что используя те ма-

лые крохи свободы, которые у людей еще оставались, они стремились всеми силами выскользнуть из-под тотального контроля над собой со стороны власти и, по возможности, уехать оттуда, где отсутствовали элементарные условия для нормальной жизни.

В ходе реализации программы индустриализации в начале 1930-х гг. руководство страной на государственном уровне создало систему средств, призванную бороться одновременно и с межгородскими перемещениями, и с текучестью кадров внутри города (т. е. с одного места работы на другое). Позднее (с 1939 г.) население еще прочнее прикрепляется к месту работы, причем в форме, обеспечивающей не только учет количества рабочих и служащих, но и характер их отношения к трудовой деятельности. В специальном документе — «трудовой книжке» начинает фиксироваться «служебный путь» каждого трудоспособного гражданина — причины увольнения, переводы по службе, должностной рост, поощрения и награждения, связанные с работой на том или ином предприятии и проч.⁶¹³ Трудовая книжка к началу 1930-х гг. превращается для городского жителя в основной документ, обеспечивающий его социализацию — без нее нельзя работать, нельзя учиться, нельзя перейти с одного места работы на другое, нельзя прописаться.

Связав воедино трудовые книжки, удостоверение личности (паспорт), приписку к месту проживания, власть сформировала мощный механизм выдавливания избытка населения существующих городов на стройки пятилетки и удержания трудовых ресурсов в городах-новостройках.

«Прыжок в социализм» — обобществление быта

Окончание дискуссии о соцрасселении датируется 29 мая 1930 г. — днем опубликования постановления Центрального комитета ВКП(б) «О работе по перестройке быта»⁶¹⁴. На самом деле это постановление является постановлением не ЦК, а гораздо более высокого органа принятия решений в сталинском партийном руководстве — Оргбюро. Решения Политбюро и Оргбюро всегда носили конспиративный, секретный характер и никогда не публиковались в прямом виде. Самые важные из них оформлялись либо в виде решений и постановлений Центрального комитета партии, либо в виде постановления Совета народных комиссаров, либо иных государственных органов. Точно также и постановление Оргбюро «О работе по перестройке быта», которое, фактически, было принято 16 мая 1930 г., а опубликовано в «Правде» под тем же названием лишь 29 мая, официально было представлено в виде постановления ЦК ВКП(б).

Вот его полный текст:

«О работе по перестройке быта. Постановление ЦК ВКП(б) от 16 мая 1930 г.

Успешный ход социалистического строительства, индустриализации страны в особенности, уже на данном этапе создает необходимые предпосылки для планомерной работы по перестройке быта на социалистических началах. Энтузиазм рабочих масс в деле скорейшего выполнения пятилетки начинает захватывать и область быта. На ряде предприятия создаются бытовые бригады, вступающие в соцсоревнование с кооперацией, принимающие шефство и контроль над поставкой общественного питания, детских яслей, садов и пр.

Партийные организации должны всемерно помочь этому движению и идейно его возглавить. Советы, профсоюзы и кооперация на местах должны взять на себя практическое разрешение задач, связанных с этим делом. К отдельным начинаниям рабочих, принимающих за перестройку быта, необходимо отнестись с величайшим вниманием, тщательно изучая ростки нового и всячески помогая их проведению в жизнь.

ЦК отмечает, что наряду с ростом движения за социалистический быт имеют место крайне необоснованные, полуфантастические, а поэтому чрезвычайно вредные попытки отдельных товарищей

(Сабсович, отчасти Ларин и др.) «одним прыжком» перескочить через те преграды на пути к социалистическому переустройству быта, которые коренятся, с одной стороны, в экономической и культурной отсталости страны, а с другой — в необходимости в данный момент максимального сосредоточения всех ресурсов на быстрейшей индустриализации страны, которая только и создает действительные материальные предпосылки для коренной перестройки быта. К таким попыткам некоторых работников, скрывающих под «левой фразой» свою оппортунистическую сущность, относятся появившиеся в последнее время в печати проекты перепланировки существующих городов и перестройки новых исключительно за счет государства, с немедленным и полным обобществлением всех сторон быта трудящихся: питания, жилья, воспитания детей с отделением их от родителей, с устранением бытовых связей членов семьи и административным запретом индивидуального приготовления пищи и др. Проведение этих вредных утопических начинаний, не учитывающих материальных ресурсов страны и степени подготовленности населения, привело бы к громадной растрате средств и жестокой дискредитации самой идеи социалистического переустройства быта.

Поэтому ЦК постановляет:

1. Предложить СНК Союза в 15-дневный срок дать указания о правилах постройки рабочих поселков и отдельных жилых домов для трудящихся. Эти указания должны предусматривать развертывание общественного обслуживания быта трудящихся (прачечные, бани, фабрики-кухни, детские учреждения, столовые и пр.) как в новостроящихся, так и в существующих городах и поселках.

2. При строительстве рабочих поселков при новых крупных предприятиях (Сталинградстрой, Днепрострой, Магнитогорстрой, Челябинстрой и др.) обеспечить достаточную зеленую полосу между производственной и жилой зонами, пути и средства сообщения и предусмотреть оборудование этих поселков водопроводом, электрическим освещением, банями, прачечными, общественными столовыми, детскими учреждениями, клубами, школами и медпомощью. В новом строительстве должны быть максимально обеспечены доступные гигиенические условия и удобства, а также необходимо принять все меры к максимальному удешевлению строительства.

3. Обратить внимание всех парторганизаций на необходимость, в соответствии с этими задачами, значительно усилить работы по максимальной мобилизации средств самого населения для жилищного строительства через жилищно-строительную кооперацию.

4. Ввиду существующего разноречия в финансировании хозорганами и профорганизациями различных культурно-бытовых учреждений поручить Наркомтруду СССР и ВЦСПС, совместно с кооперацией,

принять срочные меры к упорядочению и усилению финансирования перестройки быта.

5. Поручить комиссии по перестройке быта при НК РКИ СССР наблюдение за выполнением настоящего постановления.

6. Предложить СНК СССР дать директиву ВСНХ СССР расширить, начиная с этого хозяйственного года, производство оборудования для обслуживания быта трудящихся (фабрики-кухни, механизированные прачечные, общественные столовые и пр.) и рассмотреть вопрос об увеличении финансирования мероприятий по перестройке быта».

Судя по тому, что постановление Оргбюро было опубликовано почти через две недели после его принятия, вокруг него шла некая борьба, о которой неизвестно ничего. Возможно, суть этой борьбы заключалась не столько в принятии данного постановления, сколько в использовании его как повода для осуществления «перетряски» состава Оргбюро. Предположительно, дискуссия о соцрасселении вызвала нешуточный скандал в правящей верхушке, если уж этот вопрос оказался вынесенным на «самый-самый верх».

Произошедшая по ходу протекания дискуссии неправильная, с точки зрения власти, в идеологическом отношении ориентация больших масс населения и советской интеллигенции, формирование у них ложных ожиданий, ошибочный выбор направления приложения усилий проектировщиков и руководителей госорганов и т. п. — большая политическая ошибка. И те, кто вольно или невольно совершили эту ошибку: инициировали кампанию по популяризации идеи полного обобществления быта, поддерживали дискуссию о социалистическом расселении, а уж тем более те, кто активно участвовал в ней, заслуживали не просто порицания, а серьезного наказания и отстранения от дел.

Вероятно, именно изменение расстановки сил в Оргбюро, которое произошло в те же самые дни, что и принятие постановления, явилось основным результатом обсуждения высшим партийным руководством вопроса «о перестройке быта», а постановление ЦК ВКП(б) — лишь озвученным фрагментом этой организационной реформы.

На момент принятия постановления от 16 мая в состав Оргбюро входили: А. В. Артюхина, А. С. Бубнов, Я. Б. Гамарник, А. И. Догадов, Л. М. Каганович, Н. А. Кубяк, В. М. Молотов, И. М. Москвин, М. Л. Рухимович, А. П. Смирнов, И. В. Сталин, Д. Е. Сулимов. Кандидаты в члены Оргбюро В. А. Котов, С. С. Лобов, В. М. Михайлов, К. В. Уханов, Н. П. Чаплин, В. В. Шмидт, Н. М. Шверник. А уже через две недели после опубликования постановления, т. е. 13 июля 1930 г., Оргбюро имеет новый состав: А. Акулов, К. Я. Бауман, А. С. Бубнов, Я. Б. Гамарник, Л. М. Каганович, С. С. Лобов, В. М. Молотов,

И. М. Москвин, П. П. Постышев, И. В. Сталин, Н. М. Шверник, кандидаты в члены Оргбюро А. И. Догатов, А. В. Косарев, А. П. Смирнов, А. М. Цихон. В новом составе Оргбюро значительно пониженным оказался статус А. П. Смирнова — покровителя Н. Милютина (которому тот посвятил свою книгу «Соцгород»). Он из членов Оргбюро был переведен в кандидаты. Возможно, это произошло в результате осуждения «неправильной» позиции, которую занимал А. П. Смирнов в отношении дискуссии о соцрасселении.

Легко предположить, что важную роль в обсуждении этого вопроса, а также в подготовке резолюции Оргбюро, а затем и текста постановления ЦК ВКП(б), сыграл Лазарь Каганович, ставший в апреле 1930 г. первым секретарем Московского комитета партии. В дальнейшем именно он явится основной политической фигурой в реализации сталинской программы соцрасселения и новых архитектурно-градостроительных представлений о соцгороде, практически воплощаемых в Москве.

В постановлении прямо упоминаются только два имени: Л. Саб-сович и «отчасти Ларин».

Юрий Ларин⁶¹⁵ — активный участник дискуссий, горячий сторонник коллективизации быта. В партии в середине 1920-х гг. он был довольно крупной фигурой, хотя и потерявшей к концу 1920-х свое значение. Кроме того, Ю. Ларин являлся зятем Н. Бухарина. Возможно, гнев советской политической верхушки вызвала статья Ю. Ларина «Коллективизация быта в существующих городах», опубликованная в журнале «Революция и культура» (№ 7, апрель 1930) в самый разгар дискуссии о соцрасселении. Статья, представляла собой стенограмму доклада Ю. Ларина в Комакадемии 22 февраля 1930 г. Ю. Ларин проповедовал такие методы внедрения «коллективного быта», которые способны были вызвать недовольство в среднем звене партийных руководителей и «неправильно» сориентировать рядовых коммунистов и комсомольцев в отношении проводимой властью политики формирования условий жизни и деятельности сталинской номенклатуры: *«Фактическая обязательность (обобщественного быта. — Авт.) может быть применена лишь для двух групп. Во-первых, в городах СССР имеется свыше 2 миллионов членов партии и комсомольцев. Вместе с иждивенцами это составит население более 4 миллионов человек, т. е. больше 10% всего населения городов (30 млн чел.). Для этой группы фактическая обязательность коллективизации быта в силу давления партийного общественного мнения может быть проведена без колебаний. Это сразу создаст солидное ядро, вокруг которого может идти дальше коллективизация быта в городах, опираясь на опыт и пример передового ядра. Распространение на всех коммунистов и комсомольцев сделает этот опыт и пример достаточно массовым,*

чтобы он не прошел незамеченным. <...> Вторая группа городского населения, для которой определенные элементы коллективизации быта могут быть, если не в 1930 г., то позже, проведены фактически в обязательном порядке — это население вновь заселяемых домов, которые только предстоит строить. Такие дома с самого начала можно с будущего 1931 г. проектировать с общими кухнями, прачечными, яслями, детсадами (дома на 1930 г. уже почти все запроектированы и вряд ли удастся успеть внести много поправок). Кому это не нужно, кто не хочет, — может оставаться в старых домах. А жилплощадь в новых домах надо передавать в первую очередь тем, кто согласен на коллективизацию приготовления пищи, стирки, ухода за маленькими детьми»⁶¹⁶.

За Лариным имелась склонность к болезненно-фантастическим проектам⁶¹⁷, но идея обязать всех членов партии принудительным образом отказаться от индивидуальных квартир была не просто курьезным пропагандистским призывом, она оказалась (скорее всего, совершенно случайно), направленной против сталинской политики распределения жизненных благ как средства поощрения служению партии и государству. На фоне этой политики, идеи, подобные ларинским, в верхах партии ничего кроме возмущения вызвать и не могли. Предложение Ю. Ларина проектировать, начиная с 1931 г. только обобществленное жилье полностью противоречило намерениям высшей власти. Так как именно в это время в ее рядах вызревали те самые положения государственной жилищной политики, которые как раз в 1931 г. будут озвучены на июньском пленуме ЦК ВКП(б) в докладе Л. Кагановича — власть сделала упор на проектирование богатых домов для начальства на центральных магистралях городов. Пленум состоится только через год, но тенденция сейчас, в начале 1930-х гг., уже совершенно очевидна. Тем более тем, кто готовит ее публичное провозглашение и реализацию. Призывы Ю. Ларина прямо противоречат сталинской политике жизнеобеспечения номенклатуры, мешают проведению ее в жизнь и вредят правильному ее восприятию населением.

Постановление «О перестройке быта» раздраженное и не очень внятное. Оно как бы и не отрицает обобществление быта как таковое, как бы и не осуждает урбанизм и дезурбанизм, но, почему-то, однозначно запрещает все это обсуждать.

Самая важная фраза постановления — о «необходимости в данный момент максимального сосредоточения всех ресурсов на быстрой индустриализации страны, которая только и создает действительные материальные предпосылки для коренной переделки быта». Она означает, что деньги, материальные и человеческие ресурсы будут направляться, в первую очередь на промышленное, а не жилищное

строительство. Как покажет время, средств на жилищное строительство, коммунальное обслуживание и инженерное благоустройство в соцгородах-новостройках будет хронически не хватать, но не потому, что их нет, а потому, что приоритетным станет не обеспечения нормальной жизни населения, а ввод в строй и бесперебойная работа гигантского общегосударственного производственного механизма.

Кстати, это однозначно зафиксировано в тексте постановления, которое приказывает прекратить разговоры о необходимости скорейшей «перепланировки существующих городов»⁶¹⁸, о возведении новых городов с «немедленным и полным обобществлением всех сторон быта трудящихся», потому, что у государства нет на это ни организационных сил, ни материальных ресурсов, ни требуемой степени подготовленности населения: *«ЦК отмечает... экономическую и культурную отсталость страны, как на причину, по которой нельзя "одним прыжком" перескочить, через преграды на пути к социалистическому переустройству быта»... «Проведение этих вредных утопических начинаний, не учитывающих материальных ресурсов страны и степени подготовленности населения, привело бы к громадной растрате средств и жестокой дискредитации самой идеи социалистического переустройства быта»*⁶¹⁹.

Власть все силы и все ресурсы сосредотачивает в этот момент на быстрой индустриализации страны. А вот потом, когда благодаря индустриализации материальное благосостояние повысится, то можно будет говорить о «коренной перedelке быта». Но перedelка какого быта имеется в виду в постановлении?

Речь в постановлении не идет о замене семейных квартир на «жилкомбинаты» или общежития с полным обслуживанием. Квартира на одну семью в момент выхода постановления и так отсутствует в СССР в качестве массового рабочего жилья. Люди живут «коммунально» — по одной семье в каждой комнате многокомнатной квартиры секционного дома; в закутке коллективного барака — за занавеской; в землянке или в лучшем случае — в переуплотненных подселении дореволюционных квартирах. Для одиноких предназначены рабочие казармы или общежития, располагающиеся в лучшем случае в кельях бывших монастырей, а, в основном, в тех же барака, землянках, бригадных палатках, даже шалашах и балаганах. Кухни общие или их вообще нет. Ванные комнаты в дореволюционных домах (если в ванной не обитает отдельная семья, и она продолжает использоваться по назначению) — тоже общие. Ванные и туалеты в строящемся жилище соцгородов отсутствуют вовсе, так как для них нет инженерных сетей. Питание осуществляется, в основном, в столовых на работе или дома в жилой комнате, где еда готовится на примусе, так как отдельных помещений с функцией «кухни» в домах-новостройках тоже нет.

Главное отличие того нового «обобществленного быта», который призывают осуществить Н. Милютин, Л. Сабсович, бр. Веснины и другие участники дискуссии о соцрасселении, от уже существующего «обобществленного быта» — увеличение нормы жилой площади на одного человека до 10–12 кв. м, заселение в отдельные комнаты не более 1–2 человека и развитое обслуживание. То есть замена коммунальных барачков чем-то вроде гостиниц-общежитий с пристроенными школами-интернатами, яслями, детскими садами круглосуточного содержания, столовыми.

Все это, разумеется, требует гораздо больших средств на жилищно-коммунальное строительство, чем предполагает потратить и реально выделяет правительство. Отсюда и гнев на тех, кто предлагает реализовывать такие проекты «за государственный счет». И, разумеется, на тех, кто широко распространяет подобные «утопические картины будущего». На тех, кто теоретически оправдывает появление архитектурных проектов с комнатами на 1–2 человек, столовыми, детскими учреждениями и проч. На тех, кто публикует эти проекты и рассуждения-призывы в печати, кто распространяет эту идею и таким образом порождает определенные ожидания у населения.

Можно предположить, что вся дискуссия о соцрасселении, вся публичная кампания по формированию нового быта соцгородов, по проектированию жилкомбинатов и домов-коммун в конце 1920-х — первой половине 1930-х гг. прошла мимо внимания высокого начальства. Была совершенно «невидима» наверху. На лишь до того момента, как приобрела слишком уж громкое звучание и слишком большой масштаб. Скорее всего, особым поводом для раздражения стало то, что архитекторы вместо того, чтобы исполнять распоряжения свыше — быстро и в массовом порядке чертить генеральные планы новых поселений, начинают фантазировать по поводу образа жизни, устройства быта: сами определяют, какие дома нужно возводить и какие объекты следует строить в городах-новостройках. Указывают власти, что ей следует делать, спорят по поводу «урбанистического» и «дезурбанистического» пути развития советских городов.

Публичным средством отказа от урбанистических и дезурбанистических концепций и власть, и выступающие ее рупором ученые, избирают политические меры — потому, что победить урбанистов и дезурбанистов в пространстве концептуальных дискуссий невозможно. Свои предложения они продумали теоретически безупречно, логически четко, предельно последовательно, обоснованно и глубоко. Поэтому их запрещение осуществляется за счет уже неоднократно апробированного политического приема — навешиванием на участников дискуссии «политически-негативных» ярлыков (со смыслами, закрепленным предшествовавшими политическими акциями

и поэтому всем зловецам понятными в тот период): «правый оппортунизм» и «левое прожектерство». Статьи, которые тут же во множестве появляются на страницах общеполитической и специальной литературы и продолжают затем выходить еще несколько лет подряд, клеймят заблуждения урбанистов и дезурбанистов, выискивают в их идеях признаки «политической чуждости» и даже враждебности. Они разъясняют, что «правый оппортунизм» это дезурбанисты — М. Охитович, Н. Мещеряков, Н. Милютин. «Левое прожектерство», это урбанисты — Л. Сабсович, Ю. Ларин, которые «пытались перескочить, игнорируя реальные условия, к тем формам коммунизма, которые они придумали умозрительным путем»⁶²⁰.

В качестве примера правого оппортунизма приводится строительство нового города Дзержинска: «... если обратиться к типам новых домов, которые строятся в Дзержинске, особенно домов, строящихся промышленными предприятиями, то следует признать, что ничего похожего в этих домах на дома социалистического типа нет. Строятся каменные 3-этажные дома на 75 квартир каждый, с голландским отоплением, местная жилищно-строительная кооперация строит дома даже с русскими печами. А рядом с этими домами строятся фабрики-кухни на 4000 обедов каждая. Никаких даже самых элементарных культурных учреждений при этих домах не строится»⁶²¹.

В качестве примеров «левого загиба» приводится проект агрогорода Хоперского окрисполкома, куда предполагалось переселить население из ста с лишним поселков, разбросанных по территории в 200 тыс. га. Агродорог по мысли авторов должен был быть целиком социалистическим, с полным обобществлением быта в больших 4-этажных домах-коммунах»⁶²².

Ни тот, ни другой пример, никакого отношения к теоретическим предложениям ни урбанистов, ни дезурбанистов не имеют. Но для обличительных интонаций это неважно. И точность формулировок в этих обвинениях не играет никакой роли. Урбанисты осуждаются за то, что, выдвигая свои предложения, они не считают с «необходимостью направления материальных ресурсов, в первую очередь на поднятие индустрии и индустриальной коллективизации сельского хозяйства»⁶²³. Дезурбанисты — за то, что не разделяют генеральных установок советской власти на концентрацию пролетариата.

Предметом осуждения также являются высказанные в ходе дискуссии предложения по «реконструкции существующих и постройке новых городов исключительно за счет государства с немедленным полным обобществлением всех сторон быта трудящихся: питания, жилья, полностью государственным воспитанием детей, отделенных от родителей, с устранением бытовых связей членов семьи и административным запретом индивидуального приготовления пищи»⁶²⁴.

Неважно, что из широкого диапазона теоретических предложений участников дискуссии произвольно выдергиваются лишь те, в отношении которых у критиков есть контраргументы. Неважно и то, что порицаемые Н. Милютин и Н. Мещеряков дезурбанистами не являлись, прямо заявляли об этом и сознательно основывали свои концептуальные предложения на иных теоретических постулатах. Политически-демагогическое осуждение всего содержания дискуссии о соцрасселении и публичные обвинения основных ее участников направлены на то, чтобы показать, что предложения и урбанистов, и дезурбанистов, и даже тех, кто позиционирует свои теоретические предложения самостоятельно и обособленно, одинаково неприемлемы для власти.

Неприемлемы, потому что власть не способна управлять рассредоточенным пролетарскими массами, не желает вкладывать средства в создание обобществленного быта, устремлена на формирование специфической системы населенных мест, привязанной к структуре военного производства и нацеленной на его обслуживание, устремлена на формирование такой административно-территориальной структуры, которая способна обеспечить повседневную политическую организацию общества и его трудовую, а также военную мобилизацию.

Власть для достижения этих целей не нуждается в специально построенных домах-коммунах, требующих еще и специально организованной системы обслуживания. Она не желает направлять материальные средства и финансовые ресурсы на разрешение существующей жилищной проблемы, так как использует дефицит жилища для принудительного расселения людей в осваиваемых окраинных регионах. Она не стремится комфортно обустраивать среду человеческого существования, вместо этого сосредотачивая все свои усилия на разработке полезных ископаемых и добыче природных ресурсов. Ей требуется массовое поточно-конвейерное производство типизированной проектной документации для обеспечения такого же массового поточно-конвейерного строительства соцпоселений.

В постановлении «О работе по перестройке быта» нет ни слова о том, каким должно быть жилье для рабочих в соцгородах. Подчеркивается лишь, что рабочие поселения должны быть обеспечены водопроводом, и электричеством. Общественное обслуживание сводится к банями, прачечными и столовыми. А к градостроительным требованиям относится только необходимость устройства зеленой зоны между жильем и производством.

На фоне реального положения дел, когда водопроводом, отоплением, канализацией и электричеством обеспечивались прежде всего объекты государственного строительства, когда электро- и водоснабжения жилищ были роскошью для подавляющей массы людей, оби-

тающих в строящихся соцпоселках, подобные требования, возможно, казались серьезным прогрессом. Так, например, в 1932–1933 г. в Магнитогорске при численности населения 175 тыс. жителей длина водопроводной сети составляла 72 км, и к ней было всего подключено лишь 25 домов⁶²⁵.

Кстати, распоряжение ЦК ВКП(б) «О перестройке быта» эту ситуацию не изменило. Так, например, несмотря на то, что в Новосибирске строительство водопровода началось еще в 1926 г.⁶²⁶, через шесть лет (к 1932 г.) водопроводом было обеспечено всего лишь 2,6 % домов. Центральным отоплением оборудовано — 4,7 % домов; канализацией — 0,6 % домов⁶²⁷. Причем, если водопроводная сеть и прокладывалась в городах-новостройках, то, как правило, устраивалась она не в виде подключения к домам, а в форме установки уличных коллективных водоразборных кранов и колонок, обеспечивающих значительные территории селитьбы водой за счет саморазноса. Так, в 1936 г. водоразборными колонками пользовалось подавляющее большинство населения соцгородов-новостроек: 70 % населения Новокузнецка, 50 % — Кемерово, 45 % — Ленинска-Кузнецкого, 40 % — Прокопьевска и т. д.⁶²⁸

Централизованная канализационная сеть имелась лишь в крупных существующих городах. В соцгородах-новостройках канализация либо вовсе отсутствовала, либо существовала в виде так называемой «групповой» канализации, т. е. охватывающей несколько домов⁶²⁹. Точно также, в большинстве случаев, и отопление было не общегородским, а таким же «групповым», как и канализование, т. е. обслуживающим группу домов за счет небольшой котельной.

Бани, при отсутствии в жилье центрального отопления, горячей и, очень часто, холодной воды, были абсолютно необходимы. Особенно в условиях строительства ведомственно-государственного жилища, которое «отрывало» людей от индивидуального жилища и «помещало» их в жилище коммунального типа, тем самым, лишая их бань личного пользования, традиционно входивших в состав городского частного усадебного жилья. В Новосибирске в 1928 г. на 150 тыс. населения было только три общественные бани⁶³⁰. По мере осуществления коммунального жилищного строительства в соцгородах-новостройках, потребность в общественных банях резко возрастала. Власть, опасаясь эпидемий, вела их строительство ускоренными темпами. Но за первую пятилетку, например, в Западной Сибири, число бань увеличилось всего лишь в два раза — с 61 в 1928 г. до 147 в 1932 г.⁶³¹ В 1932 г. в целом по Сибири посещение общественных бань в расчете на одного человека в год возрастает до 22 в сравнении с 1928 г., когда на одного жителя Сибири приходилось 8,1 посещения (вместо 36 предписываемых санитарной нормой)⁶³².

Прачечные в соцгородах-новостройках были редкой роскошью. А столовые на производстве — едва ли не единственным способом обеспечения рабочих питанием. Вот как описывает ситуацию 1932–1933 гг. в Новосибирске Р. Волтерс: *«В нашем управлении было три столовых. Одна предназначалась для рабочих и низших служащих. Еда этих людей была очень плохой и стоила 1,50 рубля при месячном заработке от 80 до 150 рублей. Для среднего уровня, более высоких служащих и для инженеров с заработком от 200 до 500 рублей имелась еще одна столовая, в которой первое блюдо стоило один рубль, второе — два рубля и простой десерт тоже один рубль. В третью столовую нашего управления имели доступ высшие служащие, начиная с руководителей отделов, с заработком от 600 до 900 рублей и партийцы. Обед здесь был относительно хорошим и обильным, состоял из супа, мясного или рыбного блюда и десерта, но стоил только 2,50 рубля. В этой последней столовой, где столы были накрыты скатертями и прислуживали чисто одетые девушки, получил право есть и я. Большинство инженеров и техников нашего управления вообще не знали о существовании этого закрытого заведения. Зайти в эту столовую, как и в две других можно было только по предъявлении соответствующего удостоверения. Контроль был очень строгим»⁶³³. «Только один единственный доступный всем ресторан имелся в большом городе Новосибирске; государственный, так называемый “коммерческий”, в котором обед стоил от 10 до 20 рублей. Здесь ели, как правило, только товарищи, которые какими-то темными путями зарабатывали много денег и находящиеся в командировках чиновники»⁶³⁴.*

Именно к городским баням, столовым при предприятиях, фабрикам-кухням, производящим полуфабрикаты, которые можно разогревать или доводить до готовности у себя в жилье на примусе, к водоразборным колонкам и электричеству сводит «обобществленный быт» постановление «О работе по перестройке быта». Несмотря на то, что первоначально идея обобществленного быта активно поддерживалась властью. Она не вызывала возражений со стороны партийного руководства страной до тех пор, пока успешно выполняла роль идеологического прикрытия осуществляемых изменений типологии жилища — от индивидуального квартирного (в различных его формах) к коллективному (в виде общежитий, домов-коммун, бараков, казарм), резко сокращающему количество кухонь, ванн и туалетов (и соответствующего оборудования), исключаящему гостиные и столовые, детские комнаты и кладовые, кабинеты и домашние библиотеки и т. д. Она доказывала преимущество навязываемой свыше типологии жилища (в виде общежитий, бараков, коммунальных квартир) необходимостью объединения всех трудящихся в «единое однородное социальное целое»: *«социально-экономическая перестройка*

общества после революционного периода внесла коренные изменения в требования к жилищу со стороны различных слоев населения. Основное изменение заключается, конечно, в значительной нивелировке этих требований»⁶³⁵.

При этом правящая верхушка умалчивала о своей политике социальной стратификации и дифференциации общества. Но обосновывала, почему в ходе муниципального, ведомственного, кооперативного и вообще всего государственного жилищного строительства должны возводиться не дома усадебного типа для одной семьи, а многоэтажные многоквартирные дома. Доказывала, что следует проектировать жилище не в соответствии с индивидуальными особенностями конкретных людей, а в соответствии с усредненными общегосударственными стандартами типовых проектов. Доказывала, правда, совершенно демагогически, при помощи довольно странных аргументов, парадоксальным образом связывавших отказ от индивидуализации жилища с ростом материального и культурного уровня народа: *«Превращение пролетариата в господствующий класс, повышение материального и культурного уровня рабочего и членов его семьи не могло не вызвать революции в требовательности к жилью. Таким образом, огромный диапазон той гаммы требовательности к жилью, который существовал в дореволюционный период, значительно сократился»⁶³⁶.*

Она камуфлировала очевидное ухудшение качества жилища, вызванного перенаправлением государственных средств из гражданского строительства в военно-промышленное, призывами «отвергать все те типы» (индивидуальные квартиры), которые по своей планировке и объему *«мешают их жильцам устанавливать постепенно новые формы быта, подвергаться тому культурно-воспитательному воздействию окружающей среды и мероприятий Правительства, которые подготавливали бы их к будущим формам жизни»⁶³⁷.*

Идея обобщественного быта «аргументировано» обосновывала, почему туалеты нужно строить не внутри 3–4-этажных многоквартирных жилых домов, а рядом с ними — во дворах (каждое на 6–8 «очков»), в расчете на обслуживание нескольких соседних домов-строений; почему в общежитиях, бараках и рабочих казармах вообще не нужно строить ванных комнат, заменяя их районными банями; почему в проектируемом жилье должны отсутствовать отдельные спальные комнаты для детей; почему в жилище, где обитает семья, не должно быть помещений для приготовления и принятия пищи и зачем следует питаться вне дома — в столовых; она «объясняла» ради чего люди должны жить без отопления, водоснабжения и канализации. Она растолковывала, почему в жилище должны отсутствовать помещения для самостоятельного частного труда «лиц свободных профессий» (кабинеты), мотивируя, тем, что ремесленный индиви-

дуальный труд полностью должен быть заменен работой на государственных предприятиях, возводящих и содержащих «дома нового быта»: *«Интеллигенция, в значительном большинстве своем... перешла на службу к государству... аналогично тому, как это было с ремесленником, когда его поглотила фабрика»*⁶³⁸.

Идея обобществления быта обеспечивала уменьшение расчетной площади жилища за счет уменьшения состава бытовых процессов, традиционно реализовавшихся в жилье — стирки, приготовления пищи, хранения сезонных вещей и продуктов и проч.: *«Есть ли необходимость устройства при каждой квартире или квартале прачешной, если в населенном пункте имеются хорошо организованные прачешные, дешево и скоро работающие»*⁶³⁹.

Принудительность соответствующих изменений образа жизни и повседневного бытового поведения основной части населения прикрывалась идеологическими призывами, за завесой которых в проектах и постройках ликвидировались «лишние» квадратные метры и даже целые помещения, необходимые для воспитания детей, семейных и товарищеских игр, домашнего самообразования и обучения, общения с гостями, содержания домашних животных, любительских занятий в свободное время и т. п. Или вынесение всех этих «лишних» функций в общественные сооружения: *«Меняется потребность в размерах жилой площади и ее конструкции также в зависимости от того, сохранилась ли у вас еще потребность в устройстве вечеринок, приема гостей и т. п. в своей квартире, или хорошо организованные и обставленные клубы вполне заменили ее, удовлетворяя полностью вашу потребность в свободном и интимном общении с людьми»*⁶⁴⁰.

Точно также и по отношению к процессам, связанным с общественным характером воспитания и образования молодого поколения: *«... Потребность в размерах вашей жилой площади уменьшается, если дети ваши значительную часть дневного времени проводят в яслях, детских садах и школах, по сравнению с тем, когда занятия детских групп приходится устраивать в частных квартирах»*⁶⁴¹.

Правда, тут же выяснилось, что «выведение» детей в дневное время из жилища в ясли, детские сады и школы не решает проблемы уменьшения площади жилища, так как остается потребность в площадях, необходимых для вечернего пребывания детей в доме и для их ночного сна. Собственно, понимание этого затруднения и инициировало появление предложений по созданию различного рода «интернатов» — мест круглосуточного пребывания детей, позволявших полностью исключать детей из расчетов потребности в жилплощади: *«Еще значительнее меняется ваша требовательность к размеру и структуре индивидуального жилья, если дети ваши будут воспитываться и жить в специальных детских домах и школах с интернатами»*⁶⁴².

В 1928 г., по данным Госплана, в городах число мест в яслях равнялось 43,6 тыс.⁶⁴³ В 1930 г. — 71,6 тыс. В 1932 г. статьи в периодической печати рапортуяют о том, что за первую пятилетку «...*Вложения в ясельное строительство из всех источников (ФУБР⁶⁴⁴, промышленность, фонд медпомощи) составили 47 млн руб., причем в первую очередь должно было быть обеспечено улучшение обслуживания работниц ведущих отраслей промышленности*»⁶⁴⁵. В итоге количество ясельных мест в городах СССР возросло с 71,6 тыс. в 1930 г. до 171,5 тыс. в 1931 г.⁶⁴⁶ В 1932 г. по отчетным данным Госплана количество мест в яслях составило 286,4 тыс. (т. е. в сравнении с 1928 г. увеличилось в 6,5 раз)⁶⁴⁷. И по дошкольным учреждениям в 1931 г. произошло перевыполнение плана: «число детей, охваченных дошкольными учреждениями в 1931 г., составляло 1894,3 тыс. против 1694,2 тыс., намеченных по плану»⁶⁴⁸.

Казалось бы, прогресс налицо, замечательное развитие сферы детского воспитания. Но это лишь общие статистические показатели, «размазанные» по территории страны, не привязанные к реальной потребности и не раскрывающие реальной степени обеспеченности потребности населения в детских дошкольных учреждениях. А конкретные данные с мест являют картину острого дефицита дошкольных учреждений. Так, например, в 1930 г. в Новосибирске только 1,1 % детей ясельного возраста было обеспечено местами в детских яслях. В этот период в целом по промышленности СССР на 1000 работниц приходится 37 мест в детских учреждениях при минимальной норме в 280 мест⁶⁴⁹. В 1932 г. «... *По общему машиностроению число женщин, вовлеченных в производство по Московской области, увеличилось на 20 371 чел., по Ленинградской — на 26 202 чел., а число мест в детских учреждениях увеличилось по Московской области на 1100 ясельных мест и на 600 мест в детсадах, а по Ленинградской области на 550 в яслях и 500 в детсадах*»⁶⁵⁰.

При этом не только количество, но и качество детских учреждений не удовлетворяют потребностей населения. Располагаются открываемые детские сады и ясли в зданиях, не слишком приспособленных для этого типа сооружений. А если возводятся новые здания, то вовсе не те, которые специально для этого спроектированы и фотографии которых изредка появляются на страницах журналов. Так, например, согласно указаний Наркомздрава в 1930 г. проектируются детские ясли на 108 детей, в программе 1931 г. запланировано проектирование детских яслей вместимостью 90 чел. и детских садов на 70 чел.⁶⁵¹ Но люди живут в бараках, и под детские сады, несмотря на наличие специальных проектов, отводятся бараки. Так, например, в 1932 г. в статье, посвященной актуальной на период первых пятилеток теме вовлечения в трудовую деятельность неработающих женщин, пишет-

ся: «В Магнитогорске, по приблизительному подсчету, из 5,5 тыс. домашних хозяйств, живущих в бараках... только 1500 можно было вовлечь в производство, без строительства ясель и садов (но и эти все-таки не... вовлечены вследствие отсутствия детских учреждений)»⁶⁵². Остальные 3500 могут быть вовлечены в трудовую деятельность, только в том случае, если они будут иметь возможность отдать своих детей в сады и ясли.

Для этого нужно не так уж и много — построить еще несколько бараков, разместив в них детские сады и ясли. Причем строительство бараков для детских учреждений, пишут авторы статьи, обойдется дешевле, нежели строительство тех же бараков для размещения новых рабочих (и членов их семей), восполняющих недостаток трудовых рук на производстве: «Использование ... 5,5 тыс. ... домашних хозяйств, имеющих детей, оказывается возможным только при условии постройки 5–6 бараков, на которые достаточно затратить 250–300 тыс. рублей. Вербовка же 5,5 тыс. рабочих, исходя из средней стоимости перевозки каждого рабочего в 150 руб. потребует сумму в 825 тыс. рублей»⁶⁵³.

Идея обобщественного быта обещает полную замену индивидуальных кухонь общественными столовыми: «... Совсем не нужна кухня в составе индивидуального жилья, если в населенном месте, а, может быть, и в доме, в котором вы живете, функционирует хорошо поставленная общественная столовая»⁶⁵⁴, а сами общественные столовые уменьшали в размерах до предельного минимума, ликвидируя кухонно-заготовочные и вспомогательные помещения и уменьшая состав оборудования, потому, что населенное место может быть «... оборудовано фабриками-кухнями, которые снабжают эти столовые приготовленной пищей в более или менее законченном виде»⁶⁵⁵.

Оборудовано ли оно на самом деле, никого не интересовало. А в тех случаях, когда из-за реального отсутствия столовых, фабрик-кухонь и иных мест коллективного питания оказывалось абсолютно невозможным исключить наличие в квартирах кухонь, идея обобщественного быта обосновывала возможность предельного уменьшения их размеров и ликвидацию изолированности. Предлагала в жилой комнате на столе для занятий располагать примус и использовать стол одновременно для приготовления и принятия пищи. Подобное «нововведение» обосновывалось тем, что, например, в условиях «обобщественного быта» в кухне (и даже надворных постройках) не нужно места для длительного хранения запасов продуктов: «Есть ли необходимость в устройстве достаточно емких погребов для хранения зимних запасов овощей, если продовольственные магазины гарантируют вас снабжать доброкачественными овощами по доступным ценам и в достаточном количестве»⁶⁵⁶. Действительно

можно обойтись без просторной кухни, *«если в продовольственных магазинах вы получаете совершенно приготовленные продукты — полуфабрикаты, в виде нарубленного мяса для котлет, отбитых и нарезанных бифштексов, очищенного картофеля, концентрированного мясного бульона и т. п.»*⁶⁵⁷.

Правда, при этом умалчивается о том, что в продовольственных магазинах продукты не появлялись ни по доступным ценам, ни в достаточном количестве. Они, фактически, вообще не появлялись, а введенная властью кратковременная возможность покупать вещи и еду «по кооперативным ценам» или за валюту служила иным целям, нежели «удовлетворение потребности населения в разнообразных продуктах питания». Реальное же обеспечение населения продуктами питания осуществлялось в рамках тотальной распределительной системы — по карточкам, из закрытых рабочих распределителей или за счет овощей, самостоятельно выращенных рабочими и служащими в свободное время на «сезонных служебных огородах», т.е. клочках земли, ежегодно предоставляемых администрациями предприятий в коллективное пользование своим сотрудникам. И эти овощи нужно было хранить до следующего урожая, что требовало наличия специальных помещений. Но идеологическая агитация за обобществленный быт и практическая ориентация проектировщиков на разработку проектов жилья без кухонь, без гостиных, без детских комнат, с минимальными спальнями для взрослых, этих реалий старательно не замечала: *«... нужен ли ледник для запаса льда на лето, если вы гарантированы регулярным и доступным по цене снабжением льдом. Нужно ли помещение для хранения запасов топлива для каждой квартиры, если дом оборудован центральным отоплением и газовой кухней»*⁶⁵⁸.

Практические шаги по реализации идеи обобществления быта в отношении прачечных и столовых показали, что состав бытовых процессов в жилище так и не изменился, потому что подавляющей части населения, все равно, приходилось в домашних условиях и готовить еду (из-за плохого качества еды в общепите), и стирать (из-за дороговизны и плохого качества стирки в прачечных), и хранить запасы продуктов, сезонных вещей, бытовых предметов и проч. (из-за того, что свободно купить их было невозможно).

Идеология обобществления быта была направлена на предельное уменьшение габаритов «персонального пространства» — той суверенной зоны, которая является индивидуально эксплуатируемой территорией жилища. Она аргументировано доказывала и обосновывала то положение, которое стихийно складывалось в условиях дефицита жилого фонда — вынужденное обитание людей по несколько человек в одной комнате. Превращала подобное «ненормальное» расселение в «нормальное» и даже «желательное», так как идеологически свя-

зывала его с образом «жилища будущего», с грядущими всеобщими позитивными изменениями.

Идея обобщественного быта предполагала возможность теоретического рассуждения о необходимости предусматривать в жилище отдельную комнату для «умственной работы и дневного отдыха», а также для того, чтобы «всем членам семьи собираться вместе для бесед, чтения и проч.»⁶⁵⁹ Правда, в практических рекомендациях тут же следовало указание на необходимость предусмотреть «... возможность ее использования и как спальни для двух членов семьи, преимущественно взрослых, учитывая различное время сна и бодрствования разных возрастов»⁶⁶⁰.

Первоначально, цель широкого распространения в общественном сознании идеи обобществления быта состояла не только в том, чтобы морально подготовить население к фактически уже санкционированному правительством резкому сокращению в первой пятилетке затрат на жилищное строительство. Но прежде всего в том, чтобы осуществить «рационализацию использования трудовых ресурсов», выражающуюся в поголовном вовлечении работоспособного населения в обязательную трудовую деятельность. В том, чтобы, не вкладывая дополнительных средств в возведение домов и объектов обслуживания, дорог и озеленения, не расширяя площади городов увеличить, как минимум, вдвое число рабочих рук, благодаря включения в производство женщин и, частично, даже детей: «... при условии полного обобществления быта, население социалистического города будет, по крайней мере, вдвое меньше, чем в поселках обычного типа при той же производственной базе»⁶⁶¹.

С началом первой пятилетки дефицит рабочих рук таков, что угрожает реализации правительственных планов. А планы — огромны. Согласно официальным данным, формирование военно-производственной индустрии и неразрывно связываемой с нею добывающей и гражданской промышленности, с центрами в виде поселений нового типа, предусматривает возведение в течение двух первых пятилеток более 100 соцгородов и соцпоселков с населением около 13 млн чел. Из них в первой пятилетке — 38 новых поселений с населением почти 5 млн чел.⁶⁶², во второй — 87 соцгородов с населением в 4,5–5 млн чел., а также десятков поселков с населением каждый свыше 10 тыс. чел., всего — 6–7 млн чел.⁶⁶³

Но эти цифры явно занижены. Только один пример — согласно официальным данным, численность рабочей части населения Магнитогорска — 11 400 чел. При этом проектирование города ведется в расчете, первоначально, на 80 000 чел., затем на 120 000 чел., затем — 200 000 чел. (т. е. в десятки раз больше, нежели в представленной цифре). Вероятно, вполне обоснованно можно говорить о реальной

численности населения новостроек-соцгородов и соцпоселков двух первых пятилеток в 40–50 млн чел.

Идея обобществления быта, которая первоначально абсолютно устраивала власть, по мере реализации приходит в противоречие с практикой принуждения населения к труду и к формирования нужному власти образа мышления и поведения. С одной стороны, в обществе наблюдается явная тенденция к добровольному и самостоятельному объединению людей в бытовые коллективы для облегчения выживания — они вносят зарплату в коллективный фонд, формируют совместную собственность, кормятся из общего котла. С другой, власть старается бороться со всякой независимостью и самоуправлением людей, стремясь поставить их в максимальную зависимость от руководства предприятия, на котором они трудятся.

Например, одним из условий создания коммун (коллективного «обобществленного» быта) является передача индивидуальных снабженческих карточек членов коммуны в распоряжение правления коллектива, с целью их объединения для общего отоваривания (и последующего совместного приготовления пищи): *«...Бытовая коммуна означает уничтожение разных размеров зарплаты для работников разной квалификации. Бытовая коммуна означает, что квалифицированный рабочий и неквалифицированный рабочий, — все сдают весь свой заработок в коммуну полностью в общий котел и все они имеют один и тот же уровень жизни»*⁶⁶⁴.

Но подобное положение явно не соответствует создаваемой властью системе карточного снабжения, основывающейся на разделении, стратификации и иерархировании общества, а не на его гомогенизации, поскольку различие в оплате труда и величине натурального обеспечения, размере продуктового наполнения карточек разного уровня, является в рассматриваемый период одним из основных средств организации труда и поднятия его производительности.

Кстати, понимание этого момента порождает предложения о формировании коммун, состоящих из людей со «сходным размером заработка и со сходным числом иждивенцев», например, коммуны холостой рабочей молодежи или «бытовые коммуны из рабочих одного тарифного разряда»⁶⁶⁵. Между прочим эти предложения идут в разрез с генеральной линией власти по «трудо-мобилизационной организации населения» — привязке людей к конкретному месту работы, со стороны которого осуществляется всесторонний контроль, принуждение к выполнению промфинпланов, идеологическое воспитание и политическая пропаганда, профессиональное совершенствование, перемещение в организованном порядке к новым местам труда и т. п.

Идея обобществления быта вступает в противоречие с отработанными властью организационно-управленческими принципами

воздействия на население, которые заключаются в стимулирование к труду за счет искусственного иерархирования внутренней структуры трудовых коллективов, основанного на выделении различных уровней трудовой активности — «ударников», «передовиков производства», «краснознаменцев», «рабочих с почетными грамотами» и проч., подкрепленное реальным включением в многоуровневую систему льгот в получении продуктов, вещевого довольствия, жилого пространства и проч.

Идея обобщественного быта — коллективного приобретения продуктов, совместного приготовления пищи и равного ее распределения, уравнительности, когда у всех всего поровну — и еды, и одежды, и жилища — противостоит стремлению власти стянуть рычаги управления трудовой активностью населения к администрации советских предприятий и учреждений.

Пропаганда обобществления быта создает у населения беспочвенные надежды на то, что государство обеспечит ему беспроblemное бытовое существование. Но власть стремится прежде всего к тому, чтобы поголовно заставить людей самоотверженно трудиться. И бытовые проблемы ей на руку, так как, вверяя заводууправлениям и руководству советских учреждений заботу о своих сотрудниках, она практически реализует принцип: «Кто не работает, тот не ест». Обобществлять быт и попечительствовать за счет государства о тех, кто вообще не трудится или работает плохо (лаботрясничает, прогуливает, пьет и т. п.), власть категорически не желает.

Поэтому постановление «О работе по перестройке быта» официально отвергает идеи обобщественного быта, отказывается от нее как от «вредного утопического начинания», отвергает любые предложения «перепланировки существующих городов и перестройки новых исключительно за счет государства», грозно обозначает ее «уклоном»⁶⁶⁶.

Самым примечательным в постановлении «О работе по перестройке быта» является, казалось бы, несущественная терминологическая подмена — словосочетание «обобщественный быт» в постановлении заменено на совершенно другое: «общественное обслуживание».

В момент выхода постановления в стране одновременно функционируют три системы снабжения населения товарами и продуктами: а) обобщественный быт (в форме инициатив населения, самостоятельно объединяющегося в бытовые коммуны), б) распределительная система, в) общественное обслуживание.

Здесь необходимо сделать отступление и, хотя бы в самом беглом обзоре, проследить политику власти, связанную с распределением в СССР продовольственных, вещевых и бытовых благ.

Первоначально идея справедливого распределения (и перераспределения) товаров (и услуг) была воплощена при создании всеоб-

шей распределительной системы в виде «потребительских обществ» и «потребительских коммун». «Потребительские общества» создаются декретом СНК от 10 апреля 1918 г. «О потребительских кооперативных организациях»⁶⁶⁷. Декрет предписывает: *«Каждый определенный район или местность обслуживаются отдельным потребителем обществом... Нормы,... относительно распределения продуктов и т. п., обязательны как для частных торговых предприятий, так и для кооперативных организаций... Потребительские кооперативные организации обслуживают в каждом районе их деятельности все население»*⁶⁶⁸.

27 сентября 1918 г. ЦК РКП(б) обращается к членам партии со следующей установкой: *«...планомерное распределение продуктов в социалистическом обществе требует организации потребительских коммун»*⁶⁶⁹. Неуклонно двигаясь по пути замены «торговли» на «распределение», СНК принимается 4 января 1919 г. декрет «О потребительских коммунах», который предписывает в области распределения продовольствия и предметов первой необходимости создание единого распределительного аппарата: *«В городах и фабрично-заводских центрах, независимо от их размеров, образуется единая Потребительская коммуна... в сельских местностях каждый распределительный пункт может или составлять самостоятельную потребительскую коммуны, или входить в состав единой Коммуны, охватывающей целый район... В Потребительскую коммуны включается все население данной местности»*⁶⁷⁰. Потребительские Коммуны объединяются в единую общегосударственную систему. Эти действия обретают мощную политическую поддержку, превращаясь в официальный постулат партийно-государственной программы. В программе РКП(б), принятой VIII съездом партии 22 марта 1919 г., указано: *«В области распределения задача Советской власти в настоящее время состоит, в том, чтобы неуклонно продолжать замену торговли планомерным, организованным в общегосударственном масштабе распределением продуктов. Целью является организация всего населения в единую сеть потребительских коммун, способных... распределять все необходимые продукты, строго централизуя весь распределительный аппарат. В основу потребительских коммун должна быть положена существующая... потребительская кооперация...»*⁶⁷¹.

Именно в этот период (1919 г.) термин «распределитель» прочно вошел в жизнь руководящей элиты нового общества. Оргбюро ЦК учредило специальный совнаркомовский паек, индивидуальные выдачи из продовольственного отдела ВЦИК и особые столовые⁶⁷², партийной номенклатуре стали вручать продукты и одежду⁶⁷³. Но оттенок «привилегированности» этот термин приобрел чуть позже, когда власть отделила распределение товаров и услуг жизненно

необходимого минимума для основной массы населения страны, от распределения дефицитных продуктов и промышленных товаров (а также предметов роскоши) для представителей власти. «Высший уровень государственного снабжения представляли распределители руководящих работников центральных учреждений, которые выдавали лучший в стране паек литеры "А". Через распределители руководящих работников обеспечивались секретари ЦК ВКП(б) и ЦК ВЛКСМ, председатели и их замы ЦИК СССР и ВЦИК РСФСР, СНК СССР и РСФСР, ВЦСПС, Центросоюза, Госплана СССР и РСФСР, Госбанка, наркомы и их замы союзный и российских наркоматов, а также семьи всех перечисленных. Спецснабжение литеры "А" предназначалось также для советского дипломатического корпуса и ветеранов революции, живших в Москве.

Рангом ниже в иерархии спецснабжения стояли распределители ответственных работников центральных учреждений, которые выдавали паек литеры "Б". Они обслуживали вышеперечисленные центральные союзный и российские организации (ЦК ВКП(б) и ВЛКСМ, ЦИК СССР и России, СНК СССР и РСФСР, ВЦСПС, союзный и российские наркоматы, Центросоюз, Госплан СССР и РСФСР, Госбанк, Прокуратуру СССР и другие), но контингент снабжаемых был ниже. Он включал начальников объединений, управлений, секторов, отделений и их замов, руководителей групп и их помощников, а также управляющих и из замов всесоюзных и республиканских трестов, заведующих редакциями центральных газет и других... В 1932 г. к распределителям ответственных работников были прикреплены ранее снабжавшиеся по нормам индустриальных рабочих персональные пенсионеры, краснознаменцы, политкаторжане... Одежду и обувь номенклатура шила на заказ в специальных мастерских»⁶⁷⁴.

Декретом СНК от 7 апреля 1921 г. «О потребительской кооперации» на потребительские общества государством возлагается обязанность «распределения в стране всех предметов производства и широкого потребления, заготовленных государством и полученных с национализированных фабрик и заводов, концессионных предприятий и вывезенных из-за границы...». «Потребительские общества» -- это, по сути дела, те же самые «потребительские коммуны», поэтому, так же как и в отношении потребительских коммун, «в городах, фабрично-заводских и сельских населенных пунктах, независимо от их размеров, не может быть более одного потребительского общества... Никакие предметы продовольствия и широкого потребления, предоставляемые населению государством, не могут распределяться среди населения иначе, как через посредничество потребительской кооперации»⁶⁷⁵.

В 1920–1921 гг. издается серия декретов о бесплатном отпуске населению продуктов питания и промышленных товаров⁶⁷⁶. Подобная

система просуществовала до сентября 1921 г., когда СНК принял декрет, предписывающий снять с государственного снабжения все группы населения, кроме «Красной армии и флота, рабочих и служащих государственных предприятий, членов семейств государственных рабочих и служащих при условии их нетрудоспособности и лиц состоящих у них на иждивении, лиц, состоящих на государственном социальном обеспечении — инвалиды, учащиеся и проч.»⁶⁷⁷. 23 декабря 1923 г. постановлением ЦИК и СНК СССР отменяется обязательная приписка граждан к единым потребительским обществам⁶⁷⁸.

Распределительная система в СССР задавала принципиально иной характер товарооборота, нежели в капиталистических странах. Заметим, что здесь правильнее говорить не о «товарообороте», а о «продуктообороте» и «вещеобороте», так как «товар», как единица специфических процессов «товарообмена» с использованием «денег», отсутствовал и в концептуально теоретических идеях творцов распределительной системы, и в практических действиях по ее созданию. За одну и ту же вещь представители разных категорий системы советского продуктового или вещевого снабжения платили совершенно разные суммы, различающиеся подчас в десятки раз. Точно также и в закрытых столовых, в зависимости от их ранга, предлагалась еда по ценам, многократно различавшимся в зависимости от должностного статуса обслуживаемого.

Период НЭП расширил товарный рынок, но не отменил принципов распределительной системы. Власть продолжала натуральное снабжение (распределение) рабочего населения продуктами и предметами первой необходимости, и, хотя товарно-рыночные отношения, возрожденные в этот период, вызвали переход в отдельных областях деятельности на денежные выплаты⁶⁷⁹, государственного распределения «предметов питания и широкого потребления», осуществляемого через государственные предприятия и учреждения⁶⁸⁰ это не заменило. Более того, объем государственного распределения резко увеличился и стал воистину всеохватывающим. Особенно, в период 1929–1932 гг., когда волнами накатывающий голод заставил власть на территориях и по отдельным отраслям производства вводить карточную систему.

Постулаты справедливого распределения, своеобразно сплелись с идеей обобществленного быта в концептуальных и конкурсных проектах домов-коммун. Архитекторы подхватили идеи «сделать все общим» — обобществить хозяйственную утварь и мебель, а «товары широкого потребления» получать жильцами дома-коммуны не через их покупку-продажу, а в результате бесплатной раздачи. Создатели проекта «города-коммуны» при Нижегородском Автострое писали: *«Поскольку мы строим дома-коммуны, где обобществлено питание,*

воспитание детей и санитарное обслуживание, то радикально должен измениться характер товарооборота... Розничная товаропроводящая сеть для мелких товаров... будет иметься при домах-коммунах. Ряд предметов, как-то предметы питания (мясо, сахар, соль, чай, крупа, мука, хлеб и т. д.), частью хозяйственные предметы (посуда, кухонные принадлежности, принадлежности для уборки помещений, игрушки и т. п.) будут обобществлены. В связи с разработкой типа дома-коммуны частью выпадают их товарооборота и предметы, относящиеся к мебели, поэтому через магазины будет распределяться, главным образом, одежда и часть продуктов питания, которые не относятся по существующей терминологии к предметам широкого потребления»⁶⁸¹.

Самое страшное для высших органов власти, что подобные концептуальные предложения не только пользуются популярностью в массах, но и приобретают вид закона — в постановлении от 25 февраля 1930 г. Президиум ВЦИК предписывает: «Поручить СНК РСФСР рассмотреть вопрос об организации бытовых коллективов по обобществленному обслуживанию бытовых нужд по линии: ...б) снабжения бытовых коллективов продуктами и другими предметами потребления с предоставлением им некоторых преимуществ перед индивидуальными потребителями...»⁶⁸².

Раздраженность тона со стороны Оргбюро в его реакции на дискуссию о соцрасселении вызвана недосмотром, произошедшим по отношению к нижележащему эшелону власти. Причем, к такому ключевому органу, как ВЦИК. Неизвестно, что явилось причиной соответствующих действий Президиума ВЦИК, но в полном соответствии с призывами Л. Сабсовича, он принял постановление: «В целях усиления коллективизации быта в уже существующих городских и поселковых домах в условиях, созданных непрерывкой и сменностью и для облегчения вовлечения женщин в производственную и общественную работу, признать необходимым разработать мероприятия, обеспечивающие создание бытовых коллективов по обобществлению обслуживания бытовых нужд»⁶⁸³.

Подобные распоряжения не были, как их потом назвали, «утопичным забеганием вперед». Это были разумные предложения, действительно учитывающие традиционный характер бытового уклада бывшего крестьянского населения и способные облегчить для людей повседневные тяготы продуктового и жилищного кризисов. Но они кардинально противоречили организационно-управленческой стратегии, которую высшее партийное руководство в этот период вырабатывало в отношении соцгородов и, в конечном счете, всего населения страны.

Противоречили в отношении предоставления коммунальным особым правам владения и распоряжения жилищем — сосредоточивая все

права и ресурсы в руках заводоуправлений, власть не могла допустить наличия у коммун независимых финансовых возможностей и административных полномочий.

Противоречили в отношении приоритетного снабжения коммун продуктами — уравнилительный характер существования коммуны противоречил иерархическому принципу устройства государственной распределительной системы.

Противоречили и в отношении стабильности трудо-бытовых коллективов — подобная форма организации людей, на которую опирались партийно-административные органы управления, как оказалось, в результате текучки очень скоро переставала быть «трудо-вой», а оставались лишь «бытовой» и переставала, тем самым, иметь какое-либо организационно-управленческое значение.

Рассогласование политической направленности общегосударственных программ, формируемых, с одной стороны, в Политбюро ЦК ВКП(б) и, с другой, законотворческих инициатив, осуществляемых другими органами государственной власти, в частности, Президиумом ВЦИК, было недопустимо в рамках единой централизованной машины тоталитарного управления государством. Постановление «О работе по перестройке быта» решительно исправляло эту ошибку.

В начале 1930-х гг. распределительная система еще продолжает функционировать, и будет функционировать еще несколько лет, планомерно обеспечивая трудящихся продуктами питания и одеждой: *«Администрация обязана... обеспечить рабочих продуктовым и промтоварным снабжением», а «члены их семей обеспечиваются продовольствием и промтоварами...»*⁶⁸⁴; *«...сохраняется продовольственное и промтоварное снабжение... издженческим через... ЗРК и ОРСы...»*⁶⁸⁵. *«Приравнять библиотекарей... в отношении норм и порядка снабжения продовольствием и промтоварами — к учителям школ первой и второй ступени...»*⁶⁸⁶.

При этом власть заранее подготавливает переход к торговле и, одновременно, к повсеместному развертыванию системы общественного обслуживания. В том числе и со стороны архитектурно-планировочных решений. Так, в постановлении президиума Московского городского исполнительного комитета и Московского совета РК и КД от 14 июля 1932 г. «О типе жилого дома», задающим перспективы жилищного строительства в г. Москве и вышедшем через два года после постановления о перестройке быта, указывалось: *«Новые дома должны иметь учреждения общественного бытового обслуживания (столовая, ясли, детсад, прачечная, магазин, кафе, ресторан и т. п.), причем эти учреждения располагаются не в каждом доме, а могут обслуживать группу домов»*⁶⁸⁷. При этом, в постановлении оговорено: *«В квартире должна быть обеспечена возможность произ-*

водства мелких постирушек и устройства приспособлений для сушки белья... Одновременно в подвале каждого дома должны быть оборудованы маленькие прачечные с механизированным оборудованием и сушилками для обслуживания живущих в данном доме»⁶⁸⁸.

В 1933 г. с выходом постановления «Об обязательном строительстве торговых помещений в новых домах»⁶⁸⁹ происходит законодательная переориентация с государственной распределительной системы снабжения продуктами и вещами на государственную же программу развертывания общественного обслуживания и социалистической торговли. Необходимо подчеркнуть, что речь идет именно о «государственной» системе торговли, которая отличается от «кооперативной», на самом деле, также стопроцентно огосударственной, но законодательно имеющей право торговать по более высоким ценам. Но распределительная система еще некоторое время продолжает функционировать, параллельно с развертыванием бытового обеспечения населения через систему торгового снабжения продовольственными и промышленными товарами. Начиная с 1934 г. власть по некоторым видам продуктов (хлеб, мука, макароны, крупа) переходит к торговле⁶⁹⁰, а по некоторым (сахар, мясо, жиры, сельди) продолжает распределительное обеспечение⁶⁹¹.

Силами проектировщиков и строителей готовятся торговые помещения в жилых зданиях и служебных учреждениях к повсеместному массовому введению торговли. Власть законодательно предписывает: «при строительстве в городах и поселениях городского типа жилых, учрежденческих и иных домов, имеющих более двух этажей, отводить первый этаж, а в двухэтажных домах — часть первого этажа под торговые помещения.»⁶⁹². Власть законодательно приказывает возводить временные торговые сооружения, в частности, *«расширить розничную торговую сеть по продаже хлеба к 1 февраля 1935 г. на 10 300 лавок и палаток, в том числе к 1 января 1935 г. — на 8000 лавок и палаток»*⁶⁹³.

Во втором полугодии 1935 г. отменяется карточная система еще на целый ряд продуктов: мясо, рыбу, сахар, жиры, картофель⁶⁹⁴, а система торговли расширяется. В этой связи, специальным постановлением, власть предписывает городским советам *«... иметь наблюдение за тем, чтобы строительство, отделка и оборудование торговых помещений в новых домах не отставали от общего хода строительства дома и были закончены не позднее заселения вышележащих этажей»*⁶⁹⁵.

В 1937 г. власть окончательно переориентируется на систему торговли и общественного обслуживания. В 1937 г., выступая на Первом Всесоюзном съезде советских архитекторов с программным докладом «Задачи советской архитектуры», представитель Союза советских

архитекторов Н. Колли уже однозначно характеризует «обобществление быта» как отрицательное явление⁶⁹⁶. Эта идея официально и окончательно забыта.

Предложенная Л. Сабсовичем и широко распропагандированная советской прессой картина счастливого принудительного труда и казарменного обобществленного быта выглядит довольно зловещей, но следует иметь в виду, что автором осуществлявшихся социальных реформ советского общества был отнюдь не Л. Сабсович. Он только интерпретировал и облагораживал уже реализуемые на практике или еще только вызревавшие правительственные установки. В числе которых — всеобщее введение принудительного труда и насильственного перемещения трудоспособного населения туда, где оно необходимо для осуществления планов ускоренного формирования современного военно-промышленного комплекса; отказ от индивидуальных квартир и т. п.

Все эти вопросы высшим руководством страной были давно решены — массовое жилище для простых работяг должно было существовать в виде общежитий, бригадных или семейных бараков (в лучшем случае, разделенных на комнаты перегородками или занавесками, а в худшем никак не разделенных — с общими нарами). Для технических и проч. специалистов — в виде секционных или коридорного типа домов покомнатно-посемейного заселения. Для крупных иностранных специалистов, высшего руководства и особо отличившихся передовиков производства — как знак особого отличия — в виде отдельно стоящих коттеджей на одну семью.

В масштабе тех задач, которые советская власть практически решала с начала индустриализации, в общем русле внешней и внутриполитической стратегии, в геополитических планах освоения природных ресурсов страны и насыщения населением ее огромных безлюдных пространств и т. п., архитектурные вопросы были такими мелкими и столь малозначимыми, что высшая власть даже не стала придумывать чего-либо нового из политических средств урезонивания.

Она просто-напросто предприняла дисциплинарную акцию — одернула и тех и других тем же способом, которым уже «охлаждала пыл» «правых» и «левых» в политических дискуссиях периода 1927–1929 гг. На фоне расправы над политической оппозицией, произошедшей на XV съезде партии (1927 г.), на Объединенном пленуме ЦК и ЦК ВКП(б) 6–11 апреля 1928 г., на пленуме ЦК ВКП(б) 4–12 июля 1928 г., пленуме ЦК ВКП(б) 16–24 ноября 1928 г., Объединенном пленуме ЦК и ЦК ВКП(б) 16–23 апреля 1929 г., пленуме ЦК ВКП(б) 10–19 ноября 1929 г.; на фоне окружающей политической обстановки слова о «некоторых работниках, скрывающих под “левой фразой”

свою оппортунистическую сущность», были весьма недвусмысленным и вполне красноречивым предупреждением⁶⁹⁷.

Постановление «О работе по перестройке быта» не только подтвердило курс, в соответствии с которым до сих пор осуществлялась государственная градостроительная политика, но и однозначно указало архитекторам, плановым работникам, социологам, экономистам — всем, кто участвует в разработке планов индустриализации страны, планов построения социализма в СССР, что власть впредь не допустит никаких обсуждений своего курса, никаких альтернативных предложений, даже из соображений улучшения и совершенствования.

«После урезонивания» — законодательное воплощение концепции соцрасселения

Журнал Строительство Москвы откликнулся на постановление ЦК ВКП(б) «О работе по перестройке быта» заметкой «Против оторванности от жизни»: *«Постановление ЦК ВКП(б) о работе по перестройке быта имеет для архитектурных кадров большое значение.*

Всем памятны прошедшие конкурсы на дома-коммуны и социалистические города, где архитектурная мысль отвечала на поставленные задания 100 %-ным обобществлением быта, где отдельные архитекторы выставляли буквально утопические идеи, чуждые желаниям рабочих масс. Архитектор проектировал отвлеченно, совершенно не интересуясь потребностями рабочего. <...> ЦК партии дал четкую установку, в основном сводящуюся к ленинскому требованию не отставать и не забегать вперед так, чтобы не отрываться от масс. Обобществление быта может лишь проводиться в соответствии с культурным ростом рабочего класса и трудящегося крестьянства, и материальными возможностями страны. Строительство домов-коммун и социалистических городов вне этого условия только дискредитирует идею социалистической перестройки быта. На данном этапе строительства социализма мы должны обеспечить обслуживание трудящихся общественными прачечными, банями, клубами, школами и т. п., т. е. всем тем, что способствует коллективистическому воспитанию, в чем так ощущает потребность рабочий потребитель.

ЦК ВКП(б) дал директиву при строительстве индустриальных комбинатов предусматривать вполне благоустроенные рабочие поселки с электричеством, водопроводом, канализацией, хорошими путями сообщения, достаточными зелеными зонами. В новом строительстве жилищ должны быть обеспечены максимально гигиенические условия и удобства.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ЦК ПАРТИИ ПРАВИЛЬНО ОРИЕНТИРУЕТ.

Нашим архитекторам надо перестать отвлеченно фантазировать и отрываться от действительности. Правильно решит архитектурное задание лишь тот, кто изучит не только экономику данного периода, но и быт рабочего потребителя, кто не будет оторван от рабочих масс»⁶⁹⁸.

На первый взгляд, смысл этого текста (как и впрочем, и самого постановления ЦК) абсурден. Конечно, жилье нужно проектировать вместе с банями, клубами, школами и прачечными. Ни урбанисты, ни дезурбанисты, ни сторонники, ни противники «обобществления быта» не выступали против бань, школ и прачечных, не предлагали строить рабочие поселки с плохими путями сообщения, и без достаточных зеленых зон. Никто из них не выступал против благоустройства, водоснабжения и канализации.

Не все понятно и в отношении «утопических идей» обобществленного быта, «чуждым желанием рабочих масс». После ликвидации НЭП и свободной торговли снабжение населения товарами массового потребления не просто катастрофически уменьшилось, а практически повсеместно стало осуществляться для основной массы населения исключительно, через распределители на предприятиях. Жизнь семьи из нескольких человек в одной комнате коммунальной квартиры или барака и без того мало напоминала традиционный семейный быт. В таких условиях идея обобществления быта — питания в столовых, снабжения мебелью, бытовой утварью, одеждой; перевода всех детей в детские дома и т. п., казалась реальным облегчением повседневного существования. На этом фоне фантазии Л. Сабсовича выглядели действительно мечтой о лучшей жизни, попыткой улучшить положение советских рабочих, больше благом, чем репрессией. Но интерпретация Л. Сабсовичем намерений руководства страной, увы, оказалась фатально неверной, что и сыграло в его судьбе роковую роль.

Журнал «Революция и культура» поместил Постановление ЦК ВКП(б) в двояном номере (№ 9–10), датированным 1 мая. Постановление сопровождалось статьей И. Черни «За дело!», посвященной критике Л. Сабсовича. В статье упоминается некое «созванное в апреле совещание коммунистов, работающих по вопросам строительства социалистических городов. Совещание приняло тезисы, говорящие о том, что *«...вся концепция Сабсовича и применяемые им методы решения вопросов являются крайне поверхностными, ложными в своей основе; они представляют собою высшее выражение левой фразы. Эта концепция и эти методы, — говорили тезисы, — ничего общего с марксизмом и политикой партии не имеют»*⁶⁹⁹.

Из этого следует, что в партийных кругах подготовка к изменению курса началось в апреле 1930 г., где-то за месяц до выхода постановления. В статье говорится: *«Ликвидация сабсовичиады, идеологии блефа и прожектерства ни на одну минуту не должна затемнить стоящих перед нами насущных, практических задач»*, но нет ни слова о том, в чем заключаются эти задачи и как их следует решать. Только констатируется, что за первый год пятилетки *«не удалось даже стабилизировать*

жилищную норму городского населения. Она снизилась с 5,8 кв. метра на человека до 5,6. Еще меньшая норма — в рабочих районах».

В статье И. Черни сквозит растерянность — травля Л. Сабсовича никак не прояснила главный вопрос — каким должно быть советское жилье для рабочих: *«Мы ни на шаг не двинулись вперед в деле конкретного решения вопроса о том, в какой степени, в каких пределах, в каких конкретных формах, в какой последовательности возможно и нужно обобществление питания, например, или обобществление воспитания детей»*⁷⁰⁰. Завершается статья призывом *«немедленно создать научно-исследовательский институт “социалистической реконструкции труда, культуры и быта”, поставив перед ним совершенно конкретные, актуальные задачи»*⁷⁰¹.

Ни в постановлении, ни в статьях ничего не сказано о сути споров урбанистов и дезурбанистов, не проанализированы достоинства и недостатки их позиций. Но зато и в постановлении, и в «разъясняющих» статьях четко и явственно прозвучал сигнал — споры прекратить. Постановление по сути дела весьма недвусмысленно приказало: Хватит дискутировать! Хватит с арифметическими формулами и экономическими постулатами доказывать невозможность или, напротив, реалистичность планов индустриального развития страны. Это не вашего ума дело — партия все уже решила своим могучим коллективным разумом. Наступило время старательно и самоотверженно выполнять конкретные приказы партии и государства, которые заключаются в строительстве новых заводов, новых поселений, общественных бань, прачечных, фабрик-кухонь, столовых, детских учреждений, клубов, школ и проч.⁷⁰²

Типология массового жилья отныне выводится за рамки общественных обсуждений и дискуссий. Так же, как и уровень коммунального обслуживания населения. Очевидно одно, тот объем коммунального обслуживания, который закладывался архитекторами и отдельными «несознательными» заказчиками в проекты домов-коммун — в будущем невозможен. Главное требование к коммунальному обслуживанию населения — строить бани — означает, что возможность помыться в ванне или принять душ внутри жилых помещений в проектах массового жилья предусматриваться не будет. Так же как и указание на строительство столовых и фабрик-кухонь — что, семьи и дальше не будут получать жилые помещения, включающие отдельные комнаты под названием «кухня», в которые будут свободны от проживания в них двух-трех членов семьи.

Постановления партии и правительства, вышедшие после постановления «О работе по перестройке быта», законодательно закрепляют положения той программы строительства соцгородов, которую реализовала, реализует и дальше будет реализовывать власть.

Постулат о том, что соцгорода являются пролетарскими центрами — фокусами притяжения населения из прилегающих к ним зон сельскохозяйственного профиля проявляется прежде всего в принятом 23 июля 1930 г. постановлении ЦИК и СНК СССР «О ликвидации округов»⁷⁰³. Оно убирает лишние промежуточные управленческие структуры между партийно-хозяйственными фокусами власти, концентрируемыми в городах, и руководимом ими населением прилегающих сельских местностей.

Через полмесяца появляется еще одно постановление, фиксирующее изменившийся административно-хозяйственный статус городов по отношению к прилегающим сельским местностям⁷⁰⁴: «города с населением свыше 50 тыс. чел., имеющие крупное промышленное значение и являющиеся культурно-политическими центрами, выделяются в самостоятельные административно-хозяйственные единицы»⁷⁰⁵. Кроме того, «целый ряд городских социально-культурных учреждений» рассчитывается «на обслуживание не только городского, но и ближайшего к городам сельского населения»⁷⁰⁶, усиливая, тем самым, руководящее значение соцгородов в системе административного управления территориями. Постановление ВЦИК от 20 августа 1930 г.⁷⁰⁷ разъясняет, что к городам, выделяемым в самостоятельные административно-хозяйственные единицы, присоединяются не все близлежащие сельскохозяйственные территории, а только те, которые согласно принципам концепции соцрасселения связаны с ними хозяйственно-производственными связями: *«Лишь те сельские местности, которые экономически связаны с этим городом (систематический сбыт продукции сельского хозяйства в этом городе, обслуживание городскими социально-культурными учреждениями населения прилегающих сельских местностей, экономическая связь сельского населения с прилегающим городом ...)*»⁷⁰⁸. А дополняющее его постановление ВЦИК⁷⁰⁹, вышедшее через месяц — 30 октября 1930 г., подчиняет сельсоветы местностей, прилегающих к городам, непосредственно общегородским или районным горсоветам⁷¹⁰.

20 сентября 1930 г. СНК РСФСР принимает постановление «О разгрузке города Москвы»⁷¹¹. Постановление определяет конкретные меры по реализации государственной градостроительной политики по практическому осуществлению концепции соцгорода в отношении существующих крупных городов (на примере «города-образца» — Москвы). В частности, принцип разукрупнения существующих городов, призванных быть не местами концентрации мигрирующего из сельской местности населения, а транзитным пунктом, форпостом концепции соцрасселения. Постановление требует законсервировать их промышленный потенциал, а новые предприятия размещать в других населенных пунктах, придавая последним

импульс к развитию. Исходя из этого, постановление предписывает: *«Для того чтобы ослабить острый жилищный кризис в гор. Москве и предотвратить дальнейшую загрузку гор. Москвы, СНК постановляет: Воспретить строительство новых промышленных предприятий в черте города, кроме предприятий по обобщественному обслуживанию бытовых и культурных нужд населения. В исключительных случаях производственные предприятия в гор. Москве могут строиться лишь с особого разрешения Московского областного исполкома, если перенести это строительство за город совершенно невозможно»*⁷¹².

Разгрузка Москвы идет не только по линии промышленных предприятий — за город выносятся все человекоемкие учреждения. И прежде всего административные, научные, учебные заведения. Таким образом воплощается один из принципов концепции соцгорода о роли производства, как «организующего центра» для «градообразующей» части населения и населения непосредственно прилегающих территорий. Только теперь производственно-территориальное содержание концепции соцгорода (предполагающей концентрацию населения вокруг промышленных предприятий, на которых оно занято) проявляется не только в отношении пролетариата, но и других «прослоек» населения⁷¹³: *«Признать, что новые научные учреждения и высшие (в том числе и высшие технические) учебные заведения, а также непосредственно не связанные с производственными предприятиями гор. Москвы техникумы должны строиться не в Москве, а в тех районах, которые ближе всего связаны с соответствующей отраслью народного хозяйства»*⁷¹⁴.

Основополагающий постулат концепции соцгорода о том, что «пролетарское ядро» промышленного предприятия является трудомобилизационной основой для прочего населения, получает свою интерпретацию и в отношении крупных учебных и научных заведений. Они, во-первых, в обязательном порядке должны быть привязаны к производственным базам, во-вторых, вместе с ними выполнять градообразующую роль: *«б) для размещения этих учреждений (научных. — Авторы) и учебных заведений должен быть использован в первую очередь жилищный фонд бывших губернских (окружных) и более крупных уездных городов, которые в настоящее время не стали краевыми (областными) центрами»*⁷¹⁵. Для этого, опять же, чтобы не тратиться на новое строительство, СНК поручает Наркомвнуделу РСФСР срочно выявить наличный жилищный фонд в бывших окружных городах, не ставших краевыми (областными) центрами, а также в бывших уездных городах и представить соответствующие данные в Комиссию по разгрузке г. Москвы не позднее 1 декабря 1930 г.

Реализуя концепцию соцгорода, постановление предписывает новые научные учреждения и высшие (в том числе и высшие техни-

ческие) учебные заведения, а также непосредственно не связанные с производственными предприятиями гор. Москвы техникумы возводить не в Москве, а тех районах, которые ближе всего связаны с соответствующей отраслью народного хозяйства: *«Предложить Комиссии по разгрузке г. Москвы при определении мест нового размещения выводимых из г. Москвы учреждений, учебных заведений и научных учреждений, руководствоваться следующим: а) учреждения и учебные заведения должны быть приближены к их основным производственным базам»*⁷¹⁶.

То же касается и крупных государственных учреждений: *«Предложить Комиссии по разгрузке гор. Москвы: пересмотреть перечень всех находящихся в настоящее время в г. Москве учреждений с тем, чтобы из них были оставлены народные комиссариаты Союза СССР и РСФСР, а также те центральные учреждения, работа которых действительно полностью и неразрывно связана с необходимостью пребывания в центре Советского Союза, и представить к 15 декабря 1930 года в СНК РСФСР список учреждений и предприятий, подлежащих выводу из г. Москвы»*⁷¹⁷.

В целях максимально полного использования зданий и сооружений в Москве, СНК предлагает помещения, занимаемые наркоматами и другими учреждениями использовать в вечерние часы учебными заведениями и курсами. Для этого СНК поручает Комиссии по разгрузке Москвы установить «список учреждений, помещения которых отводятся для вечерних занятий учебным заведениям»⁷¹⁸. В этих же целях постановление предлагает Моссовету «в двадцатидневный срок представить СНК доклад о целесообразности перевода торговой сети гор. Москвы на две смены»⁷¹⁹.

Следование концепции соцгорода должно быть обязательным в отношении любых действий градостроительной политики. Поэтому постановление фиксирует: «Предложить Комиссии по разгрузке Москвы проводить в дальнейшем свою работу в соответствии с настоящим постановлением и на точных основаниях утвержденного СНК «Положения о Комиссии по разгрузке гор. Москвы» и подчеркивает, что «постановления Малого СНК по протестам на решения комиссии по разгрузке гор. Москвы являются окончательными и дальнейшему обжалованию не подлежат»⁷²⁰.

Для практической реализации концепции соцгорода власть осуществляет реорганизацию существующей⁷²¹ и формирование новой централизованной системы руководства строительством соцгородов и реконструкцией существующих городов с целью «превращения их в социалистические города»⁷²².

Поскольку создание военно-промышленного комплекса и связанные с этим структурные преобразования системы хозяйствования

ния и управления экономическими процессами должны охватить всю страну в целом, постольку решительно отвергаются звучавшие в ходе дискуссии предложения выделить «зоны эксперимента» и осуществить коллективизацию быта лишь в новых строящихся соцгородах (Сталинград, Магнитогорск, Автострой в Нижнем Новгороде, Днепрострой, Мурманскстрой), сконцентрировав в этих городах необходимые материальные и финансовые ресурсы⁷²³. Принцип единообразия не позволяет создавать «оазисы эксперимента» в отдельных поселениях.

Следует заметить, что постановление ЦК ВКП(б) «О работе по перестройке быта» не отменило спектра идей, касающихся социалистического расселения, соцгорода и соцжилища, не закрыло разработок в направлении архитектурно-градостроительного поиска новых форм расселения, планировочной организации поселений, структуры жилища. Постановление лишь решительно «отсекло» все те «крайние» точки зрения, которые с позиций государственной градостроительной политики были не нужны — поиски любых форм индивидуального жилища, проектные предложения по организации коллективного жилища с полным обобществлением быта и т. п.

Концепция соцгорода запрещает любые теоретические концепции, которые не соответствуют социально-политическим программам советской власти и вытекающим из них постулатам соцрасселения — административно-территориальной, военно-и-трудомобилизационной организации населения. В частности, из теоретической действительности на долгие годы исчезает идея города-сада, самым своим содержанием — социальным составом населения, коллективной формой землевладения и землепользования, общественными формами городского управления, способом самоорганизации населения, характером собственности на жилище, индивидуальным типом жилья, планировочной моноструктурой (не соответствующей иерархическому характеру управляющей системы партийного руководства) и проч. — не отвечавшая характеру создаваемой планировочной структуры населенных мест особого «социалистического типа». В частности, еще тем, что в условиях практического отсутствия личного и общественного транспорта, она вызывала «расточительное» использование городской территории и обостряла проблемы доступности.

28 апреля 1931 г. постановлением СНК РСФСР создается Межведомственный комитет при СНК РСФСР по планировке и устройству городов и поселков.

Постановление СТО от 26 ноября 1931 г. «О мероприятиях по упорядочению проектирования капитального строительства промышленности»⁷²⁴ для «исключения дублирования работ и обеспечения единообразности проектирования сооружений одного типа» пред-

писывает ВСНХ СССР реорганизовать сеть проектных институтов и контор «на основе максимальной специализации их по отраслям производства», то есть по типологическому признаку⁷²⁵. Подобное структурирование проектных работ и, соответственно, проектных организаций промышленно-технологического профиля, инициирует аналогичную работу в отношении гражданского проектирования.

Фактически с этого момента архитектурная типология начинает выступать единственной официально принятой структурой упорядочивания знаний во всех сферах проектной деятельности. Прежде всего это находит свое выражение в «Единых нормах строительного проектирования», решение о новом издании которых 31 декабря 1931 г. принимает Всесоюзный комитет по стандартизации при СТО.

По характеру новые «Единые нормы...» резко отличаются от предыдущих, утвержденных в 1930 г. тем, что они структурированы по типам зданий и сооружений. Предусмотрены жилищные, коммунально-бытовые, лечебные, школьно-просветительные, общественные, административные, сельскохозяйственные, производственно-обрабатывающие, торговые, складские, транспортные (гаражи и станции обслуживания), физкультурные сооружения⁷²⁶. Установка на типологический принцип систематизации и упорядочивания нормативного материала, в соответствии с задачами точно также, типологически, организуемой сферы массового проектного дела, ставит задачу дальнейшего расширения типологии нормируемых объектов. Так, например, указывается, что ввиду новых установок по баням и прачечным (каковые поручено проработать НККХ) в ближайшее время появятся дополнительные издания норм, посвященных этим типам объектов проектирования. Также в ближайшем будущем планируется дифференциация и расширение видов уже имеющихся типов учреждений обслуживания. Например, нормы по типу «физкультурные сооружения» планируется дополнить специальными нормативами по таким видам, как спортивные площадки, тир, а такой тип, как «транспортные» — детальным нормированием хранилищ для легковоспламеняющихся жидкостей, гаражей для легковых машин, гаражей для тракторов и т. д.

Утвержденная к этому времени концепция соцгорода своеобразным образом находит свое выражение в «Единых нормах...». Она вызывает необходимость кардинального пересмотра всей системы градостроительных нормативов: *«наиболее слабо разработанная в нормах 1930 г. серия “Населенные места”, в связи с выявлением новых установок, требует полной отмены и будет, по-видимому, заменена в ближайшее время новыми в соответствии с ожидаемыми указаниями правительства»*⁷²⁷.

Законодательное обеспечение концепции соцрасселения дополняется постановлением ВЦИК и СНК РСФСР «Об устройстве на-

селенных мест РСФСР», принятым 1 августа 1932 г.⁷²⁸ Оно вновь утверждает приоритет индустриального развития — возведение промышленных предприятий, и фиксирует обслуживающую роль поселений при них: *«При выборе мест для строительства новых промышленных предприятий намечать места для устройства обслуживающих предприятия населенных пунктов»*⁷²⁹.

Положения концепции соцрасселения о том, что соцгород является центром прилегающих территорий сельскохозяйственного назначения, находит законодательное воплощение в требовании включать в проекты планировки населенных мест «общую схему организации прилегающей к населенному пункту сельскохозяйственной территории»⁷³⁰, а военный аспект концепции выражается в требовании предусматривать «мероприятия по активной и местной обороне»⁷³¹.

Законодательно закрепляя основные положения концепции соцгорода, постановление предписывает при разработке проектов планировки населенных пунктов предусматривать систему обслуживания населения. Следует предусматривать сети: «народного питания, торговую, коммунально-бытовых, социально-культурных, лечебно-профилактических, физкультурных, общественных и административных учреждений»⁷³². В отношении технического содержания, проектов планировки предписывается включать: «схемы водоснабжения, очистки, электрификации, водостоков, устройства улиц и проездов, вертикальной планировки мелиорации и пожарной охраны»⁷³³.

Вновь утверждается, что единицей территориального членения жилой застройки является «квартал», который должен включать «первичные элементы сетей обслуживания населения: «столовые, ясли, детские сады, прачечные, физкультурные площадки и т. п.»⁷³⁴.

Постановление ВЦИК и СНК РСФСР «Об устройстве населенных мест РСФСР» устанавливает единый для всей системы массового градостроительного проектирования состав проектной документации: «Проекты состоят из: а) проекта планировки; б) проектов застройки; в) проектов технического оборудования; г) проекта земельно-хозяйственного устройства»⁷³⁵, подчеркивая, что планировочные работы должны предваряться разработкой схем районной планировки⁷³⁶.

Постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 29 марта 1933 г. «О функциях органов коммунального хозяйства по контролю за строительством и планировкой населенных мест»⁷³⁷ опять, в очередной раз, повторяет, что на органы коммунального хозяйства возлагается: *«а) контроль над разработкой и проведением мероприятий по планировке, застройке и архитектурному оформлению строительства населенных мест; б) изыскание, учет и подготовка (съемка и планировка) земельного фонда для строительства в соответствии*

с общей планировкой города; рассмотрение заявок застройщиков и отвод земельных участков в натуре с установлением характера и сроков застройки; в) рассмотрение проектов планировки участков и проектов застройки, надстройки, перестройки и капитального ремонта строений с точки зрения соответствия утвержденным планам строительства общей планировке города, правилам архитектурного оформления, пожарной и общественной безопасности; г) контроль за фактически проводимым строительством и соблюдением правил в соответствии с утвержденным проектом..., а в отношении непромышленного строительства также контроль за выполнением технических норм и лимитов стоимости...; д) регистрация всех видов строительства, осуществляемого на территориях населенных мест»⁷³⁸.

Постановление ЦИК и СНК СССР от 27 июня 1933 г. «О составлении и утверждении проектов планировки и социальной реконструкции городов и других населенных мест Союза ССР»⁷³⁹ продолжает процесс законодательного оформления концепции соцрасселения. Оно выражает идеологию и приоритеты промышленного развития и, фиксируя первостепенное значение строительства новых и расширения существующих промышленных и транспортных предприятий, трактует роль городов и поселков исключительно как обслуживающую: «строительство новых и расширение существующих промышленных и транспортных предприятий, как правило, допускается лишь при наличии утвержденных проектов планировки обслуживающих эти предприятия населенных»⁷⁴⁰. Причем новые поселения, играя подчиненную, вторичную, по отношению к производству роль, должны располагаться так, «чтобы не мешать развитию и расширению существующих промышленных и транспортных предприятий»⁷⁴¹.

Концепция соцрасселения предусматривала наличие нескольких типов населенных мест, различающихся по численности населения. В соответствии с этим текст постановления закрепляет типологию соцгородов по численности населения: а) до 50 тыс. чел.; б) от 50 до 100 тыс. чел; в) свыше 100 тыс. чел.⁷⁴²

Контролером правильности производства планировочных работ и точности исполнения генеральных планов при строительстве по утвержденным проектам «независимо от того, какими ведомствами, учреждениями и организациями проводится указанные работы и строительство»⁷⁴³ по-прежнему выступают органы коммунального хозяйства, только теперь уже в лице нового «субъекта» — НККХ союзных республик и Всесоюзного совета по делам коммунального хозяйства при ЦИК СССР. На них возлагается «...разработка основных общесоюзных правил и норм планировки и устройства городов и других населенных мест»⁷⁴⁴ и поручается «в 2-месячный срок по согласованию с заинтересованными народными комиссариатами Союза ССР и союз-

ных республик издать инструкцию о порядке составления, рассмотрения и утверждения схем районной планировки и проектов планировки населенных мест»⁷⁴⁵.

Постановление, являясь преемственным шагом в развитии положений постановления ЦК ВКП(б) «О работе по перестройке быта»⁷⁴⁶, в целях *«коренного улучшения и упорядочения дела планировки новых социалистических городов и реконструкции старых городов»⁷⁴⁷*, требует *«...предусматривать места для строительства учреждений по социально-культурному и бытовому обслуживанию в целях планомерной перестройки быта на социалистических началах...»⁷⁴⁸.*

Концепция соцрасселения предусматривала формирование административно-хозяйственных единиц, обусловленное возведением новых промышленных предприятий, связанных в рамках единого производственного цикла (за счет системы транспорта и инфраструктуры) с тяготеющими к нему сырьевыми зонами, территориями сельскохозяйственного назначения, а также другими промышленными предприятиями. Постановление не только законодательно закрепляет это положение концепции, но и распространяет в масштабах всей страны указание, зафиксированное в постановлении ВЦИК и СНК РСФСР от 1 августа 1932 г. «Об устройстве населенных мест РСФСР»⁷⁴⁹. Там говорится, что «районная планировка» является главным планировочным документом, призванным координировать и предварительно увязывать интересы и строительные программы различных ведомственных застройщиков по отношению к одной и той же территории.

В соответствии с концепциями соцрасселения и соцгорода, постановление предписывает: *«выбор места для строительства новых промышленных и транспортных предприятий или для расширения существующих производится одновременно с выбором мест для устройства обслуживающих эти предприятия городов и поселков», «строительство всех видов в районах, где расположены или намечаются к строительству группы самостоятельных или комбинированных предприятий и обслуживающих их городов и поселков, связанных между собой единой системой транспорта, общей энергетической или сырьевой базой, взаимным производственным, коммунальным и социально-культурным обслуживанием, производится на основе схем районной планировки»⁷⁵⁰.*

Отправным пунктом в разработке схем районной планировки являются перспективные производственные планы промышленного развития районов, разрабатываемые плановыми органами на основе общего планирования народного хозяйства. Районная планировка конкретного района определяет наиболее рациональное, взаимосвязанное размещение всех видов производства (индустриального, агро-индустриального и обслуживающего), энергетики, транспорта,

а также размещение необходимого количества населения⁷⁵¹. «*Районная планировка решает четыре задачи. Во-первых, намечает точки размещения, основные размеры, характер и перспективы расширения существующих и предполагаемых к размещению промышленных предприятий, центральных и районных электростанций, теплоцентралей и сетей передачи энергии. Во-вторых, определяет места расположения, основные размеры строительства и расширения существующих совхозов и колхозов с выявлением их специализации, взаимной связи и мест размещения соответствующих предприятий по переработке, складов, элеваторов и т. д. В-третьих, определяет пункты размещения населения и культурно-бытового обслуживания. При этом следует исходить из необходимости известного компактного сосредоточения населения в целях наилучшей организации коллективных форм труда и культурной жизни, а также в интересах максимальной экономичности и эффективности капиталовложений в инженерно-коммунальные сооружения социалистического города. ... В-четвертых, намечает устройство и развитие сети путей сообщения на территории района, обеспечивающей наиболее целесообразную и экономную связь между промышленными предприятиями, совхозами, колхозами и прочими хозяйственными единицами данного района. А также внешние связи района*»⁷⁵².

20 января 1934 г. ВЦИК и СНК РСФСР принимают постановление «Об устройстве населенных мест РСФСР»⁷⁵³, которое детализирует содержание постановления ЦИК и СНК СССР от 27 июня 1933 г. и, фактически, на весь предвоенный период остается основным документом по градостроительному проектированию на территории РСФСР⁷⁵⁴.

Постановление осуществляет следующий шаг в нормативном регулировании структуры населенного места: а) утверждает членение территории населенного места на районы, дифференцированные по их функциональному назначению: промышленные, транспортные, жилые, защитные, сельскохозяйственные⁷⁵⁵; б) предписывает разрабатывать схему расположения промышленных предприятий с разработкой оснований развития существующего или устройство нового транспортного узла; в) требует разбивать территорию города на строительные зоны по характеру и плотности застройки с разделением этих зон на строительные кварталы; г) предусматривать систему внутренних магистралей для связи функциональных районов друг с другом и с окружающей местностью; д) предписывает проектировать сети — общественного питания и торговую, учреждений культурно-бытового обслуживания, лечебно-профилактическую, физкультурную, социально-культурных, общественных и административных сооружений; е) разрабатывать общие основы технического обу-

дования населенного места (водоснабжение, канализация, электрификация, пожарная охрана и проч.⁷⁵⁶ Для крупных населенных мест дополнительно разрабатываются: ж) система зеленых насаждений; з) резервные земельные площади, необходимые для нужд производства, транспорта, жилищного строительства; и) общая схема организации, прилегающей к городу сельскохозяйственной территории, предназначенной для непосредственного снабжения его сельскохозяйственной продукцией; к) мероприятия по активной и местной обороне; л) очередность осуществления мероприятий и т. п.

При этом подчеркивается необходимость двусторонней кооперации. Со стороны сельскохозяйственного ареала — развитие базы, способной обеспечивать город продуктами, а со стороны города — удаление отходов, нечистот и сточных вод и использованием их в качестве удобрения для земель сельскохозяйственного назначения, а для животноводческих ферм отходов предприятий общественного питания. А также необходимость создания единой системы внегородской дорожной сети⁷⁵⁷.

Подчеркнуто, что разработке проектов планировки должна предшествовать разработка плановых заданий на проектирование, устанавливающих: а) социально-политический и экономический профиль населенного места; б) расчет территории, необходимой для возведения и последующего развития.

Постановление сохраняет возможность разработки «проектов частичной планировки» — в случае, когда возникает необходимость возведения капитальных сооружений до составления и утверждения проектов планировки⁷⁵⁸.

Базовой планировочной единицей вновь фиксируется «квартал», включающий в себя «первичные элементы сетей обслуживания населения» (столовые, ясли, детские сады, прачечные, физкультурные площадки и т. д.). Подчеркивается необходимость сосредоточения внимания на «архитектурно-художественном оформлении населенного места не только в отношении отдельных зданий, но главным образом, в оформлении комплексов: кварталов, улиц, площадей»⁷⁵⁹.

Постановление детально расписывает позиции разработки схем районной планировки, которая, в соответствии с концепцией соцрасселения, включает в себя: а) места расположения и общие основания устройства и расположения промышленных предприятий, центральных, районных электростанций, теплоцентралей и сетей передачи энергии; б) организацию сельскохозяйственной территории (схему размещения колхозов и совхозов); в) места расположения и схемы расширения складов и хранилищ государственного и районного значения; г) устройство и развитие сети путей сообщения; д) районные системы водоснабжения и канализации; е) работы по подготовке тер-

ритории (мелиоративные, осушение, орошение, регулирование рек и проч.); ж) охранные и защитные зоны и заповедники; з) развитие существующих и образование новых населенных мест; и) очередность возведения новых и переустройства существующих населенных мест, предприятий, сооружений и работ⁷⁶⁰.

Постановление СНК РСФСР от 3 июля 1934 г. «О мероприятиях по улучшению планировки, застройки и архитектурного оформления населенных мест» требовало *«обязать НККХ РСФСР по утверждению СНК РСФСР... разработать и утвердить план планировочных работ на 1934 г. ...Установить, что плановые задания и сметы планировки городов, а также проекты планировки для строительства первой очереди должны разрабатываться в срок не более 1 1/4 лет. В отдельных случаях в зависимости от сложности объекта срок этот с разрешения соответствующих органов может быть увеличен до 2 лет... Установить, как правило, что на территории города составление проекта планировки и выполнение всего комплекса связанных с этим работ должно проводиться только одной проектно-планировочной организацией. Возложить на проектно-планировочные организации всю ответственность не только за проводимые ими непосредственно проектно-планировочные работы, но и за проведение всех предварительных работ, необходимых для составления проектов планировки (топографо-геодезические работы, геологические, гидрогеологические, экономические и т. п. изыскания), выполняемые другими специальными организациями по договору с соответствующей основной проектно-планировочной организацией. Обязать Академию коммунального хозяйства провести разработку общей методологии планировки городов, а также проектов технических и экономических норм планировки с тем, чтобы после их утверждения в установленном порядке, они явились бы обязательными для всех проектно-планировочных организаций»*⁷⁶¹.

Формируемая властью государственная система проектного дела осуществляет жесткий административный контроль за деятельностью всех без исключения практикующих архитекторов, превращая их из свободных творческих индивидуальностей в государственных служащих, главной задачей которых является воплощение концепции социалистического расселения в конкретных планировочных решениях соцпоселений, структурировании пространства и предписываемой свыше архитектурной образности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Начиная с середины 1920-х гг. партийно-государственный аппарат и плановые органы СССР все в большей степени сосредотачивают свои усилия на формировании мощного современного военно-промышленного комплекса. Военная промышленность, или, как ее принято было называть в СССР, «оборонная промышленность», являлась предметом особого внимания сталинского руководства. Именно ей передавались наиболее ценные природные и трудовые ресурсы. Именно в нее направлялись основные материальные средства. Именно ее создание именовалось «индустриализацией». Именно она определяла возникновение новых городов.

Программа индустриализации заключалась, прежде всего, в создании сети промышленных производств, обслуживающих военно-промышленный комплекс, размещенных вблизи источников сырья и энергии, и предельно неуязвимых во время возможных боевых действий. Индустриализация была неразрывно связана с формированием новой пространственной конструкции страны — единой, общегосударственной, иерархически устроенной административно-территориальной структуры, состоящей из промышленно-пролетарских центров, тяготеющих к ним ареалам сельскохозяйственных угодий, а также системы соединяющих эти центры транспортных коммуникаций.

Советская власть в ходе индустриализации формировала в базовых ареалах расселения крупные агломерационные системы, хотя как научное понятие термин «агломерация» появился позже. Но, если во всем мире урбанизация и агломерирование являлись естественным, «географически выборочным процессом», т. е. проявлявшимся там, где для него складывались наиболее благоприятные условия¹, то в СССР в конце 1920–1930-е гг. этот процесс был искусственным. Урбанизация в Советском Союзе представляла собой сознательно осуществляемую программу, в ходе реализации которой новые городские образования формировались целенаправленно и планомерно, причем, по «промышленному принципу» — как результат рационального объединения групп кооперированных производств в технологически

¹ Лаппо Г. М. География городов. М., 1997. С. 92.

взаимосвязанные цепочки и размещения подле них строго посчитанного количества потребных трудовых ресурсов.

В этой системе расселение выступало исключительно как «производная» от стратегии создания промышленных предприятий. Госплан выявлял производственно-экономический и ресурсный потенциал неосвоенных регионов и транспортно-энергетические возможности для разработки природных ископаемых и их переработки для целей, прежде всего, тяжелой промышленности. Намечал размещение производственных объектов в местах, по возможности, недоступных для воздушных ударов авиацией любого из вероятных противников. Устанавливал потребность новых промышленных ареалов в трудовых ресурсах и определял источники их формирования.

В ходе дискуссии о соцрасселении, Н. Милютин произносит слова, выражающие суть советской политики расселения в период индустриализации: *«Направление нашего строительства неизбежно ... должно определяться размещением промышленности; производственное задание должно определять строительство городов, поселков и т. д. Старый капиталистический город возникал в большинстве случаев не на базе сырьевых ресурсов и энергетики, а на базе рынка ... в условиях советской действительности, в которых рынок и рыночные отношения заменяются плановым регулированием и в которых промышленные предприятия создаются на базе сырьевых ресурсов ... мы должны будем уйти, в большинстве случаев от тех центров, которые исторически сложились и строить новые города в местах размещения промышленных предприятий подле источников электроэнергии и сырьевых ресурсов»*².

Драма советских «урбанистов» и «дезурбанистов» конца 1920-х — начала 1930-х гг. состояла в том, что какими бы высоко профессиональными, логически завершенными и последовательно выстроенными ни были их концепции, власти они были не интересны и не нужны. Они лишь мешали воплощению ее собственных организационно-управленческих концепций — «соцрасселения» и «соцгорода». Руководство страной требовало от архитекторов (и не только от них) не дискуссионных обсуждений проблем соцрасселения, а незамедлительного и самоотверженного исполнения своих распоряжений. Осудив положения урбанистов и дезурбанистов, власть, в немыслимо сжатые сроки и с неисчислимым (до сих пор) количеством жертв, свершила «урбанистическую революцию» по собственному сценарию. Система расселения, сформированная в ходе индустриализации, представляла собой, в целом, рассредоточенную дезурбанизированную структуру,

² Вестник Коммунистической академии. 1930. № 42. С. 110.

состоящую из опорных урбанизированных промышленно-селитебных образований — соцгородов.

В результате осуществления планов «ускоренной индустриализации», принятых под давлением И. В. Сталина в 1929 г., городское население только за первую пятилетку увеличилось на 13,9 миллионов человек³. Это была насильственная урбанизация, основанная на искусственно ускоренном росте псевдогородского населения за счет принудительного переброса в старые города и соцгорода-новостройки деревенского населения и перемещения разнообразных трудовых контингентов из существующих городских поселений на индустриально осваиваемые территории.

Население соцгородов-новостроек, в основном, составляли крестьяне, оторванные от привычного образа жизни; «лишенцы», выселенные с прежнего места обитания; «социально-чуждые» элементы, выдвинутые из существующих городов; отбывшие наказание репрессированные, оставшиеся на постоянное жительство рядом с бывшими зонами; кочевые народы, принужденные к оседлому образу жизни; бывшие спецпереселенцы и трудопоселенцы, которым после освобождения некуда было податься и т. п.

Паспортная система затем и была введена в 1932 г., чтобы не только вытаскивать «лишнюю» массу трудовых ресурсов из старых городов на стройки пятилетки, но и удерживать это новое население здесь, лишая его возможности самовольного отъезда.

Власть всеми силами стремилась исключить естественные миграции и, напротив, активно инициировала искусственные плановые перемещения трудовых ресурсов. А города превращала в эффективное средство добровольно-принудительного прикрепления населения к местам трудоустройства. Население насильно закреплялось на новых местах обитания широким спектром средств — пропиской, трудовыми книжками, дефицитом жилья, запретом на самовольный уход с работы, распределением и закреплением молодых специалистов и квалифицированных кадров, ограничением зоны проживания после отбытия срока заключения и проч.

Формируемая в этих условиях система расселения не предполагала создание комфортной среды обитания. Подобное лишь идеологически провозглашалось. В реальности же, характер обустройства обитаемого пространства выражал лишь рациональную, с точки зрения интересов военно-промышленного комплекса, организацию производственной деятельности. Население — его интересы и предпочтения, его культурный уровень и уклад жизни, его традиции и обряды, его верования,

³ Второй пятилетний план развития народного хозяйства СССР (1933–1937). Москва, 1934. Т. 1. С. 533–534.

самобытность и потребности, при таком подходе в расчет не принимались. А если и учитывались, то лишь как материал для «переработки» и приспособления под задачи функционирования производства.

Архитектурно-планировочная структура города, приемы градостроительства, типы жилья — все это было призвано материализовать в конкретной структуре городского пространства постулаты трудовой мобилизационной и военно-мобилизационной организации населения страны. Формирование целостных промышленно-селитебных комплексов, жесткое членение селитебной территории на «жилые комплексы», «кварталы» и «районы», руководимые и контролируемые территориальными советскими и партийными органами и заводскими парткомитетами, обеспечивало контроль над населением. Облегчало руководство трудовыми и бытовыми процессами, точный учет количества обитателей населенных пунктов, формирование их квалификационного и половозрастного состава, привлечение к отбытию трудовой или воинской обязанности.

Жилище, получившее исключительно ведомственный характер, выступало в этой системе средством управления «трудовыми контингентами», способом привязки человека к месту приложения труда, одним из элементов плановой распределительной системы. Типология жилища соцгородов первых пятилеток отражала социальную структуру общества и минимальный характер инвестирования в «гражданскую» составляющую промышленно-селитебных комплексов. Она наглядно демонстрирует, что власть не собиралась ни строить полноценного индивидуального жилья, ни принимать на себя заботу о нормальном жизнеобеспечении населения, ни предоставлять ему свободу перемещения и независимость в выборе вида трудовой деятельности и образа жизни.

Самое драматичное в событиях архитектурной жизни в период первой пятилетки, это то, что решения, принимаемые властью, были лишены собственно «архитектурного» или «градостроительного» содержания.

Для «градостроительной» проработки постановлений, принимавшихся советским руководством, уже не оставалось ни места, ни времени. После суммирования экономико-географических, транспортных, военно-промышленных, топливно-энергетических, технологических, геополитических, ресурсно-трудовых и прочих заключений, выработанных в совсем иных «кабинетах», без участия архитекторов и совсем по иным основаниям, нежели градостроительные, решение о выборе места для населенного пункта, о его роли в системе других поселений, о его внутренней структуре и т. п. складывалось, фактически, уже в готовом виде. Архитекторам оставалось только «изобразить» его.

Но некоторые вопросы все же продолжали оставаться в исключительной компетенции архитекторов. Власть именно от архитекторов требовала разработки: формул расчета для точного определения потребной численности населения соцгорода и процентного определения работников «градообразующей» и «градообслуживающей» составляющих, а внутри этих групп — процентного распределения по видам занятий.

В архитектуру насильственно внедрялись новые принципы работы — поточно-конвейерная технология градостроительного проектирования; принципы структурного членения селитьбы на типовые и нормативно закрепленные элементы; новая типология массового и элитного жилища; новые принципы формирования и перечень «сетей обслуживания» и т. п.

Градостроительная теория и проектирование призваны были обеспечивать материализацию организационно-управленческих представлений о характере социалистического расселения и о соцгороде. Именно от архитекторов требовалось дополнить социально-экономическую и идеологическую составляющую государственной расселенческой политики профессиональными смыслами, выразить ее в понятных категориях и терминах.

Любое содержательное сопротивление этому было невозможным в условиях целенаправленного превращения профессии в государственную службу. Архитекторы-проектировщики, привлеченные к проектированию соцгородов и соцпоселков в конце 1920-х — 1930-е гг., оказывались в весьма сложном положении — на острие сталкивающихся интересов государственных органов управления и планирования; ведомственного «промышленного лобби» и местных органов власти; предписаний нормативно-законодательных документов и неписанных идеологических постулатов.

Они находились в постоянной зависимости от квалификации рабочей силы; от порядочности и образованности руководителей строек и прорабов; от качества предпроектных исследований и многих других «внешних» аспектов. Конфликт интересов повсеместно проявлялся столь остро и оказывался столь непреодолимым, что об него разбивались подчас самые грамотные планировочные идеи и самые качественные градостроительные решения.

Архитекторы и планировщики являлись заложниками этой ситуации. От них требовали качественного выполнения проектных задач в условиях, когда сделать это было, практически, невозможно. А после того, как с великим трудом, после проработки множества вариантов и постоянных переделок, им все же удавалось найти приемлемое решение, оказывалось, что его никто и не собирается воплощать. Потому что градостроительная документация, вместо того, чтобы выступать

регулятором ведомственных и муниципальных строительных программ, фактически, нужна была лишь в качестве средства «оформления» уже принятых решений.

Эта политика 1920–1930-х гг. имела долговременные последствия и, к сожалению, во многом предопределила практику современного городского управления и природу сегодняшних архитектурно-градостроительных проблем российских городов.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Хан-Магомедов С. О. «Сталинский ампи́р»: проблемы, течения, мастера // Архитектура сталинской эпохи: опыт исторического осмысления / сост. и отв. ред. Ю. Л. Косенкова. М., 2010. С. 10–24.

² Галигузов И. Ф., Чурилин М. Е. Флагман отечественной индустрии. История Магнитогорского металлургического комбината им. В. И. Ленина. М., 1978. С. 26.

³ Bauhaus на Урале. От Соликамска до Орска: материалы международной научной конференции 12–16 ноября 2007. Екатеринбург / под. ред. Л. И. Токмениновой, А. Фольперт. Екатеринбург, 2008; Коккинаки И. В. Советско-германские архитектурные связи во второй половине 1920-х гг. // Взаимосвязи русского и советского искусства и немецкой художественной культуры. М., 1980. С. 115–132; Конышева Е. В., Меерович М. Г. «Берег левый, берег правый: Э. Май и открытые вопросы истории советской архитектуры (на примере проектирования и строительства Магнитогорска) // Архитектон: Известия вузов. 2010. № 30. URL: http://archvuz.ru/numbers/2010_2/018; Конышева Е. В. Орск и Магнитогорск: наследие «соцгородов» конца 1920-х — первой половины 1930-х годов на Южном Урале // Архитектурное наследство. 2010. № 52. С. 159–207; Меерович М. Г. Альберт Кан в истории советской индустриализации // Архитектон: Известия вузов. 2009. № 26. URL: http://archvuz.ru/numbers/2009_2/ia1; Меерович М. Г., Хмельницкий Д. С. Иностранные архитекторы в борьбе за советскую индустриализацию. URL: <http://www.historia.ru/2006/01/perelom.htm>; Меерович М. Г., Хмельницкий Д. С. Американские и немецкие архитекторы в борьбе за советскую индустриализацию // Вестник Евразии. 2006. № 1; Шпотов Б. М. Американский фактор в индустриальном развитии СССР в 1920–1930-е годы. М., 2009; Шпотов Б. М. «Не дано нам историей тише идти» (техническая помощь Запада советской индустриализации) // Мир истории. 2002. № 3; Юнгханс К. Немецкие архитекторы и советский союз (1917–1933) // Взаимосвязи русского и советского искусства и немецкой художественной культуры. М., 1980. С. 96–114.

⁴ Мельтюхов М. И. Упущенный шанс Сталина. Советский Союз и борьба за Европу: 1939–1941 (Документы, факты, суждения). М., 2000.

⁵ Архитектура сталинской эпохи: Опыт исторического осмысления / сост. и отв. ред. Ю. Л. Косенкова. М., 2010; Вайтенс А. Г., Косенкова Ю. Л. Развитие правовых основ градостроительства в России XVIII — начала XXI века: Опыт исторического исследования. Обнинск, 2006; Казусь И. А. Советская архитектура 1920-х годов: организация проектирования. М., 2009; Косен-

кова Ю. Л. Советский город 1940-х — первой половины 1950-х гг. От творческих поисков к практике строительства. М., 2008; Меерович М. Г. Рождение и смерть города-сада. Градостроительная политика в СССР 1917–1926. Иркутск, 2008; Меерович М. Г. Рождение соцгорода. Градостроительная политика в СССР 1926–1932. Иркутск, 2008; Меерович М. Г. Наказание жилищем. Жилищная политика в СССР как средство управления людьми. 1917–1937. М., 2008; Паперный В. Культура Два. М., 1996; Советское градостроительство 1920–1930-х годов: Новые исследования и материалы / сост. и отв. ред. Ю. Л. Косенкова. М., 2010; Хан-Магомедов С. О. Архитектура советского авангарда. Книга 2: Социальные проблемы. М., 2001; Хмельницкий Д. М. Архитектура Сталина. Психология и стиль. М., 2007; Хмельницкий Д. М. Зодчий Сталин. М., 2007. Нельзя не отметить и вышедшую значительно ранее книгу В. Э. Хазановой (Хазанова В. Э. Советская архитектура первой пятилетки. Проблемы города будущего. М., 1980).

⁶ Всеобщая история архитектуры. Т. XII. Кн. 1. Архитектура СССР. М., 1975. С. 10.

⁷ Эррен Л. Урал как кладбище социалистических городов. Городское планирование в первом пятилетнем плане // Горизонты локальной истории Восточной Европы в XIX–XX вв.: сб. ст. / под ред. И. В. Нарского. Челябинск, 2003. С. 151–162.

⁸ Всеобщая история архитектуры. Т. XII. Кн. 1. С. 10.

⁹ Сабсович Л. Города будущего и организация социалистического быта. М., 1929. С. 10.

¹⁰ Подробнее см. раздел: «После урезонивания» — законодательное воплощение концепции соцрасселения».

¹¹ Абрамович И. Л. Воспоминания и взгляды: в 2 кн. М., 2004. Т. 1: Воспоминания. С. 43. URL: http://www.sakharov-center.ru/asfcd/auth/auth_pages22fe.html?Key=22367&page=43.

¹² О работе по перестройке быта: Постановление ЦК ВКП(б) // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986). Т. 5. 1929–1932. М., 1984. С. 118–119.

¹³ Сабсович Л. СССР через 10 лет. М., 1930. С. 5; Рогачевская Л. С. Как составлялся план первой пятилетки // Альманах «Восток». Вып. 3(27). URL: http://www.situation.ru/app/j_art_692.htm.

¹⁴ Рогачевская Л. С. Указ. соч.; Пятилетний план народно-хозяйственного строительства СССР. Т. 1. Сводный обзор. М., 1929; Пятилетний план народно-хозяйственного строительства СССР. Т. 2. Ч. 1. Строительная и производственная программа плана. М., 1929; Пятилетний план народно-хозяйственного строительства СССР. Т. 2. Ч. 2. Социальные проблемы. Проблемы распределения. Труд и культура. М., 1929.

¹⁵ Рогачевская Л. С. Указ. соч.

¹⁶ Сабсович Л. М. СССР через 15 лет. М., 1929. С. 8.

¹⁷ Там же. С. 155–157.

¹⁸ Сабсович Л. М. СССР через 15 лет. С. 163–179.

¹⁹ Там же. С. 181–182.

²⁰ Там же. С. 6–7.

²¹ Из речи Г. Кржижановского на Всесоюзном совещании плановых и статистических органов СССР. Цит. по: Хазанова В. Э. Указ. соч. С. 132.

²² Хазанова В. Э. Указ. соч. С. 132–133.

²³ Сабсович Л. М. СССР через 15 лет. С. 190.

²⁴ Проблемы реконструкции народного хозяйства СССР на пятилетие. Пятилетний перспективный план на 5 съезде президиумов госпланов. М., 1929. С. 465.

²⁵ Сабсович Л. М. СССР через 15 лет. С. 126–127.

²⁶ Там же. С. 132–134.

²⁷ Там же. С. 127–129.

²⁸ Хазанова В. Э. Указ. соч. С. 44, 132.

²⁹ Хан-Магомедов С. О. Указ. соч. С. 138.

³⁰ Там же.

³¹ Сабсович Л. М. Города будущего и организация социалистического быта. М., 1929. С. 30–31.

³² Там же. С. 31–32.

³³ Там же. С. 31.

³⁴ Там же. С. 37–38.

³⁵ На новом этапе социалистического строительства. М., 1930. С. 21.

³⁶ Там же.

³⁷ Сабсович Л. М. Города будущего и организация социалистического быта. С. 28–29.

³⁸ Там же. С. 55.

³⁹ См. раздел: «“С математической точностью” — расчет потребной численности жителей соцгорода».

⁴⁰ Сабсович Л. М. Города будущего и организация социалистического быта. С. 55.

⁴¹ Об очередных задачах партии по работе среди рабочих и крестьянок: Постановление ЦК ВКП(б) от 15 июня 1929 г. // КПСС в резолюциях. Т. 4. М., 1983. С. 515.

⁴² Там же.

⁴³ Известия Центрального комитета Всесоюзной коммунистической партии (большевиков). № 19 (278). 13 июля 1929 г. С. 4.

⁴⁴ Сабсович Л. М. Города будущего и организация социалистического быта. С. 42–44.

⁴⁵ Хазанова В. Э. Указ. соч. С. 105.

⁴⁶ Коммунистическая Академия ЦК ВКП(б) являлась в это время (и далее, вплоть до 1936 г.) высшим учебным и научно-исследовательским учреждением по общественным и естественным наукам. Под названием Социалистическая академия общественных наук она основана декретом ВЦИК РСФСР от 25 июня 1918 г. в Москве и официально открыта 1 октября того же года; с апреля 1919 по апрель 1924 г. называлась Социалистическая академия; затем, в апреле 1924 г. переименована в Коммунистическую академию, а 2 февраля 1936 г. «в целях объединения в одном государственном научном центре деятелей науки» институты и сотрудники Комакадемии вводятся

в состав Академии наук СССР (Из истории советской архитектуры 1926–1931 гг.: документы и материалы. Творческие объединения М., 1970. С. 137).

⁴⁷ Охитович М. Социалистический способ расселения и социалистический тип жилья // Вестник Коммунистической академии. 1929. Кн. 35/36. С. 334–338.

⁴⁸ Охитович М. К проблеме города // Современная архитектура. 1929. № 4. С. 130–134.

⁴⁹ Гинзбург М. Социалистическая реконструкция существующих городов // Революция и культура. 1930. № 1. С. 50–53.

⁵⁰ Там же. С. 105.

⁵¹ К проблеме соцгорода // Вестник Коммунистической академии. 1930. № 42. С. 109.

⁵² Ларин Ю. Коллективизация быта в существующих городах // Революция и культура. 1930. № 7. С. 54–62.

⁵³ К проблеме соцгорода. С. 109.

⁵⁴ Склонский А. Социалистический город // Революция и культура. № 21. 1929. С. 23–25.

⁵⁵ Мордвинов А. Строительство новых городов // Литература и искусство. 1930. № 1. С. 139–149.

⁵⁶ Охитович М. Заметки по теории расселения // Современная архитектура. 1930. № 1/2. С. 7–16; Барш М. О. Гинзбург М. Я. Зеленый город // Там же. С. 20–37; Барш М., Владимиров В., Охитович М., Соколов Н. Магнитогорье. К проблеме генплана // Там же. С. 39–56; Пастернак А. Споры о будущем города // Там же. С. 57–62.

⁵⁷ Зиновьев Г. От утопии к действительности // Революция и культура. 1930. № 1. С. 4–10; Черня И. Города социализма // Там же. С. 11–16; Зеленко А. Город ближайших лет // Там же. С. 29–34; Гинзбург М. Социалистическая реконструкция существующих городов // Там же. С. 50–53; Луначарский А. Современное оформление социалистических городов // Там же. С. 59–61 и др.

⁵⁸ Сабсович Л. М. Новые пути в строительстве городов // Строительство Москвы. 1930. № 1. С. 3–5; Зеленко А. У. Проблема строительства социалистических городов // Там же. С. 5–9; Охитович М. Отчего гибнет город? // Там же. С. 9–11; Пузис Г. Пути нового расселения // Там же. С. 11–14; Вереzubов И. К вопросу о проблеме социалистического города // Там же. С. 13–16; Петров М. К планировке новой Москвы // Там же. С. 16–17; Ладовский Н. Москва «историческая» и социалистическая // Там же. С. 17–20; Красин Г. Основные проблемы планировки Москвы // Там же. С. 21–23; Заславский А. Против искривления классовой линии в строительстве социалистических городов // Там же. С. 24–25 и др.

⁵⁹ Использовать проекты утопистов // Правда. 2 декабря 1929 г. № 282 (4416). С. 2; Туров В. Старые штампы и новые выкрутасы. Поставить проектировку под контроль масс // Там же. С. 2; Социалистическая перестройка быта. Организация общественного питания // Там же. 9 декабря 1929 г. № 289 (4423). С. 4; Социалистическая перестройка быта. Жилищное строи-

тельство // Там же. 12 декабря 1929 г. № 292 (4426). С. 2; Социалистическая перестройка быта. Новый быт и новая индустрия // Правда. 2 января 1930 г. № 2; и др.

⁶⁰ Хвесин Т. Строительство социалистических городов // Известия ЦИК. 30 января 1930 г. № 29. С. 5.

⁶¹ № 211 от 13 сентября 1929 г.; № 289 от 15 декабря 1929 г.; № 301 от 31 декабря 1929 г.; № 7 от 9 января 1930 г.; № 11 от 14 января 1930 г.; № 15 от 18 января 1930 г.; № 69 от 26 марта 1930 г.; № 77 от 4 апреля 1930 г.; № 151 от 28 июня 1930 г. и др.

⁶² Охитович М. Не город, а новый тип расселения // Экономическая жизнь. 7 декабря 1929 г. № 282. С. 3; Гинзбург М. Я. Социалистическое расселение. Децентрализация крупнейших городов // Там же. С. 3; Гольцман А. На путях коллективизации быта // Там же. С. 3.

⁶³ № 273 от 27 ноября 1929 г.; № 276 от 30 ноября 1929 г.; № 280 от 5 декабря 1929 г.; № 283 от 9 декабря 1929 г.; № 289 от 16 декабря 1929 г.

⁶⁴ № 18 от 22 января 1930 г.; № 25 от 31 января 1930 г. и др.

⁶⁵ Подробнее см.: Меерович М. Г. Наказание жилищем: жилищная политика в СССР как средство управления людьми (1917–1937 годы). М., 2008.

⁶⁶ Хазанова А. Э. Указ соч. С. 53.

⁶⁷ Сабсович Л. М. Города будущего. Указ. соч. С. 22.

⁶⁸ Эту позицию разделяют и другие участники дискуссии (Зеленко А. У. Проблема строительства социалистических городов // Строительство Москвы. 1930. № 1. С. 5–9; Пузис Г. Пути нового расселения // Там же. С. 11–14; Пузис Г. Прения по докладу М. Охитовича «Социалистический способ расселения и социалистический тип жилья» // Вестник Коммунистической академии. 1929. Кн. 35/36. С. 339–342; Вerezубов И. В. К вопросу о проблеме социалистического города // Строительство Москвы. 1930. № 1. С. 14–16; Заславский А. Против искривления классовой линии в строительстве социалистических городов // Там же. С. 24–25) и др.

⁶⁹ Сабсович Л. М. Новые пути в строительстве городов // Строительство Москвы. 1930. № 1. С. 3.

⁷⁰ На новом этапе. САСС. Сектор архитекторов социалистического строительства: тезисы // Советская архитектура. 1931. № 1–2. С. 97–102, С. 99–100.

⁷¹ Сабсович Л. М. Новые пути в строительстве городов. С. 3.

⁷² Охитович М. К проблеме города // Современная архитектура. 1929. № 4. С. 130–134.

⁷³ Охитович М. Социалистический способ расселения и социалистический тип жилья // Вестник Коммунистической академии. 1929. Кн. 35/36. С. 335, 337 (доклад М. Охитовича зачитан в кооперативной секции Комакдемии 1 октября 1929 г.).

⁷⁴ Прения по докладу М. Охитовича «Социалистический способ расселения и социалистический тип жилья». С. 335, 336; Вестник Коммунистической академии. 1930. № 42.

⁷⁵ К проблеме планировки соцгорода: реферированная стенограмма // Вестник Коммунистической академии. 1930. № 42. С. 110–111.

⁷⁶ Прения по докладу М. Охитовича «Социалистический способ расселения и социалистический тип жилья». С. 338–344.

⁷⁷ Охитович М. К проблеме города // Современная архитектура. 1929. № 4. С. 130–134, С. 134; Рысс Ц. Прения по докладу М. Охитовича «Социалистический способ расселения и социалистический тип жилья» // Вестник Коммунистической академии. 1929. Кн. 35/36 С. 342–343.

⁷⁸ Хотя были и иные предложения. Так, например, Г. Красин говоря о планировке города, предлагал равномерно распределять промышленность, торговые и административные учреждения по всей территории города.

⁷⁹ Крупская Н. Города будущего // Комсомольская правда. 15 декабря 1929. № 289.

⁸⁰ Луначарский А. Современное оформление социалистических городов // Революция и культура. 1930. № 1. С. 59–61.

⁸¹ Черня И. Города социализма // Революция и культура. 1930. № 1. С. 11–16.

⁸² Там же. С. 11.

⁸³ Там же. С. 14.

⁸⁴ Кожаный П. Прения по докладу М. Охитовича «Социалистический способ расселения и социалистический тип жилья» // Вестник Коммунистической академии. 1929. Кн. 35/36. С. 343.

⁸⁵ Там же.

⁸⁶ Там же.

⁸⁷ Пузис Г. Прения по докладу М. Охитовича «Социалистический способ расселения и социалистический тип жилья»... С. 342.

⁸⁸ Кожаный П. Прения по докладу М. Охитовича «Социалистический способ расселения и социалистический тип жилья». С. 343.

⁸⁹ Там же.

⁹⁰ Там же.

⁹¹ Хазанова В. Э. Указ. соч. С. 75.

⁹² Милютин Н. К проблеме соцгорода // Вестник Коммунистической академии. 1930. № 42. С. 109–147, С. 119.

⁹³ Там же. С. 112.

⁹⁴ Сабсович Л. М. СССР через 15 лет; Охитович М. К проблеме города; Охитович М. Социалистический способ расселения и социалистический тип жилья.

⁹⁵ Охитович М. Социалистический способ расселения и социалистический тип жилья. С. 334. «Структура жилища (например, деление жилищ на комнаты) вытекает в свою очередь из факта разделения труда внутри жилища» (Там же).

⁹⁶ Пузис Г. О новом способе расселения // Революция и культура. 1930. № 7. С. 52.

⁹⁷ Вестник Коммунистической Академии. 1930. № 42.

⁹⁸ Цит. по: Хан-Магомедов С. О. Архитектура советского авангарда. С. 208.

⁹⁹ Конечно, они подчеркивают и различие своих представлений: «мы выступаем против конкретных проектов дезурбанистов, предлагающих как систему расселения рассеяние индивидуальных домиков (...). Мы выступаем против перепрыгивания через реальные условия (...). Мы выступаем против сквозящего в проектах дезурбанистов фетишизирования природы...» (Хан-Магомедов О. С. Указ. соч. С. 208).

¹⁰⁰ АСНОВА. Ассоциация новых архитекторов // Советская архитектура. 1931. № 1–2. С. 44–45; Декларация Всероссийского архитектурного научного общества при профсоюзе строителей // Современная архитектура. 1930. № 3. С. 1; Декларация Объединения архитекторов-урбанистов (АРУ) // Советская архитектура. 1931. № 1–2. С. 19–20; Декларация Объединения молодых архитекторов // Современная архитектура. 1928. № 1. С. 39; Декларация Объединения пролетарских архитекторов // Строительство Москвы. 1929. № 8. С. 25–26; Декларация художественного объединения «Октябрь» // Современная архитектура. 1928. № 3. С. 73–74; Пузис Г. О новом способе расселения // Революция и культура. 1930. № 7. С. 46–53; Михайлов А. ВОПРА–АСНОВА–САСС. К вопросу об идейно-методологических разногласиях // Советская архитектура. 1931. № 1–2. С. 73–77; Мордвинов А. ВОПРА. Всесоюзное объединение пролетарских архитекторов // Советская архитектура. 1931. № 1–2. С. 65–66; Программно-идеологическая установка сектора АСНОВА // Советская архитектура. 1931. № 1–2. С. 46–47; САСС (Сектор архитекторов социалистического строительства). На новом этапе: тезисы // Советская архитектура. 1931. № 1–2. С. 99–102; и др.

¹⁰¹ В Постановлении «О работе по перестройке быта», принятом 16 мая, опубликованном 29 мая 1930 г.

¹⁰² Маркс К., Энгельс Ф. Манифест коммунистической партии // Маркс К., Энгельс Ф. Избранные сочинения: в 9 т. Т. 3. М., 1985. С. 152–153.

¹⁰³ Энгельс Ф. Анти-Дюринг. Переворот в науке, произведенный господином Евгением Дюрингом // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. М., 1961. Т. 20. С. 308.

¹⁰⁴ Там же. С. 238–239.

¹⁰⁵ Энгельс Ф. К жилищному вопросу // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. М., 1961. Т. 18. С. 277.

¹⁰⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Манифест коммунистической партии // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. М., 1955. Т. 4. С. 428.

¹⁰⁷ Энгельс Ф. К жилищному вопросу // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. М., 1961. Т. 18. С. 277.

¹⁰⁸ Цит. по: Колычев А. Город прошлого и будущего // Советское строительство. 1928. № 10 (27). С. 38.

¹⁰⁹ Светлов Ф., Горный С. Социалистический город в бесклассовом обществе // Плановое хозяйство. 1934. № 2. С. 158.

¹¹⁰ Крупская Н. Города будущего // Комсомольская правда. 15 декабря 1929. № 289.

¹¹¹ Там же. С. 163.

¹¹² Мордвинов П. Строительство новых городов // Литература и искусство. 1930. № 1. С. 140.

¹¹³ Из резолюции Пленума ЦК ВКП(б) 15 июня 1931 г. по докладу т. Л. М. Кагановича о городском хозяйстве (Цит. по: Боровой А. А. Планировка городов Московской области. Работы сектора планировки Московского областного проектного треста за 1925–1933 гг. М., 1933. С. 3.).

¹¹⁴ Пузис Г. О методах исчисления населения в планировке населенных мест // Советская архитектура. 1931. № 3. С. 4–7. С. 4.

¹¹⁵ О порядке установления очередности снабжения строителей рабочей силой. Циркуляр № 2 Строительного сектора Госплана Союза ССР. Сборник № 9. Выпуск № 78. Государственное планово-хозяйственное издательство. М., 1930. С. 5–12.

¹¹⁶ Начиная с конца 1920-х гг., обеспечение поступления этого «потребного количества» будет осуществляться за счет: а) принудительных миграций и переселения, б) использования естественной активности молодежи, в) служебного командирования, г) направления по воинским приказам и проч.

¹¹⁷ Пузис Г. О методах исчисления населения в планировке населенных мест // Советская архитектура. 1931. № 3. С. 5.

¹¹⁸ Глазырин В. А. Поселки-сады и поселки на путях сообщения. Вып. 1–2. Л. 1928–1929.

¹¹⁹ Поскольку книга В. А. Глазырина посвящена расселению на транспортных магистралях, постольку под «производственным предприятием» он понимает «конечный, узловой или транзитный, проходной пункт железнодорожного, водного, шоссейного или воздушного пути сообщения, для нужд которого проектируется новый населенный пункт» (Там же. С. 42).

¹²⁰ Там же. С. 42.

¹²¹ Ларин Ю. Перспективы развития жилищной кооперации // За новое жилище: сб. статей к 5-летию жилищной кооперации. Издание Центрожилсоюза. М., 1930.

¹²² Известия ЦК ВКП(б) №19 (278) от 13 июля 1929 г. С. 13.

¹²³ Там же.

¹²⁴ Никаноров. Автострой // Революция и культура. № 1. 1930. С. 75–77.

¹²⁵ Когда они начинают трудиться на заводах наравне с мужчинами.

¹²⁶ Милютин Н. Основные вопросы жилищно-бытового строительства // Советская архитектура. 1931. № 1–2. С. 4. Эти же цифры приводит Л. Сабсович в своей статье «Почему мы должны и можем строить социалистические города?» (Сабсович Л. Почему мы должны и можем строить социалистические города? // Революция и культура. 1930. № 1. С. 17–28).

¹²⁷ Первая всесоюзная конференция по планировке и строительству городов: тезисы докладов на секциях / под ред. Ф. В. Попова, Н. Д. Ефремова, А. М. Борщевского. М., 1933. Заметим, что для старых (существующих) городов «...руководством является решение XVII Партконференции о ликвидации классов в течение второй пятилетки, в связи с чем, коэффициент пролетаризации уже в 1938 г. должен быть равен нулю» (Там же. С. 134).

¹²⁸ Из истории магнитогорского металлургического комбината и города Магнитогорска (1929–1941 гг.). С. 219.

¹²⁹ Покшишевский С. Н. Промышленный город. Его расчет и проектирование. М. — Л., 1932. С. 31.

¹³⁰ Главное управление металлической промышленности. Государственный институт по проектированию металлических заводов. Северо-Кавказское отделение в Ростове-на-Дону. Новый завод сельскохозяйственного машиностроения в Ростове-на-Дону. Л.-Ростов н/Д. Издание Северо-Кавказского отделения Гипромеза в Ростове-на-Дону. 1927. С. 57.

¹³¹ Цит. по Покшишевский С. Н. Указ. соч. С. 28.

¹³² Известия ЦК ВКП(б) № 19 (278) от 13 июля 1929 г. С. 13.

¹³³ Коршунов Б. Подмосковный энерго-химический комбинат // Строительство Москвы. 1930. № 6. С. 16.

¹³⁴ Проблемы реконструкции народного хозяйства СССР на пятилетие. Пятилетний перспективный план на 5 съезде президиумов госпланов. М., 1929. 650 стр., с. 465.

¹³⁵ Новый завод сельскохозяйственного машиностроения в Ростове-на-Дону. С. 57.

¹³⁶ Там же. С. 56.

¹³⁷ Тракторный завод им. Ф. Дзержинского в Сталинграде (проект). Ленинград: Издание института по проектированию новых металлзаводов. 1928. С. 133.

¹³⁸ ГА РФ. Ф. А-314. Оп. 1. Д. 7667. Материалы и дела по планировке городов и поселков. 1. Планировка городов. Дело о планировке г. Магнитогорска. Том I. Ноябрь 1930 — дек. 1932. 216 Л., Л. 116.

¹³⁹ Там же. Л. 116.

¹⁴⁰ Тракторный завод им. Ф. Дзержинского в Сталинграде. С. 133.

¹⁴¹ ГА РФ. Ф. А-314. Оп. 1. Д. 7667. Материалы и дела по планировке городов и поселков. 1. Планировка городов. Дело о планировке г. Магнитогорска. Том I. Ноябрь 1930 — дек. 1932. 216 Л., Л. 116.

¹⁴² Государственный институт по проектированию металлзаводов. Вагоностроительный завод в Нижнем Тагиле (проект). Л.: Изд-во института по проектированию новых металлзаводов. 1927. С. 42.

¹⁴³ Новый завод сельскохозяйственного машиностроения в Ростове на Дону. С. 53–58.

¹⁴⁴ Т. е. только количество детей младшего, нетрудоспособного возраста.

¹⁴⁵ Тракторный завод им. Ф. Дзержинского в Сталинграде. С. 145.

¹⁴⁶ Коршунов Б. Указ. соч. С. 13.

¹⁴⁷ ГА РФ. Ф. А-314. Оп. 1. Д. 7737. Материалы и дела по планировке городов и поселков. I. Планировка городов. Дело о планировке г. Новокузнецка. Том I. март 1931 — март 1931. Стенограмма объединенного заседания технических советов ГУКХ и Союзстроя ВСНХ СССР и Оценочного комитета ЦКБанка по рассмотрению проектов планировки и строительства г. Новокузнецка в 1931 г. от 25 марта 1931 г. Л. 7–8.

¹⁴⁸ Там же. Л. 8.

¹⁴⁹ Уральский машиностроительный завод в Свердловске (Проект). Издание Государственного института по проектированию новых металлзаводов. Л., 1928. С. 75.

¹⁵⁰ Магнитогорский металлургический завод (Проект). Издание Государственного института по проектированию новых металлзаводов. Л. 1929. С. 523.

¹⁵¹ Там же. С. 523–524.

¹⁵² ГА РФ. Ф. А-314. Оп. 1. Д. 7667. 216 л. Указ. соч. Л. 109.

¹⁵³ Магнитогорский металлургический завод. Указ. соч. С. 525.

¹⁵⁴ ГА РФ. Ф. А-314. Оп. 1. Д. 7667. Материалы и дела по планировке городов и поселков. I. Планировка городов. Дело о планировке г. Магнитогорска. Том I. Ноябрь 1930 — дек. 1932. 216 л., л. 109–118.

¹⁵⁵ Там же. Л. 109.

¹⁵⁶ Тракторный завод им. Ф. Дзержинского в Сталинграде. Указ. соч. С. 145.

¹⁵⁷ ГА РФ. Ф. А-314. Оп. 1. Д. 7737. Материалы и дела по планировке городов и поселков. I. Планировка городов. Дело о планировке г. Новокузнецка. Том I. Март 1931 — март 1931. 143 л., л. 38.

¹⁵⁸ По поводу конкурса на проект планировки поселка «Москвуголь» в Бобрике // Строительство Москвы. 1930. № 1.

¹⁵⁹ Волтерс Р. Указ. соч. С. 120–121.

¹⁶⁰ Уральский машиностроительный завод в Свердловске (Проект). Издание Государственного института по проектированию новых металлургических заводов. Л. 1928. 288 с. С. 75; Магнитогорский металлургический завод (Проект). Издание Государственного института по проектированию новых металлургических заводов. Л. 1929. 720 с. С. 523.

¹⁶¹ Первая всесоюзная конференция по планировке и строительству городов. Указ. соч. С. 134.

¹⁶² Там же. С. 135.

¹⁶³ Наличие неженатой, незамужней молодежи в расчет не берется, так как она распределяется, примерно поровну, на объекты градообразующей и градообслуживающей базы.

¹⁶⁴ Первая всесоюзная конференция по планировке и строительству городов. Указ. соч. С. 135.

¹⁶⁵ Опубликована в 1932 г.

¹⁶⁶ ГА РФ. Ф. А-314. Оп. 1. Д. 8001. Материалы и дела по планировке городов и поселков. II. Планировка рабочих поселков. Дело о планировке поселка «Оптикогорск» при заводе точной механики № 19. Март 1931 — сент. 1931. 22 л. Л. 1 об.

¹⁶⁷ Там же.

¹⁶⁸ Боровой А. А. Указ. соч. С. 3.

¹⁶⁹ Косенкова Ю. Л. Указ. соч. С. 12; См. также: Шейнис Д. Как рассчитывать население новых и реконструируемых городов // Строительный бюллетень Гипрогора. 1931. № 4 (от 21 октября).

¹⁷⁰ Сабсович Л. М. СССР через 15 лет. С. 110.

¹⁷¹ Второй пятилетний план развития народного хозяйства СССР (1933–1937). М., 1934. Т. 1. С. 533–534.

¹⁷² Ленин В. И. Удержат ли большевики государственную власть? М.: Политиздат, 1983. 47 с., С. 20.

¹⁷³ О правах трудящегося и эксплуатируемого народа. Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа от 12 января 1918 г. // Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. М., 1967. Т. 1. С. 30.

¹⁷⁴ СУ РСФСР 1918. № 90. Ст. 919.

¹⁷⁵ См раздел: «Урбанизм или дезурбанизм» — дискуссия о социалистическом расселении».

¹⁷⁶ Троцкий Л. Вопросы хозяйственного районирования в связи с применением сил 1-й армии труда. (Письмо т. Пятакову) 2009. URL: <http://www.magister.msk.ru/library/trotsky/trotl562.htm>.

¹⁷⁷ Бухарин Н. И. Проблемы теории и практики социализма. М., 1989. С. 168.

¹⁷⁸ Ленин В. И. Государство и революция. Изд. 1919 г. С. 36.

¹⁷⁹ Бухарин Н. И. Указ. соч.

¹⁸⁰ Там же. С. 452.

¹⁸¹ Там же.

¹⁸² СУ РСФСР. 1920. № 3. Ст. 15; Там же. № 4–5. Ст. 26; Там же. № 4–5. Ст. 27.

¹⁸³ Там же. Ст. 15. С. 11–12.

¹⁸⁴ Троцкий Л. Задачи 1-й армии труда. 2009. URL: <http://www.magister.msk.ru/library/trotsky/trotl566.htm>.

¹⁸⁵ СУ РСФСР. 1920. № 3. Ст. 15. С. 11–12.

¹⁸⁶ Гинзбург С. З. О прошлом — для будущего. М., 1983. С. 46–47.

¹⁸⁷ СУ. 1920. № 4–5. Ст. 26. С. 18.

¹⁸⁸ Там же. С. 12.

¹⁸⁹ Положение о Народном Комиссариате труда. Положение о губернских отделах труда // Бюллетень трудового фронта. 1921. № 13. С. 1–2; Положение о губернских отделах труда // Бюллетень трудового фронта, 1921. № 13. С. 4–6; «Положение об уездных и волостных отделах труда» // Бюллетень трудового фронта, 1921. № 13. С. 6–8.

¹⁹⁰ Совещание наркомтрудов, зав. областн. отделами труда и начальников трудармий // Бюллетень трудового фронта. 1921. № 12. С. 14–19.

¹⁹¹ СУ РСФСР. 1919. № 20. Ст. 235.

¹⁹² Об очередных задачах хозяйственного строительства. Резолюция IX съезда РКП(б) от 3 апреля 1920 г. // Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. В 5 т. 1917–1967 гг. Сб. документов за 50 лет. М., 1967. Т. 1. 1917–1926 гг. С. 171.

¹⁹³ СУ РСФСР. 1921. № 77. Ст. 649.

¹⁹⁴ О взаимоотношениях комтрудов с управлениями по учету и распределению рабочей силы отделов труда на местах. Постановление Главкомтруда и Наркомтруда // Бюллетень Комгосоора. 1920. № 7. С. 2.

¹⁹⁵ Там же. С. 20–30.

¹⁹⁶ Там же. С. 30–31.

¹⁹⁷ ГУЛАГ: Главное управление лагерей. 1918–1960 / Под ред. акад. А. Н. Яковлева; сост. А. И. Кокурин, Н. В. Петров. М., 2000. С. 113.

¹⁹⁸ Там же. С. 116–117.

¹⁹⁹ Красильников С. А. Указ. соч. С. 24.

²⁰⁰ Красильников С. А. Серп и Молот: Крестьянская ссылка в Западной Сибири в 1930-е годы. М., 2003. С. 62.

²⁰¹ Там же. С. 61–62.

²⁰² Там же. С. 62.

²⁰³ Цит. по: Макарова Н. Н. Повседневная жизнь Магнитогорска в 1929–1935 гг. Дисс. на соискание ученой степени канд. ист. наук по специальности 07.00.02 Отечественная история. Магнитогорск. 2010. С. 45.

²⁰⁴ Там же.

²⁰⁵ Там же.

²⁰⁶ Хлевнюк О. В. 1937-й: Сталин, НКВД и советское общество. М., 1992. С. 85.

²⁰⁷ Платунов Н. И. Переселенческая политика советского государства и ее осуществление в СССР (1917 – июнь 1941 гг.). Томск, 1976. С. 44.

²⁰⁸ Там же. С. 17.

²⁰⁹ Там же.

²¹⁰ ГУЛАГ: Главное управление лагерей. 1918–1960. С. 7, 63.

²¹¹ О мероприятиях по проведению... С. 33.

²¹² Земсков В. Н. Указ. соч. С. 16.

²¹³ Там же. С. 122.

²¹⁴ Макарова Н. Н. Указ. соч. С. 58.

²¹⁵ Хлевнюк О. В. Указ. соч. С. 85.

²¹⁶ ГУЛАГ: Главное управление лагерей. 1918–1960. С. 6.

²¹⁷ Без учета Казахстанского управления.

²¹⁸ В том числе 12 сельскохозяйственного профиля, 19 лесозаготовительного, 26 промышленного (Спецпереселенцы в Западной Сибири. С. 14).

²¹⁹ Там же.

²²⁰ Точная цифра – 1 803 392 чел. (Земсков В. Н. Указ. соч. С. 118).

²²¹ Там же.

²²² Эта практика будет отменена в 1939 г.

²²³ Земляной С. Н. Невидимая рука Учраспред. 2009. URL: http://magazines.russ.ru/oz/2004/2/2004_2_31-pr.html.

²²⁴ Там же.

²²⁵ Были индустриальные: очерки и воспоминания. М., 1979. С. 49–50.

²²⁶ Там же. С. 50.

²²⁷ Договор по самозакреплению рабочих, служащих и ИТР на вторую пятилетку по Магнитогорскому металлургическому комбинату им. т. Сталина // История Магнитостроя. Хроника в лицах и фактах. Магнитогорск, 1999. С. 88–89.

²²⁸ СУ РСФСР. 1926. № 35. Ст. 282.

²²⁹ Сталин и Каганович. Переписка. 1931–1936 гг. / Сост. О. В. Хлевнюк, Р. У. Дэвис, Л. П. Кошелева, Э. А. Рис, Л. А. Роговая М., 2001. С. 14.

²³⁰ ОГАЧО. Ф. 804. Оп. 1. Ед. хр. 29. Из докладной записки бригады Центральной контрольной комиссии и РКИ Президиуму ЦКК, коллегии ЦК РКИ СССР об обследовании Челябинского ферросплавного завода. Л. 24–27.

²³¹ ОГАЧО. Ф. 98. Оп. 1. Ед. хр. 3234. Из циркуляра Уральского областного отдела труда райколхозсоюзам и райуполномоченным по труду Челябинского округа об обеспечении промышленности рабочей силой. Л. 91–92.

²³² Кузнецкий металлургический комбинат им. И. В. Сталина (1929–1945). 2010. URL: http://community.livejournal.com/su_industria/58586.html#cutid1.

²³³ О порядке обязательного перевода инженеров-техников, мастеров, служащих и квалифицированных рабочих с одних предприятий на другие. Указ президиума Верховного Совета СССР от 19 октября 1940 г. // Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. М., 1967. Т. 2. С. 777–779.

²³⁴ Были индустриальные... С. 50.

²³⁵ Об образовании главного управления трудовых резервов при Совнаркоме СССР. Постановление СНК СССР от 2 октября 1940 г. // Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. М., 1967. Т. 2. С. 776–777; О государственных трудовых резервах СССР. Указ президиума Верховного Совета СССР от 2 октября 1940 г. // Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. М., 1967. Т. 2. С. 775. См. также: СЗ СССР. 1940. Отдел первый. № 16. Ст. 385.

²³⁶ О государственных трудовых резервах СССР. Указ президиума Верховного Совета СССР от 2 октября 1940 г. // Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. М., 1967. Т. 2. С. 775. См. также: СЗ СССР. 1940. Отдел первый. № 16. Ст. 385).

²³⁷ Красильников С. А. Указ. соч. С. 55, 67.

²³⁸ Н. Н. Макарова указывает: «Термин “спецпереселенцы” использовался до 1934 г. Позже, в 1934–1944 гг., их именовали трудпоселенцами, а с марта 1944 – вновь спецпереселенцами» (Макарова Н. Н. Указ. соч. С. 57).

²³⁹ Красильников С. А. Указ. соч. С. 2.

²⁴⁰ Там же. С. 22.

²⁴¹ О мероприятиях по укреплению социалистического переустройства сельского хозяйства в районах сплошной коллективизации и по борьбе с кулачеством. Постановление ЦИК и СНК СССР от 1 февраля 1930 г. // Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1930 – весна 1931 г. / Сост. С. А. Красильников, В. Л. Кузнецова, Т. Н. Осташко, Т. Ф. Павлова, Л. С. Пашенко, Р. К. Суханова. Новосибирск, 1992. С. 20; Секретная инструкция ЦИК и СНК СССР от 4 февраля «ЦИКа и совнаркомам союзных и автономных республик, краевым и областным исполнительным комитетам о мероприятиях по выселению и раскулачиванию кулаков, конфискации их имущества» (Там же. С. 21–25).

²⁴² О мероприятиях по упорядочиванию временного и постоянного расселения высланных кулацких семей. Постановление СНК РСФСР от 10 апреля 1930 г. (Там же. С. 28–30); О мероприятиях по проведению спецколонизации в Северном и Сибирском краях и Уральской области. Постановление СНК РСФСР от 18 августа 1930 г. (Там же. С. 33–34).

²⁴³ О местах поселения кулацких хозяйств, выселяемых из районов сплошной коллективизации. Постановление коллегии Наркомзема РСФСР (Там же. С. 27–28).

²⁴⁴ Реорганизация переселенческого дела // Известия ЦИК. 30 декабря 1930 г. № 29. С. 2.

²⁴⁵ Цит. по: Макарова Н. Н. Указ. соч. С. 57.

²⁴⁶ Из отчета Управления НКВД по Челябинской области Главного управления лагерями и трудпоселениями НКВД СССР о состоянии спецссылки за 1934 г. // Челябинская область: сборник документов и материалов. Челябинск, 1999. С. 89–90.

²⁴⁷ Красильников С. А. Указ. соч. С. 55, 67.

²⁴⁸ Скотт Дж. За Уралом. Американский рабочий в русском городе стали. М. — Свердловск, 1991. С. 282.

²⁴⁹ Федосихин В. С., Хорошанский В. В. Магнитогорск — классика советской социалистической архитектуры. 1918–1991 гг. Магнитогорск, 1999. С. 62.

²⁵⁰ Там же.

²⁵¹ Там же.

²⁵² Там же. С. 63.

²⁵³ Земсков В. Н. Судьба кулацкой ссылки (1930–1954 гг.) // Отечественная история. 1994. № 1. С. 122.

²⁵⁴ Там же.

²⁵⁵ Красильников С. А. Указ. соч. С. 64.

²⁵⁶ Там же. С. 65.

²⁵⁷ Тогулев В. «Вы поели наших баранов, за это мы съедем ваших детей!» Каннибализм в Кемерове в 1930-е годы. 2003. URL: http://www.kuzbasshistory.narod.ru/Ist_Pub/Text/20_30/Kannib_30.html.

²⁵⁸ Dr. Hermann Greife. «Zwangsarbeit in der Sowjetunion», Berlin 1936. S. 47.

²⁵⁹ Положение спецпереселенцев, как особых контингентов подневольной рабочей силы, законодательно регулировалось постановлением СНК РСФСР от 18 августа 1930 г. «О мероприятиях по проведению спецколонизации в Северном и Сибирском краях и Уральской области»; постановлением СНК СССР от 1 июля 1931 г. «Об устройстве спецпереселенцев» (ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Ед. хр. 460. Л. 81–83); постановлением СНК СССР от 16 августа 1931 г. «О спецпереселенцах» (Там же. Л. 165–174).

²⁶⁰ Красильников С. А. Указ. соч. С. 63.

²⁶¹ СЗ СССР. 1932. Отдел первый. № 84. Ст. 516. С. 821.

²⁶² СЗ СССР. 1932. Отдел первый. № 84. Ст. 516. С. 823.

²⁶³ Там же. С. 821.

²⁶⁴ СУ РСФСР. 1924. Отдел первый. № 8. Ст. 45; Там же. 1926. Отдел первый. № 35. Ст. 282. См. также: СУ РСФСР. 1925. Отдел первый. № 24. Ст. 172; Там же. № 36. Ст. 253; Там же. № 75. Ст. 560; Там же. № 65. Ст. 525; Там же. № 80. Ст. 606.

²⁶⁵ СЗ СССР. 1932. Отдел первый. № 84. Ст. 517.

²⁶⁶ Там же. 1933. Отдел первый. № 11. Ст. 60.

²⁶⁷ Там же. Ст. 61.

²⁶⁸ Там же. 1932. Отдел первый. № 84. Ст. 517.

²⁶⁹ Там же. С. 823.

²⁷⁰ Там же. С. 822.

²⁷¹ Кучер В. Н. Магнитка — это навсегда. Дела и судьбы сталинских директоров. М., 2003. С. 41.

²⁷² Собрание законов и постановлений Рабоче-крестьянского правительства СССР. 1927. Отдел первый, № 66. Ст. 672. Постановление ЦИК и СНК СССР от 23 ноября 1927 г. «Положение о порядке утверждения проектов по промышленному строительству, производимому ВСНХ СССР и высшими советами народного хозяйства союзных республик, их местными органами и подведомственными им предприятиями и учреждениями». С. 1291–1293.

²⁷³ Там же. С. 1291.

²⁷⁴ Там же.

²⁷⁵ Там же. С. 1292.

²⁷⁶ Там же.

²⁷⁷ Там же. С. 1293.

²⁷⁸ Опыт районной планировки в СССР. Труды бюро экспериментальных работ. Государственный институт съемки планировки городов и проектирования гражданских сооружений «Гипрогор». Вып. II. М., 1934. С. 81.

²⁷⁹ Там же.

²⁸⁰ Березов Н. Ф. Размещение черной металлургии. М., 1933. С. 31, 241.

²⁸¹ Опыт районной планировки в СССР. С. 78.

²⁸² Там же. С. 79.

²⁸³ Там же. С. 80.

²⁸⁴ Там же. С. 81.

²⁸⁵ Там же. С. 79.

²⁸⁶ Принципы географического размещения тяжелой промышленности во второй пятилетке. Наркомтяжпром. М., 1932. С. 14.

²⁸⁷ Опыт районной планировки в СССР. Указ. соч. С. 83.

²⁸⁸ Казусь И. А. Советская архитектура 1920-х годов: организация проектирования. М., 2009.

²⁸⁹ Мостаков А. Планировка Нижнего Тагила // Планировка и строительство городов. 1935. № 5. С. 3.

²⁹⁰ Мостаков А., Полянев М., Смирнов Н. Нижний Тагил // Планировка и строительство городов. 1933. № 3. С. 4.

²⁹¹ Ванцвайг А. С. Опыт планировки промышленных районов // Планировка и строительство городов. 1933. № 9. С. 15.

²⁹² ОФ ГАОО. Ф. Р-23. Оп. 1. Ед. хр. 15. Заключение «О проекте планировки соцгорода Орска, выполненном бригадой Горстройпроекта» от 13.06.1934. Л. 37.

²⁹³ ОФ ГАОО. Ф. Р-23. Оп. 1. Ед. хр. 15. Заключение райплана по технико-экономическим обоснованиям к проекту соцгорода Орска. Л. 201.

²⁹⁴ Там же.

²⁹⁵ Городской архив г. Магнитогорска. Ф. 9. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 26–30. Выписка из стенограммы заседания Экспертной комиссии при правительственной комиссии по утверждению строительства г. Магнитогорска от 04.12.1930. Л. 28.

²⁹⁶ Конышева Е. В., Меерович М. Г. «Берег левый, берег правый»...

²⁹⁷ О порядке составления, рассмотрения и утверждения проектов планировки городских поселений и рабочих, дачных, курортных поселков. Инструкция НКВД № 184 от 28 мая. 1928 г. // Бюллетень НКВД. 1928. № 21 (276). С. 397–412.

²⁹⁸ Основные принципы территориального деления страны (районирования), изложены в вышедших в 1921 г. брошюрах И. Г. Александрова «Экономическое районирование РСФСР» и Г. М. Кржижановского «Хозяйственные проблемы РСФСР и работы государственной общеплановой комиссии (Госплана)».

²⁹⁹ Волков Е. З. К истории хозяйственного районирования СССР // Плановое хозяйство. 1925. № 3. С. 235.

³⁰⁰ Там же.

³⁰¹ О порядке составления, рассмотрения и утверждения проектов планировки городских поселений и рабочих, дачных, курортных поселков. Инструкция НКВД. С. 402.

³⁰² Там же. С. 406.

³⁰³ Там же.

³⁰⁴ Там же. С. 399.

³⁰⁵ Там же.

³⁰⁶ Там же. С. 400.

³⁰⁷ Там же. С. 403.

³⁰⁸ Там же.

³⁰⁹ Там же.

³¹⁰ Там же. С. 400.

³¹¹ Там же. С. 407.

³¹² Там же. С. 406.

³¹³ Там же.

³¹⁴ Там же.

³¹⁵ Там же.

³¹⁶ Там же. С. 405, 407.

³¹⁷ Там же. С. 406, 407.

³¹⁸ См. раздел: «С математической точностью» — расчет потребной численности жителей соцгорода».

³¹⁹ О порядке составления, рассмотрения и утверждения проектов планировки городских поселений и рабочих, дачных, курортных поселков. Инструкция НКВД. С. 406.

³²⁰ Там же.

³²¹ Вопросы экономической географии. М., 1934. С. 72–73.

³²² О порядке составления, рассмотрения и утверждения проектов планировки городских поселений и рабочих, дачных, курортных поселков. Инструкция НКВД. С. 403.

³²³ Там же. С. 399, 400.

³²⁴ Там же. С. 403.

³²⁵ Гурари Г. Н. К вопросу об истории экономического районирования // Вопросы экономической географии М., 1934.

³²⁶ Волков Е. З. Указ. соч. С. 235.

³²⁷ Рожанский М. Сибирь между Москвией и Россией // *Revue des etudes slaves*. Tome soixante — huitieme. Fascicule 1 Paris, 1996. С. 72.

³²⁸ О порядке составления, рассмотрения и утверждения проектов планировки городских поселений и рабочих, дачных, курортных поселков. Инструкция НКВД. С. 404.

³²⁹ Там же. С. 400.

³³⁰ Там же. С. 408.

³³¹ Там же. С. 404, 407.

³³² Там же. С. 407.

³³³ Боровой А. А. Указ. соч. С. 10–11.

³³⁴ СЗ СССР. 1926. Отдел первый. № 53. Ст. 391, 392.

³³⁵ Там же.

³³⁶ Там же.

³³⁷ Там же.

³³⁸ Об утверждении строительных правил и норм для постройки жилых домов в поселках на территории РСФСР. Постановление ЭКОСО от 31 декабря 1927 г. // Систематическое собрание законов РСФСР действующих на 1 января 1928 г. (7 ноября 1917 г. — 31 декабря 1927 г.) / Под. ред. Я. Н. Бранденбургского. Т. 2. М., 1929. С. 912–922 (СУ РСФСР. 1928. № 21. Ст. 156).

³³⁹ СУ РСФСР. 1928. № 21. Ст. 156. С. 252.

³⁴⁰ Там же.

³⁴¹ Там же. С. 253.

³⁴² О порядке составления, рассмотрения и утверждения проектов планировки городских поселений и рабочих, дачных, курортных поселков. Инструкция НКВД. С. 408.

³⁴³ Там же.

³⁴⁴ Наше строительство. 1930. № 1–2. С. 5–43.

³⁴⁵ Временные нормы и правила проектирования и возведения зданий и сооружений // Наше строительство. 1929. № 4–5. С. 111–142.

³⁴⁶ О конкретных мероприятиях по снижению стоимости строительства путем рационализации проектирования, применения облегченных конструкций, уменьшения норм нагрузок и запасов прочности. Инструкция Строительной Комиссии РСФСР // Наше строительство. 1929. № 4–5. С. 115–123.

³⁴⁷ Там же. С. 115–116.

³⁴⁸ К «Правилам и нормам застройки населенных мест, проектирования и возведения зданий и сооружений» // Наше строительство. 1930. № 1–2. С. 1–2.

³⁴⁹ Правила и нормы застройки населенных мест, проектирования и возведения зданий и сооружений. Постановление ЭКОСО от 12 января 1930 г. // Наше строительство. 1930. № 1–2. С. 7–37.

³⁵⁰ Там же.

- ³⁵¹ Там же. С. 8.
- ³⁵² Там же.
- ³⁵³ Там же.
- ³⁵⁴ Там же. С. 10.
- ³⁵⁵ Там же. С. 8.
- ³⁵⁶ Там же. С. 7.
- ³⁵⁷ Там же.
- ³⁵⁸ См. раздел «Прыжок в социализм» — обобществление быта».
- ³⁵⁹ Правила и нормы застройки населенных мест, проектирования и возведения зданий и сооружений. Постановление ЭКОСО от 12 января 1930 г. // Наше строительство. 1930. № 1–2. С. 7–37.
- ³⁶⁰ Там же.
- ³⁶¹ Там же. С. 9.
- ³⁶² Там же.
- ³⁶³ Там же.
- ³⁶⁴ Гаврилова С. И. Архитектура 1930-х годов Красногорского района г. Каменска-Уральского // Архитектон: Известия вузов. 2009. № 27. URL: http://archvuz.ru/numbers/2009_3/ta1
- ³⁶⁵ Струмилин С. Г. Выступление // К проблеме строительства социалистического города: дискуссия в клубе плановых работников им. Г. М. Кржижановского. М., 1930. С. 74.
- ³⁶⁶ Меерсон Д. С. Соцгород автозавода им. Молотова // Планировка и строительство городов. 1933. № 8. С. 7.
- ³⁶⁷ Шибает Д. Е. За социалистический город Магнитогорск // Советская архитектура. 1933. № 3. С. 25–31.
- ³⁶⁸ СУ РСФСР. Отдел первый. 1928. № 21. Ст. 156. С. 253.
- ³⁶⁹ Наше строительство. 1930. № 1–2. С. 5–43.
- ³⁷⁰ Против искривления классовой линии в строительстве социалистических городов // Строительство Москвы. 1930. № 1. С. 24.
- ³⁷¹ Там же.
- ³⁷² Там же.
- ³⁷³ Баландин С. Н. Новосибирск. История градостроительства. 1893–1945. Новосибирск, 1978.
- ³⁷⁴ Магнитогорский металлургический завод. Проект. Л.: Ленгипромез, 1929.
- ³⁷⁵ ГАСО. Ф. Р-225. Оп. 1. Ед. хр. 260. Востокгипромез. Материалы по проектированию ММК (1928–1930). Л. 289–280; 283; 185.
- ³⁷⁶ ГА РФ. Ф. 7952. Оп. 5. Ед. хр. 179 (1)). Документальные материалы по истории фабрик и заводов Урала и Сибири за 1931–1938 гг. Магнитострой. Л. 5–8.
- ³⁷⁷ Там же.
- ³⁷⁸ Елисеева В. Н. Из истории проектирования и строительства ММК // Из истории революционного и социалистического строительства на Урале: сб. статей. Челябинск, 1959. С. 135.

³⁷⁹ Милютин Н. Борьба за новый быт и советский урбанизм // Известия. 29 октября 1929. С. 4.

³⁸⁰ См. раздел «“Разрешите встать в строй, гражданин начальник?” — принудительность организации жизни и деятельности».

³⁸¹ Из истории магнитогорского металлургического комбината и города Магнитогорска (1929–1941 гг.): сборник документов и материалов. Челябинск, 1965. С. 56–57; 219–220.

³⁸² Конкурсные проекты подробно освещены и проанализированы в работах С. О. Хан-Магомедова (Хан-Магомедов С. О. Архитектура советского авангарда.) и В. Э. Хазановой (Хазанова В. Э. Указ. соч.).

³⁸³ Из истории магнитогорского металлургического комбината и города Магнитогорска. С. 220.

³⁸⁴ О роли Н. Милютин в архитектурно-градостроительной деятельности подробнее см.: Бочаров Ю. П., Хан-Магомедов С. О. Николай Милютин. М., 2007; Хмельницкий Д. «Соцгород» Николая Милютин в контексте советской истории. URL: <http://archi.ru/lib/publication.html?id=1850569826&fl=5&sl=1>

³⁸⁵ Хазанова В. Э. Указ. соч. С. 127.

³⁸⁶ Цит. по: Хан-Магомедов С. О. Архитектура советского авангарда. С. 153–155.

³⁸⁷ ОГАЧО. Ф. 379. Оп. 2. Ед. хр. 8. Переписка управления Челябинского тракторостроя с Московским представительством ЧТС о проектировании рабочего поселка и культурно-бытовых предприятий ЧТЗ 06.01.30–19.09.30. Л. 9–30. «Программа для эскизного проекта индустриального рабочего города уральского тракторного завода».

³⁸⁸ Цит. по: Хан-Магомедов С. О. Архитектура советского авангарда. С. 159–164.

³⁸⁹ Алешин В. Э. Развитие представления о социалистическом поселении в градостроительстве Украины в 1920-х — начале 1930-х годов: дисс. на соискание ученой степени кандидата архитектуры. Киев, 1985. URL: http://www.al-yoshin.ru/Files/diss/al_diss_07.html#ktz

³⁹⁰ Программа всесоюзного конкурса по проектированию соцгорода Магнитогорска. Цит. по: Хан-Магомедов С. О. Архитектура советского авангарда. С. 154.

³⁹¹ ОГАЧО. Ф. 379. Оп. 2. Ед. хр. 8. Л. 9–30. Программа для эскизного проекта индустриального рабочего города уральского тракторного завода. Л. 14.

³⁹² Задание на составление общего проекта планировки и застройки социалистического поселения при Харьковском тракторном заводе (декабрь 1929 — январь 1930). Цит. по: Алешин В. Э. Указ. соч.

³⁹³ Пузис Г. Социалистический Магнитогорск // Города социализма. Социалистическая реконструкция быта: сб. ст. М., 1930. С. 130.

³⁹⁴ Там же. С. 130.

³⁹⁵ Там же. С. 128.

³⁹⁶ Подробнее об этом см.: Хазанова В. Э. Указ. соч.; Хан-Магомедов С. О. Архитектура советского авангарда.

³⁹⁷ Из истории магнитогорского металлургического комбината и города Магнитогорска (1929–1941 гг.). С. 215.

³⁹⁸ Пузис Г. Магнитогорск. М., 1930. С. 77.

³⁹⁹ Подробнее об этом см. главу «Прыжок в социализм» — обобществление быта».

⁴⁰⁰ ГА РФ. Ф. А-314. Оп. 1. Д. 7667. 216 л. Народный комиссариат коммунального хозяйства РСФСР (Наркомкоммунхоз). Материалы и дела по планировке городов и поселков. 1. Планировка городов. Дело о планировке г. Магнитогорска. Том. I. Ноябрь 1930 — дек. 1932. СТО, Госплан СССР. Программа для составления эскизных проектов планировки и застройки городов Магнитогорска и Кузнецка и типов жилых домов. от 21 сентября 1930 г. Л. 112–121.

⁴⁰¹ Там же. Л. 117.

⁴⁰² Там же.

⁴⁰³ Цит. по: Хан-Магомедов С. О. Архитектура советского авангарда. С. 154.

⁴⁰⁴ ГА РФ. Ф. А-314. Оп. 1. Ед. хр. 7667, Лл. 112–121. Программа для составления эскизных проектов планировки и застройки городов Магнитогорска и Кузнецка и типов жилых зданий. Л. 112.

⁴⁰⁵ Там же. Л. 116.

⁴⁰⁶ Там же. Л. 112.

⁴⁰⁷ Там же. Л. 113.

⁴⁰⁸ Там же. Л. 117.

⁴⁰⁹ Там же.

⁴¹⁰ Там же.

⁴¹¹ Вышеназванные Инструкция НКВД № 184 «О порядке составления, рассмотрения и утверждения проектов планировки городских поселений и рабочих, дачных, курортных поселков» от 28.05.1928; Постановление ЭКОСО РСФСР «Правила и нормы застройки населенных мест, проектирования и возведения зданий и сооружений» от 08.04.1929; Постановление ЭКОСО РСФСР «Правила и нормы застройки населенных мест, проектирования и возведения зданий и сооружений» от 12.01.1930; а также последующие — «Единые нормы строительного проектирования» от 31.12.1931; Постановление ВЦИК и СНК РСФСР «Об устройстве населенных мест» от 01.08.1932; Постановление ЦИК и СНК СССР «О составлении и утверждении проектов планировки и социальной реконструкции городов и других населенных мест Союза ССР» от 27.06.1933; Постановление ВЦИК и СНК РСФСР «Об устройстве населенных мест» от 20.01.1934.

⁴¹² ГАСО. Ф. 296. Оп. 1. Ед. хр. 141. Проектные задания промгорода Бакальского сталельного завода. Экономическая записка. 1932. Всесоюзный трест Стандартгорпроект. Ленинградское отделение. — Ленинград, 1932. Л. 96.

⁴¹³ Май Э. К проекту генерального плана Магнитогорска // Советская архитектура. 1933. № 3. С. 21.

⁴¹⁴ Милютин Н. Проблемы строительства социалистических городов. Основные вопросы рациональной планировки и строительства населенных мест СССР. М.-Л., 1930.

⁴¹⁵ Там же.

⁴¹⁶ Цит. по: Хан-Магомедов С. О. Архитектура советского авангарда. С. 234.

⁴¹⁷ ОФ ГАОО. Р-23. Оп. 1. Ед. хр. 15. Заключение «О проекте планировки соцгорода Орска, выполненном бригадой Горстройпроекта» от 13.06.1934. Л. 4.

⁴¹⁸ ГАСО. Ф. Р-241. Оп. 1. Ед. хр. 1320. Стенограмма совещания по вопросу о строительстве города Магнитогорска. Л. 122; ГА РФ. Ф. 7952. Оп. 5. Ед. хр. 181. Май Э. Социалистический город Магнитогорск. Л. 92.

⁴¹⁹ ОФ ГАОО. Р-23. Оп. 1. Ед. хр. 15. Заключение «О проекте планировки соцгорода Орска, выполненном бригадой Горстройпроекта» от 13.06.1934. Л. 4.

⁴²⁰ Май Э. Указ. соч.

⁴²¹ ГА РФ. Ф. А-314. Оп. 1. Ед. хр. 7667. 216 л. Народный комиссариат коммунального хозяйства РСФСР (Наркомкоммунхоз). Материалы и дела по планировке городов и поселков. 1. Планировка городов. Дело о планировке г. Магнитогорска. Том. I. ноябрь 1930 — декабрь 1932. СТО, Госплан СССР. Протокол № 47 заседания Научно-технического совета ГУКХ от 10 марта 1931 г. Л. 14–23. Л. 22.

⁴²² Городской архив г. Магнитогорска. Ф. 9. Оп. 1. Ед. хр. 1. Городская плановая комиссия. 1930–1967. Протоколы заседаний экспертной комиссии и НТС о проектировании и строительстве Магнитогорска. 11.11.1930 — 25.01.1931. 194 л. Л. 158. Протокол заседания Президиума Уральского облисполкома.

⁴²³ Там же.

⁴²⁴ Подробнее проблема проектирования Магнитогорска и борьбы за левобережный и правобережный варианты рассмотрена в статье: Конышева Е. В., Меерович М. Г. «Берег левый, берег правый»...

⁴²⁵ ГА РФ. Ф. А-314. Оп. 1. Ед. хр. 7667. 216 л. Народный комиссариат коммунального хозяйства РСФСР (Наркоммунхоз). Материалы и дела по планировке городов и поселков. 1. Планировка городов. Дело о планировке г. Магнитогорска. Том I. Ноябрь 1930 — декабрь 1932. СТО, Госплан СССР. Постановление СНК РСФСР № 344 «О строительстве города Магнитогорска» от 20 марта 1931 г. Л. 310–321 (нумерация листов сбита, т. к. всего в деле 216 листов. — *Авторы*). Л. 321.

⁴²⁶ ГА РФ. Ф. 7952. Оп. 5. Ед. хр. 178 (1). Документальные материалы по истории фабрик и заводов Урала и Сибири за 1931–1938 гг. Магнитострой. Л. 20. Постановление СНК СССР от 11.04.1931 «О месте постройки Магнитогорска»; Постановление СНК СССР от 28.05.1931. «О месте постройки г. Магнитогорска».

⁴²⁷ Письмо народного комиссариата черной металлургии в Совнарком СССР об утверждении генерального проекта планировки г. Магнитогорска на правом берегу р. Урал и его строительства от 19.12.1939; Постановление Президиума Магнитогорского Горсовета «О строительстве г. Магнитогорска на правом берегу р. Урал» от 09.02.1934 // Из истории магнитогорского металлургического комбината... С. 236–237, 261.

⁴²⁸ Издокладной записки Магнитогорского горкома ВКП(б) Центральному комитету ВКП(б) и Челябинскому обкому ВКП(б) «О состоянии жилищно-коммунально-бытового фонда в г. Магнитогорске на 1 января 1938 г.» // Из истории Магнитогорского металлургического комбината. С. 249–250.

⁴²⁹ Казаринова В. И., Павличенков В. И. Магнитогорск. М., 1961. С. 25.

⁴³⁰ ОФ ГАОО. Ф. Р.-23. Оп. 1. Д. 79. Л. 173. Решение № 380 Исполкома Орского горсовета от 17.04.1940 «О выборе территории под жилищное строительство Орского металлургического комбината»; ГАСО. Ф. Р.-225. Оп. 1. Д. 224. Протоколы заседаний Уралоблсовнархоза и Уралоблсполкома, 1928–1930. Л. 13. Протокол № 1 Заседания комиссии Уралплана по вопросу о размещении тракторного завода, его жилищного строительства и переустройства Челябинского ж/д узла. 09.04.30; Городской архив г. Магнитогорска. Ф. 9. Оп. 1. Д. 1. Л. 17. Выписка из Протокола заседания Президиума Магнитогорского Горсовета от 03.11.30.

⁴³¹ ОФ ГАОО. Ф. Р.-23. Оп. 1. Ед. хр. 15. Л. 202. Заключение райплана по технико-экономическим обоснованиям к проекту соцгорода Орска; Л. 1. Выписка из Протокола № 26 Заседания Президиума Орского горсовета от 03.08.1936 г.

⁴³² Гаврилова С. И. Указ. соч.

⁴³³ Челябинск: Энцикл. — Челябинск, 2001. С. 829.

⁴³⁴ Формирование границ города Перми: 1927–1941. URL: <http://kamensky.perm.ru/proj/gayon/8.htm>

⁴³⁵ Янушкина Ю. В. Особенности архитектурного формообразования в Сталинграде в историко-культурном контексте 1930–1950-х гг.: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата архитектуры. Волгоград, 2009.

⁴³⁶ Малоземов И. И. Большое Запорожье // Советская архитектура. 1932. № 5–6. С. 73.

⁴³⁷ Там же.

⁴³⁸ Планировка и строительство городов. 1933. № 8. С. 33 (Хроника).

⁴³⁹ Цит. по: Алешин В. Э. Указ. соч.

⁴⁴⁰ Там же.

⁴⁴¹ Мостаков А., Польшин М., Смирнов Н. Нижний Тагил // Планировка и строительство городов. 1933. № 3. С. 11.

⁴⁴² Там же.

⁴⁴³ Кузнецов А. Достоинства и недостатки планировки Челябинска // Планировка и строительство городов. 1935. № 11. С. 14.

⁴⁴⁴ Генеральный проект планировки г. Челябинска. Текстовая часть. Л., 1936.

⁴⁴⁵ Социально-экономические установки и схема распределения территории Челябинска. Л., 1935. Т. 2. Л. 217.

⁴⁴⁶ Генеральный проект планировки г. Челябинска. Текстовая часть. Л., 1936. Т. 2. Л. 216.

⁴⁴⁷ Мостаков А. Планировка Нижнего Тагила // Планировка и строительство городов. 1935. № 5. С. 39

⁴⁴⁸ Цит. по: Алешин В. Э. Указ. соч.

⁴⁴⁹ Май Э. Указ. соч. С. 21.

⁴⁵⁰ Цит. по: Алешин В. Э. Указ. соч.

⁴⁵¹ Стам М. Макеевка // Советская архитектура. 1933. № 5 (17). С. 22–28, С. 27.

⁴⁵² По постановлению НКТП СССР от 08.10.1933 г. в состав треста Стандартгорпроект был влит трест Вузстройпроект, после чего укрупненный трест получил название Горстройпроект (Казусь И. А. Указ. соч. С. 284).

⁴⁵³ Волтерс Р. Указ. соч. С. 126.

⁴⁵⁴ Там же. С. 123–124.

⁴⁵⁵ Марк Э. А. Этапы развития Горстройпроекта // Планировка и строительство городов. 1934. № 7–8. С. 5.

⁴⁵⁶ Более подробно об этом см.: Меерович М. Г., Хмельницкий Д. С. Иностранные архитекторы в борьбе за советскую индустриализацию; Меерович М. Г., Хмельницкий Д. С. Американские и немецкие архитекторы в борьбе за советскую индустриализацию.

⁴⁵⁷ Боберко В. И. Упорядочить дело планировки городов // Планировка и строительство городов. 1934. № 4. С. 4.

⁴⁵⁸ СЗ СССР. 1926. Отдел первый. № 53. ст. 391; СЗ СССР. 1926. Отдел первый. № 53. Ст. 392.

⁴⁵⁹ Об утверждении строительных правил и норм для постройки жилых домов в поселках на территории РСФСР. Постановление ЭКОСО от 31 декабря 1927 г. // Систематическое собрание законов РСФСР действующих на 1 января 1928 г. (7 ноября 1917 г. — 31 декабря 1927 г.). Т. 2. С. 912–922. (СУ. 1928. № 21. Ст. 156).

⁴⁶⁰ Там же. С. 115–116.

⁴⁶¹ Подробнее об этом см. главу «Та заводская проходная» — выбор территории для размещения социалистического города и принципы его организации».

⁴⁶² ГА РФ. Ф. А-314. Оп. 1. Ед. хр. 7768. Л. 51–56. Пояснительная записка к проекту соцгорода Орска. Л. 51 об.

⁴⁶³ Май Э. Указ. соч. С. 25.

⁴⁶⁴ Мостаков А. Планировка Нижнего Тагила. С. 14.

⁴⁶⁵ Подробнее см. главу «Та заводская проходная» — выбор территории для размещения социалистического города и принципы ее организации».

⁴⁶⁶ О проведении гражданского (непромышленного) строительства в 1933 г. Инструкции НКХ РСФСР № 135 от 29 апреля 1933 г. // Наше строительство. 1933. № 13. С. 338–341.

⁴⁶⁷ Там же. С. 338.

⁴⁶⁸ Там же.

⁴⁶⁹ Там же.

⁴⁷⁰ Горизонтальное расстояние между двумя ближайшими внутриквартальными проездами или между внутриквартальными проездами и основными проездами общественного пользования не должно превышать 300 м.,

считая это расстояние между осями проездов». (Там же. С. 339). Горизонтальное расстояние между двумя ближайшими местными проездами не должно превышать 150–200 м между осями проездов». (Там же. С. 339).

⁴⁷¹ Там же.

⁴⁷² ГАСО. Ф. 296. Оп. 1. Д. 141. Проектные задания промгорода Бакальского стального завода. Экономическая записка. 1932. Всесоюзный трест Стандартгорпроект. Ленинградское отделение. Ленинград, 1932. Л. 96.

⁴⁷³ Этот вопрос обстоятельно рассмотрен С. О. Хан-Магомедовым (см., например, Хан-Магомедов С. О. Архитектура советского авангарда).

⁴⁷⁴ ГАСО. Ф. 296. Оп. 1. Д. 141. Проектные задания промгорода Бакальского стального завода. Л. 183.

⁴⁷⁵ Цит. по: Алешин В.Э. Указ. соч.

⁴⁷⁶ Подробнее см. главу «От бараков...к баракам».

⁴⁷⁷ ГАСО. Ф. 296. Оп. 1. Д. 141. Проектные задания промгорода Бакальского стального завода. Л. 144.

⁴⁷⁸ ГА РФ. Ф. А-314. Оп. 1. Ед. хр. 7768. Л. 51–56. Пояснительная записка к проекту соцгорода Орска. Л. 56.

⁴⁷⁹ Стам М. Указ. соч. С. 27.

⁴⁸⁰ ГА РФ. Ф. А-314. Оп. 1. Ед. хр. 7667. Л. 27–38. Пояснительная записка к генеральному плану застройки г. Магнитогорска. Стандартгорпроект. 15.03.1932. Л. 27.

⁴⁸¹ ГА РФ. Ф. А-314. Оп. 1. Ед. хр. 7768. Л. 51–56. Пояснительная записка к проекту соцгорода Орска. Л. 56.

⁴⁸² ГАСО. Ф. 296. Оп. 1. Д. 141. Проектные задания промгорода Бакальского стального завода. Л. 144.

⁴⁸³ Меерсон Д. С. Указ. соч. С. 10.

⁴⁸⁴ Также характеристика проектов и застройки отдельных кварталов соцгородов освещена в ряде исследований, например: Казаринова В. И., Павличенков В. И. Указ. соч; Конышева Е. В. Градостроительство и архитектура Челябинска конца 1920-х — первой половины 1950-х гг. в контексте развития советского зодчества...; Невзгодин И. Архитектура Новосибирска. Новосибирск, 2005; Хиценко Е. В. Идеи нового быта в архитектуре жилых зданий Новосибирска в годы первой пятилетки // Архитектон: Известия вузов. № 3 (15). 2006. URL: http://aldebaran.usaaa.ru:8084/Architecton/numbers/2006_3/ta8

⁴⁸⁵ Пюшель К. Группа Ханеса Майера в Советском Союзе (1930–1937) // Взаимосвязь русского и советского искусства и немецкой художественной культуры. М, 1980. С. 159–160.

⁴⁸⁶ ОФ ГАОО. Ф. Р-23. Оп. 1. Ед. хр. 15. Л. 91–103. Плановые и проектные задания к проекту застройки первой очереди соцгорода Локомотивстроя (1934); Титульный перечень объектов строительства первой очереди по проектируемому кварталу (1934); Пояснительная записка к подсчету ориентировочной стоимости строительства зданий и сооружений квартала г. Орска.

⁴⁸⁷ Там же. Л. 1. Протокол № 26 заседания Президиума Орского Горсовета 03.08.1936.

⁴⁸⁸ ГА РФ. Ф. А-314. Оп. 1. Ед. хр. 7768. Л. 51–56. Пояснительная записка к проекту соцгорода Орска. Л. 52 об.

⁴⁸⁹ Меерсон Д. С. Указ. соч. С. 8.

⁴⁹⁰ ГАСО. Ф. 241. Оп. 2. Ед. хр. 3066. Л. 3–57. Пояснительная записка к схеме планировки города Магнитогорска на правом берегу р. Урал. 1931. Л. 54–57. Пояснительная записка к типовой схеме жилых домов и планировки жилого района для г. Магнитогорска. Л. 54.

⁴⁹¹ Меерсон Д. С. Указ. соч. С. 9.

⁴⁹² ГА РФ. Ф. А-314, оп. 1, ед. хр. 7768, л. 51 — 56. Пояснительная записка к проекту соцгорода Орска. Л. 55 об.

⁴⁹³ Мещеряков Н. Указ. соч. С. 98.

⁴⁹⁴ Милютин Н. К проблеме соцгорода // Вестн. Ком. акад. 1930. № 42. С. 113.

⁴⁹⁵ Гинзбург М. Я. Профтехкомбинат Челябинсктростроя // Современная архитектура. 1931. № 1/2. С. 103–111.

⁴⁹⁶ Меерсон Д. С. Указ. соч. С. 9.

⁴⁹⁷ ГА РФ. Ф. А-314. Оп. 1. Ед. хр. 7667. Л. 27–38. Пояснительная записка к генеральному плану застройки г. Магнитогорска. Стандартгорпроект. 1932. Л. 33.

⁴⁹⁸ ОГАЧО. Ф. 379. Оп. 2. Ед. хр. 43. Л. 22–26. Основные положения к планировке второй очереди поселка при ЧТЗ (1931). Л. 22.

⁴⁹⁹ Там же.

⁵⁰⁰ ГА РФ. Ф. А-314. Оп. 1. Ед. хр. 7667. Л. 17–26. Объяснительная записка к проекту Цекомбанка города Магнитогорска. 14.02.1931. Л. 23; ОГАЧО. Ф. 379. Оп. 2. Ед. хр. 43. Л. 22–26. Основные положения к планировке второй очереди поселка при ЧТЗ (1931). Л. 22; Меерсон Д. С. Указ. соч. С. 9 и др.

⁵⁰¹ ГА РФ. Ф. А-314. Оп. 1. Ед. хр. 7667. Л. 27–38. Пояснительная записка к генеральному плану застройки г. Магнитогорска. Стандартгорпроект. 1932. Л. 37–38.

⁵⁰² Там же. Л. 38.

⁵⁰³ ГА РФ. Ф. А-314. Оп. 1. Ед. хр. 7667. Л. 17–26. Объяснительная записка к проекту Цекомбанка города Магнитогорска. 14.02.1931. Л. 23.

⁵⁰⁴ Подробно вопрос рассмотрен в книге: Хазанова В. Э. Клубная жизнь и архитектура клуба (1917–1932). М., 1994.

⁵⁰⁵ Мещеряков Н. Указ. соч. С. 98.

⁵⁰⁶ Малоземов И. И. Большое Запорожье // Советская архитектура. 1932. № 5/6. С. 72–80.

⁵⁰⁷ ГА РФ. Ф. А-314. Оп. 1. Ед. хр. 7667. Л. 17–26. Объяснительная записка к проекту Цекомбанка города Магнитогорска. 14.02.1931. Л. 19.

⁵⁰⁸ Шибаев Д. Е. Указ. соч. С. 29.

⁵⁰⁹ Хазанова В. Э. Клубная жизнь и архитектура клуба (1933–1941). М., 1994. С. 39.

⁵¹⁰ ГА РФ. Ф. А-314. Оп. 1. Ед. хр. 7768. Л. 51–56. Пояснительная записка к проекту соцгорода Орска. Л. 53 об.

⁵¹¹ Там же. Оп. 1. Ед. хр. 7667. Л. 17–26. Объяснительная записка к проекту Цескомбанка города Магнитогорска. Л. 17.

⁵¹² Там же. Оп. 1. Ед. хр. 7667. Л. 27–38. Пояснительная записка к генеральному плану застройки г. Магнитогорска. Стандартгорпроект. 1932. Л. 28.

⁵¹³ ГАСО. Ф. Р-241. Оп. 2. ед. хр. 3066. Пояснительная записка к схеме планировки города Магнитогорска на правом берегу р. Урал. 1931. Л. 3–57.

⁵¹⁴ ГА РФ. Ф. А-314. Оп. 1. Д. 7768. Л. 51–56. Пояснительная записка к проекту соцгорода Орска. Л. 51–52.

⁵¹⁵ Запорожье. Из истории планировки и застройки соцгорода. URL: <http://synthart.livejournal.com/87884.html>

⁵¹⁶ Нижник Е. В. Генплан Орска 1935 г.: разработка и воплощение // Город в зеркале генплана: панорама градостроительных проектов в российской провинции XVIII–XXI веков. Челябинск, 2008. С. 176.

⁵¹⁷ ОФ ГАОО. Р-33. Оп. 1. Ед. хр. 1а (Альбом). Орск. Генеральный проект плана. Горстройпроект, Мастерская № 3 под рук. Х. Шмидта. 1935.

⁵¹⁸ ГА РФ. Ф. А-314. Оп. 1. Ед. хр. 7768. Л. 51–56. Шмидт Х. Пояснительная записка к проекту соцгорода Орска. 1934. Л. 53 об.

⁵¹⁹ Май Э. Указ. соч. С. 24.

⁵²⁰ Там же.

⁵²¹ Жуковский А. А. Архитектура улицы и площади // Планировка и строительство городов. 1933. № 9. С. 25.

⁵²² Цит. по: Комаров Н. П. К трехлетию Гипрогора // Планировка и строительство городов. 1934. № 2. С. 3.

⁵²³ Мовшович И. О. Планировка социалистических городов // Планировка и строительство городов. 1934. № 2. С. 7.

⁵²⁴ Планировка и строительство городов СССР: материалы III пленума правления Союза советских архитекторов СССР, 7–11 июля 1938 г. М., 1938. С. 15.

⁵²⁵ Городской архив Магнитогорска. Ф. 9. Оп. 1. Д. 1. Протокол совещания консультантов при Правительственной комиссии. Л. 40.

⁵²⁶ Шибаев Д. Е. Указ. соч. С. 25.

⁵²⁷ ОФ ГАОО. Р-23. Оп. 1. Д. 15. Заключение «О проекте планировки соцгорода Орска...» от 13.06.1934. Л. 38.

⁵²⁸ Там же. Протокол № 21 заседания Сектора планировки НТС НКХ РСФСР от 25.06.1934. Л. 3–10.

⁵²⁹ ОФ ГАОО. Р-23. Оп. 1. Д. 15. Постановление № 56 Бюро главного архитектора НКТП по планировке соцгорода Орска, март 1936 г. Л. 60.; Протокол № 13 заседания Сектора планировки НТС НКХ РСФСР по рассмотрению генерального проекта планировки г. Орска, 05.04.1936. Л. 68.

⁵³⁰ Жуковский А. А. Архитектура улицы и площади // Планировка и строительство городов. 1933. № 9. С. 22–23.

⁵³¹ Там же.

⁵³² Зальцман А. М., Меерсон Д. С. Архитектура соцгорода и его элементов // Планировка и строительство городов. 1934. № 7–8. С. 13.

⁵³³ Федосихин В. С., Хорошанский В. В. Указ. соч. С. 42.

⁵³⁴ Там же. С. 42–47.

⁵³⁵ Там же. С. 42–44.

⁵³⁶ Проекты рабочих жилищ. Центральный банк коммунального хозяйства и жилищного строительства. М., 1929.

⁵³⁷ Там же. С. 96.

⁵³⁸ ГА РФ. Ф. А-314. Оп. 1. Д. 8001. 22 л. Материалы и дела по планировке городов и поселков. II. Планировка рабочих поселков. Дело о планировке поселка «Оптикогорск» при заводе точной механики № 19. Март 1931 — сентябрь 1931. Протокол № 56 заседания Научно-технического совета ГУКХ НКВД от 20 марта 1931 г. Л. 1–3. Л. 1-об.

⁵³⁹ ГА РФ. Ф. А-314. Оп. 1. Ед. хр. 7667. Лл. 112–121. Программа для составления эскизных проектов планировки и застройки городов Магнитогорска и Кузнецка и типов жилых зданий.

⁵⁴⁰ Там же. Л. 109.

⁵⁴¹ Там же.

⁵⁴² Там же. Л. 1–3. Протокол расширенного заседания по г. Магнитогорску с участием комиссии Гипрогора и архитектора Э. Мая от 3 ноября 1930 г. Л. 2-об.

⁵⁴³ Там же. Л. 99–108. Объяснительная записка к проекту Цекомбанка города Магнитогорска от 14 февраля 1931 г. Л. 104–105.

⁵⁴⁴ Казаринова В. И., Павличенков В. И. Указ. соч. С. 151.

⁵⁴⁵ Копышева Е. В. Градостроительство и архитектура города Челябинска конца 1920-х — 1950-х гг. С. 35–36.

⁵⁴⁶ ГА РФ. Ф. А-314. Оп. 1. Ед. хр. 7667. Л. 27–38. Пояснительная записка к генеральному плану застройки Магнитогорска. Л. 35.

⁵⁴⁷ Городской архив г. Магнитогорска. Ф. 9. Оп. 1. Ед. хр. 16. Протокол совещания консультантов при Правительственной комиссии для рассмотрения и утверждения проектов строительства Магнитогорска. Л. 40.

⁵⁴⁸ Там же.

⁵⁴⁹ Скотт Дж. Указ. соч. С. 237.

⁵⁵⁰ Из докладной записки Магнитогорского горкома ВКП(б) Центральному Комитету ВКП(б) и Челябинскому обкому ВКП(б) «О состоянии жилищно-коммунально-бытового фонда в г. Магнитогорске». 1 января 1938 г. // Из истории Магнитогорского металлургического комбината. С. 229.

⁵⁵¹ Износ не учтен.

⁵⁵² Износ этой части жилого фонда составляет на 1 января 1938 г. — 20–30 %.

⁵⁵³ Износ 60–70 %.

⁵⁵⁴ Износ 100 %.

⁵⁵⁵ Сведения о количестве рабочих, капиталовложениях и выпуске продукции Магнитогорского комбината за 1930–1940 гг. // Из истории Магнитогорского металлургического комбината и города Магнитогорска. С. 215.

⁵⁵⁶ Ларин С. Магнитогорское строительство в 1931 г. // Магнитострой. 1932. № 1/4. С. 97.

⁵⁵⁷ Архив МУП «Челябинскгражданпроект». Проект размещения жилищно-коммунального и культурно-бытового строительства Магнитогорска на 1959–1965 гг.

⁵⁵⁸ ГА РФ. Ф. А-314. Оп. 1. Ед. хр. 7768. Л. 51–56. Пояснительная записка к проекту соцгорода Орска. Л. 52 об.; Май Э. Указ. соч. С. 18.

⁵⁵⁹ ГА РФ. Ф. А-314. Оп. 1. Ед. хр. 7768. Л. 51–56. Пояснительная записка к проекту соцгорода Орска. Л. 53.

⁵⁶⁰ Май Э. Указ. соч. С. 18.

⁵⁶¹ ГА РФ. Ф. А-314. Оп. 1. Ед. хр. 7768. Л. 51–56. Пояснительная записка к проекту соцгорода Орска. Л. 52 об.

⁵⁶² ОГАЧО. Ф. 379. Оп. 2. Ед. хр. 354. Материалы о проектировании рабочего поселка при ЧТЗ 19.03. — 17.11.1930. Л. 33. Постановление № 1601 Президиума ВСНХ СССР от 17.11.1930; ед. хр. 357. Материалы о проектировании рабочего поселка при ЧТЗ 07.01. — 20.12.1930. Л. 51. Постановление ВАТО при ВСНХ СССР, декабрь 1930.

⁵⁶³ ОГАЧО. Ф. 792. Оп. 5. Ед. хр. 480. Л. 20. Распоряжение начальнику строительства ЧТЗ т. Ловину от 08.06.1931.

⁵⁶⁴ Постановление Совнаркома РСФСР «О строительстве г. Магнитогорска на правом берегу р. Урал»; Сообщение газеты «Магнитогорский комсомолец» о строительстве 225 щитовых жилых домов в г. Магнитогорске от 10.08.1931 // Из истории Магнитогорского металлургического комбината и города Магнитогорска. С. 225; 226.

⁵⁶⁵ ГА РФ. Ф. А-314. Оп. 1. Ед. хр. 7667. Л. 27–38. Пояснительная записка к генеральному плану застройки Магнитогорска. Л. 35.

⁵⁶⁶ ОГАЧО. Ф. 804. Оп. 1. Ед. хр. 749. Л. 4–7. Сводная таблица жилищного строительства в городах и рабочих поселках Челябинской области в 1936 г. Л. 5.

⁵⁶⁷ Рассчитано по данным, приведенным в исследовании С. Коткина «Жилище и субъективный характер его распределения в сталинскую эпоху (на примере исследования, проведенного в городе Магнитогорске)» // Жилище в России: век XX. Архитектура и социальная история. М., 2001. С. 119.

⁵⁶⁸ Кузнецкий металлургический комбинат им. И. В. Сталина (1929–1945).

⁵⁶⁹ Подробно вопрос рассмотрен в книге: Меерович М. Г. Наказание жилищем: жилищная политика в СССР как средство управления людьми. 1917–1937. Москва, 2008.

⁵⁷⁰ Конышева Е. В. Градостроительство и архитектура Челябинска конца 1920-х–1950-х гг. С. 36.

⁵⁷¹ Лубянка. Сталин и ВЧК–ГПУ–ОГПУ–НКВД. Январь 1922 — декабрь 1936. Серия: Россия XX век. Документы, М., 2003. С. 261.

⁵⁷² Там же.

⁵⁷³ Скотт Дж. Указ. соч. С. 109.

⁵⁷⁴ Из отчета Управления НКВД по Челябинской области Главному Управлению лагерями и трудпоселениями НКВД СССР о состоянии спецссылки за 1934 г. // Челябинская область: сборник документов и материалов; Скотт Дж. Указ. соч. С. 93.

⁵⁷⁵ Из отчета Управления НКВД по Челябинской области Главному Управлению лагерями и трудпоселениями НКВД СССР о состоянии спецсылки за 1934 г.

⁵⁷⁶ Кузнецкий металлургический комбинат им. И. В. Сталина (1929–1945).

⁵⁷⁷ Городской архив г. Магнитогорска. Ф. 9. Оп. 1. Ед. хр. 16. Л. 7. О наличии жилплощади в г. Магнитогорске на декабрь 1931 г.; л. 78. Доклад ВСНХ при ЦИК СССР; Из докладной записки Магнитогорского горкома ВКП(б) Центральному комитету ВКП(б) и Челябинскому Обкому ВКП(б) «О состоянии жилищно-коммунально-бытового фонда в г. Магнитогорске на 1 января 1938 г.» // Из истории Магнитогорского металлургического комбината и города Магнитогорска. С. 249–250.

⁵⁷⁸ Кузнецкий металлургический комбинат им. И. В. Сталина (1929–1945).

⁵⁷⁹ ОГАЧО. Ф. 804. Оп. 1. Ед. хр. 749. Л. 8. Показатели жилищной обеспеченности по восьми предприятиям Челябинска на начало 1935 г.

⁵⁸⁰ Из истории Магнитогорского металлургического комбината и города Магнитогорска. С. 249–250.

⁵⁸¹ Меерович М. Г. Социально-культурные основы осуществления государственной жилищной политики в РСФСР (1917–1941 гг.): дисс. на соиск. уч. ст. докт. ист. наук. Иркутск, 2004.

⁵⁸² Рубченко М. Ура, у них депрессия! // Эксперт № 1 (687). 28 декабря 2009. URL: http://www.expert.ru/printissues/expert/2010/01/ura_u_nih_depressiya/.

⁵⁸³ Гаврилова С. И. Указ. соч.

⁵⁸⁴ Селиванова А. Н. Указ. соч. С. 262.

⁵⁸⁵ Проектирование и строительство городов. 1934. № 7–8. С. 21 (Хроника).

⁵⁸⁶ Завенягин Авраамий Павлович — государственный деятель СССР, генерал-лейтенант. Родился в семье машиниста на станции Узловая. Член ВКП(б) с ноября 1917. В 1919–1920 — комиссар политотдела дивизии РККА. С 1920 на партийной работе на Украине. В 1921–1923 — секретарь Юзовского окружного комитета ВКП(б). Окончил Московскую горную академию в 1930, Ректор Московского института стали и сплавов в 1930, в 1930–1931 возглавлял проектный институт в Ленинграде, затем работал в аппарате НКТП, в январе–августе 1933 руководил металлургическим заводом в Днепродзержинске. В 1933–1937 — директор Магнитогорского металлургического комбината. После непродолжительной работы в наркомате, в 1938 возглавил Норильлаг — начатое в 1935 строительство Норильского горно-металлургического комбината. С марта 1941 по август 1951 — первый заместитель наркома внутренних дел, осуществляющий общее руководство строительными подразделениями НКВД — Главным управлением лагерей горно-металлургических предприятий (в его состав входило Специальное металлургическое управление, в последующем 9 управление МВД), Главным управлением лагерей гидростроя (Главгидрострой), Главным управлением

лагерей промышленного строительства (Главпромстрой — крупнейшее строительное подразделение СССР), Дальстроем и т. п. В 1945–1953 — заместитель Л. П. Берии в советском атомном проекте.

⁵⁸⁷ Галигузов И. Ф., Баканов В. П. Станица Магнитная. От казачьей станицы до города Metallургов. М., 1994. С. 263.

⁵⁸⁸ Шасс Ю. Архитектура жилого дома. Поселковое строительство 1918–1948. М., 1951. С. 24.

⁵⁸⁹ Галигузов И. Ф., Чурилин М. Е. Указ. соч. С. 25.

⁵⁹⁰ Федосихин В. С. и др. Указ. соч. С. 41.

⁵⁹¹ Там же. С. 45.

⁵⁹² Там же. С. 46.

⁵⁹³ Там же. С. 28.

⁵⁹⁴ Галигузов И. Ф., Чурилин М. Е. Указ. соч. С. 28.

⁵⁹⁵ ЧМК: история сталинского долгостроя. URL: http://community.livejournal.com/su_industria/713.html#cutid1.

⁵⁹⁶ Федосихин В. С. и др. Указ. соч. С. 47.

⁵⁹⁷ Там же. С. 49–50.

⁵⁹⁸ Там же. С. 49.

⁵⁹⁹ Там же. С. 50.

⁶⁰⁰ Нариньяни С. Д. Ты помнишь, товарищ: Очерки о комсомольцах. М., 1957. С. 6.

⁶⁰¹ Цит. по: Макарова Н. Н. Указ. соч. С. 64–65.

⁶⁰² Там же.

⁶⁰³ Там же.

⁶⁰⁴ Коткин С. Указ. соч. С. 115.

⁶⁰⁵ Цит. по: Макарова Н. Н. Указ. соч. С. 64–65.

⁶⁰⁶ Там же.

⁶⁰⁷ Там же.

⁶⁰⁸ Wit Cor de. Johan Niegeman, 1902–1977: Bauchaus, Sowjet Unie, Amsterdam. Amsterdam, 1979. S. 81.

⁶⁰⁹ Цит. по: Горбушин Б. П. Растущий город // Планировка и строительство городов. 1934. № 3. С. 16.

⁶¹⁰ Там же.

⁶¹¹ Там же. С. 16–20.

⁶¹² Preusler B. Walter Schwagenscheidt. Stuttgart, 1985. S. 104.

⁶¹³ О введении трудовых книжек. Постановление СНК СССР от 20 декабря 1938 г. // Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. М., 1967. Т. 2. С. 662–664. В действие трудовые книжки вводились данным постановлением лишь с 15 января 1939 г.

⁶¹⁴ О работе по перестройке быта. Постановление ЦК ВКП(б) // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986). Т. 5. 1929–1932. М., 1984. С. 118–119.

⁶¹⁵ Ларин Ю. (настоящие имя и фамилия — Михаил Залманович Лурье) (17.6.1882, Симферополь — 14.11.1932, Москва), партийный и государственный деятель. Сын мещанина. С 1900 участвовал в революционном движении в Одес-

се, где в 1901–1902 возглавлял социал-демократическую организацию<...> С 1917 — член Президиума ВСНХ РСФСР. В 1918–1919 — одновременно руководитель Комитета хозяйственной политики ВСНХ. В 1920–1921 — зам. пред. Высшего совета по перевозкам. По собственным воспоминаниям, был фактическим руководителем ВСНХ, «диктатором» и создателем советской экономики. Играл видную роль в руководстве финансами, руководил национализацией промышленности. Во время коллективизации ему было поручено руководство кампанией по созданию совхозов. Активный сторонник сверхцентрализации экономики <...> Автор большого числа работ по экономике, политике и т. д. Один из создателей Госплана, с нояб. 1921 член его Президиума (Залесский К. А. Империя Сталина. М., 2000. С. 416; Политбюро, Оргбюро, Секретариат ЦК. Справочник, М., 1990. С. 268).

⁶¹⁶ Революция и культура. № 7. 1930. С. 54–55.

⁶¹⁷ В частности, он разрабатывал и пытался реализовать проект переселения всех евреев Советского Союза в Крым для занятий сельским хозяйством. В северном Крыму две деревни даже были названы в честь Ларина — Ларино и Лариндорф.

⁶¹⁸ О работе по перестройке быта. Постановление ЦК ВКП(б). С. 118.

⁶¹⁹ Там же. С. 119.

⁶²⁰ Светлов Ф., Горный С. Социалистический город в бесклассовом обществе // Плановое хозяйство. 1934. № 2. С. 160.

⁶²¹ Герус Л. Ф. Социалистическая реконструкция городов. М., 1931. С. 27.

⁶²² Там же. С. 25–26.

⁶²³ Там же. С. 25.

⁶²⁴ Там же.

⁶²⁵ Бакунин А. В., Цибульников В. А. Градостроительство на Урале в период индустриализации. Свердловск, 1989. С. 34, 47.

⁶²⁶ Исаев В. И. Быт рабочих в Сибири 1926–1937 гг. Новосибирск: Наука, 1988. С. 47.

⁶²⁷ Там же. С. 48.

⁶²⁸ Исаев В. И. Быт рабочих в Сибири 1926–1937 гг. С. 47.

⁶²⁹ Итоги хозяйственного и культурного строительства Новосибирской области // Коммунист. 1936. № 13–14. С. 49.

⁶³⁰ Жизнь Сибири. 1928. № 8. С. 114.

⁶³¹ Исаев В. И. Указ. соч. С. 48.

⁶³² Там же. С. 49.

⁶³³ Волтерс Р. Указ. соч. С. 76–77.

⁶³⁴ Там же.

⁶³⁵ Эйнгорн А. Л. Указ. соч. С. 29.

⁶³⁶ Там же.

⁶³⁷ Там же. С. 33.

⁶³⁸ Там же. С. 29.

⁶³⁹ Там же. С. 33.

⁶⁴⁰ Там же. С. 34.

⁶⁴¹ Там же.

⁶⁴² Там же.

⁶⁴³ Государственная плановая комиссия при Совете Народных Комиссаров Союза ССР. Итоги выполнения первого пятилетнего плана развития народного хозяйства Союза ССР. М., 1933. С. 185.

⁶⁴⁴ ФУБР — Фонд улучшения быта рабочих.

⁶⁴⁵ Маршева Б., Окунева И. Женский труд в условиях социалистического строительства // Большевик. 1932. № 11–12. С. 118.

⁶⁴⁶ Там же.

⁶⁴⁷ Государственная плановая комиссия при Совете Народных Комиссаров Союза ССР. Итоги выполнения первого пятилетнего плана развития народного хозяйства Союза ССР. С. 185.

⁶⁴⁸ Маршева Б., Окунева И. Указ. соч. С. 118.

⁶⁴⁹ Исаев В. И. Указ. соч. С. 51.

⁶⁵⁰ Маршева Б., Окунева И. Указ. соч. С. 118.

⁶⁵¹ ГА РФ. Ф. А-314. Оп. 1. Д. 7667. Л. 216. Народный комиссариат коммунального хозяйства РСФСР (Наркомкоммунхоз). Материалы и дела по планировке городов и поселков. 1. Планировка городов. Дело о планировке г. Магнитогорска. Том. I. ноябрь 1930 — дек. 1932. СТО, Госплан СССР. Л. 69–86. Пояснительная записка к генеральному плану застройки гор. Магнитогорска от 29 мая 1932 г. Л. 69-об, 70.

⁶⁵² Маршева Б., Окунева И. Указ. соч. С. 119.

⁶⁵³ Там же.

⁶⁵⁴ Эйнгорн А. Л. Указ. соч. С. 34.

⁶⁵⁵ Там же.

⁶⁵⁶ Там же. С. 33.

⁶⁵⁷ Там же. С. 34.

⁶⁵⁸ Там же. С. 33.

⁶⁵⁹ Там же. С. 37.

⁶⁶⁰ Там же.

⁶⁶¹ Там же. С. 79.

⁶⁶² К контрольным цифрам строительства новых городов // Современная архитектура. 1930. № 4. Обложка.

⁶⁶³ Гуревич И. Строительство соцгородов // Наше строительство. 1932. № 21–22. С. 1010.

⁶⁶⁴ Ларин Ю. Коллективизация быта в существующих городах // Революция и культура. 1930. № 7. С. 60.

⁶⁶⁵ Там же. С. 61.

⁶⁶⁶ О работе по перестройке быта. С. 118.

⁶⁶⁷ О потребительских кооперативных организациях. Декрет СНК от 10 апреля 1918 г. // Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. М., 1967. Т. 1. С. 48–50.

⁶⁶⁸ Там же. С. 48–49.

⁶⁶⁹ Всем партийным организациям, всем членам партии. Обращение ЦК РКП(б) // Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. М., 1967. Т. 1. 1917–1926 гг. — 783 с., С. 106–107.

⁶⁷⁰ СУ РСФСР. 1919. № 28. Ст. 315 С. 221.

⁶⁷¹ Из программы Российской Коммунистической партии (большевиков), принятой VIII съездом РКП(б) от 22 марта 1919 г. // Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. М., 1967. Т. 1. С. 137–138.

⁶⁷² Осокина Е. А. За фасадом «сталинского изобилия»: Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации. 1927–1941. М., 1999. С. 100.

⁶⁷³ Паперный В. Культура «Два». М., 1996. С. 259.

⁶⁷⁴ Осокина Е. А. Указ соч. С. 100–101.

⁶⁷⁵ СУ РСФСР. 1921. № 26. Ст. 150. С. 151, 155. См. также декрет СНК от 7 июля 1921 г. «Об объединении распределения продуктов питания и предметов широкого потребления» (СУ РСФСР. 1921. № 53. Ст. 317).

⁶⁷⁶ Декреты СНК от 4 и 17 декабря 1920 г. «О бесплатном отпуске населению продовольственных продуктов и предметов широкого потребления»; декрет СНК «Об отмене платы за топливо с госучреждений и занятых в них рабочих», декрет СНК от 27 января 1921 г. «Об отмене платы за топливо с государственных учреждений и предприятий и занятых в них рабочих и служащих» (СУ РСФСР. 1921. № 6. Ст. 45), а также декрет СНК «О бесплатном отпуске фуражных продуктов» (Там же. № 12. Ст. 81), декрет СНК от 8 февраля 1921 г. «Об обеспечении продовольствием и предметами широкого потребления лечебных учреждений по охране материнства и младенчества, школ и детских учреждений» (Там же. № 18. Ст. 110) декрет СНК от 10 марта 1921 г. «Об организации питания сельских школах» (Там же. № 21. Ст. 129), декрет СНК от 22 февраля 1921 г. «О мерах к осуществлению коммунального питания детей» (Там же. № 19. Ст. 120).

⁶⁷⁷ Там же. № 62. Ст. 453.

⁶⁷⁸ О реорганизации потребительской кооперации на началах добровольного членства. Постановление ЦИК и СНК СССР от 23 декабря 1923 г. // Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. М., 1967. Т. 1. 1917–1926 гг. — 783 с., С. 385.

⁶⁷⁹ СУ РСФСР. 1921. № 59. ст. 394; Там же. № 76. Ст. 617.

⁶⁸⁰ Там же. № 62. ст. 453; Там же. № 67. Ст. 513.

⁶⁸¹ Никаноров. Город-коммуна при автозаводе // Строительство Москвы. 1930. № 1. С. 29.

⁶⁸² Ларин Ю. Коллективизация быта в существующих городах // Революция и культура. 1930. № 7. С. 56.

⁶⁸³ Там же.

⁶⁸⁴ СЗ СССР. 1933. № 18. Ст. 100. С. 199, 200.

⁶⁸⁵ Там же. 1934. № 9. Ст. 127. С. 128.

⁶⁸⁶ Там же. 1933. № 67. Ст. 374. С. 689.

⁶⁸⁷ О типе жилого дома. Постановление Президиума Московского городского исполнительного комитета и Московского совета РК и КД от 14 июля 1932 г. // Строительство Москвы. 1932. № 8–9. Обложка.

⁶⁸⁸ Там же.

⁶⁸⁹ СЗ СССР. 1933. № 71. Ст. 428.

⁶⁹⁰ Об отмене карточной системы по хлебу и некоторым другим продуктам. Резолюция пленума ЦК ВКП(б) от 20 ноября 1934 г. // Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. М., 1967. Т. 2. С. 506–509; Об отмене карточной системы по печеному хлебу, муке и крупе и системы отоваривания хлебом технических культур. Постановление СНК от 7 декабря 1934 г. // Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. М., 1967. Т. 2. С. 510–511.

⁶⁹¹ СЗ СССР. 1934. № 1. Ст. 10

⁶⁹² Там же. 1933. № 71. Ст. 428; Об улучшении жилищного строительства. Постановление СНК СССР от 23 апреля 1934 г. // Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. М., 1967. Т. 2. С. 472.

⁶⁹³ Об отмене карточной системы по печеному хлебу, муке и крупе и системы отоваривания хлебом технических культур. Постановление СНК от 7 декабря 1934 г. // Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. М., 1967. Т. 2. С. 511.

⁶⁹⁴ СЗ СССР. 1935. № 51. Ст. 421.

⁶⁹⁵ Там же. 1936. № 37. Ст. 326.

⁶⁹⁶ Колли Н. Я. Задачи советской архитектуры. Доклад на Первом Всесоюзном съезде советских архитекторов. Оргкомитет Союза советских архитекторов СССР. М., 1937. С. 17

⁶⁹⁷ О работе по перестройке быта. С. 118.

⁶⁹⁸ Строительство Москвы. № 5. 1930. С. 2.

⁶⁹⁹ Революция и культура. № 9/10. С. 10.

⁷⁰⁰ Там же. С. 11–13.

⁷⁰¹ Там же. С. 14.

⁷⁰² Там же. С. 119.

⁷⁰³ СЗ СССР. 1930. Отдел первый. № 37. Ст. 400.

⁷⁰⁴ Там же. № 42. Ст. 435.

⁷⁰⁵ Там же. С. 793. «К городам, выделяемым в самостоятельные административно-хозяйственные единицы, присоединяются прилегающие к ним сельские местности...» (Там же).

⁷⁰⁶ «...городские советы образуют секции по работе в деревне» (Там же. С. 794).

⁷⁰⁷ СУ РСФСР. 1930. Отдел первый. № 41. Ст. 493.

⁷⁰⁸ «Механическое присоединение сельских местностей, без учета этого условия не допустимо» (Там же. С. 614).

⁷⁰⁹ СУ РСФСР. 1930. Отдел первый. № 57. Ст. 683.

⁷¹⁰ Там же. С. 899.

⁷¹¹ Там же. № 51. Ст. 626.

⁷¹² Там же. С. 804.

В связи с этим обязать Московский облисполком при проработке контрольных цифр на 1931 г. пересмотреть перечень намеченных к постройке в г. Москве новых промышленных предприятий, с тем, чтобы эти предприятия строились за пределами гор. Москвы, в частности, в тех из бывших окружных городов Московской области, где имеется свободный жилой фонд и необходимые условия для развития соответствующего производства» (Там же).

⁷¹³ Позже эта же установка ляжет в основу создания теоретической модели «городов науки».

⁷¹⁴ Там же. С. 805.

⁷¹⁵ Там же.

⁷¹⁶ Там же.

⁷¹⁷ Там же. С. 804.

⁷¹⁸ Там же. С. 805.

⁷¹⁹ Там же.

⁷²⁰ Там же.

⁷²¹ Необходимость в создании единого общереспубликанского органа управления работами по организации коммунального хозяйства возводимых и существующих городов, зафиксирована в постановлении СНК от 9 августа 1930 г. «По докладу Наркомвнудела РСФСР о состоянии коммунального хозяйства и мерах к его улучшению» (СУ РСФСР. 1930. Отдел первый. № 37. Ст. 374).

Решение о реорганизации ГУКХ союзных республик (до этого выполнявших роль централизованного органа руководства жилищно-коммунальным делом) в наркоматы коммунального хозяйства союзных республик, а также установка на то, чтобы укрепить роль городского совета как «хозяина, отвечающего за все отрасли городского хозяйства», зафиксировано в Постановлении ВЦИК от 1 января 1931 г. «Положение о районных съездах советов и районных исполнительных комитетах» (Там же. 1931. № 11. Ст. 143.), а также Резолюции пленума ЦК ВКП(б) от 15 июня 1931 г. «О Московском городском хозяйстве и о развитии городского хозяйства в СССР»... С. 332.

⁷²² Об образовании Народного Комиссариата коммунального хозяйства РСФСР. Постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 20 августа 1931 г. // Жилищные законы. Систематический сборник важнейших действующих законов РСФСР и СССР, ведомственных циркуляров, инструкций и разъяснений наркоматов и Верховного суда и постановлений Моссовета. С хронологическим и алфавитно-предметным указателями / Сост. Бронштейн Н. И. М., 1935. С. 30.

⁷²³ Зеленко А. У. Проблема строительства социалистических городов // Строительство Москвы. 1932. № 1. С. 5.

⁷²⁴ СЗ СССР. 1931. № 69. Ст. 465.

⁷²⁵ Там же. С. 779.

⁷²⁶ Единые нормы строительного проектирования // Наше строительство. 1932. № 9. С. 405–406.

⁷²⁷ Там же. С. 406.

⁷²⁸ СУ РСФСР. 1932. Отдел первый. № 68. Ст. 305.

⁷²⁹ Там же. С. 406.

⁷³⁰ Там же.

⁷³¹ Там же.

⁷³² Там же.

⁷³³ Там же.

⁷³⁴ Там же. С. 408.

⁷³⁵ Там же. С. 406.

⁷³⁶ Там же. С. 408–409.

⁷³⁷ РГАЭ. Ф. 337. Оп. 1. Д. 6. 128 л. Постановления партии и правительства по вопросам архитектуры за 1932–1937 гг. Начато — 1932 г. Окончено — 1937 г. Л. 98.

⁷³⁸ Там же.

⁷³⁹ СЗ СССР. 1933. Отдел первый. № 41. Ст. 243.

⁷⁴⁰ Там же. С. 467.

⁷⁴¹ Там же.

⁷⁴² Там же. С. 466–467.

⁷⁴³ Там же. С. 468.

⁷⁴⁴ Там же.

⁷⁴⁵ Там же.

⁷⁴⁶ О работе по перестройке быта. С. 118–119.

⁷⁴⁷ СУ РСФСР. 1933. № 41. Ст. 243. С. 466.

⁷⁴⁸ Там же. С. 467.

⁷⁴⁹ Планировочные работы производятся на основе схем районной планировки (Собрание узаконений и распоряжений рабоче-крестьянского правительства РСФСР. 1932. Отдел первый. № 68. Ст. 305. Постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 1 августа 1932 г. «Об устройстве населенных мест РСФСР», С. 408–409).

⁷⁵⁰ Там же. С. 466.

⁷⁵¹ Светлов Ф., Горный С. Социалистический город в бесклассовом обществе // Плановое хозяйство. 1934. № 2. С. 163.

⁷⁵² Там же. С. 163–164.

⁷⁵³ СУ РСФСР. 1934. № 7. Ст. 45.

⁷⁵⁴ Постановление отменяло документ с аналогичным названием от 1 августа 1932 г.

⁷⁵⁵ В полном соответствии с содержанием концепции соцгорода, постановление предписывает «образование функциональных районов должно преследовать в первую очередь цели создания наиболее благоприятных условий для работы и деятельности производственных предприятий» (СУ РСФСР. 1934. № 7. С. 55).

Постановление, исходя из полного отсутствия индивидуального, и реальной степени развития общественного транспорта, оговаривает необходимость формирования наиболее короткой и удобной связи трудящихся с производством (Там же. С. 55).

⁷⁵⁶ Там же. С. 54–55.

⁷⁵⁷ Там же. С. 56–57.

⁷⁵⁸ Там же. С. 56.

⁷⁵⁹ Там же.

⁷⁶⁰ Там же. С. 57.

⁷⁶¹ РГАЭ. Ф. 337. Оп. 1. Д. 6. 128 л. Постановления партии и правительства по вопросам архитектуры за 1932–1937 гг. Начато — 1932 г., окончено — 1937 г. Л. 97.

Список сокращений

- АРУ — Объединение архитекторов-урбанистов
АСНОВА — Ассоциация новых архитекторов
БАМ — Байкало-амурская магистраль
БАМЛАГ — Байкало-Амурский исправительно-трудовой лагерь
ВАРНИТСО — Всесоюзная ассоциация работников науки и техники содействия социалистическому строительству
ВАТО — Всесоюзное автотракторное объединение
ВОПРА — Всесоюзное объединение пролетарских архитекторов
ВСНХ — Высший совет народного хозяйства
ВУЗСТРОЙПРОЕКТ — Всесоюзный государственный трест по проектированию высших и средних учебных заведений, научно-исследовательских институтов и школ ФЗУ НКТП СССР
ВЦИК — Всероссийский центральный исполнительный комитет
ВЦСПС — Всесоюзный центральный совет профессиональных союзов
ГА РФ — Государственный архив Российской Федерации (Москва)
ГАСО — Государственный архив Свердловской области (Екатеринбург)
ГИПРОГОР — Государственный институт съемки и планировки городов и проектирования гражданских сооружений
ГИПРОГРАД — Государственный институт планировки городов УССР
ГИПРОМЕЗ — Государственный институт по проектированию металлургических заводов ВСНХ СССР
ГИПРОМАШ — Государственный институт по проектированию заводов машиностроения и металлообработки ВСНХ СССР
ГИПРОРУДА — Государственный институт проектирования рудничных и шахтовых сооружений ВСНХ СССР
ГОСПЛАН — Государственная комиссия СССР по планированию при Совете труда и обороны СССР
ГОСПРОЕКТ — Государственная техническая контора по проектированию новых фабрик и заводов
ГОРСТРОЙПРОЕКТ — Государственный институт по проектированию городов ВСНХ СССР
ГУКХ НКВД — Главное управление коммунального хозяйства Народного комиссариата внутренних дел
ГУЛАГ — Главное управление лагерей
ИНОРС — Иностранные работники и специалисты
МАО — Московское архитектурное общество

НКВД — (Наркомвнудел) Народный комиссариат внутренних дел
НКЗ — (Наркомздрав) Народный комиссариат здравоохранения
НКЗем — (Наркомзем) Народный комиссариат земледелия
НККХ — (Наркоммунхоз) Народный комиссариат коммунального хозяйства

НКПС — (Наркомпуть) Народный комиссариат путей сообщения
НКТ — (Наркомтруд) Народный комиссариат труда
НКТП — (Наркомтяжпром) Народный комиссариат тяжелой промышленности

НКЮ — (Наркомюст) Народный комиссариат юстиции
НЭП — Новая экономическая политика
ОГАЧО — Объединенный государственный архив Челябинской области (Челябинск)

ОГПУ — Объединенное государственное политическое управление при СНК СССР

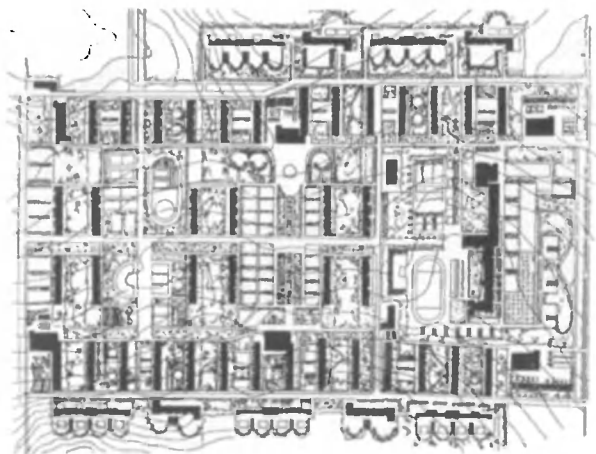
ОСА — Объединение современных архитекторов
ОФ ГАОО — Орский филиал Государственного архива Оренбургской области (Орск)

РГАЭ — Российский государственный архив экономики (Москва)
РКП(б) — Российская коммунистическая партия (большевиков)
РСФСР — Российская советская федеративная социалистическая республика

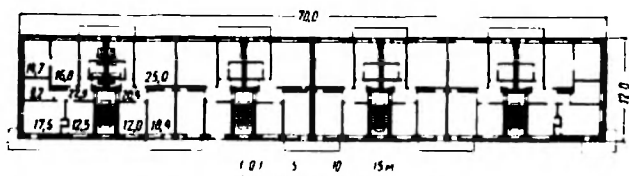
САСС — Сектор архитекторов социалистического строительства
СНК — Совет народных комиссаров
СЗ — Свод законов
СССР — Союз Советских Социалистических Республик
СТАНДАРТГОРПРОЕКТ — Государственный институт по проектированию городов ВСНХ СССР

СТО — Совет труда и обороны
СУ — Статистическое управление
ФЗУ — Фабрично-заводское училище
ФУБР — Фонд улучшения быта рабочих
ЦИК — Центральный исполнительный комитет
ЦК ВКП(б) — Центральный комитет Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков)

ЭКОСО — Экономический совет при СНК СССР

Магнитогорск. Генплан квартала № 1 соцгорода. Проект. Арх. Э. Май и др.
 Источник: Казаринова В. И., Павличенков В. И. Магнитогорск. М., 1961. С. 82

Магнитогорск. План типового этажа жилого дома центральной зоны квартала № 1 соцгорода (тип Госпроекта).
 Источник: Казаринова В. И., Павличенков В. И. Магнитогорск. М., 1961. С. 151

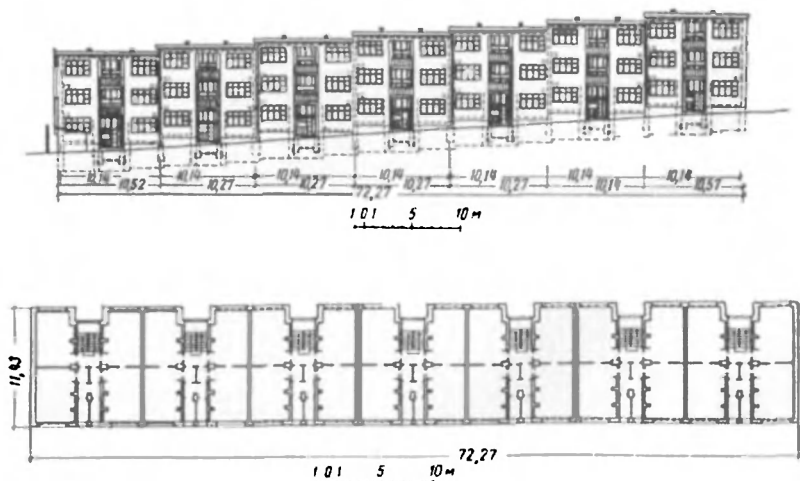

Магнитогорск. Панорама квартала № 1 и фрагмента строящегося квартала № 2 соцгорода. Арх. Э. Май и др.
 Источник: архив Краеведческого музея г. Магнитогорска

Магнитогорск. Жилой дом центральной зоны квартала № 1 соцгорода (ул. Пионерская, 29). Госпроект.

Источник: Фото Е. В. Коньшиевой, 2008 г.

Магнитогорск. Фасад и план «илового этажа» жилого дома боковой зоны квартала № 1 соцгорода.

Источник: Казаринова В. И., Павличенков В. И. Магнитогорск. М., 1961. С. 152

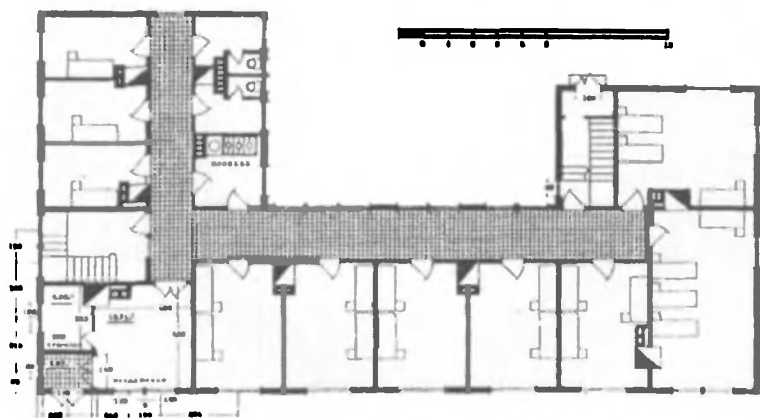
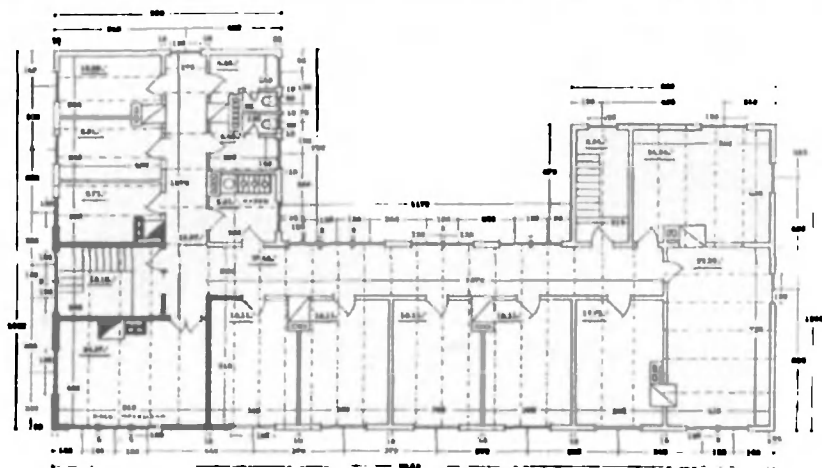
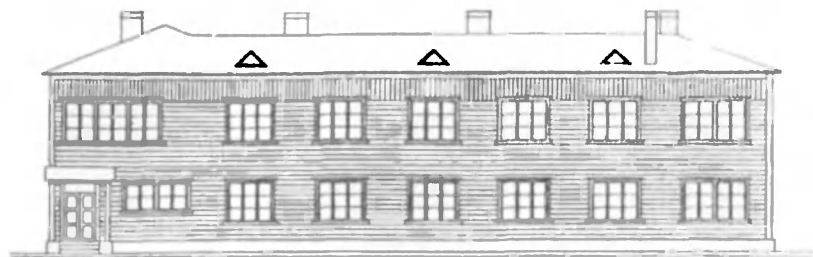

Челябинск. Секционный жилой дом в микрорайоне соцгорода ЧТЗ. 1931 1933.
 Источник: Фото Е. В. Коньшиевой, 2010 г.

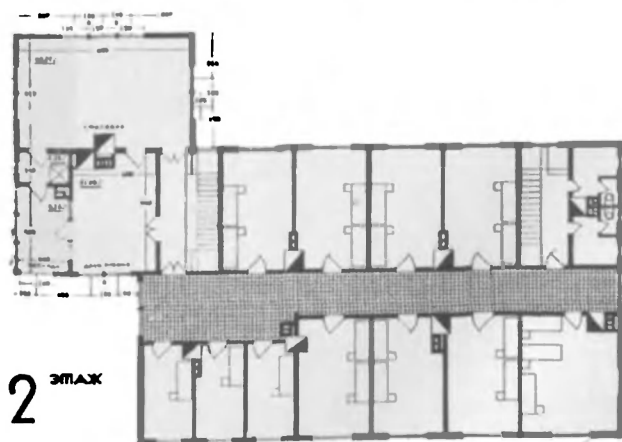
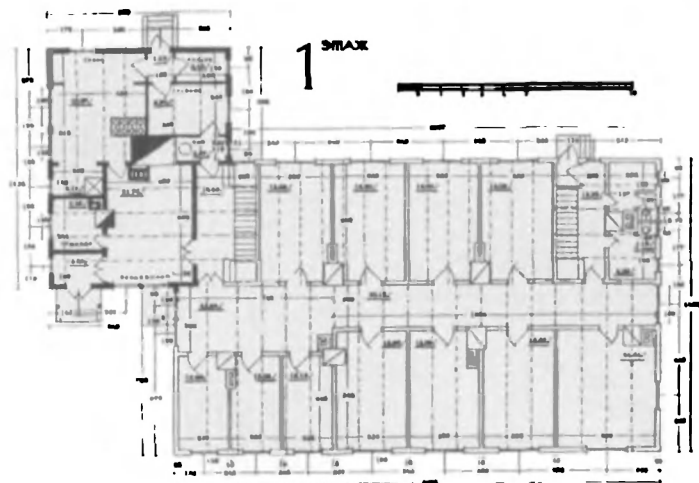
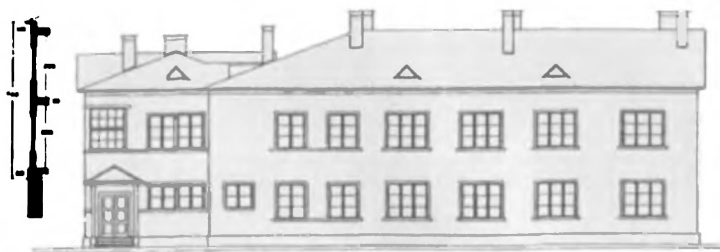

Челябинск. Жилой дом ИНОРСа в соцгороде ЧТЗ.
 Источник: Фото Е. В. Коньшиевой, 2010 г.

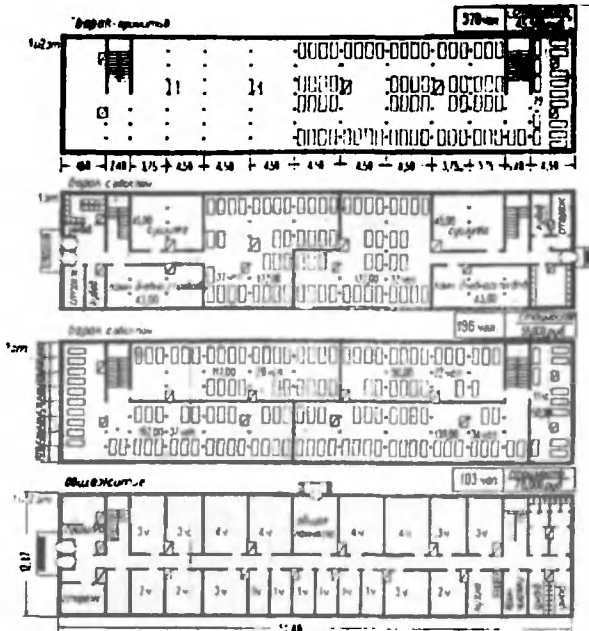
План типового этажа. Источник: Коньшева Е. В. Градостроительство и архитектура Челябинска конца 1920-1950-х гг. в контексте развития советского зодчества. Челябинск, 2005

Общежитие (2-х этажное, деревянное) на 40 человек. Проект. 1929 г.
 Источник: Проекты рабочих жилищ. Центральный банк коммунального хозяйства и жилищного строительства. М. 1929. С. 191

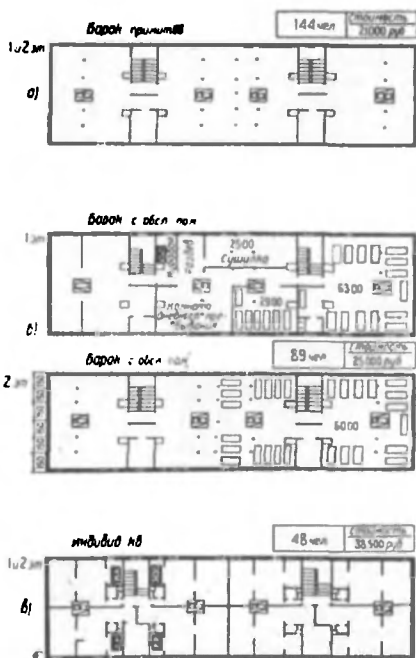

Общежитие (2-х этажное, кащинное) на 40 человек. Проект. 1929 г.
 Источник: Проекты рабочих жилищ. Центральный банк коммунального
 хозяйства и жилищного строительства. М. 1929. С. 193

Горбушин Б. П.
«Растущий город».
Общешитие РК-2.
Планировочная
эволюция. План.
1934 г.

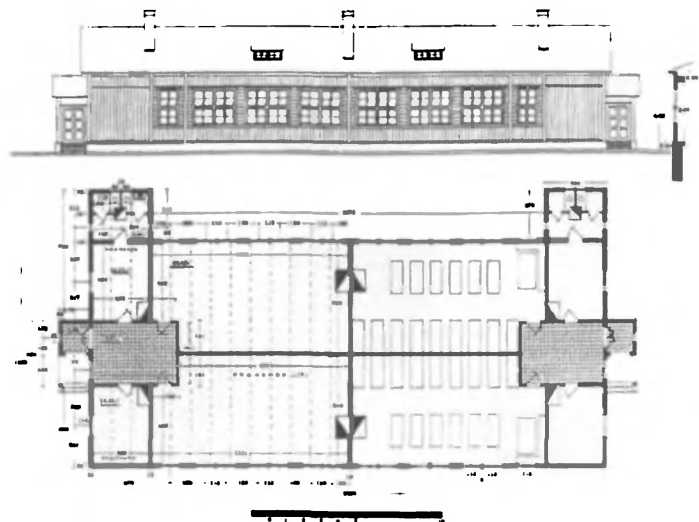
Источник:
Горбушин Б. П.
Растущий город //
Планировка и
строительство
городов. 1934.
№3. С. 17

Горбушин Б. П.
«Растущий город».
Двухсекционный
16-квартирный дом
РК-2. Планировочная
эволюция. План. 1934 г.

Источник:
Горбушин Б. П.
Растущий город //
Планировка и
строительство городов.
1934. МЗ. С. 17

Двухсекционный 16-квартирный дом РК-2
«-Кубатура - 1980, площадь - 410, трудоемкость - 410. Сред. обсерв. - 25
«-Кубатура - 1980, площадь - 410, трудоемкость - 410. Сред. обсерв. - 25
«-Кубатура - 1980, площадь - 410, трудоемкость - 410. Сред. обсерв. - 25
«-Кубатура - 1980, площадь - 410, трудоемкость - 410. Сред. обсерв. - 25

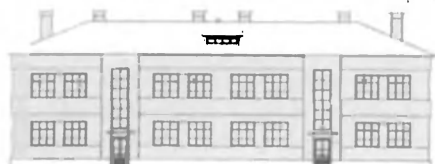
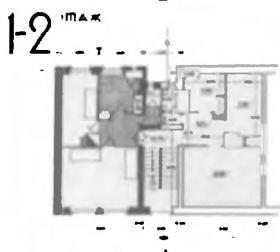
Барак (одноэтажный, деревянный) на 50 человек со столовой. Проект. 1929 г.
 Источник: Проекты рабочих жилищ. Центральный банк коммунального хозяйства и жилищного строительства. М. 1929. С. 203

Барак (одноэтажный, деревянный) на 50 человек со столовой. Проект. 1929 г.
 Источник: Проекты рабочих жилищ. Центральный банк коммунального хозяйства и жилищного строительства. М. 1929. С. 203

2-й этаж 28 кв.
2-й этаж 28 кв.

Секционный
двухэтажный
деревянный жилой
дом, рассчитанный
на покомнатно-
носемейное заселение,
рекомендуемый
для массового
строительства. 1929 г.
Источник: Проекты
рабочих жилищ.
Центральный банк
коммунального
хозяйства и жилищного
строительства.
М. 1929. С. 127

1 этаж

КВАРТИРЫ
1-я 15 кв.
2-я 17 кв.
3-я 23 кв.

Секционный
3-4-х этажный
каменный жилой
дом, рассчитанный
на покомнатно-
посемейное заселение,
рекомендуемый
для массового
строительства. 1929 г.

Источник: Проекты
рабочих жилищ.
Центральный банк
коммунального
хозяйства и
жилищного
строительства.
М. 1929. С. 23

2-4
этажи

Магнитогорск. Палаточный лагерь.
 Источник:// USSR in war. 1932. № 1

Магнитогорск. Землянка.
 Источник: Архив Краеведческого музея г. Магнитогорска

Кузнецкстрой.

Источник: Кузнецкий металлургический комбинат им. И. В. Сталина (1929-1945) URL: http://community.livejournal.com/su_industria/58586.html

Кузнецкстрой. Деревянные бараки.

Источник: предоставлено И. В. Захаровой

Кузнецкстрой. Летний барак. 1929 год.

Источник: Кузнецкий металлургический комбинат им. И. В. Сталина (1929-1945). URL: http://community.livejournal.com/su_industria/58586.html

Кузнецкстрой. Засыпные бараки.

Источник: предоставлено И. В. Захаровой

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие.....	5
«Разрешите встать в строй, гражданин начальник?» — принудительность организации жизни и деятельности	19
«Урбанизм, или дезурбанизм» — дискуссия о социалистическом расселении	42
«С математической точностью» — расчет потребной численности жителей соцгорода.....	58
«Кочевники поневоле» — насильственное комплектование населения соцгородов.....	74
«Та заводская проходная» — выбор территории для размещения социалистического города и принципы его организации.	100
«Мы наш, мы новый мир построим...» — планировочная структура поселений нового типа.....	119
«От бараков — к... баракам» — типология массового жилища соцгородов-новостроек.....	162
«Прыжок в социализм» — обобществление быта	185
«После урезонивания» — законодательное воплощение концепции соцрасселения.....	212
Заключение	226
Примечания	232

Научное издание

История сталинизма

**Меёрович М. Г., Коньшева Е. В.,
Хмельницкий Д. С.**

**КЛАДБИЩЕ СОЦГОРОДОВ:
ГРАДОСТРОИТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА В СССР
(1928–1932 гг.)**

Редактор *Г. Л. Бондарева*

Художественный редактор *А. К. Сорокин*

Художественное оформление *П. П. Ефремов*

Технический редактор *М. М. Ветрова*

Выпускающий редактор *И. В. Киселева*

Компьютерная верстка *Е. Н. Мартемьянова*

Л. Р. № 066009 от 22.07.1998. Подписано в печать 29.12.2010.

Формат 60х90/16. Бумага офсетная № 1. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 17. Тираж 1500 экз. Заказ №10139.

Издательство «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН)
117393 Москва, ул. Профсоюзная, д. 82. Тел.: 334-81-87 (дирекция);
Тел./Факс: 334-82-42 (отдел реализации)

Отпечатано с готовых файлов заказчика в ОАО «ИПК
«Ульяновский Дом печати», 432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

Кладбище соцгородов: градостроительная политика в СССР 1928–1932 гг.

Конышева Евгения Владимировна —

родилась в 1969 г. в Ленинграде. Окончила исторический факультет Челябинского государственного педагогического института и факультет теории и истории искусства С.-Петербургского государственного академического института живописи, скульптуры и архитектуры им. И. Е. Репина. Кандидат искусствоведения.

Доцент кафедры искусствоведения и культурологии Южно-Уральского государственного университета (Челябинск). Научные интересы связаны с региональной историей архитектуры, является автором многочисленных научных публикации по данной проблематике, в том числе монографии «Градостроительство и архитектура Челябинска конца 1920–1950-х гг. в контексте развития советского зодчества» (2005).

Меерович Марк Григорьевич —

родился в 1958 в г. Иркутске. Окончил Иркутский политехнический институт (ныне Иркутский государственный технический университет), на Архитектурном факультете которого преподает уже более четверти века. Закончил аспирантуру Московского архитектурного института.

Кандидат архитектуры. Директор исторических наук, профессор. Автор более 300 статей и полутора десятков монографий, посвященных советской градостроительной и жилищной политике, государственной организации профессии архитектора в СССР и т.п. Член Союза Архитекторов России и Союза Дизайнеров России, член-корреспондент Российской академии архитектуры и строительных наук, член-корреспондент Международной Академии Архитектуры (Москва).

Дмитрий Сергеевич Хмельницкий —

родился в 1953 г. в г. Москва. В 1977 г. окончил архитектурный факультет института живописи, скульптуры и архитектуры в Ленинграде.

В 1987 г. эмигрировал в Германию. Живет в Берлине. Работал архитектором в СССР и в Германии. В 2003 г. защитил в Техническом университете Берлина диссертацию на тему «Архитектура Сталина». Основные темы исследований и публикации — история советской архитектуры, политическая и военная история СССР, социальные проблемы постсоветского общества.

Автор книг «Архитектура Сталина. Психология и стиль» (2007), «Зодчий Сталин» (2007).

